

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
«Этносоциум»

МИССИЯ КОНФЕССИЙ

Том 14. Часть 8

(№89)

Зарегистрирован в 2010 году

Издание входит в перечень ВАК РФ,
РИНЦ, МИНЦ и НЭБ

Москва 2025

Журнал «Миссия конфессий» - социально значимый проект.

**Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.**

Рецензионный совет издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений Российской Федерации.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Миссия Конфессий» обязательна.

Рукописи рецензируются.

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта «Миссия конфессий перед
лицом глобальных угроз».**

ISSN 2499-9423

8 номеров в год

E-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://confessions-word.ru>

Язык: русский, английский, китайский.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x84/8. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 19,5

Главный редактор

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., доктор философских наук, член Союза писателей России.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Абдулатипов Р.Г., доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации. Директор Центра научно-методического обеспечения государственной культурной политики и традиционных ценностей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия».

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Вань Хайянь, кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующего Центра по изучению ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор БГТУ.

Забулионите К.И., доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологи-

ческого симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Комлева В.В., доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Пономарева Г.М., доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пузько В.С., доктор философских наук, профессор.

Себастьян Хоппе, Научный сотрудник. Институт восточноевропейских исследований, факультет политики / международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Ултургашева Н.Д., доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, профессор, член философского общества, Университета путей сообщения имени императора Александра I.

Чжан Вэй, КНР.

Scientific and socio-political journal
International Publishing Center
«Etnosocium»

Mission confessions

Volume 14. Issue 8

(№89)

Founded in 2010

The publication is included in the list of HAC RF,
RSCI, NEL and ISCI

Moscow 2025

The Mission of Confessions Journal is a socially significant project. The mission of the journal is the consolidation of progressive forces, constructive ideas of all faiths in the face of global threats.

With the support of the Plenipotentiary
of the RF President in the Central Federal District

The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

International Publishing House «Etnosocium» and “Mission confessions” Journal abides by standards of editorial ethics and is making efforts not to allow their violation.

The journal “Mission confessions” is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“Mission confessions” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

**Special thanks to the outstanding scientists
and public figures who have contributed financially in support
of the project “Mission of confessions in the face of global threats”.**

ISSN 2499-9423

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://confessions-word.ru>

Languages: Russian, English, Chinese.

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x84/8

Copies: 500

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

Chairman of the Editorial Board

Zyazikov M.M., Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers' Union of Russia.

Editorial Board

Abdulatipov R.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. Director of the Center for Scientific and Methodological Support of State Cultural Policy and Traditional Values of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, researcher of the VUNC of the "Naval Academy".

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Chjan Vei, People's Republic of China.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The BSTU.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor, Member of the Philosophical Society, Alexander I-st University of Communications.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Komleva V.V., Doctor of Sociology, PhD in Philosophy, Pro-

fessor, Head of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Ponomareva G.M., Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Sebastian Hoppe, Research Associate. Institute for East European Studies, Department of Politics / International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

Хитарова И.Ю., Фирсов А.Г. К вопросу о систематизации изображений православных святых в иконостасах Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге.....	14
Зверков Н.В., Мочалов Е.В. Религия в легитимации экстремизма.....	18
Хитарова И.Ю., Фирсов А.Г. Образ Сампсония странноприимца и почитание победы в полтавской баталии (к вопросу об изучении икон Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге).....	25

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ардашев Р.Г. Культурная агрессия в социальном пространстве.....	30
Орлова Е.М. Визуальные искусства в итальянских карнавалах и их взаимосвязь.....	36
Избачков Ю.С. Архивно-следственные дела А.В. Барченко и Г.И. Бокия как источник сведений о «Едином Трудовом Братстве».....	47
Ланбина С.К. Развитие стиля Fine Line татуировки как культурного явления нового поколения.....	59
Ли Сяоя, Чжан Хунвэй Феномен культурной гибридизации в российско-китайском музыкальном пространстве: механизмы, формы, смыслы.....	67
Микэбанун Айкэламу Исследование фильма «Радости базара» с точки зрения общности китайской нации.....	75
Хромов С.С. Использование пластических методов в формировании художественного образа городской среды.....	83

СОЦИОЛОГИЯ

Бахарев В.В., Авилова Ж.Н., Хорошун Н.А. Развитие адаптационной кадровой стратегии субъектов малого и среднего бизнеса в условиях неопределенной среды.....	92
Кантемирова М.А., Коблова А.С., Кабалоева С.В. Старшее поколение на Кавказе: современная ситуация в контексте здоровья и государственной поддержки.....	105
Жукова Т.И. Цифровизация как фактор трансформации социального капитала: алгоритмические механизмы формирования социальных связей.....	113
Земцова О.А. Молодежь как социальная группа риска в условиях современных трансформационных процессов.....	125
Филькина О.Ю., Теняева О.В. Значение современного музея в формировании ценностей современной молодежи.....	132
Мальцева И.В., Терновая Л.О. Йога как философия гармонии и цивилизационный мост.....	139

Королёв В.Б., Королёва Е.В., Гагалова Ю.А., Яблонская С.Ю.	
Социальная политика государства в решении проблемы бездомности в России: вызовы, перспективы и рекомендации.....	147
Разгуляева Т.А. Модель управления как фактор развития цифрового лидерства в системе государственного управления.....	152
Таганов М.В. Социальная ответственность организаций в эпоху устойчивого развития.....	158
Уржумова О.М., Тихомирова П.Р., Атласова В.А.	
Организационная культура как фактор успешного внедрения систем электронного документооборота в государственном секторе.....	161
Тюнь А.П. Отношение к полиции в российском обществе как условие формирования профессионального сознания сотрудников органов внутренних дел (на материалах анкетирования).....	170
Филькина О.Ю. Влияния блогинга на формирование мнения молодёжи в отношении инвазивных эстетико-коррекционных процедур...	181
Чэнь Тэнда Рефлексия моделей пространственного управления: историческая эволюция, практические дилеммы и институциональные инновации.....	188
Жукова Т.И. Влияние цифровых платформ коммуникации на трансформацию социальных связей в современном обществе.....	198

ФИЛОСОФИЯ

Иткулова Л.А., Шаяхметова Р.Р. Этническое мировоззрение в контексте исторической памяти и коллективной идентичности.....	210
Дадашев А.А., Пак Л.Е. Социально-утопические идеи в произведениях азербайджанских поэтов-мыслителей Низами и Насими...	219
Муталимов А.Э. Социально-философский смысл возникновения языка как знаковая система.....	225
Цзинвэй Ли, Ли Тяньюй Построение системы оценки просоциального поведения студентов колледжа с точки зрения детерминизма взаимодействия.....	233
Рябчун Н.П. Творчество Даши Намдакова и тема номадологии в философии постмодернизма.....	243
Никулин В.А. Философские основания синтеза исторической памяти и национальной идеи: основные характеристики.....	249
Красников С.П. Проблема исторической памяти в эпоху цифровизации: трансформация коллективного понимания прошлого.....	255
Фидарова К.К., Калабекова С.В., Габуева М.И. Нейроэтика: на стыке нейронаук, медицины, философии и права в эпоху раскрытия тайн мозга...	262
Жданов Д.В. Всеединство в онтогносеологии С.Л. Франка.....	270
Иванова М.Ю. Концептуальные рамки эволюции правовой системы общества.....	277
Аннотации	282
Авторы	307

CONTENT

RELIGION AND SOCIETY

- Khitarova I.Yu., Firsov A.G.** On the issue of systematization of images of Orthodox saints in the iconostases of St. Sampson Cathedral in St. Petersburg...14
- Zverkov N.V., Mochalov E.V.** Religion in the legitimation of extremism.....18
- Khitarova I.Yu., Firsov A.G.** The image of St. Sampson the Hospitable and the veneration of victory in the Battle of Poltava (on the issue of studying the icons of St. Sampson's Cathedral in St. Petersburg).....25

CULTURAL STUDIES

- Ardashev R.G.** Cultural aggression in social space.....30
- Orlova E.M.** Visual arts in Italian carnivals and their interrelationship.....36
- Izbachkov I.S.** Archival and investigative files of A.V. Barchenko and G.I. Bokiy as a source of information about the «United Labor Brotherhood».....47
- Lanbina S.K.** The development of Fine Line tattoo style as a cultural phenomenon of a new generation.....59
- Li Xiaoxia, Zhang Hongwei** The phenomenon of cultural hybridization in the Russian-Chinese musical space: mechanisms, forms, and meanings.....67
- Mikebanong Aikelamu** An examination of the film «The Joys of the Bazaar» from the perspective of the Chinese nation's community.....75
- Khromov S.S.** Plastic ways of revealing an urban artistic image.....83

SOCIOLOGY

- Bakharev V.V., Avilova Zh.N., Khoroshun N.A.**
Development of adaptive hr strategy of small and medium-sized businesses in an uncertain environment.....92
- Kantemirova M.A., Koblova A.S., Kabaloeva S.V.** The older generation in the Caucasus: the current situation in terms of health and state support.....105
- Zhukova T.I.** Digitalization as a factor of the social capital transformation: algorithmic mechanisms for the social connections formation.....113
- Zemtsova O.A.** Youth as a social risk group in the context of modern transformation processes.....125
- Filkina O.Y., Tenyaeva O.V.** The importance of a modern museum in shaping the values of modern youth.....132
- Maltseva I.V., Ternovaya L.O.**
Yoga as a philosophy of harmony and a bridge of civilizations.....139
- Korolev V.B., Koroleva E.V., Gagalova Yu.A., Yablonskaya S.Yu.**
State Social policy in addressing homelessness in Russia: challenges, prospects, and recommendations.....147
- Razgulyaeva T.A.** The management model as a development factor for digital leadership in the public administration system.....152

<i>Taganov M.V.</i> Social responsibility of organizations in the era of sustainable development.....	158
<i>Urzhumova O.M., Tikhomirova P.R., Atlasova V.A.</i> Organizational culture as a factor of successful implementation of electronic document management systems in the public sector.....	161
<i>Tyun A.P.</i> The attitude towards the police in Russian society as a condition for the formation of professional consciousness of law enforcement officers (based on the survey materials).....	170
<i>Filkina O.Y.</i> The impact of blogging on the formation of youth opinions about invasive aesthetic correction procedures.....	181
<i>Chen Tengda</i> Reflection on models of spatial governance: historical evolution, practical dilemmas, and institutional innovation.....	188
<i>Zhukova T.I.</i> The Impact of digital communication platforms on the transformation of social relations in modern society.....	198

PHILOSOPHY

<i>Itkulova L.A., Shayakmetova R.R.</i> Ethnic worldview in the context of historical memory and collective identity.....	210
<i>Dadashev A.A., Pak L.E.</i> Social-utopian ideas in the works of Azerbaijani poets and thinkers Nizami and Nasimi.....	219
<i>Mutalimov A.E.</i> The socio-philosophical meaning of the emergence of language as a sign system.....	225
<i>Jingwei Li, Li Tianyu</i> Construction of a prosocial behavior evaluation system for college students from the perspective of inter interaction determinism.....	233
<i>Ryabchun N.P.</i> The work of Dashi Namdakov and the theme of nomadology in the philosophy of postmodernism.....	243
<i>Nikulin V.A.</i> Philosophical foundations for the synthesis of historical memory and national idea: key characteristics.....	249
<i>Krasnikov S.P.</i> The problem of historical memory in the age of digitalization: transforming the collective understanding of the past.....	255
<i>Fidarova K.K., Kalabekova S.V., Gabuyeva M.I.</i> Neuroethics: at the intersection of neuroscience, medicine, philosophy, and law in the era of uncovering the secrets of the brain.....	262
<i>Zhdanov D.V.</i> All-unity in S.L. Frank's ontognoseology.....	270
<i>Ivanova M.Y.</i> The conceptual framework of the evolution of the legal system of society.....	277
Abstracts	295
Authors	310

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

RELIGION AND SOCIETY

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Журнал «Миссия конфессий»
продолжает серию публикаций в рамках
информационно-просветительского проекта
**«Наука и религия:
научно-конфессиональное
сотрудничество».**

Приглашаем к публикации
материалов исследований
по диалогу всех конфессий.

Хитарова И.Ю.

Доктор философских наук, профессор. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Фирсов А.Г.

Кандидат исторических наук, доцент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

К вопросу о систематизации изображений православных святых в иконостасах Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге*

Аннотация. Статья посвящена анализу и систематизации православных икон в алтарях Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге, православный иконостас, Иконостас Сампсониевского собора, изображения православных святых в Сампсониевском соборе, православные иконы.

Khitarova I.Yu.

Doctor of Philosophy, Professor. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University".

Firsov A.G.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University".

On the issue of systematization of images of Orthodox saints in the iconostases of St. Sampson Cathedral in St. Petersburg

Abstract. The article is devoted to the analysis and systematization of Orthodox icons in the altars of the Sampson Cathedral in St. Petersburg.

Key words: St. Sampsonievsky Cathedral in Saint Petersburg, Orthodox iconostasis, Iconostasis of St. Sampsonievsky Cathedral, images of Orthodox saints in St. Sampsonievsky Cathedral, Orthodox icons.

Введение

Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге является одним из уникаль-

нейших памятников культуры. Он значительно менее известен чем, например, Собор святых апостолов Пе-

* © Хитарова И.Ю., Фирсов А.Г., 2025.

К вопросу о систематизации изображений православных святых в иконостасах Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге

тра и Павла, хотя был основан в те же годы, что и Собор в Петропавловской крепости.

Появление Сампсониевского собора имеет непосредственное отношение к победе в Полтавской баталии. 27 июня 1709 года в честь этого события была построена деревянная Сампсониевская церковь. Освятили ее в честь Сампсона Странноприимца, поскольку день, когда почитают этого святого, был днем победы для русских войск под Полтавой [9].

Позже было решено перестроить деревянную церковь в каменный собор. История строительства была достаточно долгой из-за нехватки средств. Фактически с 1728 по 1740 в соборе продолжалась строительные работы. В соборе находится много уникальных икон, изучение которых представляет большой интерес для специалистов разных отраслей знаний.

Обсуждение

В Сампсониевском соборе находятся три иконостаса. Главный иконостас занимает всю восточную стену храма, в соответствии с православной традицией. В иконостасе пять ярусов. Изготовлен иконостас из сосны. Фон иконостаса окрашен под цвет уральского змеевика, декоративная резьба покрыта позолотой. В главном иконостасе находится 48 икон.

Северный придел храма украшает иконостас Иоанна Богослова, выполненный в стиле рококо. В южном приделе находится иконостас Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил Бесплотных. В этих иконостасах находится 18 и 22 иконы соответственно.

Изображения святых были квалифицированы нами по принадлежности к апостолам, пророкам, и т.п. Затем каждая из этих групп была рассмотрена

отдельно, в соответствии с православной традиции их описания изображения.

Первую большую группу икон составили иконы, с изображениями апостолов. Апостолами в христианской традиции называют учеников и последователей Иисуса Христа. В узком смысле термин апостол употребляется для обозначения двенадцати непосредственных учеников Христа в более широком - семидесяти его ближайших сподвижников.

Иисус Христос избирал апостолов дважды. Первый раз он избрал двенадцать апостолов: Симона, Петра, Андрея, Иоанна и Иакова Зеведеевых, Филиппа, Варфоломея, Матфея, Фому, Иакова Алфеева, Кананита-Зилота, Иуду Иаковлева (или Фаддея) и Иуду Искариота. После предательства и гибели Иуды Искариота, апостолы избрали Матфея, чтобы восполнить свое число до двенадцати.

Второй раз Иисус Христос избрал семьдесят апостолов. К семидесяти апостолам предание относит евангелистов Марка и Луку, а также Павла, который во времена земной жизни Иисуса Христа не принадлежал к числу его учеников.

Следует отметить, что иногда апостолами также называют и других святых, например, Стефана. В Сампсониевском соборе имеются изображения следующих апостолов: Андрея, Варфоломея, Иакова, Иакова Алфеева, Иоанна, Иоанна Богослова, Луки, Марка, Матфея, Павла, Петра, Симона Стефана, Фомы.

Т.е. в Сампсониевском соборе есть изображения большинства «изначально избранных» апостолов (кроме апостола Филиппа), а также изображения апостолов Павла и Луки и изображение «приравненного к апостолам» Стефана.

Самое распространенное изображение - Иоанна Богослова - встречается четыре раза. А, например, изображение Иакова Алфеева - только 1 раз. Большинство святых изображены дважды - в главном иконостасе и одном из боковых.

Изображения большинства апостолов традиционны. В иконописи апостолов традиционно изображают со свитками или книгой в форме кодекса, с нимбами вокруг голов; одежды апостолов - хитон и гиматий.

Следующая группа икон, это иконы с изображениями Святых пророков.

Святые пророки в православии - это люди, которые по внушению Святого Духа предсказывали о грядущих событиях, в особенности об обетованном Мессии. В иконографии пророков обязательно присутствует изображение нимба, как символа святости и особого избранничества Божия; на головах - пророческие шапочки.

Традиционно библейских пророков условно делят на две части: Великие пророки: Исайя (библейская книга, подписанная его именем, состоит из произведений, живших в разное время двух, а возможно, и трёх авторов), Иеремия, Даниил и Иезекииль; Малые пророки: Иоиль, Иона, Амос, Осия, Михей, Наум, Софония, Аввакум, Авдий, Аггей, Захария, Малахия.

В иконостасах Сампсониевского собора изображены следующие пророки:

- пророк Аарон. Икона «Пророки Соломон и Аарон» в главном иконостасе;

- пророк Давид. Икона «Пророки Илия и Давид» в главном иконостасе. (Икона «Пророк Давид» в иконостасе северного придела во имя Иоанна Богослова);

- пророк Захария. Икона «Пророк Захария» в главном иконостасе;

- пророк Иеремия. Икона «Пророки Иеремия и Иона» в главном иконостасе;

- пророк Илия. Икона «Пророки Илия и Давид» в главном иконостасе;

- пророк Иона. Икона «Пророки Иеремия и Иона» в главном иконостасе;

- пророк Исайя. Икона «Пророки Моисей и Исайя» в главном иконостасе;

- пророк Мельхиседек. Икона «Пророк Мельхиседек» в главном иконостасе;

- пророк Моисей. Икона «Пророки Моисей и Исайя» в главном иконостасе;

- пророк Соломон. Икона «Пророки Соломон и Аарон» в главном иконостасе.

Икона «Пророк Соломон» в иконостасе северного придела во имя Иоанна Богослова. Таким образом большинство пророков изображено один раз, и только двое - пророки Давид и Соломон - дважды.

Третья группа икон Сампсониевского собора изображает святых. Святой в православии означает «канонизированный церковью, являющий собой образец добродетели и пребывающий по учению Церкви после его кончины на небесах и молящийся перед Богом за членов церкви, еще живущих на земле». Особое значение среди этих икон для нас безусловно имеет икона Святого Сампсония Странноприимца.

На иконе святой изображен с писанием в одной руке. Вторая рука - благословляет верующих. Над ним в облаках видна фигура Иисуса Христа, благословляющая святого.

По преданию, Свято Сампсоний получил медицинское образование и стал лекарем. Получив хорошее наследство помогал страждущим бесплатно, раздавал милостыню. Переехав в Константинополь вылечил самого императора Юстиниана. В качестве благодарности за это, император помог отстроить

странноприимный дом и больницу. Умер Сампсоний глубоким старцем.

Основные результаты

В Сампсониевском соборе сохранилась большая часть образов, датированных 1720 - 1760 годами, что дает уникальный материал для исследования. Изучив иконы, находящуюся в иконостасах Собора, мы систематизировали их по трем группам, исходя из содержания изображений. К первой группе были отнесены изображения апостолов, ко второй – пророков, и к третьей группе – святых. Изображения я некоторых святых повторяются многократно, другие, напротив, уникальны. Особый интерес представляет многократное повторение образа Иоанна Богослова, кроме того, этому апостолу посвящен один из малых иконостасов Собора. Интересно, что в соборе нет одного из 12 апостолов «первого ряда» - Филиппа, а изображения многих святых повторяются дважды – в главном иконостасе и одним из малых.

Заключение

Проведенное нами исследование позволяет систематизировать представленные в Соборе иконы, показывая, каким святым было уделено большее или меньшее внимание. Проведенный нами анализ позволяет охватить в целом общую концепцию создания внутреннего убранства Собора и создает базу для дальнейших исследований этого уникального памятника культуры.

Список литературы

1. РГАДА ф.9. оп.4 ч.2 кн.77.
2. РГАДА. ф.9. оп.отд.2. д.15, л.717-718.
3. РГАДА ф.282. оп.1 ед.хр. 335.
4. РГАДА ф.282. оп.1 ч.1 ед.хр. 943.
5. Баторевич Н.И. Рамы-памятники Санкт-Петербурга [Текст]: во славу и память российского воинства / Н.И. Баторевич, Т.Д. Кожичева. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2008. 330 с.

6. Гусенцова Т.М., Добрынина И.Н. Путешествие по Выборгской стороне. – СПб., издательство Остров, 2007. 238 с.
7. Белоножкин А.Е. Санкт-Петербургский епархиальный архитектор А.П. Аплаксин. – СПб.: Невский мир, Лики России, 2013. 384 с.
8. Русские святые / жития собр. монахиня Таисия. – СПб.: Азбука, 2004. 667 с.
9. Покровский О.В. Сампсониевский собор, как исторический памятник. – СПб.: 1908. С. 14.
10. Луппов С.П. История строительства Санкт-Петербурга в первой четверти XVIII века. – М.: Л., 1957. 152 с.
11. Успенский А.И. Царские иконописцы и живописцы XVII века.: словарь / А.И. Успенский. – Москва: [б. и.], 1910. 400 с.
12. Таюкин А.Г., Востриков К.В. Профилактика антитеррористической деятельности в Томской области: региональные особенности и перспективы развития // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 74-81.
13. Чебарев В.В. О некоторых вопросах подготовки офицеров в офицерской артиллерийской школе (ОАШ) в начале XX века // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 147-154.

References

1. RGADA f.9. op.4 part 2 book 77.
2. RGADA. f.9. op.otd.2. d.15, l.717-718.
3. RGADA f.282. op.1 item 335.
4. RGADA f.282. op.1 part 1 item 943.
5. Batorevich N.I. Monument-frames of St. Petersburg [Text]: in honor and memory of the Russian military / N.I. Batorevich, T.D. Kozhitseva. – St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2008. 330 p.
6. Gusentsova T.M., Dobrynina I.N. Journey along the Yborg Side. – St. Petersburg, Ostrov Publishing House, 2007. 238 p.
7. Belonozhkin A.E. St. Petersburg diocesan architect A.P. Aplaksin. – St. Petersburg: Nevsky mir, Faces of Russia, 2013. 384 p.
8. Russian saints / lives of the collected nun Taisiya. – St. Petersburg: Azbuka, 2004. 667 p.
9. Pokrovsky O.V. Sampson Cathedral, as a historical monument. – St. Petersburg: 1908. P. 14.
10. Luppov S.P. History of the construction of St. Petersburg in the first quarter of the 18th century. – Moscow: Leningrad, 1957. 152 p.
11. Uspensky A.I. Tsarist icon painters and artists of the 17th century: dictionary / A.I. Uspensky. – Moscow: [former and], 1910. 400 p.
12. Tayukin A.G., Vostrikov K.V. Features of anti-terrorist activities in the Tomsk region: Regional context and possibilities of development strategies // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 74-81.
13. the 20th century // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 147-154.

Зверков Н.В.

Аспирант кафедры философии, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва.

Мочалов Е.В.

*Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии.
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва.*

Религия в легитимации экстремизма*

Аннотация. В статье рассматривается роль религиозных факторов в современном терроризме. Авторами подчеркнута дискуссионность термина «религиозный экстремизм» и его отличия от традиционных религиозных ценностей, проанализированы особенности различных экстремистских движений, их мировоззренческие основы и искажения религиозных догматов, таких как милосердие, милость и запреты на убийство. Особое внимание уделяется трансформации религиозных концептов, таких как джихад и мученичество, в радикальные действия, включая насилие и терроризм. Раскрыты механизмы формирования экстремистского мировоззрения, его мессианские и апокалиптические компоненты, а также роль религии в оправдании террористических актов.

Ключевые слова: экстремизм, религия, религиозный экстремизм, терроризм, легитимация экстремизма.

Zverkov N.V.

Postgraduate student of the department of philosophy. Mordovian State University.

Mochalov E.V.

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the department of philosophy. Mordovian State University.

Religion in the legitimation of extremism

Abstract. The article examines the role of religious factors in modern terrorism. The authors emphasize the controversial nature of the term «religious extremism» and its differences from traditional religious values, and analyze the characteristics of various extremist movements, their ideological foundations, and the distortion of religious dogmas such as mercy, grace, and prohibitions against murder. Special attention is given to the transformation of religious concepts, such as jihad and martyrdom, into radical actions, including violence and terrorism. The article reveals the mechanisms of forming an extremist worldview, its messianic and apocalyptic components, as well as the role of religion in justifying terrorist acts.

Key words: extremism, religion, religious extremism, terrorism, legitimization of extremism.

---

* © Зверков Н.В., Мочалов Е.В., 2025.
Религия в легитимации экстремизма

В XXI веке терроризм признан явлением, несущим угрозу мировому обществу. Свидетельства этого можно увидеть в том, что Шанхайская «Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» 2001 года вновь была актуализирована в 2025 году [1]. В связи с чем, стоит отметить, что современные философы подчеркивают роль так называемой «религиозной волны» в качестве главной движущей силы современного терроризма [2, р. 47]. Однако, сам термин «религиозный экстремизм» остается дискуссионным в социально-философском знании. Спорность данной дефиниции детерминируется несоответствием содержания мировоззренческих религиозных оснований терроризма сущности религиозных учений.

Чаще всего религиозный экстремизм возникает на основе традиционных для конкретного общества конфессий: существующих (протестантские анабаптизм, «ветвь Давида», исламский ваххабизм, псевдо буддийский АумСинрикё, «шафрановый» индуизм и др.), или существовавших, как в случае с неоязычеством [3, с. 1220]. Таким образом, можно подвести вывод, что именно религия легитимирует действия экстремистов. Однако, религиозные ориентиры в экстремизме отличаются от традиционных конфессиональных ценностей в такой степени, что некоторые ученые говорят об оксюморонном характере самого термина «религиозный экстремизм», «трансформированном религиозном мировосприятии» в этом течении. Например, К.В. Кузнецов подчеркивает, что «религиозный экстремизм – отрицание системы традиционных для общества религиозных ценностей и догматических устоев» [4]. Традиционные монотеистические религии опираются на доктрину мира,

милосердия, прощения, понимания ценности жизни как дара Творца и отказа от принуждения в вопросах Веры.

Признанное в России в 2025 году запрещенным экстремистским «Международное движение сатанизма» в своей основе содержит программное отрицание Божественных законов, ценностей традиционных религий и ориентацию на их антиподы: зло, смерть, насилие и принуждение. Пантеизм неоязычества основывается на признании сил природы, к которым не применим этический дискурс. Другие экстремистские движения на базе конфессий настаивают на принадлежности к «чистой и истинной вере». Однако, религиозный контент, определяющий мировоззрение в экстремизме, как крайнем радикальном явлении, значительно отличается от положений традиционных вероучений. Примат силы и стихийной свободы вне оценок «добро и зло» приводит к смешению религиозных постулатов с экстремистскими воззрениями» [5, с. 26].

Ученые и богословы иллюстрируют это примерами из положений Священных Писаний «книжных религий».

Религиозные постулаты (Заповеди Моисея, Нагорная проповедь Христа, пять столпов Корана, Трипитака) и их толкования формируют в мировоззрении верующих идею Богоприсутствия, и как следствие постоянного самосовершенствования, исходя из Его заповедей: «Достичь просветления способен каждый, поскольку в каждом есть природа Будды» [6]. В каноническом прочтении религиозные заветы направлены на развитие внутреннего мира человека и борьбу с греховностью.

Экстремизм базируется на идеи несовершенства окружения (государства, общества, ближнего социального окружения, официальной Церкви и т.д.) и необходимости борьбы с греховностью

мира. Подобного рода идеи опираются на изменение доктринальных положений традиционных вероисповеданий. В радикальных течениях популярны идеи борьбы с инакомыслием, слома существующего уклада через насилие и войны, убийства иноверцев, самопожертвования вплоть до самоубийства и прочее.

Коран не дает примеров борьбы с представителями монотеистических вероисповеданий, так Суры II Аль-Бакара (Корова) и IV Аль-Ниса (Женщины) призывает к войне лишь как ответу на агрессию: «И убивайте тех, кто начал сражение с вами» [7, 2:191], но если же они отступят, не вступая в сражение с вами, и предложат вам мир, тогда вам не разрешается вести сражение против них, так как нет повода для этого [7, 4:90]. Не убивайте душу, которую запретил убивать Аллах» [7, 6:151]. В Коране лишение человека жизни приравнивается ко второму по тяжести после многобожия (ширка) греху [7, 25:68]. В Сурах провозглашается необходимость милосердия, имеющих право на месть [7, 2:178,179], веротерпимости [7, 2:121], а также отсутствия принуждения в религии [7, 2:256].

В исламе священная война (джихад) – «усилия на пути Аллаха», подразумевал в первую очередь борьбу с внутренними слабостями каждого мусульманина, именно такой джихад называют большим. Непосредственно военные действия, или малый джихад (джихад меча), в Коране наиболее точно регламентирован: «Сражайтесь на пути Господнем с теми, кто сражается против вас, но (дозволенного грань) не преступайте – поистине, Аллах не любит тех, кто преступает [7, 2:190]. Мы сражались ради того, чтобы исчезло искушение, а религия всецело принадлежала Аллаху» [7, 2:193]. Искажение данного понятия

в исламском экстремизме и привело к трансформации содержания мученичества шахида.

Мученичество за веру, как высший акт подтверждения преданности Богу, характерно для авраамических религий: «кадош» в иудаизме, «мученик» в христианстве, «шахид» в исламе. В каждой из религий они почитались в качестве святых, принёсших жертву за Веру: «придите, благословенные, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» [8, 26:34]. Истолкование религиозных догматов, посвященных жертве во имя Господа, в религиозном экстремизме преобразуется в акты осознанного самоубийства. Однако, самоубийство считается бунтом против Бога и злом против себя [8, 16:25-34].

Мученичество в современной католической традиции приобрело форму протестной политической голодовки «добровольцев» Ирландской республиканской армии. Подобные эпизоды известны в Ирландии как акт обычного права, однако «Трехчастное житие» Патрика Ирландского, настоятеля перед Всевышним за ирландский народ, сообщает о запрете Господом обессилившего Святому Патрику поститься [9].

В исламской традиции мусульманин становится шахидом, обретает рай, «получают удел у своего Господа» [7, 3:169] после смерти в случае, если защищается от агрессии, умирает в обстоятельствах «непреодолимой силы» (катаклизмы, болезни и т.д.). Шахиды в исламском экстремизме – это террористы-смертники, самоубийцы же в исламе к мученикам веры не причисляются. Выше отмеченное подчеркивают даже радикальные салафитские богословы: «Самоубийца-бомбист не является мучеником и для него уготован Адский огонь [10]. Что касается самоубийств, совершаемых некоторыми людьми, которые

берут взрывчатые вещества, устремляются на немусульман и когда оказываются среди них, производят подрыв, то это является самоубийством, да спасёт Аллах» [11].

При этом в мировоззрении лидера ХАМАС Абд аль-Азиз ар-Рантиси доминирует отличная от религиозных доктрин позиция: «Враги Аллаха и нашего народа любят жизнь, в то время как мусульмане желают принести себя в жертву. Акции смертников вселяют ужас в сердца врагов, который является одной из причин поражения... Подобные акции служат самым коротким путем в рай» [12, с. 173]. Обоснованием подобной позиции служит то, что в мировоззрении последователей ХАМАС религиозный догмат становится ценнее личности как таковой.

Фанатизм как *«ревность не по разуму»* [13, 10:2], свойственный шахидам, характерен и для мировоззренческих установок религиозного экстремизма. *Крайняя форма религиозной одержимости – фанатизм проявляется через неприятие любого инакомыслия в религиозной сфере, что особенно касается атеизма, иных вероисповеданий или доктринам в рамках одной конфессии.* При этом, если в традиционных религиях «преобладают здраво рассудительные начала, позволяющие им... приспособиться к изменяющимся условиям существования» [14, с. 19], то мировоззрение религиозного экстремиста нацелено на радикальное изменение несогласных, «насаждение исключительности, превосходства либо неполноценности граждан в зависимости от их отношения к религии» [15, с. 89].

Основная цель религиозного экстремизма – признание своей религии ведущей и подавление других религиозных конфессий через принуждение их последователей к собственной ре-

лигиозной системе вплоть до создания «страны чистых» (идея создания Халистана у сикхов). Борьба против неистинной веры проявилась в деятельности католической ИРА против протестантов, христианского «Конгресса народа Одуа» против мусульман и язычников, индуистской «Баджранг Дал» против христиан и мусульман и прочих. При этом «религиозные чувства значительно сильнее национальных противоречий, которые стираются и часто трудно различимы» [16, с. 413]. Трансформация смысла Писаний, использование отдельных положений вероучений в обоснование агрессии выводит экстремистское мировоззрение из ареала религии. Исторически христианство проповедовало, что «в Церкви должно обращать на лучший путь не притеснением, но убеждением» [17]. В мусульманском праве же нашло закрепление право неисламских монотеистических конфессий на существование [18, с. 267-268]. Категоричность оценки правильности или ошибочности религии распространяется и на оценки чистоты положений собственной конфессии.

Исламский экстремизм борется с так называемыми «отклонениями» в вероучении, трактуя Коран и Сунну с позиций ортодоксии. Так радикальные салафиты (ваххабиты) преследуют суфитов за почитание шейхов и святых, следование четырем мазхабам и празднование Маулюд (дня рождения пророка Муххамеда) в чем видят нарушение основополагающего принципа монотеизма – единобожия (таухида в исламе). Суфиты были объявлены нововведением (бидом), враждебным истинным мусульманам псевдоучением, отрицающим требование не поклоняться «никому, кроме Аллаха»: «и дабы мы не уподобляли Ему никого, и дабы иные из

нас не сотворяли себе господ из других – помимо Аллаха» [7, 3:64].

Ваххабиты игнорируют, что суфиты представляют традиционное направление в исламе, сформировавшееся еще при жизни Пророка [19, с. 13; 20, с. 22-30]. Суфизм с его аполитичной опорой на волю Аллаха, почитание авторитета учителей не совпадает с религиозно-политической непримиримостью салафитов. Из-за чего в некоторой степени он и был объявлен «вероотступничеством». Сторонники течения и их святые притеснялись и уничтожались на Северном Кавказе, в Ливии и Сирии.

В экстремистской картине мира базовым паттерном выступает убеждение в «испорченности» религиозных институтов и личном соответствии того или иного человека фундаментальным религиозным постулатам [21, с. 94]. Перемены в «извращенном социальном существе» к должному мироустройству требуют радикальных мер.

Подобные взгляды укоренены в религиозном сознании и провоцируют мессианское мировоззрение представителей религиозного экстремизма. Принадлежность к «чистой религии» детерминирует убеждение в том, что действия и слова посланы Свыше: «Ибо я говорил не от себя; но пославший меня Отец. Он дал мне заповедь. Он сказал, что говорить» [8, 17, 23-25]. В мировосприятии религиозных экстремистов окружающая действительность больна и ущербна, но она способна к быстрому оздоровлению и одномоментным благим переменам под влиянием «подвижников правильной веры». Такие подвижники – это определенный «тип интеллектуалов, которые обладают необычной жизненной мотивацией, будь то стремление к трансцендентированию наличной реальности или сильное желание выйти за пределы нормальной

социальной жизни» [22, с. 15]. В литературе подчеркивается, что убеждение в избранности формирует в экстремистском мировоззрении представление о собственной исключительности, позволяющей игнорировать принятые этические и правовые нормы [23, с. 67]. Апокалиптические ожидания провоцируют формирование темпоральности, где общепринятые моральные и правовые нормы утрачивают собственную значимость перед лицом грядущего конца света [24, с. 112].

К идее исключительности мессианство в мировоззрении добавляет такие характеристики как социальная чужеродность носителя идеи, трансцендентальность, **провиденциализм**, жертвенность, хилястизм, опора на подсознание.

Контркультура в религиозной сфере формируется в богоискательской среде, которая подпитывается от мистицизма, ортодоксальных установок и убеждениями в мессианской избранности. Современное социально-политическое состояние общества оценивается в категориях эсхатологии в качестве общества вероотступников, бездуховных потребителей, которые провоцируют апокалипсис. «Пороки общества» требуют радикального слома всей системы устоявшихся отношений через развитие военной культуры как ключевой черты религиозности. «Вполне логичным выводом из такой мировоззренческой установки, – писал В.Б. Яшин, – может стать стремление не только ускорить крушение цивилизации... но и разрушить до основания миропорядок...» [25, с. 38].

Религия служит оправданием всякого действия, вплоть до террористического акта. При этом цель лежит вне религиозного локуса, а связана с достижением «религиозно мотивированной

политической цели» [26, с. 59]. Религиозные постулаты выполняют функцию оправдания экстремистских целей, далеких от духовности. «Происходит некая подмена, когда люди, совершающие преступления, используют религиозные лозунги для их оправдания и для вербовки в свои ряды... Люди совершают преступления, кощунственно прикрываясь именем Божиим и религией» [27].

Список литературы

1. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // URL: https://gkdc-bataysk.rnd.muzkult.ru/media/2023/11/02/1334355271/ShANXAJSKAYA_KONVENCIYA_o_bor_be_s_terro_i_e_kstremizmom_ot_15.06.2001g.pdf. (Дата обращения: 29.09.2025)
2. Rapoport D.C. The four waves of modern terrorism // *Attacking terrorism: Elements of a grand strategy* / A.K. Cronin, J.M. Ludes (eds). – Washington, DC: Georgetown univ. press, 2004. P. 46-73.
3. Забияко А.П. Экстремизм религиозный. Религиоведение. – Москва: Академический проект, 2006. 1296 с.
4. Кузнецов К.В. Понятие и основные признаки религиозного – необходимое знание для формирования умений антипропаганды религиозного экстремизма у студентов гуманитарных ВУЗов // *Гуманитарные научные исследования*. 2012. № 6. // URL: <https://human.snauka.ru/2012/06/1331> (Дата обращения: 29.09.2025).
5. Колпаков П.А., Носов А.А. Экстремизм и неоязыческие вероучения: скрытая угроза (на примере Древнерусской инглистической церкви православных староверов-инглингов // *Новый юридический вестник*. 2019. № 4 (11). С. 25-27.
6. Священные тексты религий мира: хрестоматия. Трипитака и другие тексты религий мира. – Москва: Амрита-Русь, 2022. // URL: https://txheravada.pf/wp-content/uploads/2022/04/Трипитака_compressed-1.pdf (Дата обращения: 30.09.2025).
7. Коран: [электронный ресурс]. // URL <https://books.yandex.ru/books/Geh9eV2o/read-online> (Дата обращения: 29.09.2025).
8. Новый Завет: [электронный ресурс]. // URL: https://zakonbozhny.ru/Biblia/Novyj_Zavet/ (Дата обращения: 29.09.2025).
9. Patrick the Saint The Tripartite life of Patrick: with other documents relating to that saint // Kelly – University of Toronto. – London: printed for H.M. Stationery Office, by Eyre and Spottiswoode, 1887. 484 p. // URL: https://archive.org/details/additional_collections (Дата обращения: 29.09.2025).
10. Саламитские богословы – о смертниках // *IslamNews.ru*. – Москва, 2002. // URL: <https://islamnews.ru/Salafitskie-bogoslovyy-o-smertnikah> (Дата обращения: 30.09.2025).
11. Сады праведных (краткое изложение) / Имам Яхья ибн Шараф ан-Навави. – Махачкала: Даруль-Фикр, 2022. 312 с.
12. Нечитайло Н. Террористы-смертники в движении

- джихада // *Ближний Восток и современность*. 2009. № 40. С. 162–184.
13. Новый Завет: [электронный ресурс]. // URL: https://zakonbozhny.ru/Biblia/Novyj_Zavet/ (Дата обращения: 29.09.2025)
  14. Бражник И.И. Религиозный экстремизм: поправки прав верующих // *Наука и религия*. 1981. № 1. С. 17-19.
  15. Плужников Е.Н. Религиозный экстремизм в современной России: проблемы теоретической интерпретации и политической практики // *Вестник РУДН: Политология*. 2019. № 2. С. 86-97.
  16. Неру Дж. *Открытие Индии*. – Москва: Изд-во иностранная литература, 1955. 649 с.
  17. Иоанн Златоуст Второе слово о священстве и против аномеев // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/protiv-anomeev/ (Дата обращения: 29.09.2025).
  18. Рахманов А.Р. *Исламское право: учебник для вузов* // Министерство юстиции Республики Узбекистан. – Ташкент: Янги аср авлоди, 2003. 479 с.
  19. Кныш А.Д. *Мусульманский мистицизм: краткая история*. – Москва: Диля, 2004. 453 с.
  20. Рахматуллин Р.Ю. Модель человека в суфизме // *Вестник ВЭГУ*. 2014. № 3 (7). С. 120-129.
  21. Силантьев Р.А. *Новейшая история ислама в России*. – Москва: Алгоритм, 576 с.
  22. Красиков В.И. Экстрим: Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. – Москва: Водолей, 2006. 496 с.
  23. Кузьмин А.В. Правовые аспекты противодействия религиозному экстремизму в условиях глобализации // *Юридический вестник*. 2020. № 1. С. 62-73.
  24. Новиков Д.В. Эсхатологические представления в идеологии современного религиозного экстремизма // *Регионоведение*. 2019. № 4. С. 104-118.
  25. Яшин В.Б. Русское неоязычество в контексте проблемы религиозно-политического экстремизма // *Научный вестник академии МВД России*. 2014. № 1 (52). С. 37-40.
  26. Кудряшова И.В. Религиозные терроризм. Концептуальные проблемы политического анализа // *Политическая наука*. 2018. № 4. С. 54-68.
  27. Илларион Не бывает ни исламского, никакого бы то ни было иного терроризма во имя религии // URL: <https://www.pravmir.ru/mitropolit-ilarion-ne-byivaet-ni-islamского-ni-kakogo-byi-to-ni-byilo-inogo-terrorizma-vo-imya-religii/> (Дата обращения: 29.09.2025).
  28. Постникова А.А. Применение инновационных образовательных технологий при достижении метапредметных результатов в процессе обучения младших школьников с ЗПР // *Альманах Казачество*. 2025. № 86 (5). С. 114-121.
  29. Гончарова Н.А., Бобров А.Д., Панаетов И.А., Хронова И.А. Роль и структура налоговых отчислений в комплексной оценке расходов компании на персонал // *Альманах «Крым»*. 2025. № 49. С. 54-62.

References

1. Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism, and Extremism // URL: https://gkdc-bataysk.rnd.muzkult.ru/media/2023/11/02/1334355271/ShANXAJSKAYA_KONVENCIYA_o_bor_be_s_terro_i_e_kstremizmom_ot_15.06.2001g.pdf. (29.09.2025)
2. Rapoport D.C. The four waves of modern terrorism //

- Attacking terrorism: Elements of a grand strategy / A.K. Cronin, J.M. Ludes (eds). - Washington, DC: Georgetown univ. press, 2004. P. 46-73.
3. Zabayako A.P. Religious extremism. Religious studies. - Moscow: Academicheskyy Proekt, 2006. 1296 p.
  4. Kuznetsov K.V. The Concept and Main Features of Religious Extremism: Necessary Knowledge for Developing Skills in Countering Religious Extremism Propaganda in Students of Humanities Universities // Humanitarian Scientific Research. 2012. № 6. // URL: <https://human.snauka.ru/2012/06/1331> (29.09.2025).
  5. Kolpakov P.A., Nosov A.A. Extremism and neo-pagan doctrines: a hidden threat (on the example of the Old Russian Ynglish Church of Orthodox Old Believers-Ynglings // New Legal Bulletin. 2019. № 4 (11). P. 25-27.
  6. Sacred texts of world religions: anthology. Tripitaka and other texts of world religions. - Moscow: Amrita-Rus, 2022. // URL: https://txэравада.рф/wp-content/uploads/2022/04/Трипита_сompressed-1.pdf (30.09.2025).
  7. Quran: [electronic resource]. // URL <https://books.yandex.ru/books/Geh9eV2o/read-online> (29.09.2025).
  8. New Testament: [electronic resource]. // URL: https://zakonbozhny.ru/Biblia/Novyj_Zavet/ (29.09.2025).
  9. Patrick the Saint The Tripartite life of Patrick: with other documents relating to that saint // Kelly - University of Toronto. - London: printed for H.M. Stationery Office, by Eyre and Spottiswoode, 1887. 484 rubles. // URL: https://archive.org/details/additional_collections (29.09.2025).
  10. Salamitskie theologians - on suicide bombers // IslamNews.ru. - Moscow, 2002. // URL: <https://islamnews.ru/Salafitskie-bogoslovy-o-smertnikah> (30.09.2025).
  11. Gardens of the Righteous (summary) / Imam Yahya ibn Sharaf an-Nawawi. - Makhachkala: Darul-Fikr, 2022. 312 p.
  12. Nechitalo N. Suicide Bombers in the Jihad Movement // The Middle East and Modernity. 2009. № 40. P. 162-184.
  13. New Testament: [electronic resource]. // URL: https://zakonbozhny.ru/Biblia/Novyj_Zavet/ (29.09.2025)
  14. Brazhnik I.I. Religious Extremism: Trampling the Rights of Believers // Science and Religion. 1981. № 1. P. 17-19.
  15. Pluzhnikov E.N. Religious Extremism in Contemporary Russia: Problems of Theoretical Interpretation and Political Practice // Bulletin of RUDN: Political Science. 2019. № 2. P. 86-97.
  16. Nehru J. Discovery of India. - Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1955. 649 p.
  17. John Chrysostom Second Word on the Priesthood and Against the Anomoeans // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/protiv-anomeev/ (29.09.2025).
  18. Rakhmanov A.R. Islamic Law: Textbook for Universities // Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan. - Tashkent: Yangi Asr Avlodi, 2003. 479 p.
  19. Knysh A.D. Muslim Mysticism: A Brief History. - Moscow: Dilya, 2004. 453 p.
  20. Rakhmatullin R. Yu. The Model of Man in Sufism // Vestnik VEGU. 2014. № 3 (7). P. 120-129.
  21. Silantyev R.A. The Recent History of Islam in Russia. - Moscow: Algorithm. 576 p.
  22. Krasikov V. I. Extreme: A Medical-Disciplinary Philosophical Study of the Causes, Forms, and Patterns of Extremist Consciousness. - Moscow: Vodolay, 2006. 496 p.
  23. Kuzmin A.V. Legal Aspects of Countering Religious Extremism in the Context of Globalization // Legal Bulletin. 2020. № 1. P. 62-73.
  24. Novikov D.V. Eschatological Ideas in the Ideology of Modern Religious Extremism // Regional Studies. 2019. № 4. P. 104-118.
  25. Yashin V.B. Russian Neo-Paganism in the Context of the Problem of Religious and Political Extremism // Scientific Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 1 (52). P. 37-40.
  26. Kudryashova I.V. Religious Terrorism. Conceptual Problems of Political Analysis // Political Science. 2018. № 4. P. 54-68.
  27. Illarion There is No Islamic or Any Other Terrorism in the Name of Religion // URL: <https://www.pravmir.ru/mitropolit-ilarion-ne-byivaet-ni-islamskogo-ni-kakogo-byi-to-ni-byilo-inogo-terrorizma-vo-imya-religii/> (29.09.2025).
  28. Postnikova A.A. Application of innovative educational technologies in achieving meta-subject results in the process of teaching primary school children with mental restriction // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 114-121.
  29. Goncharova N.A., Bobrov A.D., Panaetov I.A., Khronova I.A. The role and structure of tax deductions in the comprehensive assessment of the company's personnel costs // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 54-62.

Хитарова И.Ю.

Доктор философских наук, профессор. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Фирсов А.Г.

Кандидат исторических наук, доцент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Образ Сампсония странноприимца и почитание победы в полтавской баталии (к вопросу об изучении икон Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге)*

Аннотация. Статья посвящена изучению образа Сампсония Странноприимца в Сампсониевском соборе Санкт-Петербурга. День памяти этого святого является также днем празднования победы в Полтавской баталии, одним из величайших сражений в истории России XVIII века.

Ключевые слова: Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге, образ Сампсония Странноприимца, Полтавская баталия.

Khitarova I.Yu.

Doctor of Philosophy, Professor. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University".

Firsov A.G.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University".

The image of St. Sampson the Hospitable and the veneration of victory in the Battle of Poltava (on the issue of studying the icons of St. Sampson's Cathedral in St. Petersburg)

Abstract. This article examines the icon of St. Sampson the Hospitable in St. Sampson Cathedral in St. Petersburg. This saint's feast day also commemorates the victory in the Battle of Poltava, one of the greatest battles in 18th-century Russian history.

Key words: St. Sampsonievsky Cathedral in Saint Petersburg, image of Sampson the Hospitable, Battle of Poltava.

---

* © Хитарова И.Ю., Фирсов А.Г., 2025.

Образ Сампсония странноприимца и почитание победы в полтавской баталии (к вопросу об изучении икон Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге)

Введение

Полтавская баталия – одно из величайших событий русской истории XVIII века. Это ключевое сражение Северной войны, в результате которой русскому царю Петру I удалось установить господство России над Балтийским морем. Победа над шведскими войсками существенно повлияла на развитие России, став знаковым событием ее истории. 8 июля (27 июня) 1709 года навсегда вошло в историю нашего государства. Понимая, что это событие должно быть достойно увековечено для потомков, в честь этого события в тот же год заложили церковь, названную в честь святого Сампсония Странноприимца. День памяти этого святого совпал с днем победы в Полтавской баталии. С тех пор образ этого святого неразрывно связан с важной исторической датой в русской истории, а находящийся в Санкт-Петербурге Сампсониевский собор напоминает нам о событиях трехсотлетней давности.

Обсуждение

Строительство деревянной Сампсониевской церкви было начато сразу после победы в Полтавской баталии. Уже в самом начале ее строительства предполагалось, что в дальнейшем на этом месте будет построен каменный собор. Фактически каменный собор был построен немного в стороне от места, где находилась деревянная Сампсониевская церковь. Некоторое время каменный собор и деревянная церковь даже стояли рядом друг с другом, а позже на ее месте была построена каменная часовня, освященная во имя Спаса Нерукотворного Образа. Несмотря на то, что из-за нехватки финансирования строительство каменного Собора затянулось почти на 12 лет, он был

успешно завершён и сохранил в своем убранстве уникальные иконы начала XVIII века, часть из которых украшает три великолепных старинных иконостаса собора. Главный из этих иконостасов освящен в честь святого Сампсония и украшен иконописным изображением этого святого.

Необходимо отметить, что первая деревянная церковь внешне не отличалась красотой, а ее приход был мал, однако само имущество собора с первых дней отличалось изысканностью и богатством. Церковь славилась редкими памятными предметами, иконами и церковной утварью. Это было связано с большим количеством пожертвований, в том числе и от самого Петра I. В Сампсониевском соборе находится уникальная коллекция икон XVIII века, к которой относится и изображение самого покровителя Собора - Сампсония Странноприимца.

Выбор этого образа интересен. Традиционно, святой Сампсоний считается покровителем бедных, больных и врачей, а также странников и рабов. Верующие обращаются к нему с просьбами о выздоровлении и избавлении от бедности. Но есть у Святого Сампсония и две не совсем обычные функции – он помогает в выборе удачного пути и защите от произвола сильных и властных людей.

Что касается здоровья, обращение к Святому Сампсонию очевидно связано с его профессией при жизни – он был лекарем, врачом. Интересно, что лечил Сампсоний безвозмездно, будучи человеком небедным. Однако после смерти своих родителей доставшееся ему богатство он практически полностью роздал нуждающимся. Впоследствии Сампсоний поселился в Константинополе, где жил в небольшом доме, дверь которого была открыта для

тех, кто нуждался в его помощи.

Существует легенда о том, как Святой Сампсоний одним прикосновением исцелил императора Юстиниана I, которого до этого не смог вылечить ни один придворный врач. В качестве благодарности за исцеление, Святой Сампсоний отказался принять что-либо для себя лично, но попросил императора выделить деньги на постройку странноприимного дома и больницы для нуждающихся. Возможно, что именно с этой легендой связано восприятие Сампсония как заступника перед властью имущими.

Сампсоний мирно скончался, прожив яркую и полную сострадания к другим жизнь. Но даже после своей смерти, согласно многим легендам, он являлся разным людям во сне, чтобы помочь, исцелить, или даже пожуричь, наставляя на путь истин.

Иконография святого достаточно интересна - древнейшие образцы сохранились на аверсах византийских молибодулов – двусторонних свинцовых печатей. На них святой Сампсоний изображен в позе оранта. Это означает молитвенную позу с поднятыми руками, характерную для изображения Богородицы или святых, молящихся за мир. Внешне образ Сампсония на этих печатях напоминает образ святого Николая Чудотворца – голова немолодого человека с клиновидной бородой, украшенная нимбом. Под руками святого изображены кресты, символизирующие жертву, искупление и божественную силу, присутствующие в молитве святого.

Основные результаты

Выбор образа Сампсония Странноприимца как покровителя Собора, посвященного Полтавской баталии, с одной стороны определяется фор-

мальными причинами – совпадением даты сражения и даты памяти святого. С другой стороны, в выбор именно этой персоналии Святого существует и скрытый символизм, связанный с его почитанием как врачевателя, защитника от влиятельных лиц и помощника в выборе верного пути. На момент начала Северной войны Россия находилась в сложной ситуации, нуждаясь в исцелении (лекаре), ей пришлось противодействовать чрезвычайно мощной фигуре императора Карла XII, и выбирать путь, в новых условиях и к новым горизонтам. Все это как нельзя лучше отражает черты, характерные для почитания Святого Сампсония Странноприимца.

Заключение

Благодаря постройке Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге образ Сампсония Странноприимца оказался навечно связан с памятью о победе в Полтавской битве. Наше исследование показывает, что эта связь носит не только формальный, но и глубоко духовный характер, через характерные черты почитания Святого Сампсония отражая весь глубокий символизм исторических изменений, произошедших в Российском государстве в начале XVIII века.

Список литературы

1. РГАДА ф.9. оп.4 ч.2 кн.77.
2. РГАДА. ф.9. оп.отд.2. д.15, л.717-718.
3. РГАДА ф.282. оп.1 ед.хр. 335.
4. РГАДА ф.282. оп.1 ч.1 ед.хр. 943.
5. Баторевич Н.И. Храмы-памятники Санкт-Петербурга [Текст]: во славу и память российского воинства / Н.И. Баторевич, Т.Д. Кожичева. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2008. 330 с.
6. Гусенцова Т.М., Добрынина И.Н. Путешествие по Выборгской стороне. – СПб.: издательство Остров, 2007. 238 с.
7. Каргапольцев С.Ю., Каргапольцев М.Ю., Седых В.Н. Архитектурно-археологические изыскания на территории Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге // Призвание – история: сб. науч. ст. – СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2010. С. 258-271.
8. Крупин В.Н. Русские святые – М.: Росмэн: Ро-

- смэн-пресс, 2003. 317 с.
9. Луппов С.П. История строительства Санкт-Петербурга в первой четверти XVIII века. – М.; Л., 1957. 152 с.
  10. Покровский В.А. Сампсониевский храм как исторический памятник. – СПб.: 1908. ЛМХ. Вып. 3. С. 1-20.
  11. Успенский А.И. Царские иконописцы и живописцы XVII века.: словарь / А.И. Успенский. – Москва: [б. и.], 1910. 400 с.
  12. Аджигова А.М. Ингушское общество в период революции и гражданской войны (1917-1920 гг.) // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 167-175.

References

1. RGADA f.9. op.4 part 2 book 77.
2. RGADA. f.9. op.otd.2. d.15, l.717-718.
3. RGADA f.282. op.1 item 335.
4. RGADA f.282. op.1 part 1 item 943.
5. Batorevich N.I. Churches-monuments of St. Petersburg [Text]: in honor and memory of the Russian army / N.I. Batorevich, T.D. Kozhitseva. – St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2008. 330 p.
6. Gusentsova T.M., Dobrynina I.N. Journey along the Vyborg Side. – St. Petersburg: Ostrov Publishing House, 2007. 238 p.
7. Kargapol'tsev S.Yu., Kargapol'tsev M.Yu., Sedykh V.N. Architectural and archaeological surveys on the territory of St. Sampsonievsky Cathedral in St. Petersburg // Vocation – History: Coll. of scientific articles. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2010. P. 258-271.
8. Krupin V.N. Russian saints. – Moscow: Rosman: Rosman-press, 2003. 317 p.
9. Luppov S.P. History of the construction of St. Petersburg in the first quarter of the 18th century. – Moscow; Leningrad, 1957. 152 p.
10. Pokrovsky V.A. St. Sampsonievsky Church as a historical monument. – St. Petersburg: 1908. LMH. Issue 3. P. 1-20.
11. Uspensky A.I. Tsarist icon painters and artists of the 17th century: dictionary / A.I. Uspensky. – Moscow: [b. i.], 1910. 400 p.
12. Ajigova A.M. Ingush society during the revolution and the Civil War (1917-1920) // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 167-175.

Культурология

Cultural Studies

Ардашев Р.Г.

Доктор философских наук, кандидат юридических наук, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России. Профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутского государственного университета.

Культурная агрессия в социальном пространстве*

Аннотация. В статье анализируются процессы культурной агрессии, которые максимально проявляются в обществе массовой культуры. Показываются особенности проявления агрессии как способа доказательства героизма. На примере результатов массового опроса, оценивается распространенность культурной агрессии в современном российском обществе и формируются новые маркеры культурного кода агрессии.

Ключевые слова: культурная агрессия, социум, современное общество, социальное воспроизводство, агрессия как норма.

Ardashev R.G.

Doctor of Philosophy, Candidate of Law, Head of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor of the Department of Public and Municipal Administration at the Institute of Social Sciences of Irkutsk State University.

Cultural aggression in social space

Abstract. This article analyzes the processes of cultural aggression that are most evident in mass culture. It demonstrates the specific manifestations of aggression as a means of proving heroism. Using the results of a mass survey as an example, the prevalence of cultural aggression in contemporary Russian society is assessed and new markers of the cultural code of aggression are developed.

Key words: cultural aggression, society, contemporary society, social reproduction, aggression as a norm.

*Человек человеку волк.
Т. Гоббс*

Современное общество наполнено агрессией. Идеи О. Шпенглера о том, что «человек – это хищный зверь» находят отражение в публичном и повседневном пространстве. Культура в ме-

дийном поле представлена выпусками теле-передач, шоу, интернет-проектов, активности в социальных сетях, где основным объектом выступает агрессия. Агрессия против других людей (члены

---

* © Ардашев Р.Г., 2025.
Культурная агрессия в социальном пространстве

семьи, друзья, соседи, граждане своей или чужой страны и т.д.); представителей разных профессий и социальных групп (политики, больные люди, мигранты, мужчины или женщины, дети или пенсионеры);

Ранее, предполагалось, что культура развивает личность человека и общество в целом, направлена на совершенствование его духа. Сегодня ситуация меняется, культура может нести и деструктивное разрушающее начало. Учитывая исследования бессознательного (начиная с З. Фрейда, заканчивая современными учеными – Р.Г. Ардашев [2, 3]), можно выявить множество состояний, находящихся в тени, которые скрыты от работы сознания, так как могут быть опасны, как для личности, так и для общества. Внутренний мир человека как объект изучения стал тем местом, где помимо позитивных, пересекаются и негативные образы социокультурного воспроизводства, которые потом находят свои формы в объективном мире культурных форм.

Также, воздействие массовой культуры переместило акценты развития с высококультурных, неповторимых образов и стратегий на развитие через массовый продукт, типовое поведение и воспроизводство социальных ограничений. Это помогает решать экономические и политические вопросы и стратегии формирования управляемого человека и общества, а не строить фокус внимания на морально-этической и нравственной стороне индивидуального развития [1]. Нас загоняют в рамки, где вещи мерило успеха, контроль над природой – показатель уверенности в себе и своем завтра. Это все формирует культуру потребления как приоритет социального воспроизводства и развития. Материалисти-

ческое сознание становится основой развития глобального кризиса развития культуры.

В сфере искусства, начиная с середины XIX в. Искусство стало решать не эстетические, а психологические задачи. Появление концепции К. Оберга «культурного шока» (попадая в иную культурную среду, человек переживает шок). В современном мире, человек постоянно соприкасается с нормами других культур, то и его нахождение в состоянии шока становится нормой [4]. Например, когда этнические аспекты отражаются в современной модной одежде в виде этнических принтов или национально-культурная еда в крупных городах, где пересекается множество народов. Включение в культуру другого народа через обыденные повседневные практики делает ее понятнее, а ее представителей более близкими.

Психологические приемы привлечения потребителя культуры становятся приоритетами. Само искусство оказывает стрессогенное воздействие на человека, так как часто опирается на агрессию как форму привлечения внимания [5]. Например, в живописи или фотографии, фильмах или танцах закладывается агрессия, борьба, недовольство – так как это максимально концентрирует внимание человека на проявлении негативных состояний, через выплеск и внешнее проявление.

Э.О. Уилсон показывает эволюцию агрессии, где основным рычагом трансформации выступает «агрессивное поведение как культурное наследие». Тут же уместно говорить о «культурном насилии» (легализация насилия через социокультурную норму или историческую память) [14]. Например, традиционно закрепленные образцы поведения мужчин и женщин:

бьет, значит любит. В данном случае, манифестируемое насилие выступает частью «нашей культуры», то есть рассматривается как «справедливость». В то же время, на обыденном уровне, насилие как способ решения конфликтов (драка), до сих пор применяется (стоит уточнить, что в основном локальной среде: группе подростков, группа мужчин и т.д.).

Агрессия в искусстве все более становится массовой, она подчеркивает и усиливает животную сторону человека (Н. Д. Субботина [10]), например в компьютерных играх (выставлена на показ), развлекательные шоу (завуалирована). Также дискурс блогов в социальных сетях, содержащих психологический контекст (указывает на психологическую агрессию), фильмы и сериалы также показывают как явных агрессоров (маньяков и убийц, заканчивая тайными манипуляторами – транслирующими агрессию как форму коммуникации). Эти процессы формируют новые стандарты и приоритеты формирования культуры «нормального» агрессивного присутствия, как механизма легитимного агрессивного воздействия.

Агрессивность формируется в процессе социализации (как реакция на угрозу внешней среды), во время усвоения соответствующих культурно-социальных норм, где агрессия может стать способом отстаивания своих интересов и социальных норм. Когда не действуют легитимные рамки, начинают работать агрессивные нормы (выживает сильнейший) [7]. Во время пристраивания социальной системы – наиболее остро проявляется. Множество современных фильмов о 90-х годах XX века в России указывают именно на этот феномен: когда формировались преступные группировки,

забиралось государственное имущество, когда действовали законы силы, а не права.

В музыке агрессивность также проявляется через жесткое звучание и желание более грубо воздействовать на психику человека (психоделическая музыка) [8]. В живописи через яркие цветовые контрасты также происходит активизация агрессивного поведения. То же преследуют и модные дома, когда прибегают к «кислотным» оттенкам в одежде, для яркости и активности (но по факту – активизации агрессивности человека).

Страдания обычного человека – это тоже форма проявления агрессии в СМИ и кино, где наиболее ярко это проявляется в таких жанрах как триллер, ужасы, а порой и комедии или детективы. СМИ содержат все больше насилия: если в 1994-1995 года агрессия фиксировалась в 57% передач [9], то сегодня он заходит за 80% [6].

Агрессия проявляется в различных субкультурах и выступает способом становления молодого человека. По мнению Э. Фромма, деструктивность выступает одной из форм агрессии. А отрицательные деструктивные персонажи все чаще становятся героями. К деструктивности в современном мире добавляется еще и изменчивость, что порождает новый типаж героя нашего времени (П. А. Баев [4]). Это становится новой социокультурной основой социального воспроизводства в новых условиях.

Религиозные и национальные конфликты также порождают агрессивность. Это может быть закреплено как культурная травма или опираться на исторический опыт народа. На практике выливается в традиционно агрессивное поведение против «иных» (тех, кто другой веры или нации) [11].

Но стоит указать и положительную роль агрессии. Агрессивный человек – он всегда динамичен, направлен на действия. Человек, живущий по правилам – он более стабилен, менее активен и не так быстро меняется [12]. Человек, нарушающий правила – не может быть спокойным («нормы решаться в страсти»), и чем больше в нем того, что его будоражит, тем больше изменений произойдет с ним самим внутри и во вне. Реакцией на это станут и последующие изменения в социальной структуре, как камень, брошенный в воду, будут расходиться круги от проявленной в социуме агрессии.

То есть, в современном мире, метафора Героя постоянно наполняется новым динамизмом и новыми формами агрессии. Современная культура более агрессивна, чем когда-либо ранее (от музыки, до кино; от оружия до повседневности). Наблюдение за агрессией в СМИ, сети Интернет приводит к тому, что сам наблюдающий становится более агрессивным [13]. Интерес к агрессии в кино или виртуальных играх – увеличивает агрессию того, кто смотрит или играет. В этом процессе, тот, кто наблюдает – сам умирает и перерождается, когда фильм закончен, уровень в игре пройден, даже если его самого убили, есть возможность возродиться. Это новое осмысление жизни – порождает альтернативные формы достижения желаемого через проявление агрессии.

Мы провели опрос россиян, на тему оценки уровня агрессии вокруг, агрессии в СМИ и сети Интернет (n=850), 55% женщин и 45% мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, проживающих в разных регионах Российской Федерации.

Уровень агрессии в обществе в целом достаточно высок – 70%, средний уровень агрессии, по мнению 21%,

низки – 9%. В СМИ – агрессии – 90%, особенно в новостной ленте. В фильмах агрессии 67%, в ток-шоу – 56%, в рекламе – 72% агрессии. Такие высокие показатели агрессии фиксируют достаточно напряженные состояния в общественном сознании. И если мы это видим через СМИ и сеть Интернет, то замечаем и в своей повседневной жизни. Это приводит к тревожности и личной агрессивности.

Говоря о своем интересе в фильмах и сериалах, респонденты также отдают предпочтение фильмам о героях (не важно, герои войны (1812 года, 1941-1945 годов или Афганской, Сирийской, Чеченской войны или какой-то другой) или супер-герои Вселенной Marvel). Герои проявляют агрессию, чтобы выжить. Агрессивность как концепт выделялся опрошенными более чем в 70% случаев, тогда как о любви как идее или концепции или реальном чувстве говорили только 30% опрошенных, о гордости за страну – 25%, о творчестве – 21%, о вере – 14%, о ценностях – 10% и т.д. Агрессия вне категорий по значимости и привлекательности, а вместе с тем и зрелищности. А после она становится не просто культурным образцом поведения, но и притягательной стратегией коммуникации и социального взаимодействия как нормы, как способа общения.

Более того, не только само агрессивное событие или агрессивное поведение притягивает внимание, но и то, как это преподносится зрителю (натуралистичность насилия или места преступления, детальность образов и проч.). Это еще один способ закрепить агрессию как культурную норму на уровне сознания зрителей. Значим не только сам герой, несущий агрессию, но и его жертва (натуралистичность их изображения притягивает своей про-

стойкой и одновременно пугающей оголенностью состояний).

Желание себя защитить также может выступать легитимной формой проявления агрессии. Это справедливо для 56% опрошенных. Это справедливо как в отношении физической защиты (при войне или экологических или техногенных катастрофах), так и в отношении духовной защиты (защиты веры, ценностей, символов культуры и традиций и проч.).

Негативное отношение к сопернику – это норма, полагают 59% опрошенных. Соперник – это недостойный человек, поэтому агрессия к нему заслужена. Уважение к сопернику проявление слабости, по мнению 21% опрошенных. Остальные затруднились с оценками.

Разрушение многих ценностей произошло из-за СМИ, так как смешались понятия нормы и ненормального, табу и разрешаемого, легитимного и не легитимного. Часто отрицательные персонажи вызывают больше симпатии, чем, казалось бы, положительные герои, но не удовлетворенные ни собой, ни своей жизнью. Да, они соблюдают правила, но это не делает их счастливыми (68%). Нивелирование грани между приемлемым и не приемлемым, допустимым и не допустимым в кино, в виртуальных играх – переходит и в реальную жизнь зрителей и игроков, меняя не только их представления, но и реальное поведение.

Массовая культура сама по себе аморальна, лишена нравственных ориентиров. А именно она определяет перспективы общественного воспроизводства. Агрессия выступает системообразующим элементом культурных практик, влияя на психологические установки и на общественные ожидания в определенном поведении

россиян.

В этих условиях, традиционные культурные ценности становятся вторичными, они отодвинуты на задний план, так как современные «герои» оперируют другими нормами и стратегиями поведения. Разрушение основополагающих принципов построения культуры, приводит к формированию нового культурного кода (более агрессивного и враждебного и к людям и к социальным институтам).

Современному миру не нужна новая религия, но нужна новая духовность, где не будет места для агрессии как культурной задача социального воспроизводства.

Список литературы

1. Агапов П.В. Человеческая агрессия в социальных науках: вопросы теории и методологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (3-4). С. 7-12.
2. Ардашев Р.Г. Массовые убийства в школах: контент-анализ публикаций // Социология. 2025. № 2. С. 6-11.
3. Ардашев Р.Г. Скулшутинг как социальное явление // Гуманитарный вектор. 2025. Т. 20. № 3. С. 9-20.
4. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27-31.
5. Галтунг Д. Культурное насилие // Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технологии разрешения / РАН; Ин-т социологии; Центр конфликтологии; Юридический ин-т МВД России. Вып. 8: Насилие: тенденции и альтернативы. – М.: 1995. С. 34-55.
6. Полошкевич О.А. Нормы солидарности после массового насилия // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 159-164.
7. Пучкина И. Ю. Типология человеческой агрессии // Современные гуманитарные исследования. 2012. № 6. С. 33-35.
8. Роготев И. Ю. Субкультура и насилие: от агрессии к деструктивности // Социо- и психолингвистические исследования. Вып. 1. Пермь: ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2013. С. 11-16.
9. Субботина Н.Д. Естественные и социальные предпосылки человеческой агрессии // Гуманитарный вектор. 2008. № 2. С. 14-24.
10. Субботина Н.Д. Естественные и социальные составляющие агрессии // Гуманитарный вектор. 2010. № 4 (24). С. 88-99.
11. Bandura A., Ross D., Ross S. A. Imitation of film-mediated aggressive models // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1966. P. 3-11.
12. Lerner M., Simmons C. Observer's reaction to the

- “innocent victim”: Compassion or rejection? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1960. № 4. P. 203-210.
13. Nussbaum M. *Frontiers of Justice*. Harvard Univ. Press, 2007. 487 p.
  14. Wilson E.O. *On human nature*. Harvard Univ. Press, Cambridge and London, 1978.
  15. Шупленков О.В., Шупленков Н.О. Роль французского капитала в сохранении политического влияния в Сирии и Ливане 1920–1930-е гг. // *Альманах Казачество*. 2025. № 85 (4). С. 13-26.

References

1. Agapov P.V. Human aggression in social sciences: theoretical and methodological issues // *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2014. № 2 (3-4). P. 7-12.
2. Ardashev R.G. Mass killings in schools: content analysis of publications // *Sociology*. 2025. № 2. P. 6-11.
3. Ardashev R.G. School shooting as a social phenomenon // *Humanitarian vector*. 2025. Vol. 20. № 3. P. 9-20.
4. Baev P.A. Life crisis or new opportunities: the impact of socio-economic transformations on young people // *Sociology*. 2024. № 11. P. 27-31.
5. Galtung D. *Cultural Violence* // *Social Conflicts: Expertise. Forecasting. Resolution Technologies / RAS; Institute of Sociology; Center for Conflictology; Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Issue 8: Violence: Trends and Alternatives*. – Moscow: 1995. P. 34-55.
6. Polyushkevich O. A. Norms of Solidarity after Mass Violence // *The Problem of the Relationship between the Natural and the Social in Society and Man*. 2019. № 10. P. 159-164.
7. Puchkina I. Yu. Typology of Human Aggression // *Modern Humanitarian Research*. 2012. № 6. P. 33-35.
8. Rogotnev I.Yu. *Subculture and Violence: From Aggression to Destructiveness* // *Socio- and Psycholinguistic Research*. Issue. 1. Perm: Perm State National Research University, 2013. P. 11-16.
9. Subbotina N.D. Natural and social prerequisites for human aggression // *Humanitarian vector*. 2008. № 2. P. 14-24.
10. Subbotina N.D. Natural and social components of aggression // *Humanitarian vector*. 2010. № 4 (24). P. 88-99.
11. Bandura A., Ross D., Ross S.A. Imitation of film-mediated aggressive models // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1966. P. 3-11.
12. Lerner M., Simmons C. Observer's reaction to the “innocent victim”: Compassion or rejection? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1960. № 4. P. 203-210.
13. Nussbaum M. *Frontiers of Justice*. Harvard Univ. Press, 2007. 487 p.
14. Wilson E.O. *On human nature*. Harvard Univ. Press, Cambridge and London, 1978.
15. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. The role of French capital in maintaining political influence in Syria and Lebanon in the 1920s and 1930s // *Almanac Cossacks*. 2016. № 85 (4). P. 13-26.

Орлова Е.М.

Кандидат психологических наук, доцент кафедры философии, истории, теории культуры и искусства. Московский государственный институт музыки имени А.Г. Шнитке.

Визуальные искусства в итальянских карнавалах и их взаимосвязь*

Аннотация. Целью исследования является систематизация ключевых визуальных форм художественного выражения, формирующих уникальную среду карнавала. Особое внимание уделяется взаимодействию данных элементов в контексте принципа «фигуры и фона» как модели зрительного восприятия, который рассматривается как метафора восприятия визуального поля. Автор анализирует как традиционные и современные визуальные формы искусства влияют на восприятие карнавального действия и способствуют культурной репрезентации; рассматриваются способы интеграции традиционных ремесленных практик с современными материалами и художественными решениями. Основой исследования служит междисциплинарный подход, включающий анализ исторических, художественных и антропологических аспектов. Основными источниками данных являются художественные изображения, исторические хроники, научные исследования и собственные наблюдения автора.

Ключевые слова: Италия, карнавалы, визуальные искусства, национальная идентичность.

Orlova E.M.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, History, Theory of Culture, and Art in Schnittke Moscow State Institute of Music.

Visual arts in Italian carnivals and their interrelationship

Abstract. The aim of the study is to systematise the key visual forms of artistic expression that shape the unique environment of the carnival. Particular attention is paid to the interaction of these elements in the context of the principle of 'figure and background' as a model of visual perception, which is considered as a metaphor for the perception of the visual field. The author analyses how traditional and contemporary visual art forms influence the perception of carnival performances and contribute to cultural representation; ways of integrating traditional craft practices with contemporary materials and artistic solutions are considered. The study is based on an interdisciplinary approach that includes an analysis of historical, artistic, and anthropological aspects. The main sources of data are artistic images, historical chronicles, scientific research, and the author's own observations.

Key words: Italy, carnivals, spatial and plastic arts, national identity.

Введение

Карнавальные традиции Италии предстают как оригинальный синтез элементов народного творчества, куль-

* © Орлова Е.М., 2025.

Визуальные искусства в итальянских карнавалах и их взаимосвязь

турного наследия и художественного самовыражения. Насыщенная среда карнавалных праздников является одной из ключевых их особенностей, которая формируется, в частности, через взаимодействие визуальных видов искусств. Данная статья не ограничивается анализом одного карнавала или какого-то конкретного его периода. Цель работы – это обобщение и систематизация визуальных форм и художественных решений, присущих различным региональным карнавальным традициям Италии.

Укажем, что в области исследования искусства и общих закономерностей визуального восприятия, формирования зрительного образа посвящены работы С.В. Кравкова; Р. Арнхейма; Э. Гомбриха; М.М. Веккера; А. Моля; В.П. Зинченко, Н.Ю. Вергилеса; Р.Л. Грегори и др. В качестве аналитического инструмента в данном обзоре используется принцип «фигуры и фона», сформулированный Э. Рубиным¹, который рассматривается здесь в расширенном культурологическом смысле – в качестве модели для понимания взаимодействий визуальных элементов в динамичном пространстве карнавала. Визуальные образы, создаваемые декорациями, масками и костюмами, строятся на чередовании доминирующих элементов (фигур) и фона, что усиливает эффект зрительного восприятия и динамики карнавального действия. Данный принцип также

1 Принцип «фигура и фон» был введен датским психологом Эдгаром Рубином (Edgar Rubin) в 1915 году в работе *Synsoplevede Figurer* («Визуально воспринимаемые фигуры»). Принцип описывает фундаментальный механизм зрительного восприятия, при котором объект (фигура) выделяется на фоне за счет контраста, границ и внимания наблюдателя. Фигура воспринимается как основной элемент композиции, в то время как фон служит ее визуальной опорой, но может меняться с фигурой местами в зависимости от фокуса восприятия.

находит своё отражение в контрастах между архитектурной средой города и подвижными аллегорическими платформами, формируя уникальную карнавальную эстетику. Р. Арнхейм [1] обращал внимание на то, что композиционное равновесие является не только формальным, но и психологическим феноменом, имеющим особое значение в таких динамичных визуальных системах как карнавал. Как указывал Э. Гомбрих [11], зрительное восприятие, выделяя фигуры на фоне, активно структурирует изображение, исходя из культурных кодов и зрительских ожиданий.

Объединяя визуальный анализ, семантику маски, традиции декоративно-прикладного искусства и элементы урбанистической среды, данное обобщающее рассмотрение позволяет представить устойчивые визуальные формы и традиции, характерные для итальянской карнавальной культуры в целом.

Говоря об особенностях визуальных искусств, отметим, что карнавальные традиции Италии можно рассматривать как интегративную форму, где различные виды искусств соединяются для создания насыщенного полотна визуальной среды, что соотносится с идеями М. С. Кагана о необходимости системного и целостного рассмотрения художественных форм [15].

Основная часть

Карнавальные маски и костюмы являются одними из наиболее узнаваемых и устойчивых элементов итальянских карнавалов. Они остаются средствами визуального выражения и символической коммуникации независимо от региона или эпохи. Маски предстают не только как декоративный элемент, но становятся культурным кодом, отражающим уникальность региона,

идеи трансформации и универсальные символы. Обусловленные местными историко-культурными контекстами, маски и костюмы итальянских карнавалов отличаются выраженным региональным разнообразием. Такие венецианские маски как Баута и Вольто ассоциируются с социальной свободой и анонимностью (А.К. Дживелегов [14]; J.H. Johnson [28]). Связанная с комедией дель арте, маска Пульчинеллы в Неаполе воплощает ироничную критику власти и народную сатиру (Е. Ferretti [27]; А.В. Толшин [21]). Персонаж Стентерелло в Тоскане олицетворяет собой тип городского простоянина с ярко выраженной мимической и вербальной экспрессией (L. Valeriano [30]). Маски с архаической символикой, восходящие к дохристианским ритуалам очищения и плодородия преобладают в регионах Альп и Северной Италии, таких как Трентино и Фриули (I. Cantu [24]; M. Carli [25]). Эти особенности указывают на то, что маска и костюм, помимо декоративной, выполняют символическую и социально-регулирующую функцию в карнавальном искусстве.

Опираясь на работы К.Г. Юнга [22], М.М. Бахтина [4], А.Я. Гуревича [12, 13], А.В. Толшина [21] и др., укажем, что маска позволяет не просто скрыть свою личность, но выступает посредником между личным и коллективным, воплощает определённый архетип, что добавляет карнавальному искусству многозначности и глубины. Такие классические персонажи как Пульчинелла, Арлекин или Баута глубоко укоренены в итальянской культуре, символизируя архетипические образы. Создаваемые вручную из разнообразных материалов - папье-маше, дерево, кожа, ткань и перья, маски представляют собой сложные художественные произведения.

У маски как культурного символа

имеется богатая история, уходящая корнями в античность (П.Д. Волкова [10], А. Ademollo [23] и другие исследователи [29]). Для обозначения ролей и усиления выразительности персонажей маски использовались в театральных представлениях в эпоху Римской империи. Приобретая элементы мистицизма и социальной критики, маски стали неотъемлемой частью маскарадов в период Средневековья. Символом анонимности и свободы от социальных условностей стали венецианские маски, достигнув своего расцвета в эпоху Возрождения, что показано в работах П.П. Муратова [19], А.К. Дживелегова [14], J.H. Johnson [28]. Выполненные из папье-маше и украшенные золотом, серебром, стразами и кружевами, маски и сейчас демонстрируют богатство и изысканность венецианской культуры [20]. Современные дизайнеры, вдохновлённые традициями прошлого, сохраняют основные черты классического стиля, добавляя к нему разнообразные инновационные технологии и материалы. Создавая атмосферу коллективной игры, карнавалы способствуют не только эстетическому, но и комическому переосмыслению мира, на что обращают внимание Ю.Б. Боров [6] и А.Г. Козинцев [16, 17].

Рассматривая восприятие масок в русле принципа «фигуры и фона», отметим, что в зависимости от окружения, освещения и движения, маска может то сливаться с окружающим её контекстом, то становиться доминирующим элементом образа, создавая эффект визуальной игры. В шествиях, где маски и многослойные костюмы взаимодействуют со световыми эффектами и архитектурными декорациями, усиливается изменчивость и динамика карнавального пространства, этот феномен особенно заметен. Согласно теориям

восприятия Р. Арнхейма, эффективное визуальное присутствие маски во многом основано на её способности стать «визуальной доминантой». Согласно его наблюдениям, маска предстает как визуальный «якорь», вокруг которого происходит организация восприятия всей композиции. В контексте массового шествия, когда многочисленные визуальные стимулы конкурируют за зрительское внимание, эта функция особенно актуальна.

Опираясь на работы исследователей, отметим, что маски и костюмы в карнавалных традициях Италии становятся многозначными символическими элементами, выступающими мостом между реальностью и фантазией (Р. Барт [2], I. Cantu [24]; M. Carli [25] и др.). В контексте карнавала костюм позволяет человеку выразить свою позицию или рассказать историю, становясь полноценным инструментом коммуникации. В зависимости от региона и эпохи символика костюмов варьируется от исторических и мифологических сюжетов, до политических и сатирических аллюзий. Исследования, посвящённые театру, в частности труды Г.Н. Бояджиева [7, 8], К.М. Миклашевского [18], В.И. Берёзкина [5], E. Ferretti [24], показывают, что маска и костюм выполняют роль выразителей социального комментария, а карнавал, тесно связанный с народным театром, особенно с традицией комедии, вмещает в себя характерные персонажи и сценические формы.

Высокий уровень мастерства итальянских художников демонстрирует разнообразие форм и материалов, используемых при создании масок и костюмов. Менять цвет и текстуру костюма в реальном времени позволяют такие инновационные элементы как светодиоды или интерактивные детали,

которые современные мастера добавляют для воплощения художественного образа. Карнавалы костюмы и маски становятся живым отражением эволюции культуры в комбинациях традиций и новаторства. Добавляют новые уровни выразительности к традиционным формам и играют важную роль в трансформации карнавалы культуры такие технологии как LED-подсветка и переработанные материалы. Для создания уникальных масок дизайнеры активно используют 3D-печать и цифровой дизайн, искусно сочетая традиционные и современные элементы. Всё более популярными на карнавалах становятся маски с динамическими световыми эффектами или ткани, которые меняют цвет в зависимости от освещения. Благодаря подобным инновациям, маски и костюмы делаются не только более впечатляющими и зрелищными, но и тесно связанными с современными тенденциями в моде и искусстве.

Центральным элементом визуальной композиции в карнавалных шествиях являются *аллегорические платформы*. Своими масштабными платформами, украшенными сложными декоративными элементами, фигурами и скульптурами, известны такие крупнейшие карнавалы на севере, как в Виареджо. Результатом многомесячной работы мастеров, объединяющих свои усилия для создания уникального произведения искусства, становится каждая платформа, вызывающая яркие эмоциональные отклики у зрителей.

С локальными мифами, обрядами очищения и религиозной символикой часто связаны платформы в таких южных регионах, как Кампания и Сицилия. Синтетичность формы остаётся их общей чертой, иллюстрирующей то, как визуальные образы сочетаются с движением, театральностью, му-

зкой и светом. Как подвижное произведение платформа выполняет художественную функцию, как способ выражения коллективных переживаний – социальную, как носитель образов, ритуальных структур и аллюзий – символическую. Р. Арнхейм писал: «Когда объект находится в состоянии движения, мы часто видим больше, чем только простое перемещение. Объект воспринимается так, как если он находится под воздействием сил. Действительно, именно наличие этих перцептивных сил придает движению выразительность» [1, с. 361].

Декорированные фигурами из дерева, металла или пенополистирола, эти подвижные сцены служат платформой для театрализованных представлений. Предлагая зрителям задуматься об актуальных проблемах, платформы могут изображать сцены, критикующие загрязнение окружающей среды, избыточное потребление или глобальные конфликты. Не остаются без внимания и темы, которые передают вечные ценности, такие как стремление к гармонии и свободе, борьба добра со злом. Карнавалы становятся пространством для многопланового культурного диалога, благодаря подобному тематическому разнообразию платформ.

Обращаясь к принципу «фигуры и фона», отметим, что, благодаря масштабности и детальной проработке композиций, платформы доминируют в визуальном поле шествия, и их эффект усиливается за счёт контраста с движением участников карнавала и городским пространством. Данный оптический феномен позволяет платформам не только выходить на первый план динамичного художественного ландшафта карнавала, но и становиться его органичной частью. Согласно принципу, предложенному Р. Арнхеймом,

зрительное восприятие поддерживается через доминирующие оси и опорные точки, что позволяет рассматривать композицию платформ не только как декоративную структуру, но и как визуальную сбалансированную сцену. Таким образом движение платформы в пространстве карнавала является неотъемлемой частью её художественного высказывания.

В создании платформ используются как традиционные ремесла, так и современные технологии – освещение, звук, гидравлические системы и пиротехника, позволяющие создавать динамичные конструкции, способные вращаться и взаимодействовать с публикой. Среди востребованных материалов при строительстве платформ отметим дерево, металл, пенополистирол и текстиль. Особым элементом оформления платформ становятся фигуры, выполненные как в гротескном, так и в реалистичном стиле, отражающие замысел художников и подчеркивающие основные идеи и тематику карнавала.

Создавая атмосферу праздника и вовлекая аудиторию в происходящее, танцоры, музыканты и актеры, участвующие в представлениях, оживляют сцены на платформах. Карнавал превращается в коллективное переживание, где стираются границы между зрителем и исполнителем. Таким образом, объединяя людей через искусство, эмоции и символику, аллегорические платформы становятся не просто декорацией, но и активным элементом праздничного действия.

Рассмотрим способы взаимодействия карнавального пространства и *архитектурной среды*, её влияние на восприятие действия и интеграцию с другими видами искусств. В карнавальном пространстве визуальная роль архитектуры как фона или фигуры зави-

сит от восприятия зрителя и её места в композиции. Р. Арнхейм писал: «Обсуждая вопрос о влиянии месторасположения объекта на его восприятие, мы неизбежно сталкиваемся с фактором равновесия. Все элементы, особенно в художественном произведении, должны быть распределены таким путем, чтобы в результате достигался эффект равновесия» [1, с. 31]. Театральными пространствами, украшенными сценическими декорациями, гирляндами и огнями, становятся улицы Рима, Флоренции, Венеции и других городов Италии. В зависимости от освещения, ракурса и движения участников архитектурные элементы, ставшие частью карнавального действия, могут доминировать в зрительном восприятии или наоборот выступать как фон для динамичных шествий. Э. Гомбрих подчеркивал в своих исследованиях, что в зависимости от культурного контекста и визуального «настроения» зрителя, восприятие архитектуры может меняться. Это особенно актуально в пространстве карнавала, где в окружении декораций, световых инсталляций и масок архитектурные объекты начинают «играть» новыми смыслами.

Подчеркивая культурное значение таких праздников, богатая история итальянской архитектуры гармонично вплетается в карнавальное действие. Площади становятся сценами для музыкальных и театральных представлений, а маршрутами для карнавальных шествий - узкие улочки. В живописные водные пути для украшенных гондол трансформируются венецианские каналы, что делает архитектурную среду органической частью карнавала.

Подсветка и декор зданий также играют особую роль в создании праздничной атмосферы. Проекциями, отражающими тематику карнавала, укра-

шаются фасады зданий, колонны и фонтаны, что делает их неотъемлемой частью зрелища. Добавляя ощущение волшебства и усиливая восприятие архитектурной среды как активного участника карнавального действия, световые инсталляции превращают здания в огромные арт-объекты. Архитектура помогает сохранять историческую память, связывая современные праздники с их культурными истоками. Таким образом, создавая самобытный синтез истории, искусства и культурных традиций, итальянские карнавалы демонстрируют то, как традиционные архитектурные формы могут интегрироваться в современное зрелище. Превращая карнавал в живую ткань культурного наследия, это взаимодействие делает архитектуру неотъемлемой частью праздника.

Особое место в карнавальной культуре Италии отводится *скульптуре*, как одному из ключевых компонентов визуального языка карнавалов. Создавая выразительные образы, привлекающие внимание зрителей, скульптурные композиции украшают платформы и улицы, становясь не только декоративными элементами, но и выразителями идей. Визуальной выразительности скульптуре добавляет и то, как она организована в пространстве. Как указывал Р. Арнхейм: «Воздействие сил, переданных визуальной моделью, есть внутреннее свойство объекта восприятия, так же как форма и цвет» [1, с. 376]. Требуя высокого уровня мастерства для своего создания, карнавальные скульптуры становятся инструментом визуального повествования, вовлекая зрителей в мир фантазии и искусства. Воплощать сложные художественные замыслы позволяет мастерам использование различных материалов, таких как камень, дерево и папье-маше, которое

позволяет создавать крупные и легкие формы, размещаемые на движущихся платформах. Чтобы передать эмоциональное содержание образа, мастера тщательно прорабатывают каждую деталь, изображая легендарных героев, божеств или сатирические образы, критикующие социальные явления. В процессе создания скульптур сохраняются такие традиционные техники, как резьба по дереву и лепка, однако новые возможности открывают современные технологии. Комбинируя точность современных инструментов с традиционным художественным подходом, применение 3D-печати позволяет мастерам быстрее воплощать сложные замыслы. Стремление карнавальской культуры к экологической устойчивости подчеркивают скульптуры, выполненные с использованием инновационных материалов, таких как переработанный пластик или смолы. Способность карнавала адаптироваться к требованиям времени, оставаясь верным своим корням, демонстрирует подобное сочетание старинных ремесел и новых технологий.

Ключевую роль в создании праздничной атмосферы карнавала играет эмоциональная выразительность скульптур. Лица и позы персонажей скульптур часто намеренно гиперболизированы, чтобы усилить их эмоциональное воздействие. Обращаясь к принципу «фигуры и фона», отметим, что восприятие этих образов во многом зависит от ракурса, освещения и цветового контраста. Скульптуры могут либо резко выделяться на фоне городской архитектуры и карнавальных платформ, либо сливаться с окружающей средой, создавая эффект многослойного визуального пространства. Эти образы легко читаются даже на расстоянии, что позволяет зрителям вовлекаться в

историю, рассказанную через скульптуру. Динамика карнавала и меняющаяся световая среда делают восприятие скульптур подвижным, добавляя им дополнительное измерение выразительности. Соединяя мастеров, зрителей и участников в единое творческое пространство, карнавальные скульптуры становятся важным инструментом художественного и эмоционального взаимодействия.

Мастерство и изысканность одной из самых ярких составляющих итальянских карнавалов - *декоративно-прикладного искусства* проявляется в богатстве украшений карнавальных костюмов, аксессуаров и декораций. Профессионализм и фантазию итальянских ремесленников демонстрируют вышивка, аппликация, инкрустация, резьба, использование ярких тканей и сложных узоров. Эти элементы отражают региональные особенности, усиливают визуальную привлекательность праздника, становятся выразительными инструментами, через которые мастера передают свои идеи и художественное видение [26]. Украшения карнавальных костюмов, масок, аксессуаров и аллегорических платформ воплощают традиции, передаваемые из поколения в поколение, и символизируют культурное богатство регионов Италии. Для создания этих произведений используются разнообразные материалы – от текстиля и кожи до стекла, металла и папье-маше.

Восприятие декоративных элементов во многом определяется принципом «фигуры и фона». Яркие цвета костюмов, сложные фактуры, детализированные узоры могут либо сливаться с окружающими декорациями, создавая иллюзию целостного художественного пространства, либо выделяться на общем фоне карнавального

шествия, привлекая внимание зрителей. Особенно заметен данный эффект в динамике карнавала, где движение, контрастные композиции и свет усиливают восприятие декоративных элементов как части изменяющейся живой сценографии.

Выступают важной частью визуального ансамбля такие карнавальные аксессуары, как головные уборы, веера и украшения для платформ. Они несут в себе не только эстетическую, но и символическую нагрузку, и часто создаются вручную. В украшениях платформ цветочные мотивы могут ассоциироваться с обновлением и возрождением, а изысканные головные уборы участников карнавала подчеркивают их индивидуальность и социальный статус. В таких богатых историей декоративно-прикладного искусства регионах, как Тоскана или Сицилия, сохраняются техники, известные ещё со времен Возрождения, что добавляет этим элементам значимость и глубину. Такие инновационные технологии как цифровая вышивка, лазерная резка и работа с экологически чистыми материалами активно используются современными мастерами декоративно-прикладного искусства, позволяя адаптировать к современным требованиям традиционные формы и ускорить процесс создания. Популярными среди участвующих в карнавалах молодых дизайнеров, становятся аксессуары, изготовленные из переработанных материалов или ткани с LED-подсветкой, что придаёт карнавальную культуру актуальности и позволяет сохранять её художественную идентичность.

Ещё одним видом искусства, тесно связанным с образами карнавалов, является живопись. Являясь неотъемлемой частью общественных праздников и событий, карнавальные маски

и костюмы становились источником вдохновения для многих художников. В изобразительном искусстве мир итальянского карнавала запечатлён как картинами жанровой живописи со сценами из карнавалов, так и образами масок. Отметим работы римского художника Б. Пинелли и его сына Акилле, венецианского художника – бытописателя П. Лонги, на картинах которого особое место отведено венецианским маскам, и его известную картину «Носорог» (1751) и др. Вспомним работы вдохновлённых карнавалом в Вечном городе А.П. Мясоедова «Римский карнавал, бывший во время пребывания там Государя Наследника со свитой» (1839), П.Н. Орлова «Сцена из римского карнавала» (1859), Ф.А. Бронникова «Карнавал в Риме» (1860) и В.И. Сурикова «Римский карнавал» (1884). Не остаются равнодушными к миру карнавала и современные художники: Л.А. Афремов «Карнавал в Венеции», рисунки и фотографии М.М. Шемякина.

Особое место в карнавальную культуру в качестве формы художественного творчества занимает графика. Художники прошлого и настоящего создают для карнавалов рисунки и иллюстрации, официальные афиши, плакаты, билеты и открытки. Приведём в пример офорты Дж. Тьеполо с Пульчинеллой, которые демонстрируют устойчивость графического образа маски²; исторические гравюры XVIII века с венецианскими маскарадами³; фиксирующие городские шествия и визуальную символику праздника журнальные

2 *Giovanni Battista Tiepolo*. Two Figures Attentive to Punchinello, with Others (из серии Scherzi di fantasia). ок. 1743–1750; офорт. The Metropolitan Museum of Art, инв. 59.570.3(23).

3 *Thomas Rowlandson*. Carnival at Venice. 1790–1810; офорт/гравюра. British Museum, инв. 1977.U.559.

(газетные) гравюры, посвященные римскому карнавалу XIX века⁴.

Важную роль в сохранении и документировании карнавальской культуры играет *фотоискусство*. Современные технологии значительно расширили возможности фотографов, запечатлевающих зрелищные шествия, детали костюмов, масок и платформ. Как показывает Р. Барт [3] фотография не только фиксирует событие, но придает ему символическое измерение и художественную глубину. Снимки, сделанные в том числе отечественными мастерами [9], не только передают атмосферу праздника, но и становятся частью культурной памяти, предстают для последующих поколений ценными историческими свидетельствами, позволяющими изучать и понимать культурные традиции.

Контрасты между насыщенными цветами костюмов и мягкими тонами городской архитектуры, резкие светотеневые переходы и размытые задние планы с точки зрения принципа «фигуры и фона», позволяют фотографам акцентировать внимание на ключевых деталях, выделяя фигуры участников или, напротив, растворяя их в карнавальской среде.

Немаловажное место в фотоискусстве карнавалов занимает портретная съемка участников. Раскрывая через снимки их индивидуальность и эмоциональное состояние, фотографы запечатлевают выразительные образы людей в масках и костюмах. Такие портреты часто передают глубину образов, созданных участниками, и подчеркивают их связь с символикой праздника.

4 The Illustrated London News. The Carnival at Rome – Horse-Racing on the Corso. 15 марта 1873; гравюра в газете (авторы в выпуске не указаны). Сводная страница ILN по году (см. также выпуск 1848 с двумя полустраницами о римском карнавале).

Заметную роль в распространении карнавальных фотографий в настоящее время играют социальные сети и цифровые платформы. Мгновенно опубликованные в интернете, снимки позволяют зрителям по всему миру стать виртуальными участниками карнавала, вдохновляясь его яркими образами. Делая карнавалы Италии не только локальным культурным явлением, но и глобальным феноменом, привлекающим внимание миллионов людей, фотоискусство становится таким образом связующим звеном между традицией и современностью.

Заключение

Формируя многослойное художественное пространство, итальянские карнавалы представляют собой уникальное культурное явление, где традиция переплетается с инновацией. Взаимодействие различных видов визуальных искусств формирует уникальную среду, в которой карнавальные образы служат инструментом выражения национальной идентичности и культурного наследия.

В рамках данного обзора в статье рассмотрены устойчивые визуальные формы и традиции, типичные для разных регионов и эпох, определяющие облик итальянской карнавальской культуры. Особое внимание уделено принципу «фигуры и фона», рассмотренному как метафора, в качестве модели для анализа визуального восприятия и структурирования карнавального пространства. В различных элементах (от статичных архитектурных форм до подвижных образов) выявляется динамика восприятия, основанная на взаимодействии доминирующих и фоновых-интегрированных элементов.

Подходы исследователей, в частности Э. Гомбриха и Р. Арнхейма к ви-

зуальной структуре, вниманию и равновесию укрепляют тезис о том, что карнавал является не только социальным и театрализованным событием, но и предстает высокоорганизованным визуальным высказыванием, которое воспринимается зрителем в соответствии с универсальными и культурно обусловленными механизмами.

Обращение к современным цифровым технологиям, экологичным материалам и интерактивным элементам расширяет художественные возможности карнавала, сохраняя при этом верность его историческим корням и преемственность традиционных ремесел. Таким образом, рассмотренные в данной статье визуальные виды искусства, помимо эстетической, выполняют коммуникативную и культурно-идентификационную функцию, укрепляя роль карнавала как значимого носителя европейской визуальной культуры.

Список литературы

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие: [перевод с английского] / Рудольф Арнхейм. – Стер. изд. – Москва: Архитектура-С, 2007. 391 с.
2. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Ролан Барт; Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2003 (ППП Тип. Наука). 511 с.
3. Барт Р. Camera lucida [Текст: комментарий к фотографии / Ролан Барт; [пер. с фр., послесл. и коммент. М. Рыклина]. – Москва: Ad Marginem, 2011. 267 с.
4. Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. 541 с.
5. Березкин В.И. Искусство сценографии мирового театра: От истоков до середины XX в. / В.И. Березкин; Гос. ин-т искусствознания. – Москва: Эдиториал УРСС, 1997. 541 с.
6. Боров Ю.Б. Комическое или о том, как смех казнил несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия / Ю.Б. Боров. – М.: Искусство, 1970. 270 с.
7. Бояджиев Г.Н. Итальянские тетради [Текст]. – [Москва]: [Искусство], 1968. 168 с.
8. Бояджиев Г.Н. Вечно прекрасный театр эпохи Возрождения [Текст]: Италия. Испания. Англия. – Ленинград: Искусство. Ленингр. отд-ние, 1973. 471 с.
9. Венецианский карнавал глазами российских фотографов [Текст] / Русский музей; [авт. ст. Юлия Демиденко, Клаудиа Сульяно]. – Санкт-Петербург: Русский музей: Palace editions, cop. 2016. 130 с.
10. Волкова П.Д. Мост через бездну [Текст]: комментарий античности: / Паола Волкова. – Москва: АСТ, печ. 2015. 302 с.
11. Гомбрих Э.Х. Искусство, восприятие и реальность»: [сборник статей] / Эрнест Гомбрих, Джулиан Холберг, Блэк Макс; перевод Александры Глебовской; [автор предисловия] Морис Манделльбаум. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2023. 143 с.
12. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1972. 320 с.
13. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1981. 359 с. 67.
14. Дживелегов, А.К. Итальянская народная комедия [Текст]: Искусство итальянского Возрождения: театр, литература, живопись, ваяние, зодчество / А.К. Дживелегов. – Москва: ГИТИС, 2015. 550 с.
15. Каган М.С. Морфология искусства. Ч. 1-3 [Текст]: Ист.-теорет. исследование внутр. строения мира искусств. – [Ленинград]: [Искусство. Ленингр. отделение], 1972. 440 с.
16. Козинцев А.Г. О происхождении юмора / А.Г. Козинцев, М.Л. Бутовская // Этнографическое обозрение. 1996. № 1. С. 49-53.
17. Козинцев А.Г. Человек и смех / А.Г. Козинцев. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 234 с.
18. Миклашевский К.М. La Commedia dell'arte, или Театр итальянских комедиантов XVI, XVII и XVIII столетий [Текст]: книга, содержащая историю и догму этого вида театральных представлений, образцы сценариев, монологов и диалогов, библиографический указатель и иллюстрации / Константин Миклашевский; [перевод: с французского - И. Дунаева, с итальянского - А. Князева, с лагыни - П. Шкаренков]. – Москва: Изд. группа Navona, 2017. 332 с.
19. Муратов П.П. Образы Италии/ Павел Муратов. – Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, печ. 2019. 859 с.
20. Под маской Венеции. – Москва: Арт Волхонка, 2020. 608 с.
21. Толшин А.В. Феномен маски в театральной культуре: автореферат дис. ... доктора культурологии: 24.00.01 / Толшин Андрей Валерьевич; – Санкт-Петербург, 2007. 40 с.
22. Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. 240 с.
23. Ademollo A. Il carnevale di Roma nei secoli XVII e XVIII: Appunti storici con note e documenti / A. Ademollo – Roma: A. Sommaruga, 1883. 168 p.
24. Cantu I. Il carnevale italiano. Ovvero, teatri, maschere e feste presso gli antichi e moderni. Storia utile-amena narrata ai giovani. – Milano, Vallardi, 1872. 118 p.
25. Carli M. Re Carnevale: maschere feste tradizioni / M Carli, V. Viscardi; illustrazioni di Luisella Bozzi. – Milano: Mondadori, 1985. 115 p.
26. Costumi e tradizioni popolari. Lazio-Toscana-Umbria. Firenze. Bonechi. 1995. 684 p.
27. Ferretti E. Maschere italiane nella commedia dell'arte e nel teatro di Goldoni. - Roma: Artero, 1904. 80 p. // URL: <https://archive.org/details/lemaschereitalia00ferr/page/n5/mode/2up> (Дата обращения: 29.06.25).
28. James H. Johnson. Venice Incognito: Masks in the Serene Republic. University of California Press, 2011.
29. Maschere italiane. - Colognola ai Colli (VR): Demetra, 2002. 127 p.
30. Valeriano L. Italia in Maschera (итал.) // URL: <http://www.leovaleriano.it/leovaleriano.html>? (Дата обращения: 29.06.25).
31. Гуревич А.Я. Смех в народной культуре средневековья // Вопр. лит. 1966. № 6. С. 207-213.

32. Шевцов В.В., Радченко Р.В. Цифровая идентичность и формирование новых социокультурных паттернов в условиях учхоза «Кубань» // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 103-110.

References

1. Arnheim R. Art and Visual Perception: [translated from English] / Rudolf Arnheim. – Stereotype ed. – Moscow: Arkhitektura-S, 2007. 391 p.
2. Barthes R. The Fashion System. Articles on the Semiotics of Culture / Roland Barthes; Comp., translated from French and with an introduction by S. Zenkina. – Moscow: Sabashnikov Publishing House, 2003 (PPP Type. Science). 511 p.
3. Barthes R. Camera lucida [Text: commentary on the photograph / Roland Barthes; [translated from French, afterword and commentary by M. Ryklin]. – Moscow: Ad Marginem, 2011. 267 p.
4. Bakhtin M.M. François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance [Text] / M.M. Bakhtin. – Moscow: Art Literature, 1990. 541 p.
5. Berezkin V. I. The Art of Scenography of the World Theater: From the Origins to the Mid-20th Century / V.I. Berezkin; State Institute of Art Studies. – Moscow: Editorial URSS, 1997. 541 p.
6. Borev Yu. B. The Comic, or How Laughter Chastised the Imperfection of the World, Purifies and Renews Man, and Affirms the Joy of Being / Yu. B. Borev. – Moscow: Art, 1970. 270 p.
7. Boyadzhiev G. N. Italian Notebooks [Text]. – [Moscow]: [Art], 1968. 168 p.
8. Boyadzhiev G.N. The Eternally Beautiful Theatre of the Renaissance [Text]: Italy. Spain. England. – Leningrad: Art. Leningrad Department, 1973. 471 p.
9. The Venetian Carnival Through the Eyes of Russian Photographers [Text] / Russian Museum; [authors Yulia Demidenko, Claudia Sugliano]. – St. Petersburg: Russian Museum: Palace editions, cop. 2016. 130 p.
10. Volkova P.D. Bridge over the Abyss [Text]: commentary on antiquity: / Paola Volkova. – Moscow: AST, printed. 2015. 302 p.
11. Gombrich E.Kh. Art, Perception, and Reality: [collection of articles] / Ernst Gombrich, Julian Hochberg, Black Max; translated by Alexandra Glebovskaya; [author of the foreword] Maurice Mandelbaum. - Moscow: Ad Marginem Press, 2023. 143 p.
12. Gurevich A. Ya. Categories of Medieval Culture / A.Ya. Gurevich. – Moscow: Iskustvo, 1972. 320 p.
13. Gurevich A. Ya. Problems of Medieval Folk Culture / A.Ya. Gurevich. – Moscow: Iskustvo, 1981. 359 p. 67.
14. Dzhivelev, A.K. Italian Folk Comedy [Text]: Art of the Italian Renaissance: Theater, Literature, Painting, Sculpture, Architecture / A.K. Dzhivelev. – Moscow: GITIS, 2015. 550 p.
15. Kagan M.S. Morphology of Art. Part 1-3 [Text]: Historical and theoretical study of the internal structure of the world of arts. – [Leningrad]: [Art. Leningrad Department], 1972. 440 p.
16. Kozintsev A.G. On the origin of humor / A.G. Kozintsev, M.L. Butovskaya // Ethnographic Review. 1996. № 1. P. 49-53.
17. Kozintsev A.G. Man and laughter / A.G. Kozintsev. – St. Petersburg: Aletya, 2007. 234 p.
18. Miklashevsky K.M. La Commedia dell'arte, or the Theater of Italian Comedians of the 16th, 17th, and 18th Centuries [Text]: a book containing the history and dogma of this type of theatrical performance, sample scripts, monologues, and dialogues, a bibliographic index, and illustrations / Konstantin Miklashevsky; [translated from French by I. Dunaev, from Italian by A. Knyazev, from Latin by P. Shkarenkov]. – Moscow: Navona Publishing Group, 2017. 332 p.
19. Muratov P.P. Images of Italy / Pavel Muratov. – Saint Petersburg: Azbuka: Azbuka-Atticus, printed in 2019. 859 p.
20. Under the Mask of Venice. – Moscow: Art Volkhonka, 2020. 608 p.
21. Tolshin A.V. The Phenomenon of the Mask in Theatrical Culture: Abstract of the Dissertation ... Doctor of Cultural Studies: 24.00.01 / Tolshin Andrey Valerievich; – Saint Petersburg, 2007. 40 p.
22. Jung K.G. Archetype and Symbol / K.G. Jung. – Moscow: Renessans, 1991. 240 p.
23. Ademollo A. Il carnevale di Roma nei secoli XVII e XVIII: Appunti storici con note e documenti / A. Ademollo – Roma: A. Sommaruga, 1883. 168 p.
24. Cantu I. Il carnevale italiano. Ovvero, teatri, maschere e feste presso gli antichi e moderni. Storia utile-amena narrata ai giovani, – Milano, Vallardi, 1872. 118 p.
25. Carli M. Re Carnevale: maschere feste tradizioni / M Carli, V. Viscardi; illustrazioni di Luisella Bozzi. – Milano: Mondadori, 1985. 115 p.
26. Costumi e tradizioni popolari. Lazio-Toscana-Umbria. Firenze. Bonechi. 1995. 684 rub.
27. Ferretti E. Maschere italiane nella commedia dell'arte e nel teatro di Goldoni. - Roma: Artero, 1904. 80 p. // URL: <https://archive.org/details/lemaschereitalia00ferr/page/n5/mode/2up> (06.29.25).
28. James H. Johnson. Venice Incognito: Masks in the Serene Republic. University of California Press, 2011.
29. Maschere italiane. - Colognola ai Colli (VR): Demetra, 2002. 127 p.
30. Valeriano, L. Italia in Maschera (Italian) // URL: <http://www.leovaleriano.it/leovaleriano.html>? (29.06.25).
31. Gurevich, A. Ya. Laughter in Medieval Folk Culture // Vopr. lit. 1966. № 6. P. 207-213.
32. Shevtsov V.V., Radchenko R.V. Digital identity and the formation of new socio-cultural patterns in the conditions of the Kuban agricultural enterprise // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 103-110.

Избачков Ю.С.

Соискатель, Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва».

Архивно-следственные дела А.В. Барченко и Г.И. Бокия как источник сведений о «Едином Трудовом Братстве»*

Аннотация. Дела лидеров тайного общества советских оккультистов «Единое Трудовое Братство» позволяют составить представление о структуре и культуре этого общества. Анализ пометок, сделанных следователями, помогает отделить достоверные сведения от фальсификаций. Выявлены пометки следователей КГБ в процессе реабилитации. Оставшиеся пометки раскрывают цели НКВД – имитацию масонского заговора внутри ОГПУ, что позволяет не учитывать соответствующие сведения при анализе культуры тайного общества. Оставшиеся сведения позволяют сделать вывод, что тайное общество было способом ухода в инобытие, игрой в оккультизм.

Ключевые слова: Александр Барченко, Глеб Бокий, Единое Трудовое Братство, исследование документа, тайное общество, советские оккультисты, теософы, розенкрейцеры, фальсификация доказательств.

Izbachkov I.S.

Applicant, Federal State Budgetary Research Institution “Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev”.

Archival and investigative files of A.V. Barchenko and G.I. Bokiya as a source of information about the “United Labor Brotherhood”

Abstract. The criminal cases of the leaders of the secret soviet occultist society The United Labor Brotherhood contain information about the structure and culture of this society. However, this information is distorted. Analysis of the notes made by investigators helps separate reliable information from falsifications. Notes made by KGB investigators during the rehabilitation process have been uncovered. Other notes reveal the NKVD’s goal – simulating the vasonic conspiracy within the OGPU. This allows this information to be disregarded when analyzing the culture of the secret society. The remaining information suggests that the secret society was a means of escaping into another world, a play to occultism.

Key words: Alexander Barchenko, Gleb Bokiya, United Labor Brotherhood, document research, secret society, Soviet occultists, theosophists, Rosicrucians, falsification of evidence.

«Единое Трудовое Братство» – это (теософско-розенкрейцерской секты), условное название тайного общества образовавшегося в Советской России

* © Избачков Ю.С., 2025.

Архивно-следственные дела А.В. Барченко и Г.И. Бокия как источник сведений о «Едином Трудовом Братстве»

в 1920–1930 годах вокруг оккультиста Александра Васильевича Барченко. До революции Барченко был писателем и журналистом, в советские годы работал научным работником в области биологии и экспериментальной медицины.

«Единое Трудовое Братство» уникально среди других тайных обществ. Оно не только не было разгромлено органами ОГПУ в середине – второй половине 1920-х годов как другие кружки эзотериков, напротив, Барченко имел возможность представлять свои теории советским руководителям уровня народных комиссаров (А.В. Луначарский, В.М. Молотов, Г.В. Чичерин, К.Е. Ворошилов, Г.Г. Ягода, Ф.Э. Держинский).

Члены тайного общества были репрессированы в 1937–1938 годах, после ареста покровителя этой организации Глеба Ивановича Бокия – начальника Спецотдела ОГПУ–НКВД (9-й отдел ГУГБ НКВД СССР). В документах встречается разные варианты употребления фамилии Бокий, в большинстве случаев, включая архивно-следственные дела, она склоняется. Интересен случай правильного употребления этой фамилии. «Глеб Бокий» – так назывались реквизирувавшиеся у монастырей пароходы, на которых, кроме прочего, заключенных доставляли на Соловки. Это нашло отражение в тюремном фольклоре: «Трюм наш тесный и глубокий, // Нас везут на «Глебе Бокий»» [1, с. 281–282].

Большинство активных участников были приговорены к высшей мере наказания за шпионаж в пользу Англии и Японии), терроризм (подготовка покушения на И.В. Сталина и взрыва советских учреждений в Кремле), участие в деятельности контрреволюционных организаций (вредительство). Некоторые участники получили длительные сроки (8–10 лет) заключения в исправи-

тельно-трудовых лагерях.

Несколько человек избежали преследования (Миронов, Алтаева, Троньон, Шишилов, Федоров, Диманштейн, Плетнев). Документы на арест некоторых из них были подготовлены, но руководивший следствием по делу заместитель Наркома внутренних дел СССР Л.Н. Бельский не дал справкам ход [2, л. 237–239]. Наиболее вероятно, что в ходе борьбы за власть внутри НКВД новое руководство избавлялась от приближенных Г.Г. Ягоды. И хотя по отзывам хорошо знавшей и долго работавшей с Бокием с дореволюционных времен коммунистки Е.Д. Стасовой, Бокий резко отмежевался от Ягоды, [2, л. 316] в представлении нового руководства Бокий оставался членом старой команды. По мере устранения Бокия и его подчиненных по Спецотделу, остальные участники тайного общества становились НКВД неинтересны.

Вопреки часто встречающемуся среди исследователей мнению [3, с. 546–547; 4, с. 223–225] из материалов архивно-следственных дел Барченко и Бокия видно, что следствие интересовала не столько оккультная организация «Единое Трудовое Братство», а прежде всего Бокий как один из руководителей НКВД.

Показателен следующий случай. Барченко под влиянием идей Сент-Ива д'Альвейдра [5] считал, что в области Тибета и Гималаев существуют остатки высокоразвитой цивилизации Агарти (Шамбалы), хранящей секреты древней науки (учение «Дюнхор» или «Древняя Наука»). Повсюду на просторах СССР Барченко искал посвященных в тайны этого учения. В 1924 году [6, л. 9об.] Барченко отправился в Кострому на поиски учеников некоего Никитина, о котором имелись сведения о принадлежности к одной из старообрядческих

сект, связанной с мистическим Беловодьем. Находясь в Костроме, Барченко производил поиски и расспросы, чем привлек внимание местного отделения ОГПУ. Барченко был обыскан и на короткое время задержан, но благодаря вмешательству Бокия был освобожден [2, л. 29–30].

Удивительно, что результаты обыска у Барченко хранились не реализованными до 1937 года, т.е. 13 лет. В протоколе допроса Бокия 17–18 мая 1937 года следователем отмечается, что в ходе обыска у Барченко был изъят устав «Единого Трудового Братства» [2, л. 29–30], при том, что в 1937 году Барченко был обыскан только 21 мая.

Возглавляемый Бокием Спецотдел НКВД занимался, кроме прочего, контролем за чисткой рядов в партии большевиков и работой с оперативной техникой [7, с. 9]. При этом в деле Бокия как номенклатурного работника из архива ЦК КПСС и в деле комиссии партийного контроля (спецархиве КПК) соответствующие сведения отсутствуют [2, л.314–315, 317–318]. Это означает, что компрометирующие материалы на Бокия собирали очень давно, а его увлечение мистическими теориями Барченко не было секретом для заинтересованных коллег.

Идеология «Единого Трудового Братства» базировалась на теософской основе со значительными автохтонными включениями. Барченко заменил познание божественной сути вещей на стремление к коммунистическим идеалам [8, с. 245–247], что было удобно для взаимодействия с советскими учреждениями. Однако идеи Е.П. Блаватской, воспринятые Барченко в юные годы, очевидно просматриваются как дореволюционном литературном творчестве (анбольшую известность А.В. Барченко как писателю принесли мистическо-приключенческие романы «доктор черный» и «из мра-

ка»), так и в письмах [8, с. 303–328] и публичных лекциях⁹ [9, л. 89–94об.]. Система ритуалов и уровней посвящений не была развита. Мистические имена использовались, но сведений об этом мало [6, л. 103.] Символика заимствована у розенкрейцеров [6, л. 41–42].

В материалах архивно-следственных дел, однако, отчетливо прослеживается, что чекисты не особо интересовались оккультной подосновой общества. Они именовали «Единое Трудовое Братство» контрреволюционной масонской организацией, по контексту добавляя указание на ее шпионский или террористический характер, часто допуская характерную ошибку в написании слова «масоны» – «массоны». Следователей НКВД «Единое Трудовое Братство» интересовало как мрачный фон для обвинения Бокия, подчеркивающий его деградацию как активного участника Октябрьской революции до разложившегося троцкиста. Характерная деталь, сам Барченко в протоколе допроса от 23 декабря 1937 года именуется как «Распутин большевистского двора», [6, л. 64; 2, л. 126].

Членов общества обвиняли в принадлежности о к масонской организации, но наименование этой организации в делах каждого участника свое. У Барченко это «Единое Трудовое Братство» и «Великое Братство Азии»; у Бокия – «Единое Трудовое Братство», «Древняя наука»; у Королева – «Единое Трудовое Братство», «Шамбала»; у Москвина – «Единое Трудовое Братство», «Группа»; у Шварца – «Шамбала», «Шамбала-Дюнхор»; у Кондияна – «Шамбала». Показательно, что о наименовании «Единое Трудовое Братство» Бокий впервые услышал только на допросе 17–18 мая 1937 года [2, л. 29]. Это говорит об условности деятельности организации. Как единая структурно

оформившаяся организация это общество не существовало, вместо этого было несколько кружков под руководством Барченко, объединенных общим интересом их членов к восточной мистике.

Участники этих кружков не стремились к организационному оформлению своей деятельности, в отличии, например от деятельности ленинградских парамасонов (Б.В. Астромов-Кириченко) [10, с. 68]. У «Единого Трудового Братства» имелись устав и требник, но в них выражались скорее нравственные ориентиры, определяемые Барченко для своего ближнего круга, чем устанавливались основы деятельности организации.

Исследование генезиса «Единого Трудового Братства» как тайного общества и его культуры осложнено двумя факторами.

Первый – своеобразная источниковая база. О существовании «Единого Трудового Братства» известно из материалов архивно-следственных дел, которые вело НКВД в 1937–1939 годах, архива членов семьи Кондиайн [8] (близких Барченко, с которыми он и его семья долгое время жили одной коммуной), а также воспоминаний жены Барченко. Эти источники необъективны. Для них Барченко был духовным лидером, непререкаемым авторитетом, на которого они равнялись. Воспоминания о нем эмоционально окрашены. Например, О.П. Барченко (жена А.В. Барченко) в 1957 году в процессе реабилитации просила вернуть ей диссертацию и заметки А.В. Барченко, искренне полагая, что он занимался исследованиями в области мирного атома. Любопытен отзыв бывшего начальника Главного управления научных учреждений Наркомпроса РСФСР (Главнауки) старого коммуниста Ф.Н. Петрова, патронировавшего исследования Барченко в 1923–1924 годах, заявившего в

1956 году, что «планы Барченко в отношении использования атомной энергии «носили в значительной степени фантастический характер», а подготовленная им кандидатская диссертация не была связана с этой проблемой» [6, л. 174об]. Это показывает, что даже самые близкие Барченко не понимали суть его изыскания, всецело доверяя тому, что он говорил.

Что касается дел, которые вело НКВД в отношении оккультного подполья в целом и, в частности, «Единого Трудового Братства» во второй половине 1930-х годов, то в них нет и следа профессиональной объективности, которая еще присутствует в делах ленинградских парамасонов середины 1920-х. Сведения об организационных отношениях внутри организации – сплошные выдумки и фальсификации, материалы расследований полны неразрешенных внутренних противоречий. В целом, сведения из архивно-следственных дел можно использовать только при наличии других подтверждающих источников.

Относительно литературы по этому вопросу следует отметить слабо понятную причину, по которой исследователи не обращаются непосредственно к архивным делам, а предпочитают публиковать документы полученные от других лиц. Это приводит к значимым искажениям. Например, упомянутая лекция Барченко по Таро опубликована [8]. Однако она вырвана из контекста спора Барченко и его соратника Петрелевича относительно авторства карданного подвеса, а также содержит расхождение с оригиналом в части именовании источников, используемых Барченко («тайная доктрина» – это отсылка к некоторой скрытой концепции, а «Тайная Доктрина» – это прямое указание на книгу и учение Блаватской, также как

«универсальный механизм» гораздо шире, чем «Великий Универсальный Механизм») [9, л. 45–46, 51(57)–56об, 59–60, 66–67, 72–73об, 76–88об].

Второй осложняющий исследование фактор – необычная для того времени структура тайного общества. Тамплиерские (Карелин, Солонович) [11, 12], розенкрейцерские (Белюстин, Дорогова, Жемчужникова, Зубакин) [13], маргинистские (Мёбес, Нестерова, Астромов-Кириченко и др.) [10] общества представляли собой кружки по интересам, группирующиеся вокруг одного, иногда двух лидеров, которые также вели денежные и хозяйственные дела своей группы. Это могли быть секты как закрытого типа (для близких знакомых), так и открыто вовлекающие членов, которые становившихся своеобразной кормовой базой для лидеров организации (яркие примеры, орден маргинистов Мёбеса и Нестеровой [10, с. 7–245] или «Единое Трудовое Содружество» Гурджиева [14]), но в них вопросы идеологические, так и денежно-имущественные вели одни и те же люди.

«Единое Трудовое Братство» представляет собой исключение из общего ряда. Безусловным идейным лидером был Барченко. Интересный рассказчик, он увлекал слушателей историями про древние цивилизации, тайны Каббалы, рукотворные марсианские каналы, перспективы построения справедливого общества. Помимо соответствующего психологического склада сказывался дореволюционный писательский опыт [15, 16]. Вокруг Барченко сложилась тесная группа, которую называют «Коммуной на улице Красных Зорь» (жены Барченко, супруги Кондяин, Шишелова-Маркова, Струтинская), – самый близкий круг последователей, которые проживали совместно с ним и следовали за ним в экспедиции (на Кольский полу-

остров, Алтай, Крым, несостоявшаяся экспедиция в Афганистан). Собственно это и есть «Единое Трудовое Братство» [6, л. 38.]. К этой группе примыкала группа студентов Восточного института (Королёв, Шишелов), а также несколько увлеченных мистикой адептов (Шандаровский, Петелевич, Троньон, Трей и несколько других).

Барченко удалось то, что не удалось Астромову-Кириченко (ложа «Астрея» в Петрограде) и Полисадову (ложа «Гармония» в Москве): он заручился поддержкой группы петроградских чекистов (Владимиров, Рикс, Отто, Лейсмейер-Шварц), которые покровительствовали его деятельности. Это второй, более широкий круг последователей Барченко – те, кто увлекался его идеями, но сохранявших бо льшую самостоятельность, не полагавшихся в повседневных решениях на мнение и советы лидера. В деле А.В. Барченко есть указание, которое не подтверждается иными источниками, что под именем К.К. Владимирова действовал английский шпион немецкий барон Пиляр фон Пильхау [6, л. 60].

После срыва экспедиции в Афганистан Барченко отправился в поездку на Алтай, что послужило причиной серьезной ссоры с группой чекистов-покровителей, потребовавших от Барченко не предпринимать подобных шагов без согласования с ними [6, л. 23–24]. Однако к тому времени они успели познакомить Барченко с Бокием, который был их знакомым по Петроградской ЧК. Бокий увлекся идеями Барченко. Будучи гораздо более влиятельным покровителем, он также располагал значительными средствами отпускаемыми на финансирование Спецотдела ОГПУ, а также нелегального фонда, формировавшихся из средств от продажи несгораемых шкафов и разработки шифро-

вальных кодов. Эти средства в силу их специфического назначения слабо контролировались, и Бокий использовал их для финансирования Барченко [2, л. 43, 60, 135, 323; 6, л. 21, 56].

Бокий настолько увлекся идеями Барченко, что организовал из числа сотрудников руководимого им Спецотдела ОГПУ кружок, в котором Барченко читал лекции. Однако «вскоре после организации мною кружка из сотрудников Спецотдела выяснилось, что привлеченные мной в него лица не подготовлены к восприятию ее тайн» [2, л. 27]. Такое интенсивное взаимодействие Барченко с сотрудниками ЧК–ОГПУ дает некоторым исследователям основание предполагать существование «чекистской масонской ложи» [3] и подпитывает множество спекуляций относительно проникновения масонства в органы госбезопасности.

В этом предположении есть изъян – оно не учитывает разный характер образывавшей кружков. Это особенно хорошо видно в различии их специфических субкультур. Для небольшой тайной организации не характерно наличие настолько отличающихся групп со своими ценностными установками и правилами поведения. Бокий для этого общества был не просто спонсором, а вторым организующим центром, второй осью. Именно для него характерно окружать себя большим количеством малых групп. «Дачная коммуна», семейственность в Спецотделе [2, л. 313–314, 325] кружок Барченко, «встречи друзей» по Горному институту – каждая из этих групп существенно отличается по своей культуре.

Наличие двух организующих центров – Барченко (идеологического) и Бокия (финансового) – имело следствием специфическую структуру общества. Несколько кружков знакомых между со-

бой людей, увлеченных рассказами Барченко про Шамбалу, но группирующихся вокруг двух разных центров (осей).

В делах Бокия и Барченко есть справки и выписки из показаний других участников «Единого Трудового Братства» из других архивно-следственных дел, которые еще полностью не рассекречены. В частности в деле в показаниях В.Н. Королева есть сведения о его контактах с заместителем Наркома иностранных дел Б.С. Стомоняковым. Оба они являлись адептами Барченко, но их разных групп. По версии следователей НКВД их пересечение имело место на почве шпионской работы. Однако тщательное сравнение различных вариантов протоколов допросов из разных дел, позволяет сделать вывод, что это фальсификация. Протокол допроса Королева из дела Барченко таких сведений не содержит, а выписка из протокола допроса Королева в деле Бокия содержит описание наставлений Стомонякова о том, как организовывать связь с английской резидентурой на Востоке. То, что протоколы допроса Королева от 22 и 27 июня 1937 года в начальной части совпадают, а затем отличаются описанием отношений со Стомоняковым, говорит о том, что второй допрос был осуществлен специально для добавления этих сведений. [2, л. 183–184; 6, л. 96–115].

Для исследования образования и деятельности «Единого Трудового Братства» разобраться в личности Глеба Бокия не менее важно, чем понять психологические акцентуации самого Барченко. Для этих целей необходимо обратиться к оригиналам архивно-следственных дел Бокия и Барченко, именно там содержатся сведения, раскрывающие характер Бокия. Кроме того, других информативных источников о нем не сохранилось.

Центральной проблемой здесь является загрязненность показаний (как самого Бокия, так и свидетельствовавших против него других арестованных) выдумками НКВД о шпионаже в пользу Англии, сотрудничестве с Ага-Ханом и троцкистском заговоре. Показания проходивших по делу лиц содержат интересные сведения, которые, однако, все необходимо ставить под сомнения – следователи, преследовавшие свои собственные цели, внесли в них слишком много путаницы и искажений

Для понимания характеров Бокия и Барченко, а также в целом культуры «Единого Трудового Братства» необходимо очистить их показания от этих наслоения. В дополнение к логическому и историческому анализу показаний может быть полезен анализ пометок, которые делали разные лица, причастные к делу. Пометки на полях, подчеркивания текста различным карандашом, выделения и исправления в тексте помогают понять образ действий и мотивы следователей, тем самым, даже если не отделить правду от лжи, то хотя бы повлиять на оценку изложенных сведений.

В делах Барченко и Бокия много пометок, но в целом можно выделить несколько профилей авторов этих пометок, среди которых выделяются три профиля – два следователя КГБ при Совете Министров СССР (Нефедов, Булыгин), которым было поручено проведение дополнительных проверок в 1955–1956 годах, а также, военного прокурора Корнеева, итогом работы которых стали пересмотры дел и реабилитация Барченко и Бокия.

Эти авторы обращали внимание на дополнительные признаки и особенности, которые вполне можно считать культурологическими. Они отмечали фрагменты текста, касающиеся единства и сплоченности «Единого Тру-

вого Братства», а точнее – противоречии в показаниях, отсутствия единой организационной структуры общества, исключаящее организованную контрреволюционную деятельность. В целом очевидно стремление оправдать осужденных. Дело Бокия пересмотрели только со второй попытки. Первоначальная дополнительная проверка закончилась заключением об отсутствии оснований для пересмотра. Только настойчивость Главной Военной прокуратуры и особый контроль ЦК КПСС в итоге привели к отмене приговора [2, л. 258–261, 339].

В середине 1950-х годов процесс реабилитации носил массовый характер и те, кто вел эти дела считали возможным делать в них соответствующие пометки, внося дополнительную путаницу в понимание истинных целей авторов документов. Для следователей КГБ это были обычные дела, находящиеся в их производстве, они не относились к этим документам как к объекту потенциально го исследования.

Пометки тех, кто занимался реабилитацией выполнены простым, синим и красным карандашом: подчеркивание в тексте, а также выделение сплошной или двойной вертикальной чертой справа или слева от текста. Такие пометки есть в делах и Бокия, и Барченко. Причем они наличествуют как в репрессивной, так и в реабилитирующих частях дела, что означает, что лица, которые вели эти дела в 1937–1938 годах сделать их не могли (замнаркома внутренних дел Л.Н. Бельский был расстрелян в 1941 году, следователь Э.А. Али-Кутейбаров – в 1939 году).

Внесение собственных пометок в документы, при расследовании дел, связанных с фальсификацией является грубейшим нарушением методики расследования таких преступлений. Одна-

ко, прокуроры Главной Военной прокуратуры СССР и следователи КГБ, вряд ли могли предположить тот общественный интерес, который будет привлекать дела оккультистов в далеком для них будущем. Их отметки в виде подчеркиваний имеют характерный признак: они размашистые, свободные, слегка небрежные; как правило, начинаются в середине первого слова и заканчиваются не доходя до конца последнего слова. Это не четкое выделение слов, а общие отметки.

В делах есть группа отметок, выполненных тонкими серыми карандашными линиями. В основном они сосредоточены в письме Барченко на имя наркома внутренних дел Ежова [6, л. 126-130об], в котором Барченко сознается в инкриминируемых преступлениях, но просит сохранить ему жизнь, мотивируя необходимостью закончить работу над научным открытием, которое способно значительно укрепить оборонных потенциал страны. Барченко не указывает в чем конкретно заключается открытие, ограничиваясь общими словами, но очевидно, что он до последних дней искренне верил в существование «синкретического метода древней науки». Активное выделение текста подчеркиванием, прописными буквами, а также комбинацией этих способов – характерный для Барченко способ выражения мыслей [17], в соединении с фантастичными идеями и резкой направлением повествования позволяют предположить у него психические акцентуации, характерные для шизоидного склада мышления.

Авторство другой части пометок простым карандашом вероятно принадлежит прокурору Главной Военной прокуратуры Корнееву. Об этом позволяют судить характерные пометки в письме КГБ в адрес Главной Воен-

ной прокуратуры от 27 марта 1956 г. № 1/18-4761. Вероятно, они могли быть оставлены именно им, потому как он последний, кто интенсивно работал над этим делом в процессе реабилитации [2, л. 299 (бывш. 285)].

Гораздо больший интерес представляют отметки выполненные красным и синими карандашами, а также фиолетовыми чернилами, которые можно точно идентифицировать как сделанные Бельским и Али-Кутебаровым во время расследования дел в 1937–1938 годах. В сочетании с анализом текста показаний, а также имеющихся в реабилитационной части дела выписок из протоколов допросов самих Бельского и Али-Кутейбарова [2, л. 236–240, 241, 279–279об], они вне всякого сомнения говорят о фальсификации заявлений подследственных о своей террористической и антисоветской деятельности.

При этом следователи сами не верили в то, что они навязывали подследственным. Например, в четвертом допросе Бокия 15 августа 1937 года [2, л. 73–96] он признается в связях с Троцким. «Как я уже показывал ранее, я в 1925 году был снова вовлечен Барченко в деятельность масонской организации. Своей задачей мы ставили захват под свое влияние руководства партии и правительства, предполагая осуществить это путем овладения при помощи Барченко умами руководящих членов Центрального комитета. Предпринятые нами в этом направлении попытки, однако, результатов не дали. Теориями Барченко никто из руководящих членов правительства не заинтересовался и ни одного из выдвигавшихся Барченко проектов нам провести в жизнь не удалось. В связи с этими неудачами, у меня возник новый план. Я решил, что так как овладеть настоящим руководством партии не представ-

ляется возможным, то необходимо это руководство уничтожить совершенно и организовать в СССР государственный переворот. Осуществить это я предполагал путем использования исследований Барченко в области производства взрывов на расстоянии и организации взрыва Кремля» – слева от этого текста фиолетовыми чернилами выполнена пометка «ахинея?» [2, л. 79]. Фиолетовыми чернилами в этой части дела выполнены только исправления грамматических ошибок в машинописном тексте допросов, подчеркивания отдельных слов, а также отметки блоков текста для перепечатки в следующий протокол допроса (графические отметки, выделение словами «от» и «до»).

Оформление протоколов допросов заслуживает отдельного упоминания. В деле Барченко только один из трех его протоколов допроса выполнен от руки. В деле Бокия все протоколы машинописные. При этом в конце допросов присутствуют подписи, и собственноручные записи подследственных о верности показаний. Это свидетельство, что они подписывали то, что им предоставляли, включая выдуманные следствием факты.

Это отчетливо видно в деле Бокия. Его первый и второй протоколы допроса в начальной части практически дословно совпадают, однако имеются признаки улучшения текста [2, л. 20–30, 31–49].

При компилировании показаний из фрагментов предыдущего допроса неизбежно должны были появляться несогласованности, связанные с несогласованностью диктующего и машинистки. Это неизбежно связано с перепечаткой страниц несколько раз начисто. В целом эти протоколы подозрительно аккуратные, в них минимальное количество исправлений и опечаток. Помарки и опечатки есть, но

исправления смысловых ошибок встречаются в основном в конце страниц. Это означает, что автор текста берег труд машинистки, не заставляя ее перепечатывать всю страницу заново.

Показательны исправления на листах 32 и 33 в деле Бокия. В первом случае текст «и посторонние гости. Иногда артисты, цыгане из хора» (дословная цитата из предыдущего протокола допроса) заменено на «гости – артисты, цыгане танцоры». Это 3 и 4 строки текста внизу страницы. Человек, исправивший текст, по привычке сделал это красным карандашом.

Во втором случае имеет место явная ошибка восприятия на слух. В протоколе «сказ.марксист» исправлено на «старый марксист». Это последняя строка на странице. Исправления также выполнены красным карандашом. Такого рода исправления говорят о доверительных отношениях машинистки и диктующего.

Во втором протоколе допроса Бокия имеется характерный признак: много пропущенных запятых в неочевидных местах. Это говорит о быстрой надиктовке текста, а не перепечатке с рукописного оригинала.

Эти признаки позволяют выдвинуть предположение, что на начальной стадии делом занимался лично заместитель наркома Бельский. Что вполне возможно, учитывая должность, которую занимал Бокий в иерархии НКВД до ареста.

В дальнейшем по делу ситуация меняется. Четвертый протокол допроса Бокия [2, л. 73–96] содержит минимальное количество исправлений. При том, что Бокий сообщает о подготовке покушения на высшее руководство страны, а в таком случае быть важны малейшие детали и подробности. Это значит, что протокол допроса был заранее подготов-

лен. В качестве допрашивающего указан только Али-Кутейбаров, а подчеркивания (изменился характер пометок) принадлежат, вероятно, Бельскому.

Отметки, которые сделали прокуроры и следователи в процессе дополнительной проверки в 1955–1956 годах существенным образом искажают понимание умысла тех, кто вел это дело в конце 1930-х. И те и те использовали синий и красный карандаш, вполне возможно двухцветный. Однако о некоторых отметках можно полагать, что они сделаны в 1930-х, так как они повторяются в обоих анализируемых делах, а дополнительную проверку проводили разные люди.

Исследуя пометки, которые предположительно были сделаны в 1930-е годы, можно отметить, что они касались ключевых моментов дела: связей с конкретными врагами советского государства (Троцкий, Ага-Хан), и направлений возможного расследования – фамилии участников «Единого Трудового Братства» и окружения Бокия. Это в корне отличается от характера пометок следователей середины 1950-х годов.

При оценке динамики расследования дела (какие факты интересовали следователей, как менялось отношение к упоминаемым персоналиям) следует отметить возрастающую степень политизированности обвинений. От деятельности нелегального кружка по изучению восточных мистических учений, фокус смещается со сбора сведений о конкретных событиях в сторону декларативных заявлений о виновности подследственных в шпионаже и подготовки терактов с использованием энергии ядерного взрыва. Возрастающая декларативность – очевидный признак фальсификации. Она объясняется, в том числе, ориентацией на параноидальные настроения руководства. Собранных доказательств хватало, чтобы привлечь подследствен-

ных за антисоветскую деятельность, как эту деятельность понимала правоприменительная практика тех лет, что гарантировало осуждение на 8–10 лет исправительных лагерей. Но общий настрой на поиски шпионов и террористов определил увеличение обвинения и, как следствие, смертный приговор.

В целом попытка «вложить в руку» конкретному лицу красный или синий карандаш (как следствие – обвинить в фальсификациях) обречена на неудачу. Не обязательно пометки тем или иным цветом делали одни и те же люди. Красный и синий карандаш повсеместно активно использовали с начала XX века. Например, на первом листе дела Барченко А.Я. Вышинский дает согласие красным карандашом. Но уже на втором листе красным карандашом расписывается Бельский и он же красным карандашом заполняет исполнителя ордера на арест и обыск, а на 3-м листе утверждает постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения.

Применение же технических средств в данном случае бессмысленно, что связано с проблемой избыточной точностью измерений. Например, взяв образцы с различных отметок, можно проанализировать их химический состав, например, с помощью масс-молекулярной спектроскопии, и при определенной точности будет совпадение разных образцов. Но при увеличении точности измерений разница неизбежно возникнет между разными образками, взятыми из разных частей одной и той же пометки. Проведение такого исследования бессмысленно в отсутствие самого карандаша, который необходимо идентифицировать, так как только имея его можно определить разброс параметров глины и красителя.

Исследование нумерации страниц в делах Бокия и Барченко не дает

существенной дополнительной информации. В репрессивной части дел нумерация сквозная карандашом, не переделывалась, протоколы допросов частично имеют собственную нумерацию, в одном месте существует задвоение нумерации. Дополнительная проверка продолжает нумерацию, но уже зелеными чернилами.

В целом исследование пометок и исправлений в деле, а также их отсутствие в местах, где разумно допустить их наличие, показывает, что доверять сведениям из архивно-следственных дел Барченко и Бакия следует предельно осторожно, отдавая предпочтения фактам, которые могут быть подтверждены сторонними источниками. Подозрительными, например, являются сведения о разных кружках, которыми окружал себя Бокий, что принципиально важно для понимания структуры «Единого Трудового Братства» как тайного общества. При этом сведения о контактах с другими лицами, направленности умысла и указания на списки членов организации – наименее заслуживающая доверия информация.

Первоначальные допросы более достоверны, чем последующие. Кроме анализа содержательной части об этом свидетельствует присутствие исправлений, характерных для непосредственного контакта следователь – арестованный.

Следует отметить явно бутафорский характер расследования заговора против высших государственных лиц. Отсутствие технических деталей подготавливаемых покушений, непроведение дополнительных обысков, якобы, взрывотехнической лаборатории Барченко в подмосковном Красково также указывает на надуманность обвинений.

Проведенное исследование подтверждает надуманность обвинения и приговора в отношении Барченко и

всех осужденных, причастных к «Единному Трудовому Братству».

С юридической точки зрения это не важно. Эти лица были реабилитированы [2, л. 339; 6, л. 167–167об, 169–169об]. Но это важно для исследования культуры «Единого Трудового Братства» как тайного общества. Это важно для тех, кто верит в существование Шамбалы и в А.В. Барченко как о носителя тайных знаний. Проведенное исследование позволяет лучше понять, где реальные сведения о культуре тайных обществ, а где выдумки, и, соответственно, сделать вывод о «Едином Трудовом Братстве» как об обычном объединении советских граждан, стремившихся уйти от суровой действительности в альтернативную реальность.

Подследственные, когда им предоставлялась возможность, давали показания об их духовных исканиях, символике организации, отношениях с близкими, проектах реформирования человечества с упором на мудрость Востока, экспедиций в экзотические страны без конкретной цели. Эти сведения подтверждаются другими источниками: частной и служебной перепиской находимой в частных и государственных архивах [8]. Однако в большинстве случаев такие рассуждения, начатые как свободные, в протоколах допросов переводятся в плоскость поиска контактов с иностранными разведками и приискание соучастников для контрреволюционной деятельности.

Однако даже обрывочных сведений достаточно, чтобы сделать вывод об искусственном самоограничении их мира в границах близких им людей под руководством харизматичных лидеров, деятельности связанной с внутренним психологическим напряжением и другими характеристиками игры, как ее определяет Й. Хейзинга [18, с. 58–59].

Культура «Единого Трудового Братства», существующим образом в деталях отличающаяся от других тайных обществ того времени в Советской России (например, парамасонами или розенкрейцерами), имеет с ними общую главную черту – это была игра в оккультизм, крайний способ отрешения от окружающей реальности.

Список литературы

1. Жиганец, Ф. Блатная лирика: сборник / Фима Жиганец = Сидилов А.А. // Ростов-на-Дону: «Феникс», 2001. 352 с.
2. Дело Г.И. Бокия, Центральный архив Федеральной службы безопасности (далее – ЦА ФСБ России), № Р-8467 (преж. № 6125200).
3. Брачев, В.С. Массоны и власть в России / Виктор Брачев. – Москва: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. 640 с.
4. Грекова Т.И. Тибетский лекарь кремлевских вождей / Татьяна Грекова. – [2-е изд.]. – СПб.: Нева, 2004. 382, [1] с.
5. Сент-Ив д'Альвейдр Ж.А. Миссия Индии в Европе; Миссия Европы в Азии / Александр Сент-Ив д'Альвейдр. – Петроград: Новый человек, 1915. 157 с.
6. Дело А.В. Барченко, ЦА ФСБ России, Д. Р-23405 (преж. № 967367).
7. Симбирцев И. Спецслужбы первых лет СССР. 1923–1939 / Игорь Симбирцев. – Москва: Центрполиграф, 2008. 379, [1] с.
8. Андреев А.И. Окультист Страны Советов: [тайна доктора Барченко] / Александр Андреев. – Москва: Яуза: Эксмо, 2004. 365, [1] с.
9. Барченко А.В. Лекция VIII Таро. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ), Ф.А-2307, О.7, Д.12.
10. Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923–1941 гг. / Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А.Л. Никитина. – Москва: Минувшее, 2005. 536 с.
11. Орден российских тамплиеров. Том I. Документы 1922–1930 гг. / Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А.Л. Никитина. – Москва: Минувшее, 2003. 419 с.
12. Орден российских тамплиеров. Том II. Документы 1930–1944 гг. / Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А.Л. Никитина. – Москва: Минувшее, 2003. 376 с.
13. Розенкрейцеры в советской России. Документы 1922–1937 гг. / Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А.Л. Никитина. – Москва: «Минувшее», 2004. 464 с.
14. Шишкин, О.А. Сумерки магов: Георгий Гурджиев и другие / Олег Шишкин. – Москва: Эксмо: Яуза, 2005 (Н.Новгород: Нижполиграф). 349 с.
15. Барченко, А.В. Океан-кормилец: Повесть / А.В. Барченко. – Петроград: Б. и., 1917. – (Библиотека «Всходов»).
16. Волны жизни: Сб. рассказов / А.В. Барченко. – Санкт-Петербург: В.И. Губинский, 1914. 284 с. С. 195–206.
17. Письмо Барченко А.В. на имя Петрова Ф.Н. от 24 мая 1924 г. ГА РФ Ф.А-2307. О.7. Д.8. л. 250–251.
18. Хейзинга Й. Человек играющий = Homo ludens. Человек играющий [Текст]: опыт определения игрового элемента культуры / Йохан Хейзинга; сост., предисл.

и пер. Д.В. Сильвестрова; коммент., указ. Д.Э. Харитоновича. – Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 409, [6] с.

19. Гусарова М.Н., Авакян Д.А. Высшее образование в Российской Федерации в первой четверти XXI века в контексте эволюции государственного управления и цифровизации // Этносоциум и международная культура. 2025. № 8 (206). С. 31–40.

References

1. Zhiganets, F. Criminal Lyrics: Collection / Fima Zhiganets = A.A. Sidrov // Rostov-on-Don: "Phoenix", 2001. 352 p.
2. The Case of G.I. Boki, Central Archives of the Federal Security Service (hereinafter referred to as the Central Archives of the FSB of Russia), No. R-8467 (previous No. 6125200).
3. Brachev, V.S. Masons and Power in Russia / Viktor Brachev. – Moscow: EKSMO: Algorithm, 2003. 640 p.
4. Grekova, T.I. Tibetan Physician of the Kremlin Leaders / Tatyana Grekova. – [2nd ed.]. – St. Petersburg: Neva, 2004. 382, [1] p.
5. Saint-Yves d'Alveydre J.A. The Mission of India in Europe; The Mission of Europe in Asia / Alexandre Saint-Yves d'Alveydre. – Petrograd: Novy Chelovek, 1915. 157 p.
6. The Case of A.V. Barchenko, Central Archives of the FSB of Russia, D.R-23405 (previous No. 967367).
7. Simbirtsev I. The Special Services of the First Years of the USSR. 1923–1939 / Igor Simbirtsev. – Moscow: Tsentrpoligraf, 2008. 379, [1] p.
8. Andreev A.I. The Occultist of the Country of Soviets: [the Secret of Dr. Barchenko] / Alexander Andreev. – Moscow: Yauza: Eksmo, 2004. 365, [1] p.
9. Barchenko A.V. Lecture VIII Tarot. State Archives of the Russian Federation (hereinafter referred to as GA RF), F.A-2307, O.7, D.12.
10. Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923–1941 / Publication, introductory articles, commentary, index by A.L. Nikitin. Moscow: Minushee, 2005. 536 p.
11. The Order of Russian Templars. Volume I. Documents 1922–1930 / Publication, introductory articles, commentary, index by A.L. Nikitin. Moscow: Minushee, 2003. 419 p.
12. The Order of Russian Templars. Volume II. Documents 1930–1944 / Publication, introductory articles, commentary, index by A.L. Nikitin. – Moscow: Minushee, 2003. 376 p.
13. The Rosicrucians in Soviet Russia. Documents 1922–1937 / Publication, introductory articles, commentary, index by A.L. Nikitin. – Moscow: "Minushee", 2004. 464 p.
14. Shishkin O.A. Twilight of the Magicians: George Gurdjieff and Others / Oleg Shishkin. – Moscow: Eksmo: Yauza, 2005 (Nizhny Novgorod: Nizhpoligraf). 349 p.
15. Barchenko A.V. The Ocean-Breadwinner: A Story – Petrograd: B. i., 1917. – (Vskhody Library).
16. Waves of Life: Coll. stories / A.V. Barchenko. – St. Petersburg: V.I. Gubinsky, 1914. 284 p. P. 195–206.
17. Letter from A.V. Barchenko to F.N. Petrov dated May 24, 1924. GA RF F.A-2307. O.7. D.8. P. 250–251.
18. Huizinga J. Homo ludens. Homo playful [Text]: An attempt to define the play element of culture / Johan Huizinga; compiled, foreword and translated by D.V. Silvestrov; commentary, cited by D.E. Kharitonovich. – St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House, 2011. 409, [6] p.
19. Gusarova M.N., Avakyan D.H. Higher education in the Russian Federation in the first quarter of the 21st century in the context of the evolution of public administration and digitalization // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 31–40.

Ланбина С.К.

Бакалавр. Федеральное

Государственное Автономное Образовательное Учреждение Высшего Образования
«Новосибирский Национальный Исследовательский Государственный Университет».

Развитие стиля Fine Line татуировки как культурного явления нового поколения*

Аннотация. Статья посвящена исследованию стиля Fine Line в татуировочном искусстве как значимого культурного явления, отражающего мировоззренческие установки и эстетические предпочтения нового поколения. Цель работы – проанализировать развитие данного направления не только как техническую инновацию, но как комплексный социокультурный феномен, маркирующий трансформацию отношения к телесным практикам в современном обществе. Эмпирическую базу составили авторские эскизы татуировок, репрезентирующие основные тематические и технические характеристики стиля. В исследовании применена междисциплинарная методология, объединяющая визуально-семиотический анализ для выявления денотативных и коннотативных значений изображений, формально-стилистический подход для описания технических особенностей и эстетических параметров, культурологическую интерпретацию для осмысления визуальных мотивов в контексте современной культуры и контекстуальный анализ роли цифровых платформ в формировании эстетических канонов. Результаты исследования демонстрируют, что Fine Line представляет собой знаковую систему, кодирующую ценности индивидуализации, осознанного самоконструирования и дистанцирования от агрессивной субкультурной символики. Минималистичность, графическая деликатность и камерность масштаба соответствуют логике медиатизированной повседневности поколения Z, где визуальное высказывание становится инструментом персонального нарратива. Выбор характерных мотивов – солярных, природных, астрологических – отражает стремление к аутентичности, экологическое сознание и духовный поиск. Культурное значение стиля заключается в переопределении функции татуировки: от маркера маргинальности к легитимной форме художественного высказывания и артикуляции индивидуальной идентичности. Исследование подтверждает ключевую роль цифровых платформ в распространении эстетики Fine Line и его интеграцию в поле актуального искусства. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях визуальной культуры, социологии молодёжи, истории искусства и культурной антропологии для понимания механизмов культурного производства и циркуляции визуальных кодов в современном обществе.

Ключевые слова: Fine Line, татуировочное искусство, визуальная культура, поколение Z, телесные практики, минимализм, идентичность, цифровая эпоха, культурный феномен, самовыражение.

Lanbina S.K.

Bachelor. Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education “Novosibirsk National Research State University”.

* © Ланбина С.К., 2025.

Развитие стиля Fine Line татуировки как культурного явления нового поколения

The development of Fine Line tattoo style as a cultural phenomenon of a new generation

Abstract. This article explores the Fine Line style in tattoo art as a significant cultural phenomenon reflecting the ideological attitudes and aesthetic preferences of a new generation. The aim of the study is to analyze the development of this style not only as a technical innovation, but also as a complex sociocultural phenomenon that marks the transformation of attitudes toward bodily practices in modern society. The empirical base consists of the author's tattoo sketches, representing the main thematic and technical characteristics of the style. The study utilizes an interdisciplinary methodology combining visual semiotic analysis to identify the denotative and connotative meanings of the images, a formal-stylistic approach to describing technical features and aesthetic parameters, a cultural interpretation to understand visual motifs in the context of contemporary culture, and a contextual analysis of the role of digital platforms in shaping aesthetic canons. The study's results demonstrate that Fine Line represents a symbolic system encoding the values of individualization, conscious self-construction, and distancing from aggressive subcultural symbolism. Its minimalist style, graphic delicacy, and intimate scale correspond to the logic of the mediated everyday life of Generation Z, where visual expression becomes a tool for personal narrative. The choice of characteristic motifs—solar, natural, and astrological—reflects a desire for authenticity, environmental awareness, and spiritual quest. The style's cultural significance lies in its redefinition of the tattoo's function: from a marker of marginality to a legitimate form of artistic expression and articulation of individual identity. The study confirms the key role of digital platforms in the dissemination of Fine Line's aesthetics and its integration into contemporary art. The results obtained can be used in further studies of visual culture, the sociology of youth, art history, and cultural anthropology to understand the mechanisms of cultural production and the circulation of visual codes in contemporary society.

Key words: Fine Line, tattoo art, visual culture, Generation Z, body practices, minimalism, identity, digital age, cultural phenomenon, self-expression.

Введение

Татуировка как форма телесной модификации прошла длительный путь трансформации – от ритуальных практик древних цивилизаций до современного художественного высказывания [1]. На рубеже XX–XXI веков татуировка окончательно утвердилась в качестве легитимной формы визуального искусства, а её носители перестали восприниматься исключительно через призму маргинальности и субкультурной принадлежности [2].

В последнее десятилетие мировое татуировочное сообщество переживает стилистическую революцию, связанную с популяризацией техники Fine Line (тонкая линия). Этот минималистичный стиль, характеризующийся использованием сверхтонких игл и

деликатных линий, радикально изменил эстетику современной татуировки. Fine Line отвергает традиционную броскость и нарочитую визуальную агрессию, предлагая взамен утончённость, графическую чистоту и камерность художественного жеста [3].

Феномен Fine Line невозможно рассматривать исключительно как технологическую инновацию или стилистический тренд. Этот стиль стал культурным маркером нового поколения – миллениалов и поколения Z, – выросших в эпоху цифровой визуальности, минимализма в дизайне и переосмысления отношений между телом, идентичностью и самовыражением. Fine Line отражает ценности своего времени: стремление к индивидуальности без эпатажа, эстетизацию повседневности,

интимность личного нарратива [4].

Несмотря на растущую популярность стиля, его культурологическое осмысление остаётся фрагментарным. Академическое сообщество только начинает исследовать Fine Line как социокультурный феномен, анализируя его связь с визуальной культурой Instagram, трансформацией гендерных стереотипов в татуировке и изменением статуса телесных практик в обществе постмодерна.

Цель данной статьи – рассмотреть развитие стиля Fine Line не просто как эволюцию татуировочной техники, но как значимое культурное явление, отражающее мировоззренческие установки, эстетические предпочтения и коммуникативные стратегии нового поколения.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили авторские эскизы татуировок в стиле Fine Line, репрезентирующие основные тематические направления и технические особенности данного стиля. Выбор эскизов осуществлялся по критериям типичности мотивов, технической характеристики исполнения и соответствия актуальным эстетическим трендам современной татуировочной культуры.

Каждый эскиз представляет собой визуальный текст, который может быть проанализирован с точки зрения формальных характеристик, символического содержания и культурного контекста. Эскизы охватывают различные тематические категории, что позволяет продемонстрировать жанровое разнообразие стиля и его адаптивность к различным формам визуального высказывания.

Основным методом исследования

выступил визуально-семиотический анализ, позволяющий рассматривать татуировочные эскизы как знаковые системы, обладающие денотативными и коннотативными значениями. Этот подход даёт возможность выявить, каким образом визуальные элементы кодируют культурные смыслы и транслируют ценностные установки.

Формально-стилистический анализ применялся для описания технических и эстетических характеристик эскизов: особенностей линий, композиционных решений, соотношения графических элементов, специфики визуального языка. Данный метод позволяет идентифицировать отличительные черты Fine Line в сравнении с другими татуировочными направлениями.

Культурологическая интерпретация использовалась для осмысления выбранных визуальных мотивов в контексте современной культуры. Мы рассматривали, каким образом изображения отражают мировоззренческие установки нового поколения, его эстетические предпочтения и способы конструирования идентичности через телесные практики.

Контекстуальный анализ включал изучение социокультурной среды, в которой формируется и функционирует стиль Fine Line. Особое внимание уделялось роли цифровых платформ в распространении эстетических образцов и формировании визуальных канонов стиля.

Применение комплекса методов позволяет не ограничиваться описанием формальных признаков стиля, но раскрыть его культурное значение как художественного феномена, отражающего ценности и идентичность современного поколения.

Результаты исследования и их об- суждение

Изучение стиля Fine Line как культурного явления требует междисциплинарного подхода, объединяющего инструментарий культурологии, искусствоведения, визуальной антропологии и социологии искусства. Татуировка в современном контексте функционирует не только как форма телесной модификации, но и как художественное высказывание, культурный текст и маркер идентичности, что обуславливает необходимость её комплексного анализа [5].

Стиль Fine Line возник на пересечении нескольких культурных процессов: визуализации повседневной жизни через социальные сети, минималистической эстетики в дизайне и искусстве, демократизации татуировочной практики и пересмотра традиционных представлений о телесности [6]. Данный стиль отражает трансформацию отношения общества к татуировке – от субкультурного атрибута к общепринятой форме самовыражения, доступной широким социальным группам.

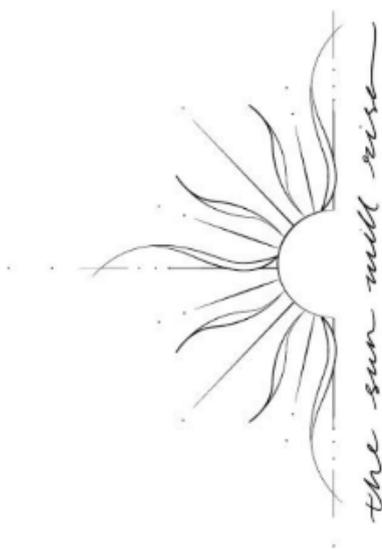
Новое поколение носителей татуировок демонстрирует иные эстетические предпочтения по сравнению с предшествующими когортами. Если традиционная татуировка тяготела к яркости, масштабности и символической насыщенности, то Fine Line предлагает деликатность, графическую сдержанность и интимность образа. Эта трансформация связана с изменением функций татуировки: от демонстрации групповой принадлежности к артикуляции индивидуального нарратива, от публичного заявления к личному высказыванию.

Культурная специфика Fine Line проявляется также в выборе мотивов и сюжетов. Популярность получают ботанические изображения, астрологи-

ческие символы, минималистичные геометрические композиции, микропортреты и абстрактные линейные формы. Эти образы коррелируют с ценностями экологического сознания, духовного поиска, феминистической эстетики и стремления к аутентичности.

Переходя к анализу конкретных визуальных образцов, рассмотрим представленный эскиз, демонстрирующий характерные особенности стиля Fine Line и его семиотическую насыщенность.

Данный эскиз представляет собой композицию из двух основных элементов: стилизованного изображения солнца и текстовой надписи, выполненной курсивным шрифтом. Применение визуально-семиотического анализа позволяет выявить денотативный уровень изображения – солнце как космический объект и источник света, а также коннотативные значения, связанные с жизненной энергией, духовным просветлением и обновлением.

Рисунок 1. Композиция «Солнце» в технике Fine Line: характерные особенности тонколинейной графики.

Солярная символика традиционно ассоциируется с позитивными началами, что отражает характерную для поколения Z тенденцию к поиску личностных смыслов и утверждению оптимистичного мировоззрения через телесные практики [7].

С точки зрения формально-стилистического анализа эскиз демонстрирует ключевые признаки направления Fine Line. Композиция построена на использовании тонких, изящных линий одинаковой толщины, создающих эффект графической легкости и воздушности. Лучи солнца выполнены плавными изогнутыми штрихами, образующими динамичную радиальную структуру. Центральная часть солнца решена как мягкая органическая форма без жесткой геометрии, что соответствует эстетике минимализма и естественности. Текстовое сопровождение интегрировано в общую композицию, подчеркивая индивидуальность замысла и личностную значимость изображения для носителя. Характерная для Fine Line деликатность исполнения и отсутствие агрессивных визуальных элементов отражают культурный сдвиг в восприятии татуировки от маркера субкультурной принадлежности к инструменту эстетической самопрезентации.

Культурологическая интерпретация данного визуального мотива раскрывает его связь с современными ценностными ориентирами молодого поколения. Выбор солнца как центрального образа свидетельствует о стремлении к позитивной символике, самоутверждению через оптимистичные архетипы и обращению к универсальным культурным кодам, понятным вне географических и социальных границ. Минималистичность исполнения соответствует эстетике цифровой эпохи, где

визуальная информация должна быть легко считываемой и адаптированной для трансляции через социальные медиа. Контекстуальный анализ указывает на влияние платформ визуального контента, где подобные эскизы активно циркулируют, формируя узнаваемый эстетический канон и способствуя популяризации стиля Fine Line как культурного явления, символизирующего новую философию телесности – осознанную, персонализированную и эстетически рафинированную.

Представленный эскиз демонстрирует классические признаки стиля Fine Line татуировки: использование тонких, изящных линий одинаковой толщины, минималистичную композицию и высокую степень графической чистоты. Изображение ириса построено по вертикальной оси, создающей ощущение легкости и естественной динамики. Цветок располагается в нижней части композиции, выполняя роль визуального якоря, в то время как изгибаю-

Рисунок 2. Цветочный мотив в стиле fine line — символ новой tattoo-культуры.

щийся стебель с характерными листьями создает плавное движение вверх. Линии выполнены с ювелирной точностью, без заливок и теневых переходов, что является ключевым техническим маркером стиля. Композиционная асимметрия и использование «белого пространства» соответствуют современным эстетическим предпочтениям спонтанности и воздушности.

На семиотическом уровне эскиз кодирует важные культурные смыслы современного поколения. Ирис традиционно символизирует утонченность, мудрость и женственность, однако в контексте Fine Line флоральные мотивы утрачивают строгую гендерную привязку, становясь универсальным эстетическим кодом. Выбор природного мотива отражает ценностные установки молодежи: стремление к связи с природой как противовес технологизированной реальности, культ естественной красоты и экологическое сознание. При этом исполнение несет явные сле-

Рисунок 3. Эскиз в стиле Fine Line: абстрагированные растительные формы и линейная композиция (Julia Ahrens).

ды цифровой визуальной культуры — идеальная геометрия линий характерна для векторной графики, вертикальный формат оптимизирован для восприятия на экране смартфона. Через такой эскиз конструируется телесная идентичность носителя: демонстрируется культурный капитал, принадлежность к сообществу ценителей современного тату-искусства, транслируются ценности минимализма, рефлексивности и индивидуализации через телесные практики.

На рисунке 3 изображен демонстрирует характерный эскиз в стиле Fine Line, выполненный тонкими, деликатными линиями с плавными изгибами. Композиция построена на вертикальной оси и включает абстрактные органические формы, напоминающие стилизованные листья или лепестки, соединённые извилистыми стеблями. Графическая структура отличается минималистичностью и воздушностью: линии варьируются по толщине, создавая ощущение движения и лёгкости, а внутренние плоскости форм заполнены тонкой штриховкой или остаются прозрачными, что усиливает эффект невесомости. Визуальный язык эскиза тяготеет к природной органике, но представлен в декоративно-абстрактной манере, лишённой детализации и нарочитой конкретики.

С точки зрения семиотики, данный эскиз функционирует как знак эстетизированной природности и утончённой телесности. На денотативном уровне изображение отсылает к растительным мотивам, однако его коннотативные значения значительно шире: это символ хрупкости и изящества, стремление к гармонии с органическим миром, манифестация индивидуальности через минималистичную образность. Отсутствие агрессивных контуров и

массивных заливок, характерных для традиционных татуировочных стилей, сигнализирует о дистанцировании от субкультурной символики и переходе татуировки в поле актуального искусства и персональной эстетики [8].

Культурологическая интерпретация эскиза позволяет рассматривать его как визуальное высказывание нового поколения, для которого телесные практики становятся способом конструирования идентичности вне жёстких субкультурных рамок. Стилль Fine Line, представленный в данной работе, отражает показывает стремление к аутентичности, экологическое сознание и осознанному потреблению культурных продуктов. Выбор природных мотивов в абстрактной интерпретации говорит о желании сохранить связь с органическим началом при одновременном дистанцировании от буквальности и клишированности образов. Минимализм формы соответствует современной эстетике цифровой визуальности, где ценится лаконичность, считываемость и адаптивность изображения к различным медийным контекстам.

Контекстуальный анализ обнаруживает, что подобные эскизы активно циркулируют в цифровом пространстве, формируя визуальные каноны стиля через платформы Instagram. Эстетика Fine Line тесно связана с культурой онлайн-репрезентации, где татуировка становится элементом персонального брендинга и визуального нарратива о себе. Данный эскиз демонстрирует характерные черты стиля: техническую виртуозность тонких линий, композиционную сбалансированность, камерность масштаба и потенциальную универсальность размещения на теле. Развитие Fine Line как культурного явления отражает смещение татуировочной практики из маргинального поля

в мейнстрим визуальной культуры, где она функционирует одновременно как форма современного искусства, способ самовыражения и объект эстетического потребления, отвечающий запросам нового поколения на индивидуализацию и утончённую образность.

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что стиль Fine Line представляет собой значимое культурное явление, отражающее ценностные трансформации и эстетические предпочтения нового поколения. Анализ визуального материала продемонстрировал, что данный стиль выступает не просто технической разновидностью татуировочного искусства, но комплексным культурным феноменом, в котором кодируются мировоззренческие установки современной молодёжи. Применение междисциплинарной методологии, объединяющей визуально-семиотический, формально-стилистический, культурологический и контекстуальный анализы, раскрыло многоуровневую природу стиля Fine Line как знаковой системы, транслирующей смыслы индивидуализации, эстетизации телесности и осознанного самоконструирования.

Исследование выявило ключевую роль цифровых платформ в формировании и распространении эстетических канонov стиля, что подтверждает его укоренённость в визуальной культуре цифровой эпохи. Минималистичность, графическая деликатность и камерность масштаба Fine Line соответствуют логике медиатизированной повседневности, где изображение становится элементом персонального нарратива и инструментом социальной коммуникации. Выбор характерных мотивов – природных, астрологических, абстракт-

ных – отражает ценностные ориентиры поколения Z: стремление к аутентичности, экологическое сознание, духовный поиск и дистанцирование от агрессивной субкультурной символики предшествующих эпох.

Культурное значение стиля Fine Line заключается в переопределении самой функции татуировки в современном обществе. Она перестаёт быть маркером маргинальности или групповой принадлежности, превращаясь в легитимную форму художественного высказывания и способ артикуляции индивидуальной идентичности. Этот процесс свидетельствует о демократизации татуировочной практики и её интеграции в поле актуального искусства. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение гендерных аспектов стиля, его региональных вариаций и влияния на трансформацию профессиональных стандартов в татуировочной индустрии, что позволит глубже понять механизмы культурного производства и циркуляции визуальных кодов в современном обществе.

Список литературы

1. Макарова Е.А. Татуировка как одна из модификаций тела и мотивационные установки для ее нанесения / Е.А. Макарова, И.А. Тищенко // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2021. № 2 (34). С. 88-92.
2. Овсянникова О.А. Татуировка как социокультурное явление / О.А. Овсянникова // Наука. Общество. Государство. 2017. № 1 (17). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tatuirovka-kak-sotsiokulturnoe-yavlenie> (Дата обращения: 04.11.2025).
3. Старков П.Л. Анализ современных художественных направлений в татуировочном искусстве и их воздействие на мировую художественную сцену // Unversum: филология и искусствоведение. 2023. № 11 (113). С. 26-28. – DOI 10.32743/UniPhil.2023.113.11.16271.
5. Hickman M.-K. Gender Fluidity in the Age of Technologically Mediated Environments: Implications for Fashion Industry / M.-K. Hickman, W. Ozuem, J. Okoya. 2017. – DOI 10.4018/978-1-5225-6912-1.ch103.
6. Воробьева Е.С. Формирование мотивации к татуированию как механизм конструирования идентичности // Теория и практика общественного развития. 2016. № 6. С. 41-47.
7. Zheryatyeva, L. Tattoo culture as a phenomenon of vi-

sual communication / L. Zheryatyeva, E. Solomeina // Dynamics of Media Systems. 2024. Vol. 4. P. 109-117. – DOI 10.47475/2949-3390-2024-4-2-109-117.

8. Дзюба Т.И. Ценностные установки поколения Z / Т.И. Дзюба, Л.В. Буря // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-2. С. 17-21. – DOI 10.24412/2500-1000-2021-3-2-17-21.
9. Воробьева Е.С. Татуирование как объект социологического исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 3. С. 148-161.
10. Кистенев В.В., Дрожжина Л.И. Специфика формирования народной культуры в Белгородском регионе: исторический аспект // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 212-220.

References

1. Makarova E.A. Tattoo as one of the body modifications and motivational attitudes for its application / E.A. Makarova, I.A. Tishchenko // Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. 2021. № 2 (34). P. 88-92.
2. Ovsyannikova O.A. Tattoo as a sociocultural phenomenon / O.A. Ovsyannikova // Science. Society. State. 2017. № 1 (17). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tatuirovka-kak-sotsiokulturnoe-yavlenie> (04.11.2025).
3. Starkov P.L. Analysis of modern artistic trends in tattoo art and their impact on the world art scene // Unversum: philology and art criticism. 2023. № 11 (113). P. 26-28. – DOI 10.32743/UniPhil.2023.113.11.16271.
5. Hickman M.-K. Gender Fluidity in the Age of Technologically Mediated Environments: Implications for the Fashion Industry / M.-K. Hickman, W. Ozuem, J. Okoya. 2017. – DOI 10.4018/978-1-5225-6912-1.ch103.
6. Vorobyova E.S. Formation of Motivation for Tattooing as a Mechanism of Identity Construction // Theory and Practice of Social Development. 2016. № 6. P. 41-47.
7. Zheryatyeva L. Tattoo culture as a phenomenon of visual communication / L. Zheryatyeva, E. Solomeina // Dynamics of Media Systems. 2024. Vol. 4. P. 109-117. – DOI 10.47475/2949-3390-2024-4-2-109-117.
8. Dzyuba, T.I. Value attitudes of generation Z / T.I. Dzyuba, L.V. Burya // International journal of humanitarian and natural sciences. 2021. № 3-2. P. 17-21. – DOI 10.24412/2500-1000-2021-3-2-17-21.
9. Vorobyova, E.S. Tattooing as an object of sociological research // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2016. Vol. 19. № 3. P. 148-161.
10. Kistenev V.V., Drozhzhina L.I. Specificity of the formation of folk culture in the Belgorod region: historical aspect // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 212-220.

Ли Сяося

Студент бакалавриата музыкального факультета, Чанчуньский университет.

Чжан Хунвэй

Студент бакалавриата музыкального факультета, Чанчуньский университет.

Феномен культурной гибридизации в российско-китайском музыкальном пространстве: механизмы, формы, смыслы*

Аннотация. В статье исследуется феномен культурной гибридизации в российско-китайском музыкальном пространстве, рассматриваемый как динамичный процесс взаимодействия и взаимовлияния двух богатых музыкальных традиций. В работе анализируется исторический контекст российско-китайского музыкального обмена, рассматриваются ключевые акторы, формирующие новый музыкальный ландшафт, и исследуются различные формы гибридных музыкальных произведений. Особое внимание уделяется роли музыкантов, продюсеров и слушателей в создании и восприятии музыки, сочетающей элементы русской и китайской культуры. Статья показывает, что гибридные музыкальные формы отражают социокультурные изменения и процессы поиска национальной идентичности в условиях глобализации. Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий элементы культурологии, музыковедения, социологии и истории. Результаты работы вносят вклад в понимание процессов культурного обмена и могут быть использованы в дальнейшем изучении межкультурных взаимодействий в сфере музыки.

Ключевые слова: культурная гибридизация, российско-китайское музыкальное пространство, межкультурный диалог, музыкальная культура, музыкальный обмен, гибридные музыкальные формы, глобализация, идентичность, музыкальное творчество, акторы музыкальной индустрии.

Li Xiaoxia

Undergraduate student, Department of Music, Changchun University.

Zhang Hongwei

Undergraduate student, Department of Music, Changchun University.

The phenomenon of cultural hybridization in the Russian-Chinese musical space: mechanisms, forms, and meanings

Abstract. The article explores the phenomenon of cultural hybridization in the Russian-Chinese musical space, which is seen as a dynamic process of interaction and mutual influence between two rich musical traditions. It analyzes the historical context of the Russian-Chinese musical exchange, examines the key actors shaping the new musical landscape, and explores various forms

---

* © Ли Сяося, Чжан Хунвэй, 2025.

Феномен культурной гибридизации в российско-китайском музыкальном пространстве: механизмы, формы, смыслы

of hybrid musical works. The article focuses on the role of musicians, producers, and listeners in creating and experiencing music that combines elements of Russian and Chinese culture. The article shows that hybrid musical forms reflect sociocultural changes and the search for national identity in the context of globalization. The study relies on an interdisciplinary approach that combines elements of cultural studies, musicology, sociology, and history. The results of this work contribute to understanding the processes of cultural exchange and can be used in further studies of intercultural interactions in the field of music.

Key words: cultural hybridization, Russian-Chinese musical space, intercultural dialogue, musical culture, musical exchange, hybrid musical forms, globalization, identity, musical creativity, actors of the music industry.

Введение

В современном мире, характеризующемся глобализацией и интенсификацией межкультурных связей, феномен культурной гибридизации приобретает особую актуальность. Музыка, как один из наиболее универсальных и экспрессивных видов искусства, становится плодородной почвой для процессов смещения, заимствования и трансформации традиционных форм. Российско-китайское взаимодействие, имеющее богатую историю и отличающееся уникальным социокультурным контекстом, представляет собой перспективную область исследования для изучения механизмов и результатов культурной гибридизации в музыкальном пространстве. Данная статья посвящена анализу этого сложного и многогранного явления, рассматривая его в контексте диалога двух великих культур.

Целью настоящего исследования является комплексное изучение феномена культурной гибридизации в российско-китайском музыкальном пространстве.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению российско-китайского музыкального пространства как динамичной системы, подверженной влиянию процессов культурной гибридизации. В работе впервые предпринимается

попытка систематизировать и проанализировать различные аспекты этого феномена, учитывая исторический контекст, роль различных акторов и смысловое содержание гибридных музыкальных форм.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использованы научные публикации, посвященные теории культурной гибридизации, истории и теории музыки, культурологии и социологии. Методологической основой исследования является междисциплинарный подход, сочетающий элементы исторического, культурологического, социологического и музыковедческого анализа. Изучение научных публикаций позволило выявить основные теоретические подходы к изучению феномена культурной гибридизации, определить ключевые характеристики российско-китайского музыкального пространства и выявить основные тенденции развития гибридных музыкальных форм.

Результаты и обсуждения

1. Российско-китайское музыкальное пространство как поле диалога культур: исторический экскурс

Российско-китайское музыкальное пространство представляет собой уни-

кальный феномен, сформированный на протяжении столетий в результате сложного переплетения исторических, политических, социальных и культурных факторов. Рассматривая его как поле диалога культур, необходимо учитывать не только непосредственные контакты между российскими и китайскими музыкантами, но и опосредованное влияние, оказываемое обеими культурами друг на друга через третьи страны и общие социокультурные процессы. Изучение исторического контекста является ключевым для понимания современной динамики взаимодействия и выявления предпосылок формирования гибридных музыкальных форм [6, с. 305].

Первые контакты между русской и китайской музыкальными культурами, зафиксированные историческими источниками, относятся к XVII веку, периоду установления дипломатических отношений между Россией и империей Цин. Эти контакты носили эпизодический характер и ограничивались, как правило, военно-дипломатическими миссиями и торговыми делегациями. Музыкальное сопровождение этих мероприятий представляло собой эклектичное смешение европейских придворных традиций с местными фольклорными элементами. Однако, несмотря на ограниченность контактов, эти первые встречи положили начало процессу взаимного ознакомления с музыкальной культурой соседа.

Более интенсивный обмен начался в XIX веке, когда Россия укрепила свои позиции на Дальнем Востоке и расширила культурное влияние в регионе. Строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) способствовало переселению в Маньчжурию большого числа русских специалистов, в том числе музыкантов и преподавателей му-

зыки. В Харбине, ставшем центром русской эмиграции в Китае, формируется активная музыкальная среда: открываются музыкальные школы, консерватории, оперные театры, симфонические оркестры. Русские музыканты знакомили китайскую публику с европейской классической музыкой, оказывая значительное влияние на формирование китайской композиторской школы. Параллельно, элементы китайской музыки, проникают в творчество некоторых русских композиторов, находя свое отражение, хоть и в незначительной степени, в их произведениях.

В советский период культурный обмен между СССР и Китаем получил новый импульс. Развивается практика обучения китайских студентов в советских музыкальных учебных заведениях. Многие выдающиеся китайские музыканты получили образование в Московской и Ленинградской консерваториях. В свою очередь, советские музыканты активно гастролируют в Китае, знакомя китайскую публику с передовыми достижениями советского музыкального искусства [3, с. 119]. Этот период характеризуется интенсивным обменом опытом и идеями, что способствует взаимообогащению культур. Однако, следует отметить, что в этот период обмен носил характер скорее трансляции советской идеологии и культуры, чем равноправного диалога.

Период «культурной революции» в Китае оказал негативное влияние на развитие российско-китайских культурных связей. Однако, после нормализации отношений между СССР и Китаем в 1980-е годы, обмен в сфере культуры, в том числе и в музыкальной сфере, возобновился. Открываются новые возможности для сотрудничества и обмена опытом.

На современном этапе, характери-

зующемся глобализацией и развитием цифровых технологий, российско-китайское музыкальное пространство претерпевает существенные изменения. Появляются новые формы взаимодействия, основанные на использовании интернета и социальных сетей. Российские и китайские музыканты активно сотрудничают в рамках международных проектов. Возрастает интерес к изучению музыкальной культуры друг друга [4, с. 8]. Однако, на современном этапе, часто наблюдается коммерциализация музыкальной деятельности, требующая государственной и общественной поддержки для сохранения культурной самобытности и развития равноправного диалога между культурами.

Таким образом, российско-китайское музыкальное пространство представляет собой сложную и динамичную систему, формирование которой происходило на протяжении нескольких столетий. Изучение исторического контекста позволяет выявить основные этапы и тенденции развития этого взаимодействия, а также определить ключевые факторы, оказывающие влияние на формирование гибридных музыкальных форм. Анализ исторических процессов необходим для понимания современной динамики диалога между российской и китайской музыкальными культурами и определения перспектив его дальнейшего развития.

2. Акторы гибридизации: роль музыкантов, продюсеров и слушателей в формировании нового музыкального ландшафта

Формирование нового музыкального ландшафта в российско-китайском контексте – это сложный процесс, в котором взаимодействуют различные акторы. Ключевую роль в этом процессе играют музыканты, продюсеры и

слушатели, каждый из которых вносит свой вклад в создание, распространение и восприятие гибридных музыкальных форм. Понимание роли этих акторов необходимо для анализа механизмов культурной гибридизации и выявления основных тенденций развития российско-китайского музыкального пространства.

Музыканты являются первопроходцами в создании гибридных музыкальных форм. Они выступают в роли экспериментаторов, смешивая элементы российской и китайской музыкальных традиций, интегрируя современные жанры и технологии [1, с. 49]. Их творческий поиск часто является результатом личного опыта, межкультурных контактов, осознанного стремления к новаторству или же коммерческой целесообразности. Музыканты могут черпать вдохновение из народной музыки, классических произведений, современных поп- и рок-направлений, создавая уникальные композиции, сочетающие специфические национальные черты, такие как использование традиционных инструментов, вокальных техник или гармонических особенностей, с современными аранжировками и элементами других культур [2, с. 261]. При этом, далеко не все эксперименты оказываются удачными и находят отклик у аудитории. Важно отметить, что музыканты, создающие гибридную музыку, часто сталкиваются с необходимостью преодоления культурных барьеров и стереотипов, стремясь донести до слушателя глубину и красоту сочетания двух культур.

Продюсеры играют важную роль в продвижении и популяризации гибридных музыкальных форм. Они выступают в роли менеджеров, маркетингов и инвесторов, поддерживая музыкантов и помогая им донести свое

творчество до широкой аудитории. Продюсеры принимают решения о записи, аранжировке, продвижении и дистрибуции музыкальных произведений, учитывая рыночные тенденции, вкусы слушателей и стратегические цели. Они могут создавать специализированные лейблы, ориентированные на продвижение гибридной музыки, организовывать концерты и фестивали, использовать современные медиа-платформы для продвижения музыкантов и их творчества [5, с. 105]. Действия продюсеров не всегда направлены исключительно на художественную ценность произведения, часто коммерческий успех становится приоритетным, что может приводить к упрощению и стандартизации гибридных форм. Тем не менее, роль продюсеров в создании и развитии нового музыкального ландшафта неоспорима.

Слушатели являются конечными потребителями музыкального продукта, и их вкусы и предпочтения оказывают значительное влияние на формирование музыкального ландшафта. Поддержка слушателей определяет успех или неудачу гибридных музыкальных проектов [9, с. 1950]. Слушатели взаимодействуют с музыкой через различные каналы: радио, телевидение, интернет, концерты, фестивали. Они формируют свое мнение о музыкальных произведениях, делятся им с другими, создавая эффект «сарафанного радио». Активная аудитория – слушатели, интересующиеся новыми направлениями в музыке, открытые к межкультурному обмену и готовые поддерживать экспериментальные проекты – играет особенно важную роль в становлении гибридной музыки. Молодое поколение, выросшее в эпоху глобализации и имеющее доступ к информации из разных источников, часто демонстрирует

большую восприимчивость к гибридным музыкальным формам, воспринимая их как отражение современной мультикультурной реальности. Важно отметить, что инертность слушателей и приверженность устоявшимся музыкальным вкусам может являться сдерживающим фактором для развития гибридной музыки.

Взаимодействие между музыкантами, продюсерами и слушателями формирует сложную экосистему, в которой происходит постоянный обмен информацией, идеями и ресурсами. Эта экосистема характеризуется динамизмом и изменчивостью, что отражает сложность и многогранность процессов культурной гибридизации. Успешное функционирование этой экосистемы предполагает наличие эффективной коммуникации между всеми ее участниками, а также поддержку со стороны государства и общества. Поддержка может выражаться в форме грантов, стипендий, организации культурных мероприятий, направленных на популяризацию гибридной музыки и поддержку музыкантов.

3. Гибридные музыкальные формы как отражение социокультурных изменений и поиск национальной идентичности

Гибридные музыкальные формы, возникающие в российско-китайском музыкальном пространстве, являются не просто результатом смешения музыкальных стилей и техник, но и сложным отражением глубинных социокультурных изменений, происходящих в обоих обществах. Они выступают в роли своеобразного зеркала, в котором отражаются процессы глобализации, трансформация ценностей, переосмысление исторического наследия и, что особенно важно, активный поиск наци-

ональной идентичности в условиях меняющегося мира. Изучение этих форм позволяет не только проанализировать музыкальные особенности, но и понять более широкие социальные и культурные процессы.

Появление гибридных музыкальных форм часто связано с процессами глобализации, которые приводят к стиранию границ между культурами и облегчают доступ к информации и технологиям. В результате, музыканты получают возможность знакомиться с различными музыкальными традициями и экспериментировать с их сочетанием [8, с. 61]. Глобализация также приводит к формированию глобального рынка, на котором востребованы музыкальные произведения, сочетающие локальные и глобальные элементы. Это стимулирует музыкантов к поиску новых форм самовыражения, которые могли бы быть понятны и интересны широкой аудитории. Однако, глобализация не является единственным фактором, определяющим появление гибридных форм. Важную роль играют и внутренние социокультурные процессы, происходящие в России и Китае.

Трансформация ценностей, смены поколений, новые общественные идеалы - все это находит отражение в музыкальном творчестве. Гибридные музыкальные формы могут выражать протест против устаревших норм и стереотипов, отражать стремление к свободе и индивидуальности, поднимать вопросы социальной справедливости и равенства. Они могут служить платформой для обсуждения актуальных проблем, таких как экология, миграция, культурное наследие и т.д. [10, с. 434]. Музыка становится инструментом социальной коммуникации, позволяющим выразить чувства, мысли и идеи,

которые трудно передать другими способами.

Особое значение гибридные музыкальные формы, на наш взгляд, приобретают в контексте поиска национальной идентичности. В условиях глобализации и растущей культурной однородности, многие люди испытывают потребность в сохранении и укреплении своей национальной идентичности. Музыка, как один из наиболее мощных и эмоциональных видов искусства, становится важным инструментом в этом процессе [7, с. 118]. Гибридные формы могут использоваться для переосмысления исторического наследия, адаптации традиционных музыкальных форм к современным реалиям, создания новых символов и образов, отражающих национальную специфику. Они позволяют музыкантам выразить свою принадлежность к определенной культуре, подчеркнуть ее уникальность и ценность.

При этом, поиск национальной идентичности через гибридные музыкальные формы не всегда является простым и однозначным процессом. Он может сопровождаться конфликтами и противоречиями. С одной стороны, музыканты стремятся сохранить и подчеркнуть свои национальные корни, а с другой – они хотят быть современными и понятными для широкой аудитории. Поиск баланса между этими двумя тенденциями может приводить к появлению различных стратегий: от умеренного использования традиционных элементов до радикального смешения различных культурных кодов. Важно отметить, что гибридные музыкальные формы не всегда являются результатом осознанного стремления к выражению национальной идентичности. Они могут возникать спонтанно, как результат творческого поиска, импровизации и

случайных встреч различных культурных влияний.

Таким образом, гибридные музыкальные формы в российско-китайском музыкальном пространстве являются сложным и многогранным феноменом, отражающим широкий спектр социокультурных изменений и процессов. Они выступают в роли своеобразного индикатора, показывающего, как меняются ценности, идеалы и идентичности в современном мире. Изучение этих форм требует комплексного подхода, учитывающего не только музыкальные особенности, но и социальные, культурные и исторические контексты. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение конкретных примеров гибридных музыкальных произведений, а также на выявление механизмов, посредством которых музыка влияет на формирование и трансформацию идентичности.

Выводы

Проведенное исследование феномена культурной гибридизации в российско-китайском музыкальном пространстве позволило комплексно взглянуть на сложное переплетение музыкальных традиций двух стран и раскрыть механизмы, формы и смыслы, лежащие в основе этого взаимодействия. Анализ показал, что российско-китайское музыкальное пространство представляет собой не просто географическую область, но динамичное поле диалога культур, где происходит активный обмен идеями, техниками и стилями.

Обращаясь к историческому курсу, статья продемонстрировала, что культурный обмен между Россией и Китаем в музыкальной сфере имеет давние корни, однако современные процессы глобализации и доступность цифровых технологий значительно ин-

тенсифицировали этот обмен. Это привело к появлению новых, гибридных форм музыкального самовыражения, демонстрирующих сочетание элементов российской и китайской музыкальной культуры.

Изучение роли акторов гибридизации – музыкантов, продюсеров и слушателей – выявило ключевое значение их деятельности в формировании нового музыкального ландшафта. Музыканты, стремясь к творческому поиску и экспериментированию, выступают инициаторами инноваций, создавая уникальные композиции, сочетающие элементы русской классической музыки с традиционными китайскими мелодиями, а также интегрируя электронную музыку с народными инструментами. Продюсеры, в свою очередь, играют важную роль в популяризации гибридных музыкальных форм, поддерживая артистов и продвигая их творчество. Не менее значима роль слушателей, чьи вкусы и предпочтения формируют спрос на гибридную музыку, тем самым стимулируя дальнейшее развитие этого направления.

Анализ гибридных музыкальных форм показал, что они не только отражают социокультурные изменения, происходящие в российском и китайском обществах, но и служат инструментом поиска национальной идентичности в условиях глобализации. Через смешение традиционных и современных элементов гибридные музыкальные произведения позволяют выразить уникальные чувства и переживания, связанные с национальной самоидентификацией и осознанием культурной принадлежности. Эти формы часто становятся площадкой для переосмысления культурного наследия и его адаптации к современным реалиям.

Таким образом, данное исследова-

ние вносит вклад в понимание сложных процессов культурной гибридизации в российско-китайском музыкальном пространстве. Выявленные механизмы, формы и смыслы гибридизации позволяют не только лучше понять особенности межкультурного взаимодействия, но и наметить перспективы дальнейших исследований в данной области. В частности, представляется перспективным изучение влияния гибридной музыки на формирование культурной идентичности молодого поколения, а также анализ роли цифровых платформ в распространении и популяризации гибридных музыкальных форм. Дальнейшие исследования в данном направлении могут стать важным шагом в развитии теории культурной гибридизации и углублении понимания межкультурных процессов в современном мире. Полученные результаты могут быть использованы в практике музыкального образования, в культурной политике и в развитии межкультурного диалога между Россией и Китаем.

Список литературы

1. Айзенштадт С.А. Фортепианные школы стран Дальневосточного региона (Китай, Корея, Япония). Проблемы теории, истории, исполнительской практики: автореф. дисс. ... д. иск. Новосибирск, 2015. 50 с.
2. Бородина М.А. Применение метода перестановки определений в русских переводах литературных произведений Мо Яня / М.А. Бородина, С. Ван, Т.Н. Бурукина // Современное педагогическое образование. 2025. № 1. С. 259-263.
3. Вопросы обучения игре на фортепиано в русской методической литературе второй половины XIX - нач. XX вв. // Методологические проблемы современного музыкального образования: материалы международной научно-практической конференции 11-13 апреля 2011 года. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. С. 117-120.
4. Мещеряков А.Ю., Антропов О.К. Русская диаспора на китайской земле: вариант культурной гибридности // Журнал Фронтальных Исследований, 2017. С. 1-29.
5. Серeda Е.В. Персуазивное выражение в сентиментивных образованиях современного русского языка // Российский государственный социальный университет, 2024. С. 105-111.
6. Серeda Е.В. Тройственный характер системы частей речи современного русского языка: самостоятельные, служебные и сентиментивные классы слов // В сборнике: Русская грамматика в динамике. Сборник

- научных статей по материалам VIII международного симпозиум. Нижний Новгород, 2024. С. 302-306.
7. Тарасов А.П. Русская национальная волость Эньхэ в БARGE: поиск русскими своей национальной идентичности в Приграничном Китае. Проблемы Дальнего Востока, 2016. № 1. С. 102-121.
8. Черкашина С.А. Традиции серебряного века в культуре русской эмиграции в Китае. Проблемы подготовки кадров для сферы искусства и культуры. Материал научной конференции, 2001. С. 57-62.
9. Чжан Мини. Российско-китайская интеграция в музыкально-инструментальном исполнительстве: вопросы теории и специфики // Манускрипт, 2021. С. 1949-1954.
10. Шулунова Е.К. Драматический театр Китая хуацзюй и русская театральная культура. Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. С. 431-434.
11. Юшин И.В. Управление персоналом в современной бизнес-организации // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 29-39.

References

1. Aizenshtadt S.A. Piano Schools of the Far Eastern Countries (China, Korea, Japan). Problems of Theory, History, and Performance Practice: Abstract of a Cand. Sci. Dissertation. Novosibirsk, 2015. 50 p.
2. Borodina M.A. Application of the Method of Permutation of Definitions in Russian Translations of Literary Works by Mo Yan / M.A. Borodina, S.Wang, T.N. Burukina // Modern Pedagogical Education. 2025. № 1. P. 259-263.
3. Issues of Piano Teaching in Russian Methodological Literature of the Second Half of the 19th - Early 20th Centuries // Methodological Problems of Modern Music Education: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, April 11-13, 2011. – St. Petersburg: Polytechnic Publishing House. University, 2012. P. 117-120.
4. Meshcheryakov A.Yu., Antropov O.K. Russian diaspora on Chinese soil: a variant of cultural hybridity // Journal of Frontier Studies, 2017. P. 1-29.
5. Sereda E.V. Persuasive expression in sentimental formations of the modern Russian language // Russian State Social University, 2024. P. 105-111.
6. Sereda E.V. The triple nature of the system of parts of speech of the modern Russian language: independent, service and sentimental classes of words // In the collection: Russian grammar in dynamics. Collection of scientific articles based on the materials of the VIII international symposium. Nizhny Novgorod, 2024. P. 302-306.
7. Tarasov A.P. The Russian National Volost of Enhe in Barga: Russians' Search for Their National Identity in Border China. Problemy Dal'nego Vostoka, 2016. № 1. P. 102-121.
8. Cherkashina S.A. Silver Age Traditions in the Culture of Russian Emigration in China. Problems of Training Personnel for the Sphere of Arts and Culture. Proceedings of the Scientific Conference, 2001. P. 57-62.
9. Zhang Mini. Russian-Chinese Integration in Musical and Instrumental Performance: Theoretical and Specific Issues // Manuscript, 2021. P. 1949-1954.
10. Shulunova E.K. Chinese Drama Theater Huaju and Russian Theatrical Culture. Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2014. P. 431-434.
11. Yushin I.V. HR management in a modern business organization // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 29-39.

Микэбанун Айкэламу

Лектор. Институт марксизма
Синьцзянского педагогического университета, Урумчи, Синьцзян, Китай.

Исследование фильма «Радости базара» с точки зрения общности китайской нации*

Аннотация. Снятый киностудией «Тяньшань» фильм «Радости базара», посвящённый Синьцзяну, избирает кашгарский регион в качестве повествовательного пространства и разворачивает сюжет вокруг национального музыкального инструмента с трёхсотлетней традицией. За полученной наградой «Золотой чай горы» за лучшую музыку на кинофестивале Шанхайской организации сотрудничества скрывается его ключевая ценность — построение посредством киноязыка нарративной системы, формирующей сознание общности китайской нации. Настоящая статья, опираясь на аналитическую логику «культурная идентичность — эмоциональная консолидация», на основе трёх аспектов — повествования о публичном пространстве «базара», выражения символики национальных инструментов и музыки, а также создания коллективного образа городских жителей — исследует, каким образом фильм посредством демонстрации народных обычаев, детальных визуальных решений и нарративов примирения достигает интеграции синьцзянских региональных культурных особенностей с общими ценностями китайской нации. Тем самым выявляются его нарративные стратегии и коммуникативная значимость в укреплении культурной идентичности различных этносов и консолидировании эмоционального консенсуса. Работа служит творческим ориентиром для синьцзянских фильмов новой эпохи, стремящихся реализовать концепцию общности китайской нации.

Ключевые слова: радости базара, общность китайской нации, нарратив этнического единства, культурная идентичность, эмоциональная консолидация.

Mikebanong Aikelamu

College of Marxism, Xinjiang Normal University, Urumqi, Xinjiang, China.

An examination of the film “The Joys of the Bazaar” from the perspective of the Chinese nation’s community

Abstract. Bazaar Joy, a Xinjiang-themed film produced by Tianshan Film Studio set in the Kashgar region, narrates the story of a centuries-old ethnic musical instrument. Beyond winning the “Golden Mountain Tea Award” for Best Music at the Shanghai Cooperation Organization Film Festival, its core value lies in constructing a narrative framework that fosters the consciousness of the ‘Chinese National Community’ through imagery. This paper employs a “cultural identity – emotional cohesion” analytical framework, examining three dimensions: the public space narrative of the bazaar, the expression of ethnic musical instruments and music as symbols, and the portrayal of everyday characters. It analyzes how the film integrates Xinjiang’s regional cultural characteristics with the shared values of the Chinese nation through displays of folk customs, detailed depictions, and narratives of conflict resolution. The study reveals the film’s narrative strategies and communicative value in promoting cultural identity and emotional consensus among

---

* © Микэбанун Айкэламу, 2025.

Исследование фильма «Радости базара» с точки зрения общности китайской нации

ethnic groups, offering a creative reference for Xinjiang-themed films in the new era that seek to embody the concept of the 'Chinese National Community'.

Key words: Joys of the Bazaar, commonality of the Chinese nation, the narrative of ethnic unity, cultural identity, emotional consolidation.

Работа выполнена при поддержке следующих проектов: Нерыночный проект базового исследовательского финансирования высших учебных заведений Автономного района Синьцзян на 2025 год (XJEDU2025J086); Проект программы «Молодые таланты в области пропаганды, идеологии и культуры» Автономного района Синьцзян Уйгурского, «Исследование красных культурных ресурсов Синьцзяна и укрепления сознания общности китайской нации» (2023QNYC035); Ключевой проект базового исследовательского финансирования высших учебных заведений Автономного района Синьцзян на 2024 год, «Исследование укрепления сознания общности китайской нации в Синьцзяне в контексте стратегии партии по управлению Синьцзяном в новую эпоху» (XJEDU2024J085).

1. Введение

В фильмах и телесериалах о Синьцзяне новой эпохи постепенно преодолевается традиционная творческая парадигма, ориентированная на демонстрацию «экзотического колорита», и происходит переход к жизненным повествованиям и передаче ценностей, в центре которых стоит человек. Эти произведения становятся важными важным связующим звеном, позволяющим интерпретировать концепцию общности китайской нации и распространять дух национального единства. Киностудия «Тяньшань», являясь ключевой силой в создании местной синьцзянской экранной продукции, неизменно придерживается творческой миссии «хорошо рассказывать синьцзянские истории, передавать тепло Синьцзяна». Снятый студией фильм «Радости базара» (сценарист и режиссёр — Абдукэрим Аблиз), получивший премию «Золотой чай горы» за лучшую музыку на кинофестивале ШОС в 2021 году, не только обрёл международное признание благодаря своей уникальной музыкальной эстетике, но и посредством тонкого повествования позволил

зрителям сквозь экран увидеть подлинную картину жизни и духовного облика народов Синьцзяна [1].

Фильм, действие которого разворачивается на фоне древнего города Кашгара, связывает воедино историю трёхсотлетнего национального музыкального инструмента и конфликт взглядов, а затем путь к примирению между мастером-изготовителем инструментов Кэриму и любителем музыки Яликуном. Одновременно с демонстрацией синьцзянской народной культуры, природных ландшафтов и городской жизни он осуществляет переход от «концептуального выражения» национального единства к его «эмоциональному резонансу». Если рассматривать картину с точки зрения общности китайской нации, её повествовательная ценность заключается не в намеренном акцентировании темы, а в органичном включении идеи национального единства в бытовые детали жизни персонажей, их конфликты и культурные проявления. Через построение «культурной идентичности» достигается цель «эмоциональной консолидации»: когда зритель в фильме ощущает сосуществование и взаимопроникнове-

ние синьцзянской региональной культуры и культуры китайской нации, когда он видит стремление людей всех этносов к мечтам, их приверженность истине, добру и красоте — качествам, присущим всему китайскому народу, — тогда национальное единство перестаёт быть абстрактным лозунгом и превращается в осознанное понимание, основанное на общем жизненном опыте и эмоциональном отклике [2].

Существующие исследования в основном сосредоточены на музыкальной эстетике, демонстрации народных обычаев и трансляции региональной культуры в синьцзянской экранной продукции, таких как «Исследование экологической эстетики синьцзянских фильмов XXI века» [3], «Исследование развития синьцзянского кино в новом столетии» [4] и др. Однако системного анализа повествовательной логики этих произведений с целостной позиции общности китайской нации проводилось немного. Хотя в недавних работах уже обозначились новые тенденции — внимание к «многомерной нарративности и конструированию идентичности в фильмах о Синьцзяне» [5], к «новым изменениям в повествовании синьцзянских детских фильмов в новом столетии» [6], что свидетельствует о постепенном углублении научного интереса к вопросам нарратива и идентичности, — специализированных исследований о недавно вышедшем фильме «Радости базара» всё ещё крайне мало; на данный момент существует лишь одна непосредственно связанная научная публикация [7], что указывает на очевидный пробел в исследовательском поле.

Исходя из этого, настоящее исследование использует аналитическую рамку «культурная идентичность — эмоциональная консолидация» и, опираясь на три аспекта — публичное простран-

ство, символическое выражение и коллективный образ персонажей, — анализирует, как фильм «Радости базара» посредством визуального нарратива формирует дискурсивную систему национального единства. Цель работы — предложить новый интерпретационный ракурс для синьцзянской экранной продукции, а также выявить культурные функции и повествовательную ценность фильма в содействии контактам, обменам и взаимопроникновению всех этносов, а также в укреплении сознания общности китайской нации.

2. Публичное пространство и символическое выражение: двойная траектория культурной идентичности

В аудиовизуальном повествовании пространство и символы выступают не только носителями развития сюжета, но и важными средствами формирования культурной идентичности. «Радости базара» через двойное повествование — о публичном жизненном пространстве базара и о национальных музыкальных инструментах как культурных символах — осуществляет переход от демонстрации региональной культуры к укреплению сознания общности китайской нации.

Базар, как особое публичное пространство Синьцзяна, в фильме выходит за пределы своей функции рынка, где можно что-то купить и продать, и превращается в яркую сцену, на которой раскрывается совместная жизнь разных этносов — их сосуществование, совместное обучение, совместная работа и совместные радости. С помощью нюансированной визуальной подачи фильм воссоздаёт повседневную картину кашгарского базара. Уйгурские торговцы выкрикивают свои зазывные фразы, смешивая уйгурский и китайский языки; китайские туристы с любопытством расспрашивают о ремес-

ленной технике и символике ручных ковров; казахские пастухи и хуэйские торговцы умело ведут торг; мелодичный звук дутара, который извлекает пожилой киргиз, разносится над людской толпой. Дети разных этносов бегают и играют вместе, делясь сладкими фигурками из сахара. Эти на первый взгляд разрозненные бытовые сцены на самом деле формируют микрообраз многомерного и интегрированного уклада китайской нации. Как писал Фэй Сяотун: «Каждый ценит свою красоту, восхищается красотой других, красота всех в единстве — и мир станет гармоничным» [8]. Люди разных этносов на базаре, сохраняя особенности собственной культуры, в то же время открыто и терпимо воспринимают культуру других. Такая модель «гармонии при различиях» является самым подлинным отражением национального единства в повседневной жизни.

Особенно важно отметить, что базар в фильме выполняет ключевую функцию в продвижении развития сюжета и сглаживании культурных противоречий. Основной конфликт фильма — различия в понимании наследования традиционных инструментов между Кэримом и Яликуном — разрешается именно в пространстве базара. В чайной лавке базара старики разных этносов обсуждают диалектическую связь традиции и новаторства, приводя яркий пример: «Есть традиционный кирпичный чай и есть недавно появившийся фруктовый чай — каждый имеет свой вкус, и они не противоречат друг другу», это утверждение заставляет Кэрима задуматься над своим чрезмерным упрямством. На временной сцене базара Яликун творчески сочетает мелодию дутара с электронной музыкой, вызывая горячий отклик многоэтнической публики и позволяя Кэриму собственными

глазами увидеть потенциал оживления традиционного инструмента в современном контексте. В итоге двое примиряются перед музыкальной лавкой базара и вместе создают инструмент, объединяющий традиционное мастерство и современный дизайн. Этот процесс показывает, что базар, как открытое публичное пространство, предоставляет платформу для общения и столкновения различных культурных взглядов, делая примирение естественным результатом общего жизненного опыта.

На уровне символического выражения фильм искусно использует национальные инструменты и музыку как связующие нити культурной идентичности. Диалог между пипой и дутаром обладает высокой символическостью. Дутар, как традиционный инструмент уйгуров, несёт культурную память народов Синьцзяна; пипа, как традиционный инструмент ханьцев, воплощает общие культурные гены китайской нации [9]. В фильме эти два инструмента не противопоставляются друг другу, а достигают гармонического слияния благодаря новаторской практике Яликуна. Особенно выразительно это раскрывается в финальном выступлении на площади базара: чистый звук пипы и глубокий тембр дутара перекликаются друг с другом. Постепенно присоединяются ханьская флейта, казахская домбра и хуэйские варганоподобные инструменты, создавая симфонию многоэтнической музыки, символизирующую событие и взаимное проникновение синьцзянской региональной культуры и культуры китайской нации.

«Трёхсотлетний инструмент», выступающий центральной повествовательной нитью, наделён глубоким культурным смыслом. Этот инструмент, хранящий память семьи, стал свидетелем того, как дед Кэрима в смутные вре-

мена с помощью музыки урегулировал межэтнические конфликты, и запечатлел поступок его отца, который, нарушив правило не передавать мастерство посторонним, обучал учеников разных этносов. Когда между Кэримом и Яликуном вспыхивает спор об инновациях, старейшины достают дневники наследования инструмента, записанные на уйгурском и китайском языках, и зачитывают: «Этот инструмент сохранялся на протяжении трёх столетий не потому, что оставался неизменным», а потому что каждое поколение на основе уважения к культурной традиции осуществляло адаптивное новаторство. Эта сцена изящно превращает наследование инструмента в метафору культурного наследования, подразумевая, что жизнеспособность культуры китайской нации проистекает из одновременного сохранения культурных корней и непрерывного впитывания культурной эссенции всех этносов, осуществляя творческую трансформацию.

Признание фильма на международных кинофестивалях свидетельствует о том, что национальная музыка как «язык без границ» обладает преимуществами в преодолении культурных барьеров. Как отмечали некоторые зарубежные зрители после просмотра, хотя они и не понимали текст песен, передаваемые музыкой эмоции были искренне ощутимыми, что позволило им по-новому взглянуть на жизненную энергию народов Синьцзяна и на многоэтническую культуру Китая. Такое культурное резонирование, достигаемое через художественные символы, предоставляет ценные ориентиры для международного распространения сознания общности китайской нации.

3. Создание коллективного образа персонажей: от эмоционального резонанса к эмоциональной консолидации

Успех «Радости базара» в создании персонажей заключается в отказе от присущей традиционным фильмам с актуальной тематикой модели великого, героического и безупречного образа, и в обращении к обычным людям кашгарских улиц — упрямому, но искреннему мастеру по изготовлению музыкальных инструментов Кэриму; настойчивому, но открыто воспринимающему новое любителю музыки Яликуну; сердечному и добродушному владельцу чайного дома Эли; прагматичной и новаторски мыслящей сотруднице районного комитета Гули и другим. Эти персонажи не совершают великих подвигов, их жизнь состоит лишь из повседневных мелочей, но именно эта «обыденность» придаёт повествованию о национальном единстве подлинность и эмоциональную силу.

В построении отношений между персонажами фильм применяет стратегию деэтнизации, определяя различие взглядов ядром конфликта, а не этническое различие. Конфликт между Кэримом и Яликуном возникает исключительно из-за разных представлений о способах наследования традиционных музыкальных инструментов, а не из-за их этнической принадлежности. Фильм никогда намеренно не подчёркивает их этническую идентичность, напротив — представляет их как «попутчиков, объединённых общим стремлением к передаче культурного наследия». Такой подход является значимым повествовательным достижением, он показывает зрителю, что противоречия и примирения между народами Синьцзяна, как и в других регионах страны, в основе своей обусловлены универсальными человеческими факторами — расхождением взглядов, интересов и характеров, а национальное единство формируется естественным образом в процессе совместного решения этих общих про-

блем. Когда зритель видит, как в конце фильма Кэрим и Яликкун объединяют усилия и создают музыкальный инструмент, объединяющий традицию и новаторство, идея совместной борьбы и совместного процветания всех народов уже не требует словесного проговаривания — она естественно вплетается в эмоциональный опыт зрителя.

В характеристиках персонажей фильм с помощью богатых бытовых деталей создаёт объёмные и живые образы. Кэрим, как традиционный мастер, проявляет и свою упорную приверженность старым правилам — он, к примеру, в раздражении бросает на землю ноты из-за того, что Яликкун переделывает инструмент, — и свою тёплую, добрую сторону — заботится о заболевшем ученике, приносит ему сваренный бульон и наставляет: «Делать инструмент — как быть человеком: нужно вкладывать сердце, нельзя халтурить». Яликкун, как новатор, исполнен страсти и идеалов, но сталкивается и с творческой тревогой, и с реальными трудностями: он развезжает по всему Синьцзяну в поисках музыкального фольклора и подчас страдает от бессонницы, не находя подходящих элементов. Второстепенные персонажи также показаны полноценно: хозяин чайного дома Эли, ежедневно убирающий своё заведение с рассветом, оставляющий постоянным посетителям их привычные места и разрешающий соседские споры словами: «Мы же все люди базара — сталкиваемся каждый день, какая такая ссора не может быть решена мирно?»; сотрудница комитета Гули, активно продвигающая инициативу введения традиционных музыкальных инструментов в школы, чтобы молодёжь могла почувствовать привлекательность национальной культуры. Эти персонажи, будучи обычными людьми,

своими качествами — добротой, трудолюбием, терпимостью и устремлённостью вперёд — раскрывают духовный облик народов Синьцзяна, причём именно эти качества представляют собой ценностные ориентиры, общие для всей китайской нации.

Посредством повседневной жизни и эмоционального мира этих персонажей фильм выстраивает путь от эмоционального резонанса к эмоциональной консолидации. Когда зритель в Кэриме видит приверженность традиции, в Яликуне — стремление к новаторству, в Эли — сердечную готовность к взаимопомощи, а в Гули — чувство ответственности за культурное наследие, он обнаруживает, что эти качества выходят за рамки этнических различий и являются общими духовными чертами китайского народа. Такое осознание вызывает у зрителя ощущение близости — «это люди, похожие на тех, что рядом со мной», — что способствует переносу индивидуального эмоционального отклика на уровень коллективной идентичности, в конечном счёте формируя эмоциональное согласие: «Мы все — часть китайской нации».

4. Повествовательные новации и коммуникативная ценность

В повествовательных приёмах «Радости базара» демонстрирует многогранные инновации, что позволяет фильму выделиться среди произведений аналогичной тематики. Картина использует многолинейную структуру, переплетая основной конфликт между Кэримом и Яликуну с небольшими историями других персонажей базара, формируя богатую повествовательную сеть. Например, побочные сюжетные линии — повседневные беседы в чайном доме, организация культурных мероприятий в сообществе, взаимодействие иностранных туристов с мест-

ными жителями — не только обогащают содержание фильма, но и с разных сторон усиливают выражение темы национального единства. Такой подход позволяет зрителям воспринимать жизненное состояние народов Синьцзяна в различных измерениях и формировать трёхмерное понимание общности китайской нации.

В визуальном языке фильм уделяет внимание эмоциональной выразительности цвета, света и композиции. Тёплые жёлтые оттенки древнего города Кашгара, пёстрая палитра товаров на базаре, тонкая игра света и теней при создании инструментов придают фильму насыщенный региональный колорит и жизненную атмосферу. Особенно в музыкальных сценах съёмка часто использует средние и крупные планы, точно фиксируя микромимику персонажей и детали музыкальных инструментов, позволяя зрителю в двойном — зрительном и слуховом — восприятии ощутить эмоциональную силу и культурную привлекательность музыки.

Детализация в фильме также отражает глубокое понимание и уважение к культуре Синьцзяна. Будь то этапы изготовления музыкальных инструментов, сцены торговли на базаре или диалоги между персонажами — всё основано на подлинном местном жизненном опыте. Так, выбор и обработка древесины Кэримом при создании дугара, процесс сбора Яликуном музыкального фольклора по всему региону, естественное смешение различных этнических языков на базаре — эти детали не только усиливают ощущение достоверности, но и формируют прочный жизненный фундамент для построения культурной идентичности.

С точки зрения коммуникативно-го эффекта «Радости базара» получил положительный отклик как внутри

страны, так и за её пределами. Для отечественных зрителей фильм стал окном, позволяющим увидеть подлинную жизнь народов Синьцзяна, тем самым способствуя устранению некоторых заблуждений и предубеждений о регионе. На международном уровне картина, благодаря универсальному языку музыки и искренней эмоциональной подаче, стала важным окном для понимания многоэтнической культуры Китая. Некоторые критики отмечают, что успех фильма заключается в том, что он «не поучает и не навязывает, а естественно раскрывает величественную тему национального единства через жизненную правду и художественную выразительность». Именно такая «тихая, как дождь, питающая всё живое» повествовательная стратегия составляет ядро его коммуникативной ценности.

5. Заключение

Как одно из репрезентативных произведений синьцзянской экранной культуры новой эпохи, «Радости базара» рассказывая о большом через частное и, посредством повествования о публичном пространстве базара, символического выражения национальных музыкальных инструментов и музыки, а также создания коллективного образа городских жителей, выстраивает повествовательную систему национального единства «от культурной идентичности к эмоциональной консолидации». Фильм не стремится намеренно подчёркивать концепт национального единства, а органично вплетает его в бытовые сцены, культурные проявления и истории персонажей, позволяя зрителям, ощущая жизненную атмосферу и теплое человеческое общение Синьцзяна, естественным образом сформировать признание и эмоциональную сопричастность общности китайской нации.

С точки зрения общности китайской нации повествовательные новации «Радости базара» дают три важных ориентира. Во-первых, придерживаясь принципа ориентации на народ, сосредотачиваясь на реальной жизни разных этносов и передавая большую тему через истории маленьких людей, тем самым усиливая подлинность и эмоциональное воздействие повествования о национальном единстве. Во-вторых, умело использовать культурные символы, формируя связь между региональной культурой и культурой китайской нации с помощью национальной музыки, народных обычаев и других представительных символов, достигая перехода от культурной идентичности к эмоциональной консолидации [10]. В-третьих, уделять внимание жизненному повествованию, избегая намеренной тематической дидактики, и позволять идее национального единства естественным образом раскрываться через детали повседневности, отношения между персонажами и развитие сюжета, чтобы зрители могли сформировать чувство принадлежности к общности китайской нации в процессе эмоционального восприятия.

В целом «Радости базара» посредством киноязыка преобразует национальное единство от концептуального понимания к эмоциональному переживанию, а культурные различия — к эмоциональному консенсусу, предоставляя образцовый пример для того, как синьцзянские фильмы новой эпохи могут реализовывать концепцию общности китайской нации. Непрерывное создание и распространение подобных произведений будет способствовать укреплению контактов, обменов и взаимопроникновения между всеми этносами и обеспечивать надёжную культурную поддержку в формировании прочного

сознания общности китайской нации.

Список литературы

1. Ши Юньхай. «Радости базара»: инновационное производство глубокой интеграции «кино + культурный туризм» [J]. Китайский педагог, 2025. № 7. С. 66-67.
2. Формирование сознания общности китайской нации в аудиовизуальных образах [J]. Китайское телевидение, 2025. № 5. С. 13.
3. Фань Юй. Исследование экологической эстетики синьцзянского кино XXI века [J]. Лес национального искусства, 2025. № 1. С. 85-93.
4. Чжан Чжэнь. Исследование развития синьцзянского кино в новом столетии [J]. Золотой ключ (кит., монг.), 2024. № 2. С. 71-75.
5. Хун Лэле, Ван Чжунвэй. Многомерное повествование и конструирование идентичности в синьцзянских фильмах [J]. Научно-техническая коммуникация, 2025. № 17 (16). С. 75-80.
6. Чжу Дунмэй, У Ханьцзе. Новые изменения в повествовании синьцзянских детских фильмов в новом столетии [J]. Исследования западной литературы и искусства, 2025. № 3. С. 126-132.
7. Ши Юньхай. «Радости базара»: инновационное производство глубокой интеграции «кино + культурный туризм» [J]. Китайский педагог, 2025. № 7. С. 66-67.
8. Фэй Сяотун. Структура многообразного единства китайской нации [M]. Пекин: Издательство Центрального университета национальностей, 1999.
9. Цзяо Касинь. Исследование художественной выразительности исполнения на пипе [J]. Дом драмы, 2025. № 20. С. 75-77.
10. Кун Вэнься. Анализ глубокой интеграции национальных символов и художественного дизайна кино [J]. Киноведение, 2017. № 12. С. 71-73.

References

1. Shi Yunhai. "The Joys of the Bazaar": An Innovative Work of Deep Integration of "Cinema + Cultural Tourism" [J]. Chinese Educator, 2025. № 7. P. 66-67.
2. Formation of Awareness of the Commonality of the Chinese Nation in Audiovisual Images [J]. China Television, 2025. № 5. P. 13.
3. Fan Yu. Research on the Ecological Aesthetics of Xinjiang Cinema in the 21st Century [J]. National Art Forest, 2025. № 1. P. 85-93.
4. Zhang Zhen. Research on the Development of Xinjiang Cinema in the New Century [J]. Golden Key (Chinese, Mongolian), 2024. № 2. P. 71-75.
5. Hong Lele, Wang Zhongwei. Multidimensional Narrative and Identity Construction in Xinjiang Films [J]. Science and Technology Communication, 2025. № 17 (16). P. 75-80.
6. Zhu Dongmei, Wu Hanjie. New Developments in the Narrative of Xinjiang Children's Films in the New Century [J]. Western Literature and Art Studies, 2025. № 3. P. 126-132.
7. Shi Yunhai. "The Joys of the Bazaar": An Innovative Work of Deep Integration of "Film + Cultural Tourism" [J]. China Educator, 2025. № 7. P. 66-67.
8. Fei Xiaotong. The Structure of the Diverse Unity of the Chinese Nation [M]. Beijing: Central University for Nationalities Press, 1999.
9. Jiao Kexin. A Study of Artistic Expressiveness in Pipa Performance [J]. Drama House, 2025. № 20. P. 75-77.
10. Kong Wenxia. Analysis of the Deep Integration of National Symbols and Artistic Design of Cinema [J]. Film Studies, 2017. № 12. P. 71-73.

Хромов С.С.

Аспирант. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского». ORCID: 0009-0004-0933-0062

Использование пластических методов в формировании художественного образа городской среды*

Аннотация. Статья посвящена анализу пластических методов репрезентации урбанистического художественного образа города на различных этапах его исторического развития, начиная с античности и до наших дней. В исследовании рассматриваются ключевые элементы художественного языка городского пространства, такие как форма, композиция, цвет, ритм, контраст и масштаб, а также их функции в формировании целостного восприятия городской среды. Особое внимание уделяется эволюции эстетических подходов к визуализации города в различных видах искусства, включая живопись, архитектуру, скульптуру и медиаинсталляции. Приведены примеры, иллюстрирующие развитие различных художественных направлений и стилей. В статье показано, что урбанистический художественный образ представляет собой сложный синтез пространственных, формальных и эстетических компонентов, отражающих культурные и технологические характеристики соответствующих исторических периодов.

Ключевые слова: урбанистический образ, пластика, композиция, форма, цвет, ритм, контраст, масштаб, архитектура, живопись, скульптура, медиаискусство, эстетика города.

Khromov S.S.

Postgraduate Student. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Luhansk State Academy of Culture and Arts named after Mykhailo Matusovsky". ORCID: 0009-0004-0933-0062

Plastic ways of revealing an urban artistic image

Abstract. The article is devoted to the analysis of plastic methods of representing the urban artistic image of the city at various stages of its historical development, from antiquity to the present day. The study examines the key elements of the artistic language of urban space, such as form, composition, color, rhythm, contrast and scale, as well as their functions in shaping a holistic perception of the urban environment. Special attention is paid to the evolution of aesthetic approaches to the visualization of the city in various forms of art, including painting, architecture, sculpture and media installations. Examples illustrating the development of various artistic trends and styles are given. The article shows that the urban artistic image is a complex synthesis of spatial, formal and aesthetic components reflecting the cultural and technological characteristics of the relevant historical periods.

Key words: urban image, plastic, composition, form, color, rhythm, contrast, scale, architecture, painting, sculpture, media art, aesthetics of the city.

---

* © Хромов С.С., 2025.

Использование пластических методов в формировании художественного образа городской среды

Урбанистический художественный образ представляет собой не только визуальную репрезентацию городской среды, но и сложную эстетическую структуру, формируемую с использованием пластических средств. Пластические методы включают в себя совокупность художественных приемов, посредством которых художник или архитектор создают пространственно-образные характеристики города, передают его динамику, ритмическую структуру и эмоциональный колорит. В контексте современной эстетики и искусствоведения под пластикой понимается художественное формообразование, интегрирующее элементы формы, объема, ритма и других компонентов визуального языка.

Проблема урбанистического художественного образа в сфере эстетики представляет собой один из ключевых аспектов исследования, поскольку город на протяжении столетий функционирует не только как пространство для повседневной жизнедеятельности, но и как сложный символический конструкт, отражающий культурные ценности, идеалы и представления о гармонии. Художественный образ города порой воплощен в различных медиа: архитектуре, живописи, графике, скульптуре, литературе, кинематографе и современных цифровых технологиях. Пластические методы визуализации, такие как форма, ритм, цвет, фактура, масштаб и композиция, способствуют трансформации урбанистической действительности в объект эстетического восприятия.

Эстетическая мысль, начиная с античности, рассматривала город как «художественный организм». Для Платона и Аристотеля полис представлял собой воплощение космического порядка, а в период Ренессанса концепция «иде-

ального города» отражала стремление к гармоничному взаимодействию человека и архитектурного пространства [Кобер, 2020]. В XIX–XX веках урбанистический образ приобрел еще большую многозначность: от романтической экзальтации до индустриального прагматизма, от авангардной геометризации до постмодернистских экспериментов с интертекстуальностью и контекстуальностью. В современной художественной практике происходит интеграция новых медиа, что способствует расширению пластического языка за пределы традиционных форм.

Цель данной статьи – исследовать, как пластические приемы в различные эпохи использовались для создания художественного образа города. Особое внимание уделяется средствам, с помощью которых передавались гармония, драматизм, динамика и символическое значение городской среды.

В урбанистическом искусстве форма выступает в качестве ключевого пластического элемента, определяющего визуальный облик городской среды. Она проявляется в архитектурных контурах зданий, силуэтах застройки, конфигурации улиц и площадей, а также в объемных формах скульптурных и монументальных композиций. Форма оказывает значительное влияние на восприятие городского пространства, формируя его структурные и функциональные характеристики. Геометрически строгие формы способствуют созданию ощущения порядка и рациональности, в то время как плавные и органические линии придают среде динамичность и текучесть.

В урбанистическом искусстве категория объема играет ключевую роль в создании трехмерного восприятия городской среды. Объем определяется не только физическими параметрами зда-

ний, такими как высота и этажность, но и плотностью застройки, глубиной перспективы улиц, а также соотношением открытых и закрытых пространств. Благодаря этим элементам, зритель получает возможность интегрироваться в городское пространство, оценить его масштаб и структуру, а также создать эффект присутствия.

Композиция как пластическое средство определяет расположение элементов города и их взаимосвязь. Организация зданий, архитектурных ансамблей, скульптурных акцентов и городских площадей является ключевой задачей. Композиция задает ритм городской среды: повторяющиеся и чередующиеся элементы, баланс пустого и заполненного пространства, линии движения и визуальные акценты формируют гармоничное восприятие городской среды [Салахутдинова, Новинская, 2021].

Цветовая палитра в урбанистическом искусстве также занимает важное значение в формировании эмоционального восприятия городского пространства. Данный подход выражается в выборе оттенков фасадов, выделении архитектурных элементов и применении светотеневых решений. Цвет способен подчеркнуть историческую значимость города, визуально объединить архитектурные ансамбли или выделить важные элементы городской среды. В художественном контексте цвет используется не только как декоративный элемент, но и как способ передачи атмосферы, настроения и ритма городской жизни.

Ритмическая организация и масштабная структура городской среды являются ключевыми элементами, обеспечивающими передачу динамики и пропорциональных соотношений архитектурных элементов. Ритм проявляется через повторение структур-

ных компонентов, чередование фасадов, оконных проемов и декоративных элементов. Масштаб определяется в контексте взаимодействия человека с городской средой посредством соотношения антропометрических параметров и размеров зданий, а также общественных пространств. Интеграция ритма и масштаба создает эффект динамического движения, задает визуальный темп городской среды и способствует ориентации зрителя в пространстве, а также формированию эмоционального восприятия урбанистического ландшафта.

Уже в античности городские структуры рассматривались как воплощение принципов упорядоченности и гармонии. Архитектурные комплексы Афин, Рима и Александрии создавались в соответствии с канонами симметрии и пропорции [Дмитриева, 2000]. Греческий архитектор Гипподам из Милета разработал урбанистический план, основанный на системе прямых улиц, что отражало концепцию рационального общественного устройства. В данном контексте пластическая выразительность архитектуры достигалась посредством геометрической организации пространства: строгой регулярности уличной сети, повторяющегося ритма колонн и четких контуров зданий. Фасады храмов и общественных зданий следовали принципам гармоничного архитектурного проектирования: дорический ордер символизировал силу, ионический – элегантность, коринфский – декоративную насыщенность. Пространственная организация города напоминала театральную постановку: акрополь возвышался над окружающей местностью, а площади раскрывались перед зрителем как тщательно продуманные композиции.

В архитектуре Рима пластические

решения приобрели монументальные черты. Амфитеатры, триумфальные арки и акведуки воплощали синтез утилитарной функции и символической значимости. Величественность Римской империи создавалась посредством архитектурных элементов: масштабность, использование арок и контрастирование стен с небесным пространством. В римской живописи, представленной фресками Помпей, впервые была предпринята попытка изобразить город в перспективе: гавани, форумы и колоннады изображались как многоярусное пространство, организованное с использованием линий и светотеневых контрастов [Салахутдинова, Новинская, 2021]. В античный период были сформированы основополагающие элементы пластического языка урбанистического образа, включающие в себя симметрию, пропорцию, ритм и монументальность.

Средневековый город радикально отличается от античного. Здесь важна не геометрическая гармония, а религиозный символизм. Образ города строится вокруг храма или собора, возвышающегося над остальными зданиями. Пластически это выражается через вертикаль, устремленность ввысь, которая символизирует путь к небесному. Готическая архитектура усилила тенденцию к вертикальной устремленности, выраженную стрельчатыми арками, витражными окнами, башнями и шпилями, которые формировали драматический силуэт. Контраст между освещенными и затемненными зонами внутри соборов сформировал уникальную архитектурную и духовную среду. В отличие от этого, городские оборонительные сооружения, такие как стены и башни, подчеркивали их замкнутость и функциональность в качестве защитных элементов. В живо-

писи Средневековья городские пейзажи изображались в упрощенной и схематичной манере, как неотъемлемый элемент религиозных композиций. Миниатюры, иконы и фрески часто изображали идеализированные крепости или небесный Иерусалим, символизирующий совершенный мир. В пластическом аспекте здесь преобладали условность формы, декоративность и высокая степень символической насыщенности [Нессельштраус, 1964].

Эпоха Ренессанса ознаменовала собой значительный сдвиг в развитии пластических методов визуализации городского пространства. Открытие линейной перспективы Филиппо Брунеллески и её последующее развитие Леон Баттистой Альберти предоставили художникам и архитекторам возможность репрезентации города как трёхмерной структуры. В работах таких мастеров, как Пьеро делла Франческа и Андреа Мантенья, город предстаёт в виде идеального ансамбля, где улицы сходятся к центральной точке, а здания характеризуются гармоничным соотношением пропорций и симметрией. В пластическом языке архитектуры формируется концепция глубины, пространственной структуры и гармоничного взаимодействия архитектурных объемов [Ярошенко, 2001].

Возникает идея «идеального города», воплощенная в архитектурных проектах XV века. Архитектурные планы, имеющие квадратную или круглую форму, а также радиально расходящиеся дороги и симметрично организованные площади, являлись отражением философской концепции о гармонии человеческого разума и пространственной организации. В ренессансной живописи городские пейзажи часто использовались в качестве фона для исторических и библейских сюже-

тов, при этом обладая самостоятельной эстетической значимостью. Цветовая палитра и светотеневая техника применялись для создания атмосферы: мягкие цветовые оттенки и гармоничные переходы тонов подчеркивали композиционное равновесие и целостность изображения.

В XVII веке урбанистический облик приобрёл новые черты, отражающие эстетические принципы барокко. Архитектурный стиль барокко стремился к созданию впечатляющего и захватывающего зрелища, используя выразительные пластические средства. Характерными особенностями стали криволинейные фасады, волнообразные колоннады и скульптурные композиции. В градостроительных ансамблях Рима, таких как площади, спроектированные Бернини и Борромини, пространство организовано по принципу театральной сцены. Архитектурные элементы формируют динамичную композицию, вовлекающую зрителя в игру света и тени. Применение масштабных форм и контрастных решений усиливает эмоциональное воздействие архитектурных произведений.

В живописи и графике эпохи барокко наблюдается развитие панорамных видов городских ландшафтов. Венецианские «ведуты» художников Джованни Антонио Каналетто и Франческо Гварди характеризуются высокой степенью точности архитектурной прорисовки, а также мастерским использованием светотеневых эффектов и отражений в водной глади. В этих произведениях применяются пластические приемы, такие как горизонтальные линии водных артерий, вертикали колокольных шпилей и контрастное взаимодействие световых бликов и теней, что способствует созданию образа торжественной и динамичной урбанистической среды

[Салахутдинова, Новинская, 2021].

Классицизм вновь обращается к строгим формам и ясной композиции. Городские ансамбли Санкт-Петербурга, Версаля и Вены характеризуются строгой регулярностью: прямые проспекты, симметрично организованные площади и согласованность архитектурных фасадов [Пилявский, 2003]. Масштабность и упорядоченность выступают в качестве ключевых пластических элементов, определяющих структурное и композиционное решение этих ансамблей. Романтизм, напротив, ищет эмоциональную выразительность. Город изображается как место драмы, таинственности, иногда разрушения. Художники акцентируют внимание на контрасте между светом и тьмой, старыми и новыми элементами, монументальностью архитектуры и уединением личности [Уоткин, 2001]. В романтической живописи, представленной Каспаром Давидом Фридрихом, архитектурные руины или силуэты церквей часто изображаются в сумерках, где текстура камня и игра света и тени символизируют вечность и преходящесть бытия.

Индустриализация XIX века оказала значительное влияние на урбанистический ландшафт, внедрив в него новые архитектурные и инженерные элементы, такие как железные дороги, мосты и фабрики. Реалистическое направление в искусстве, представленное такими мастерами, как Гюстав Доре и русские передвижники, стремилось зафиксировать повседневную жизнь городских улиц, акцентируя внимание на их тесноте, грязи и одновременно на величии инженерных сооружений. В своих произведениях художники-реалисты использовали широкий спектр пластических средств, включая грубую фактуру, контраст материалов (напри-

мер, камня и металла) и масштабность промышленных построек. Элементы передавали реальность городских пейзажей и подчеркивали социально-экономические трансформации общества. Индустриализация XIX века не только изменила физический облик городов, но и оказала глубокое влияние на их культурное и художественное восприятие, отражая сложные процессы урбанизации и индустриализации в работах реалистов.

Импрессионисты сделали акцент на изменчивой атмосфере. Клод Моне, Огюст Ренуар, Камиль Писсарро изображали городские площади и мосты в разное время суток и при разном освещении. Основные пластические техники включают дробный мазок, вибрацию цвета, а также передачу света и тени. Город становится не столько архитектурным ансамблем, сколько живым, пульсирующим пространством [Ильина, 2004]. Русская живопись XIX века также внесла свой вклад: И. Айвазовский писал морские города с акцентом на игру света и воды, А. Саврасов и И. Шишкин фиксировали городские окраины, К. Коровин создавал образы Москвы и Парижа с использованием богатой цветовой палитры [Ильина, 2003].

В целом, XX век ознаменовался радикальной трансформацией пластического языка. Авангардисты (Малевич, Лисицкий, Татлин) разрушили традиционную перспективу, превратив город в систему геометрических форм. Их проекты архитекторов и «проунов» были попыткой создать новый, абстрактный образ урбанистической среды. Футуризм в искусстве и архитектуре характеризовался прославлением движения, скорости и динамики. Пластическая выразительность футуристов базировалась на использовании диаго-

нальных композиций, повторяющихся линий и создании эффекта динамического ритма.

В контексте архитектурного движения Баухауз и функционализма, представленного такими выдающимися архитекторами, как Вальтер Гропиус и Ле Корбюзье, был предложен новый эстетический канон. Он включал в себя применение простых геометрических форм, использование бетона и стекла, а также создание открытых пространств. Масштаб и ритмическое построение многоэтажных зданий способствовали формированию архитектурного образа современного мегаполиса. Конструктивизм в России, представленный такими архитекторами, как Константин Мельников и братья Веснины, характеризовался акцентом на каркасные конструкции, прозрачность фасадов и функциональность. Пластически это выражалось в ясности объемов, контрасте пустого и заполненного, динамике диагоналей.

В советском монументальном искусстве 1960–1980-х годов пластические приемы были тесно связаны с процессами урбанизации. В этот период города активно росли, появлялись новые жилые районы, транспортные узлы и общественные пространства. Художники и архитекторы стремились гармонизировать облик этих комплексов, используя монументально-декоративные формы для эстетического и смыслового упорядочивания среды. Крупные мозаичные панно, рельефные композиции на фасадах, скульптурные ансамбли в общественных зонах становились своеобразными «пластическими кодами», позволяющими горожанам воспринимать пространство не только функционально, но и художественно. Таким образом, пластические способы раскрытия образа города

выражались в обобщенных силуэтах, ясной геометрии и масштабных формах, которые взаимодействовали с архитектурой и задавали эмоциональное восприятие среды.

Особое значение имел синтез архитектуры, скульптуры и декоративных искусств, который определял пластическое формообразование монументальных объектов. Урбанистическая среда требовала целостности, и потому художники прибегали к приёмам ритмического повтора, асимметричного равновесия и сопоставления различных материалов (бетона, стекла, металла, смальты) [Шарапов, 2022]. Пластические решения позволяли не только интегрировать произведения искусства в городскую ткань, но и создавать новые символические акценты, будь то монумент на площади, мозаика на фасаде дворца культуры или скульптурная композиция у станции метро. В синтезе пластических средств рождался художественный образ города как живого организма, где монументальное искусство связывало человека с урбанистической средой.

Постмодерн противопоставил себя функционалистской строгости. Экономический подход к оценке информации сместил акцент с производителя смыслов к их потребителю [Сидоренко, 2025]. Архитекторы и художники стали использовать игру с формами, иронию, цитаты из исторических стилей. Цвет, асимметрия, коллажность стали важными пластическими приемами. Город превращается в палимпсест, где соседствуют разные эпохи и стили. В современном искусстве активно применяются медиафасады, световые инсталляции и проекционные технологии. В ночное время город трансформируется в масштабный экран, на котором реализуются художественные концепции

с использованием цвета и света в качестве основных пластических элементов. Стрит-арт и граффити обогащают урбанистическую среду, создавая контрастные визуальные акценты на фоне монохромных фасадов. Художники используют масштабные формы, интегрируя гигантские фигуры в архитектурное пространство, что изменяет восприятие городской среды. Цифровое искусство, дополненная реальность и виртуальные проекции трансформируют городской ландшафт в интерактивную сценическую площадку. Данные технологии расширяют границы традиционных художественных средств, выходя за пределы классических материалов.

Эволюция урбанистического художественного образа представляет собой процесс развития пластических методов, направленных на интерпретацию города как эстетического феномена. Античная симметрия, средневековая вертикальность, ренессансная перспектива, барочная динамика, классическая гармония, романтический символизм, импрессионистическая атмосфера, авангардная геометризация, модернистская функциональность, постмодернистская интертекстуальность и цифровая визуальность – совокупность этих художественных и архитектурных парадигм иллюстрирует эволюцию концепций взаимодействия человека и окружающей среды [Петровская, 2014].

Пластические средства, такие как форма, цвет, ритм, фактура, масштаб и композиция, выступают не только как инструменты для передачи визуальной информации, но и как методы философского осмысления городской среды. Через подобные визуальные элементы раскрывается как драматический, так и эстетический потенциал урбанистического ландшафта, его духовно-куль-

турная и социальная сущность. Таким образом, город в качестве художественного образа представляет собой динамическую и многослойную систему, объединяющую в себе как реальные, так и символические элементы, материальную и концептуальную составляющие. Пластический язык города подвержен постоянным изменениям, однако неизменно выступает в качестве ключевого инструмента для интерпретации эстетических принципов человеческой цивилизации.

Список литературы

1. Дмитриева Н.А. Краткая история искусств. – М.: АСТ-Пресс, 624 2000. с.
2. Ильина Т.В. История искусств. Западноевропейское искусство. – М.: Высшая школа, 2004. 368 с.
3. Ильина Т.В. История искусств. Отечественное искусство. – М.: Высшая школа, 2003. 407 с.
4. Кобер О.И. История пространственных и пластических искусств. Омск, Омский государственный университет, 2020. 20 с.
5. Нессельштраус Ц.Г. Искусство Западной Европы в Средние века. – М.: Изобразительное искусство, 1964. 388 с.
6. Петровская О.В. Современные теории развития урбанизма. Научная мысль Кавказа, 2014. № 4 (80). 31-36.
7. Пиливский В.И. История русской архитектуры. – М.: Архитектура-С, 2003. 512 с.
8. Салахутдинова В.С., Новинская Н.А. Эмпирические особенности восприятия архитектурного пространства и формы. Инженерно-строительный вестник Прикаспия, 2021. № 2 (36). С. 58.62.
9. Сидоренко В.А. Коммуникативные принципы формирования социальной реальности постмодерна. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 2025. Т. 50. № 2. С. 270-277.
10. Уоткин Д. История западноевропейской архитектуры. – Кельн, 2001. 424 с.
11. Шаратов И.А. Пластические приёмы и формообразование: синтез в советском монументальном искусстве 1960–1980-х годов. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Искусствоведение, 2022. № 2. С. 45-58.
12. Ярошенко Б.М. Зарубежная история архитектуры с древнейших времен до эпохи просвещения. – Самара, Самар. гос. арх.-строит. акад., 2001. 400 с.
13. Милованов А.В. Свободное воспитание как педагогическая парадигма в отечественной образовательной мысли конца XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 236-244.

References

1. Dmitrieva N.A. Brief History of Art. – Moscow: AST-Press, 624, 2000. p.
2. Ilyina T.V. History of Art. Western European Art. – Moscow: Vysshaya Shkola, 2004. 368 p.

3. Ilyina T.V. History of Art. Russian Art. – Moscow: Vysshaya Shkola, 2003. 407 p.
4. Kober O.I. History of Spatial and Plastic Arts. Omsk: Omsk State University, 2020. 20 p.
5. Nesselstraus Ts.G. Art of Western Europe in the Middle Ages. – Moscow: Fine Art, 1964. 388 p.
6. Petrovskaya O.V. Modern Theories of Urbanism Development. Scientific Thought of the Caucasus, 2014. № 4 (80). P. 31-36.
7. Pilyavsky V.I. History of Russian Architecture. Moscow: Arkhitektura-S, 2003. 512 p.
8. Salakhutdinova V.S., Novinskaya N.A. Empirical Features of the Perception of Architectural Space and Form. Caspian Engineering and Construction Bulletin, 2021. № 2 (36). P. 58-62.
9. Sidorenko, V. A. Communicative Principles of Forming Postmodern Social Reality. НОМОТНЕТИКА: Philosophy. Sociology. Law, 2025. Vol. 50. № 2. P. 270-277.
10. Watkin, D. History of Western European Architecture. – Cologne, 2001. 424 p.
11. Sharapov I.A. Plastic Techniques and Form-Building: Synthesis in Soviet Monumental Art of the 1960s–1980s. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Art Criticism, 2022. № 2. P. 45-58.
12. Yaroshenko B.M. Foreign History of Architecture from Ancient Times to the Age of Enlightenment. – Samara, Samara State Academy of Architecture and Civil Engineering, 2001. 400 p.
13. Milovanov A.V. Free education as a pedagogical paradigm in domestic educational thought at the end of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 236-244.

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

Бахарев В.В.

*Доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления
Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.*

Авилова Ж.Н.

*Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления
Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.*

Хорошун Н.А.

*Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления
Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.*

**Развитие адаптационной кадровой стратегии субъектов малого
и среднего бизнеса в условиях неопределенной среды***

Аннотация. В условиях неопределенности среды на первый план стала выходить степень адаптации кадровой политики как наиболее значимая способность к быстрому реагированию на образующиеся внешние изменения. Разнонаправленные и нередко деструктивные процессы, происходящие в экономике нашей страны, определяют потребность разработки эффективной кадровой стратегии малого и среднего бизнеса в условиях неопределенности. Целью научной статьи является переосмысление специфики управления персоналом с учетом влияния ряда факторов социально-экономической среды, которое способствует развитию малого и среднего предприятия с максимально возможной эффективностью

Ключевые слова: кадровая стратегия, малый бизнес, предпринимательство, управление персоналом, адаптация, неопределенность.

Bakharev V.V.

Doctor in Sociology, Professor of sociology and management, Belgorod state technological University.

Avilova Zh.N.

PhD in Sociology, Associate Professor of sociology and management, Belgorod state technological University.

Khoroshun N.A.

PhD in Sociology, Associate Professor of sociology and management, Belgorod state technological University.

**Development of adaptive hr strategy of small
and medium-sized businesses in an uncertain environment**

Abstract. In the uncertain environment, the degree of adaptation of personnel policy has come to the fore as the most significant ability to respond quickly to emerging external changes. The multidirectional and often destructive processes taking place in the economy of our country de-

* © Бахарев В.В., Авилова Ж.Н., Хорошун Н.А., 2025.

Развитие адаптационной кадровой стратегии субъектов малого и среднего бизнеса в условиях неопределенной среды

termine the need to develop an effective HR strategy for small and medium-sized businesses in conditions of uncertainty. The purpose of the scientific article is to rethink the specifics of personnel management, taking into account the influence of a number of factors of the socio-economic environment, which contributes to the development of small and medium-sized enterprises with the maximum possible efficiency.

Key words: HR strategy, small business, entrepreneurship, personnel management, adaptation, uncertainty.

Сектор малого и среднего предпринимательства является важной составляющей экономики и представляет собой основной стратегический ресурс, способный обеспечить экономический рост региона. В экономике Белгородской области малое предпринимательство играет существенную роль, во многом определяющую уровень благосостояния общества, способствуя созданию рабочих мест, стимулируя здоровую конкуренцию, оснащая рынок необходимыми товарами и услугами¹.

Неотъемлемая черта малого и среднего предпринимательства – неопределённость среды, которая значительно усложняет процесс выработки и принятия управленческих решений в сфере управления персоналом, выбора альтернативы, оценки результатов и может привести к непредсказуемым и отрицательным результатам деятельности предприятий. В итоге субъектам малого и среднего бизнеса следует постоянно учитывать неопределённость среды и факторы, на нее влияющие.

В условиях появления новых тенденций, а также возможностей и угроз предпринимательской среды, возрастания конкуренции и финансовой неустойчивости малого и среднего бизнеса

1 Итоги сплошного федерального статистического наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства Белгородской области за 2020 год. // URL: https://asmobel.ru/media/site_platform_media/2022/9/28/doklad-lipko-ov-itogimisp2020.pdf

в России, существенным образом меняется роль человеческого капитала.

Необходимо отметить, что влияние экономической неопределенности на малый бизнес более существенно, чем на корпоративный бизнес. Обоснованием этого утверждения служит тот факт, что деятельность малого бизнеса ориентирована на оперативное реагирование на рыночные факторы, что, с одной стороны, приводит к большей чувствительности к тенденциям рынка, но, с другой стороны, формирует долгосрочные угрозы бизнесу, не обладающему защитным потенциалом от быстрых изменений, приводящих к его гибели². С конца февраля 2022 года у многих компаний нарушились цепочки поставок, усложнились схемы и удлинились сроки оплаты, резко упало число клиентов, и, как следствие, сократилась выручка и рентабельность³.

Также необходимо отметить, что бизнес предприятий малого и среднего предпринимательства является высокорискованным по своей природе. Это связано с небольшими размерами компаний, что не позволяет создать необходимый эффект масштаба и устойчивость к кризисным явлениям,

2 Тихонова М.А. Антикризисный выбор малого бизнеса // Сегодня и завтра российской экономики. 2020. № 99-100.

3 Итоги сплошного федерального статистического наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства Белгородской области за 2020 год. // URL: https://asmobel.ru/media/site_platform_media/2022/9/28/doklad-lipko-ov-itogimisp2020.pdf

а также не даёт возможность обладать достаточной рыночной силой по отношению к покупателям и поставщикам. Такие компании обладают, как правило, недостаточно зрелой системой корпоративного управления и открытостью по отношению к инвесторам⁴. По мнению Национального Рейтингового Агентства в 2025 году и в течение 2026 года риски в сегменте малого и среднего предпринимательства (МСП) будут оставаться повышенными по отношению к периодам с более благоприятным экономическим циклом. Наиболее опасными рисками для предприятий МСП, влияющими на непрерывность деятельности будут:

- снижение спроса на товары и услуги;
- сокращение рентабельности;
- потеря ключевых поставщиков в результате санкций;
- ухудшение сроков и условий платежей, как за сырьё, так и за поставленную продукцию;
- логистические риски;
- ужесточение политики кредитования банками;
- потеря ключевого персонала;
- рост мошенничества;
- постепенное сокращение государственной поддержки⁵.

Необходимость учета совокупности факторов, определяющих специфику принятия управленческих решений в сфере управления персоналом субъектами малого и среднего предпринимательства обусловила важность адаптации кадровой политики к вызовам

4 НРА. Аналитический обзор. МСП: восстановление отложено на 4 года. // URL: <https://rusbonds.ru/rb-docs/analytics/msp.pdf> (Дата обращения: 29.03.2025).

5 НРА. Аналитический обзор. МСП: восстановление отложено на 4 года. // URL: <https://rusbonds.ru/rb-docs/analytics/msp.pdf> (Дата обращения: 29.03.2025).

и угрозам внешней среды. Частичная мобилизация, а также повышенная миграция в сопредельные страны может вызвать (и уже вызывает) потерю ключевого персонала, невозможность продолжения предпринимательской деятельности владельцем и, как следствие, нарушение непрерывности деятельности бизнеса.

В настоящее время по вопросу неопределенности среды существует несколько точек зрения различных авторов (М.Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури, Ф.Н. Найт, Б. Райзберг, Л. Лозовский, Е. Стародубцева, Э.А. Уткин, Д.А. Фролов, С. Филин, Ю. Панкратова), которые сводятся к тому, что неопределённость среды чаще всего связана с несоответствием информации её качественным характеристикам (полноте, понятности, достоверности и надёжности), а также с нестабильностью, неопределённостью и риском.

Анализ научных исследований по проблематике неопределенности бизнес-среды приводит к многообразию понятий данного феномена. Например, Ф.Дж. Милликен определяет неопределённость как «воспринимаемую неспособность точно предсказать что-либо», возникающую из-за отсутствия уверенности в своих знаниях в той или иной ситуации⁶.

В словаре С. И. Ожегова⁷ «неопределённость» рассматривается как «неопределённое положение» или «точно неустановленное», «не вполне отчётливое, уклончивое». Современные экономические словари трактуют «неопределённость» как «недостаточность сведений об условиях, в которых бу-

6 Frances J. Milliken Three Types of Perceived Uncertainty About the Environment: State, and Response Uncertainty // Academy of Management Review. 1987. № 1. P. 133-143.

7 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка – М.: 2011. 736 с.

дет протекать экономическая деятельность, низкая степень предсказуемости, предвидения этих условий⁸.

В научных работах таких ученых как Ю.А. Маслодудов, Н.А. Плавюк, Т.Ю. Сазонова, Ю.Л. Степанова, Е.В. Таранова, Г.М. Шарапудинов, С. Андросова, А.М. Астахов, С.А. Карпов, С.П. Крюков, В.В. Радаев, Н.В. Рассказова, Н.П. Рыжова изучаются адаптационные стратегии предприятий малого бизнеса в условиях неопределенности.

Обзор научной литературы свидетельствует о том, что ряд аспектов проблематики формирования кадровых стратегий предприятий малого и среднего бизнеса достаточно глубоко проработан. Но, теме не менее, в них не нашли достаточного отражения вопросы, связанные со спецификой управления кадрами в современных условиях неопределенности. Мы будем понимать под неопределенностью низкую степень предсказуемости контекста будущих событий.

В большей степени, неопределённость среды включает в себя разнообразные условия (социальные, экономические, политические, демографические и др.), в которых действуют предприятия малого и среднего бизнеса. По мнению ряда экономистов и предпринимателей, сегодня адаптационные возможности в сфере управления персоналом и развитие конкурентных кадровых стратегий являются главным фактором, обеспечивающим длительное функционирование предприятия⁹.

8 Омарова З.Н. Нестабильность, неопределенность и риск в предпринимательской деятельности // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.). – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2015. С. 151-154. // URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/171/9234/> (Дата обращения: 28.09.2025).

9 Аверков А.М. Конкурентные стратегии

Чем выше неопределенность внешнего окружения, тем труднее успешно функционировать на рынке. Факторы, влияющие на неопределенность среды, можно разделить на внутренние и внешние (рис. 1).

Для определения и анализа наиболее значимых факторов внешней среды размер предприятия оказывает серьезное влияние.

Цифровизация бизнес-процессов, внедрение цифровой валюты, развитие онлайн-торговли, перевод сотрудников на удаленный режим работы, появление новых материалов и сырья, развитие искусственного интеллекта и т.д., с одной стороны создают новые возможности, формируя новые тренды, но с другой стороны, малый бизнес зачастую не имеет достаточных финансовых ресурсов для регулярного мониторинга подобных изменений внешней среды. При этом горизонт анализа и прогнозирования изменений внешней среды обычно не распространяется на долгий период. Чаще всего руководители малых и средних предприятий концентрируются преимущественно на тех факторах (угрозах и вызовах), которые негативно воздействуют лишь на текущую деятельность организации.

Анализ факторов внешней среды, как правило, ограничивается основными клиентами, конкурентами, поставщиками и т.д. Мониторинг внутренней среды сводится к рассмотрению аспектов финансовой устойчивости организации, текущих производственных вопросов, себестоимости продукции (услуг), обеспеченностью персоналом.

Это лишь на первый взгляд необходимость выработки кадровой стратегии в современных условиях неопределенности представляется

предприятия малого бизнеса // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 3. С. 76-78.

Рис. 1. Факторы неопределенности внутренней и внешней среды предприятий малого и среднего бизнеса.

очевидной и не нуждающейся в обосновании. Однако нередко приходится сталкиваться с непониманием того, какова же цель составления обоснованной и объективной кадровой стратегии, в чём её польза.

Между тем, термин «стратегия» подразумевает свод общих правил, которые определяют именно долгосрочные действия, обеспечивающие выполнение задач и функций предприятия. Разработка кадровой стратегии представляет собой составление генерального плана действий организации в сфере кадровой политики. В основе этого процесса лежат основные принципы стратегического управления организацией. Важным принципом процесса разработки стратегии является его альтернативность (гибкость), которая подразумевает поиск и выбор различных направлений деятельности по управлению персоналом.

Это позволяет определить наиболее

приемлемые для предприятия общие концептуальные подходы и принципы управления персоналом в условиях неопределенности; объективно оценить реальную кадровую политику предприятия с точки зрения совокупности факторов сложившейся ситуации, в том числе на рынке труда; составить прогноз возможных будущих изменений на основе ожидаемых тенденций (трендов); определить и сформировать наиболее оптимальный (адаптационный) вариант кадровой стратегии.

В то же время, единой или универсальной кадровой стратегии для всех типов организации не существует. На процесс формирования стратегии непосредственно влияет занимаемое положение организации на соответствующем рынке, ее реальный кадровый потенциал, финансовая устойчивость, острота конкурентной борьбы, характер производимой продукции (услуги), степень развитости предприниматель-

ской среды, налоговые барьеры и т.д.

Различные виды кадровых стратегий позволяют выбрать именно тот вариант, который поможет предприятию существовать и развиваться с максимально возможной эффективностью. В зависимости от основных задач предприятия, его возможностей, а также от сложившейся ситуации (экономической, политической, демографической и пр.) будут напрямую зависеть и виды кадровых стратегий, которые выбираются руководством предприятия в каждом определенном случае.

На наш взгляд, формирование кадровой политики в стратегическом плане помогает выставить главные ориентиры в развитии организации, позволяет трезво и объективно оценивать ее внутренние кадровые ресурсы, возможности развития на рынке. Разумеется, ее наличие не может гарантировать стопроцентного успеха предприятия, ведь никто не застрахован от ошибок, форс-мажорных обстоятельств и прочих факторов. Но такое визуализированное планирование целей, их описание, отслеживание позволяет создать наиболее благоприятные условия для расширения влияния компании, ее роста, внутреннего эффективного распределения ресурсов и прочного укрепления на рынке¹⁰.

Особенности формирования кадровой политики в малом бизнесе предполагают учет ряда положений: комплексный характер деятельности, гибкая организация труда, ограниченность материальных, финансовых, трудовых и других ресурсов при принятии и реализации решений, недостаток собственных средств, отсутствие

многоуровневой организационной структуры, нехватка управленческого опыта, нечеткое планирование, несистематичность управленческого контроля, нередкое отсутствие программ повышения квалификации, подготовки и переподготовки персонала, социальная незащищенность персонала, не высокая степень бюрократичности, повышенные требования к личным качествам работника, недобросовестная конкуренция и т.д.

Выбор эффективной кадровой стратегии предполагает тщательный анализ не только сложившейся экономической, политической, демографической ситуации, но и определение самих целей кадровой политики с учетом стратегии развития предприятия в целом с учетом внутренних возможностей и потенциала развития, рисков и вызовов среды в условиях неопределенности.

Только затем выбирается определенная стратегия, которая и будет в дальнейшем основополагающей в сфере управления персоналом организации. Различные виды кадровых стратегий позволяют выбрать именно тот вариант, который поможет малому и среднему предприятию существовать и развиваться с максимально возможной эффективностью.

Первое, что необходимо делать для развития малого и среднего бизнеса – постоянно контролировать исполнение всех задач. Хорошим решением будет определение точек контроля на минимальных промежутках друг от друга. Также спецификой малого бизнеса является практически полное отсутствие дистанции между руководством и персоналом. В малых предприятиях и организациях нередко отсутствуют документы, регламентирующие кадровую работу. При этом существует ярко выраженная система неофици-

¹⁰ Фляйшер К. Стратегический и конкурентный анализ. Методы и средства конкурентного анализа в бизнесе / К. Фляйшер, Б. Бенсуссан. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. 541 с.

альных статусов и ролей, создающая свои нормы, правила, установки и образцы поведения.

Чаще всего это влечет нарушение комплексной реализации функций и методов управления. Нередко в малом бизнесе можно обнаружить только хорошо отлаженные найм и оплату труда, в то время как социальное и профессиональное развитие персонала, а также его оценка и адаптация упускаются из виду. Это говорит о том, что кадровым планированием в стратегическом плане не уделяется должного внимания.

Игнорирование значимости документального закрепления четко сформулированных стратегических задач с обозначением временных этапов и зон ответственности зачастую не позволяет руководителю предприятия малого и среднего бизнеса осуществлять успешное координирование работы всего персонала, нередко приводит к недопониманию, возникновению конфликтных ситуаций, появлению «проблемных зон» в системе управления кадрами.

Это предполагает, что эффективная кадровая политика в малом и среднем бизнесе должна удовлетворять определенным критериям. Ключевыми параметрами в этом случае являются:

- ориентация на стратегию;
- комплексность (оценки профессионального развития персонала, формирования систем стимулирования);
- согласованность функций управления;
- технологичность (наличие четкого описания основных бизнес-процессов, и процедур работы персонала);
- гибкость (динамичность координирования и синхронизация с учетом меняющихся условий);

При рассмотрении и выборе основных кадровых стратегий необходимо учитывать целый ряд принципов, при-

меняемых при планировании. Прежде всего, нужно помнить, что любая кадровая стратегия должна быть гибкой и открытой системой, которая может изменяться под влиянием целого ряда параметров.

По состоянию на начало 2025 года в Белгородской области зарегистрировано 45976 индивидуальных предпринимателей и 17528 юрлиц.

Оборот субъектов малого и среднего предпринимательства региона составляет 23% от оборота всех организаций области.

По информации губернатора Белгородской области В. Гладкова, оборот МСП вырос на 55% за четыре года. Достижение значений показателей обеспечивалось за счет оказания мер поддержки малого и среднего предпринимательства. В среднесрочном периоде развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства будет осуществляться в рамках реализации Программы по поддержке малого и среднего предпринимательства, финансируемой за счет средств областного бюджета, а также национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуально предпринимательской инициативы».

В состав региональной составляющей национального проекта вошли проекты: «Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами», «Создание условий для легкого старта и комфортного ведения бизнеса», «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства»¹¹.

¹¹ Об утверждении прогноза социально-экономического развития Белгородской области на 2025 год и на период до 2027 года // URL: <https://minprom.belregion.ru/dokumenty/obshchestvennye-obsuzhdeniya/proekt-rasporyazheniya-pravitelstva-belgorod1812> (Дата обращения: 28.09.2025).

Между тем, как отмечается в Прогнозе социально-экономического развития Белгородской области на 2025 год и на период до 2027 года¹², в текущем году в связи с внешним санкционным давлением промышленность региона столкнулась с закрытием существующих рынков сбыта в странах, связанных с санкционными ограничениями, перенастройкой логистических цепочек, а также переходом на альтернативных поставщиков.

Также среди главных факторов, оказывающих существенное влияние на формирование прогнозных показателей социально-экономического развития области до 2025 года, является инфляция.

Выживаемость малого и среднего бизнеса в текущих условиях определяется рациональным выбором адаптационных кадровых технологий, которые позволяют рассчитывать на производительность и социальное развитие персонала предприятия. Значительная роль в поддержке малого и среднего бизнеса отводится государству в целом и властным структурам региона, в частности.

К примеру, на территории Белгородской области запущен комплекс мер поддержки для малого и среднего предпринимательства, в том числе:

- «зонтичное поручительство»;
- доступ к единой цифровой платформе МСП.РФ;
- субсидирование затрат, связанных с приобретением оборудования;
- субсидирование затрат, связанных с продвижением товаров (работ, услуг) через торговые Интернет-площадки;
- гранты на развитие социального предпринимательства;
- льготные микрорайоны на развитие предпринимательской деятельности;

¹² Там же.

- гарантийная поддержка;
- содействие в популяризации продукции субъектов МСП и «самозанятых» граждан;
- содействие в сертификации продукции субъектов МСП;
- информационно-консультационные и образовательные услуги;
- инжиниринговые услуги субъектам предпринимательства в сфере производства;
- экспортные услуги, включая субсидирование затрат на транспортировку продукции субъектов МСП для организации экспортных поставок и т.д.¹³.

В 2025 году на поддержку белгородского бизнеса выделено около трех миллиардов рублей, из которых 1,7 миллиарда пошли на восстановление предприятий, пострадавших от атак ВСУ.

Все это требует разрешения одной из наиболее актуальных социально-экономических проблем субъектов малого и среднего предпринимательства – адаптации кадровой политики к условиям неопределенности среды.

Адаптация рассматривается как процесс приспособления субъектов малого и среднего предпринимательства к внешней среде при реализации своей деятельности, который обеспечивает выживаемость в реальных экономических и социальных условиях¹⁴. Благодаря высокому уровню адаптации в сфере управления персоналом предприятиям удается сохранить свою устойчивость и с успехом конкурировать на рынке. Стоит заметить тот факт, что процессы

¹³ О мерах государственной поддержки малого и среднего предпринимательства на территории Белгородской области. // URL: <https://www.mfc31.ru/news/694/> (Дата обращения: 30.09.2025).

¹⁴ Аверков А.М. Конкурентные стратегии предприятия малого бизнеса // Вестник Московского университета МВД России. 2010 № 3. С. 76-78.

Рис. 2. Модель адаптации кадровой политики малого и среднего бизнеса в регионе.

адаптации, в том числе кадровой стратегии, также находятся в прямой корреляции с социальными, политическими и экономическими условиями современного рынка труда.

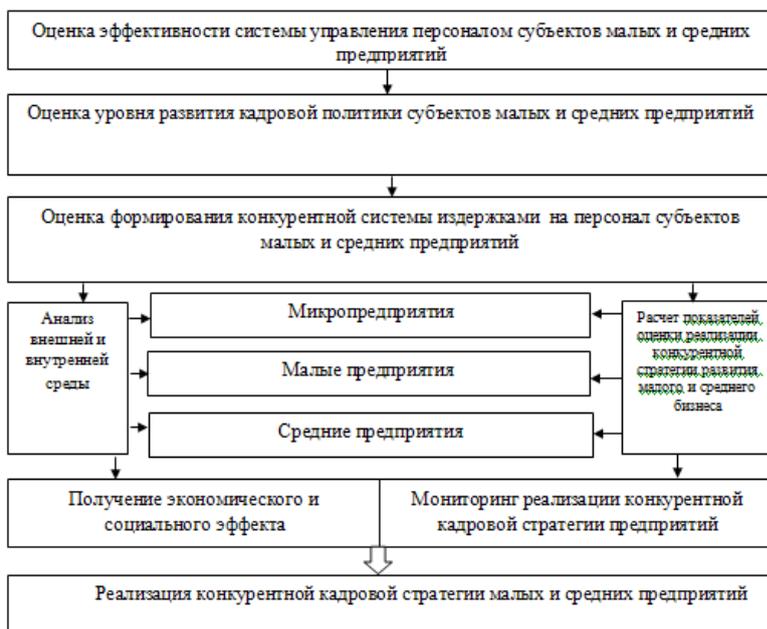
Разработка любой стратегии включает: целеполагание (формулировка целей развития предприятия в сфере управления персоналом); стратегический анализ совокупности факторов внешней и внутренней среды предприятия с определением вероятных (возможных) условий успешного развития системы управления кадрами в сложившихся условиях; стратегический выбор и обоснование кадровой стратегии.

В то же время, необходимо понимать, что, по сути, все кадровые стратегии предприятий малого и среднего бизнеса являются именно адаптивными. Это связано с тем, что в силу своих

размеров и незначительных оборотов данный сектор не в состоянии оказывать влияние на рынок, а скорее вынужден адаптироваться (приспосабливаться) к существующим условиям. Это вынуждает такие предприятия часто, а порой и экстренно пересматривать свои кадровые стратегические установки, меняя системы мотивации, управленческого контроля, методы повышения производительности труда, способы обоснования принятия непопулярных управленческих решений и т.д.

Нередко это влечет за собой необходимость изменения стиля руководства, необходимость проявления эмпатии, разрешение конфликтных ситуаций, выстраивание новых систем коммуникации с персоналом.

Ключевые направления государственной поддержки позволили раз-

Рис. 3. Разработка конкурентной кадровой стратегии малых и средних предприятий.

работать модель адаптации кадровой политики малого и среднего бизнеса (рис. 2).

На наш взгляд, основные элементы развития конкурентной кадровой политики малого и среднего бизнеса можно выделить следующие:

- 1) анализ эффективности системы управления персоналом;
- 2) анализ существующего уровня развития кадровой политики субъектов малого и среднего бизнеса;
- 3) анализ системы управления издержками на персонал.

Для оценки реализации конкурентной кадровой стратегии развития малого и среднего бизнеса предлагаем использовать следующие показатели (табл. 1). Помимо выделенных, отметим также такие показатели как: индекс удовлетворенности сотрудников (%), выручка на одного сотрудника

(тыс.руб.), прибыль на одного сотрудника (тыс.руб.), доля постоянных сотрудников (%).

Рекомендованные показатели позволят:

- провести комплексную оценку реализации конкурентной кадровой стратегии развития малого и среднего бизнеса с целью принятия оптимальных управленческих решений, необходимых при её корректировке;
- оценить степень отдачи от принятия управленческих решений в сфере управления персоналом и устойчивость стратегического развития предприятия.

Сложность управления персоналом предприятия в условиях неопределенности обуславливается необходимостью сочетания оперативного текущего руководства с исследованием рынка, оценкой степени вероятности

Таблица 1. Показатели оценки реализации конкурентной кадровой стратегии развития малого и среднего бизнеса.

Наименование показателя	Формула расчета	Расшифровка показателя
Коэффициент профессионально-квалификационного соответствия производственного персонала предприятия	$КПКС_{\text{ОПР}} = \frac{K_{\text{ОПР}}}{K_{\text{р.м.}}}$	$K_{\text{ОПР}}$ - количество обученных основных производственных рабочих, чел. $K_{\text{р.м.}}$ - количество рабочих мест, чел.
Производительность труда	$П_{\text{т.}} = \frac{V_{\text{нов.}}}{Ср_{\text{пер.}}}$	$V_{\text{нов.}}$ - объем произведенной новой продукции, руб. $Ср_{\text{пер.}}$ - среднесписочная численность персонала предприятия, чел.
Коэффициент профессионально-квалификационного соответствия РСиС предприятия	$КПКС_{\text{РСиС}} = \frac{K_{\text{РСиС}}}{K_{\text{р.м.}}}$	$K_{\text{РСиС}}$ - количество обученных РСиС, чел. $K_{\text{р.м.}}$ - количество рабочих мест, чел.
Коэффициент текучести кадров	$K_{\text{тк}} = \frac{K_{\text{ув.}}}{Ср_{\text{пер.}}} * 100 \%$	$K_{\text{ув.}}$ - количество увольнений за год, чел. $Ср_{\text{пер.}}$ - среднесписочная численность персонала предприятия, чел.

наступления тех или иных значимых событий, постоянным мониторингом и прогнозированием возможных из проявлений в перспективе.

В рамках выделенных показателей анализ эффективности формирования кадровой стратегии предприятий малого и среднего бизнеса в условиях неопределенности можно производить с помощью ряда методов: предельный анализ, линейное программирование, приростной анализ прибыли, метод матрицы решений, метод дорожных карт, метод Вальда, метод Гурвица, метод Сэвиджа, метод Лапласа, экспертный метод и др. Данный анализ позволяет реально оценить достижимость и эффективность планируемых целей и задач до того, как они будут согласованы,

утверждены и на них будут выделены финансовые средства.

Подводя итог, нужно отметить, что малое предпринимательство оказывает позитивное влияние на насыщение товарного рынка продукцией и услугами, создание новых рабочих мест, снижение напряженности на рынке труда и развитие конкуренции.

Малый бизнес является наиболее гибким и быстро приспосабливаемым к постоянно меняющимся условиям внешней и внутренней среды организации. Развитие сектора малого бизнеса несёт важнейшую социальную функцию, приспособлявая к условиям неопределенности не только экономику страны, но и самих её граждан. Кроме того, малый и средний бизнес

занимает львиную долю всех предприятий страны, именно на малые и средние предприятия приходится осуществление большинства услуг, и продажа большинства товаров. Однако не стоит забывать и о недостатках малого бизнеса – прежде всего о повышенном риске, а как следствие о неустойчивости положения на рынке, зависимости от крупных компаний, трудности в заимствовании получения дополнительных финансовых средств и получении кредитов.

Формирование конкурентной стратегии развития малого и среднего бизнеса в Белгородской области в условиях неопределенности среды – это комплексная работа, которая включает в себя анализ рынков, конкурентов и самой организации, а также поиск самых эффективных решений для успешного ведения бизнеса как со стороны органов государственного и муниципального управления, так и со стороны владельцев бизнеса.

Список литературы

1. Аверков А.М. Конкурентные стратегии предприятия малого бизнеса // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 3. С. 76-78.
2. Азов Г.Л. Конкурентные преимущества фирмы / Г.Л. Азов, А.П. Челенков. – М.: Новости, 2017. 254 с.
3. Асалиев А.М., Степанов А.А., Оборин М.С., Гордеева Е.В. Антикризисные меры поддержки экономики России в условиях пандемии: компромиссы власти и бизнеса // Сервис в России и за рубежом. 2020. Т. 14. № 2 (89). С. 63-77.
4. Воротников А.М. Стратегия повышения конкурентоспособности региона // Экономические стратегии. 2001. № 5-6 (13-14). С. 144-147.
5. Герасименко О.А. Ключевые бизнес-компетенции как экономическая категория / О.А. Герасименко, Ж.Н. Авилова // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2016. № 6. С. 273-277.
6. Дианова В.А. Адаптационные стратегии малого предпринимательства в условиях постоянно меняющейся внешней среды. Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 23 (1). С. 28-36.
7. Земцов С.П., Царева Ю.В. Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // Экономическое развитие России, 2020. Т. 27. № 5. С. 71-82.
8. Клементьев Д.В. Формирование кадровой политики как условие конкурентоспособности предпринима-

тельской организации // Инновации и инвестиции 2020. № 9. 83-88.

9. Минаков А.В., Милославская М.М. Состояние и перспективы развития российской экономики в условиях структурных изменений глобальной экономики // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 288-294.
10. Николаенко В.С. Риск, риск-менеджмент и неопределенность: уточнение понятий // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 91-119.
11. Омарова З.Н. Нестабильность, неопределенность и риск в предпринимательской деятельности // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.). – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2015. С. 151-154.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: 2011. 736 с.
13. Осипов В.А., Красова Е.В. Современные подходы к стратегическому управлению на предприятии в условиях неопределенности // Лидерство и менеджмент. 2022. Т. 9. № 4. С. 1015-1032.
14. Саркисян Ж.М., Тихонова М.А. Антикризисные сценарные технологии управления малым бизнесом в период пандемии // Научное обозрение. Серия: Экономика и право. 2020. № 5. С. 42-51.
15. Тихонова М.А. Антикризисный выбор малого бизнеса // Сегодня и завтра российской экономики. 2020. № 99-100.
16. Фляйшер К. Стратегический и конкурентный анализ. Методы и средства конкурентного анализа в бизнесе / К. Фляйшер, Б. Бенсуссан. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. 541 с.
17. Франовская Г.Н., Долматович А.Ю. Антикризисная поддержка малого и среднего бизнеса в период пандемии коронавируса и в перспективе // Современная экономика: проблемы и решения. 2020. № 7. С. 178-86.
18. Моисеев В.В., Целютина Т.В., Авилова Ж.Н. Управление человеческим капиталом в регионах на принципах «бережливого производства» // Человеческий капитал. 2021. № 7 (151). С. 53-60.
19. Целютина Т.В., Авилова Ж.Н. Эмоциональный интеллект и стратегическое мышление руководителя: управление в условиях имплементации возможностей VUCA экономики // Материалы XI Международной заочной научно-практической конференции. «Содействие профессиональному становлению личности и трудоустройству молодых специалистов в современных условиях»: – Белгород. 2020.
20. Avilova Z.N., Gulei I.A., Shavyrina I.V. Formation of the customer-centric organizational culture of the university as a factor of effective social and economic development of the region // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 3. С. 207-216.
21. Frances J. Milliken Three Types of Perceived Uncertainty About the Environment: State, and Response Uncertainty // Academy of Management Review. 1987. № 1. P. 133-143.
22. Иващенко Т.С., Тарасов И.Е. Документальное кино в учебном краеведении (на примере сериала «Исторические хроники Югры») // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 181-192.

References

1. Averkov A.M. Competitive Strategies of Small Businesses

- // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 3. P. 76-78.
2. Azoev G.L. Competitive Advantages of a Firm / G.L. Azoev, A.P. Chelenkov. – Moscow: Novosti, 2017. 254 p.
  3. Asaliev A.M., Stepanov A.A., Oborin M.S., Gordeeva E.V. Anti-Crisis Measures to Support the Russian Economy in the Context of a Pandemic: Compromises between Government and Business // Service in Russia and Abroad. 2020. Vol. 14. № 2 (89). P. 63-77.
  4. Vorotnikov A.M. Strategy for Improving the Competitiveness of a Region // Economic Strategies. 2001. № 5-6 (13-14). P. 144-147.
  5. Gerasimenko O.A. Key business competencies as an economic category / O.A. Gerasimenko, Zh.N. Avilova // Bulletin of the Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov. 2016. № 6. P. 273-277.
  6. Dianova V.A. Adaptation strategies of small entrepreneurship in a constantly changing external environment. Natural Sciences and Humanities Research. 2019. № 23 (1). P. 28-36.
  7. Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V. Development trends in the small and medium-sized enterprise sector in the context of a pandemic and crisis // Economic development of Russia, 2020. Vol. 27. № 5. P. 71-82.
  8. Klementyev D.V. Formation of HR Policy as a Condition for Competitiveness of an Entrepreneurial Organization // Innovations and Investments 2020. № 9. 83-88.
  9. Minakov A.V., Miloslavskaya M.M. State and Prospects for Development of the Russian Economy in the Context of Structural Changes in the Global Economy // Bulletin of Economic Security. 2020. № 3. P. 288-294.
  10. Nikolaenko V.S. Risk, Risk Management and Uncertainty: Clarification of Concepts // Public Administration. Electronic Bulletin. 2020. № 81. P. 91-119.
  11. Omarova Z.N. Instability, Uncertainty and Risk in Entrepreneurial Activity // Problems and Prospects of Economics and Management: Proceedings of the IV Int. scientific conf. (St. Petersburg, December 2015). – Saint Petersburg: Svoe Publishing House, 2015. P. 151-154.
  12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. – Moscow: 2011. 736 p.
  13. Osipov V.A., Krasova E.V. Modern Approaches to Strategic Management at an Enterprise in Conditions of Uncertainty // Leadership and Management. 2022. Vol. 9. № 4. P. 1015-1032.
  14. Sarkiyan Zh.M., Tikhonova M.A. Anti-crisis Scenario Technologies for Small Business Management During a Pandemic // Scientific Review. Series: Economics and Law. 2020. № 5. P. 42-51.
  15. Tikhonova M.A. Anti-crisis Choice of Small Business // Today and Tomorrow of the Russian Economy. 2020. № 99-100.
  16. Fleischer K. Strategic and Competitive Analysis. Methods and Tools of Competitive Analysis in Business / K. Fleischer, B. Bensoussan. – Moscow: BINOM. Knowledge Laboratory, 2014. 541 p.
  17. Franovskaya G.N., Dolmatovich A.Yu. Anti-crisis Support for Small and Medium-Sized Businesses During the Coronavirus Pandemic and in the Future // Modern Economy: Problems and Solutions. 2020. № 7. P. 178-86.
  18. Moiseev V.V., Tselyutina T.V., Avilova Zh.N. Human Capital Management in the Regions Based on Lean Manufacturing Principles // Human Capital. 2021. № 7 (151). P. 53-60.
  19. Tselyutina T.V., Avilova Zh.N. Emotional intelligence and strategic thinking of a manager: management in the context of implementing the opportunities of a VUCA economy // Proceedings of the XI International Correspondence Scientific and Practical Conference. “Promoting the professional development of an individual and employment of young specialists in modern conditions”: – Belgorod. 2020.
  20. Avilova Z.N., Gulei I.A., Shavryrina I.V. Formation of the customer-centric organizational culture of the university as a factor in effective social and economic development of the region // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. № 3. P. 207-216.
  21. Frances J. Milliken. Three Types of Perceived Uncertainty About the Environment: State, and Response Uncertainty // Academy of Management Review. 1987. № 1. P. 133-143.
  22. Ivaschenko T.S., Tarasov I.E. Documentary films in educational regional studies (based on the example of the TV series “Historical Chronicles of Yugra”) // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 181-192.

Кантемирова М.А.

*Доктор экономических наук, профессор
кафедры общественного здоровья, здравоохранения, социально-экономических наук.
Северо-Осетинская государственная медицинская академия, г. Владикавказ.*

Коблова А.С.

Студент. Северо-Осетинская государственная медицинская академия, г. Владикавказ.

Кабалоева С.В.

Студент. Северо-Осетинская государственная медицинская академия, г. Владикавказ.

**Старшее поколение на Кавказе: современная ситуация
в контексте здоровья и государственной поддержки***

Аннотация. В данной статье рассматривается современное положение старшего поколения в регионах Северного Кавказа с акцентом на аспекты здравоохранения. Проанализированы ключевые демографические тенденции, в частности, высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), которые, однако, не всегда коррелируют с высоким качеством жизни в пожилом возрасте. Исследуются основные вызовы, включающие рост хронических неинфекционных заболеваний, проблемы доступа к медицинской помощи и цифровой разрыв. Особое внимание уделяется мерам государственной поддержки в рамках национальных проектов «Демография» и федерального проекта «Старшее поколение». На основе анализа статистических данных и результатов собственного социологического опроса выявлены распространенность ключевых заболеваний (артериальная гипертония, инсульт, онкологическая патология в семейном анамнезе) и определены приоритетные направления для укрепления здоровья пожилых жителей Кавказа.

Ключевые слова: здоровье пожилых, старшее поколение, Северный Кавказ, продолжительность жизни, хронические заболевания, гипертоническая болезнь, национальный проект «Демография», качество жизни, старение.

Kantemirova M.A.

*Doctor of Economics, Professor of the Department of Public Health, Healthcare,
Social and Economic Sciences, North Ossetian State Medical Academy, Vladikavkaz.*

Koblova A.S.

Student, North Ossetian State Medical Academy, Vladikavkaz.

Kabaloeva S.V.

Student at the North Ossetian State Medical Academy, Vladikavkaz.

**The older generation in the Caucasus:
the current situation in terms of health and state support**

* © Сторчак М.В., 2025.

Сакральные сюжеты гражданской религии в СССР

Abstract. This article examines the current situation of the older generation in the North Caucasus regions, focusing on healthcare aspects. Key demographic trends are analyzed, in particular, high life expectancy (LE), which, however, does not always correlate with a high quality of life in old age. Key challenges are examined, including the rise of chronic noncommunicable diseases, problems accessing healthcare, and the digital divide. Particular attention is paid to government support measures within the framework of the national “Demography” project and the federal “Older Generation” project. Based on an analysis of statistical data and the results of our own sociological survey, the prevalence of key diseases (arterial hypertension, stroke, family history of cancer) is determined and priority areas for improving the health of older residents of the Caucasus are identified.

Key words: elderly health, older generation, North Caucasus, life expectancy, chronic diseases, hypertension, national “Demography” project, quality of life, aging.

Введение

Современная демографическая ситуация в Российской Федерации характеризуется устойчивой тенденцией к старению населения, что обуславливает повышенное внимание государства и научного сообщества к проблемам граждан пожилого и старческого возраста. В этом контексте регионы Северного Кавказа представляют собой уникальный объект для исследования.

С одной стороны, они демонстрируют рекордные для России показатели ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), что традиционно связывается с благоприятными экологическими условиями, особенностями питания и сохраняющимися традициями семейной поддержки. С другой стороны, как справедливо отмечается в научной литературе, увеличение продолжительности жизни само по себе не является безусловным благом, если оно сопряжено с ростом числа хронических заболеваний и необходимостью длительного ухода.

Целью данного исследования является комплексный анализ современной социально-демографической и медико-социальной ситуации, в которой находится старшее поколение в регионах Северного Кавказа, и разработка на его основе практических рекомендаций.

Для достижения поставленной цели были последовательно решены следующие задачи:

1. Проанализировать демографические тенденции и выявить ключевые противоречия между высокой ожидаемой продолжительностью жизни и показателями качества жизни пожилых людей в регионе.

2. Исследовать структуру и распространенность основных хронических заболеваний, а также специфические вызовы, с которыми сталкивается старшее поколение на Кавказе.

3. Оценить эффективность и степень адаптации мер государственной поддержки к социально-культурным и географическим особенностям региона.

4. Провести собственное социологическое исследование для оценки реальной распространенности ключевых патологий среди респондентов старше 65 лет.

5. Разработать комплекс конкретных предложений, направленных на улучшение здоровья и социальной интеграции старшего поколения.

Результаты и обсуждение

Северный Кавказ традиционно характеризуется высокими показателями ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), что, с одной стороны,

является позитивным достижением, а с другой – создает вызов для системы здравоохранения и социальной защиты. Также для лиц старших возрастных групп характерен высокий уровень заболеваемости. Среди них чаще встречаются патологии системы кровообращения, органов чувств, пищеварения и дыхания, нервной и эндокринной систем, опорно-двигательного аппарата, психические расстройства. Пожилые люди сталкиваются с повышенным риском хронических заболеваний, таких как сердечно-сосудистые патологии, диабет, артрит и деменция, а также с проблемой множественной заболеваемости; наблюдается тревожная тенденция к «омоложению» возрастных заболеваний, что в долгосрочной перспективе может существенно снижать качество и продолжительность жизни. Кроме того, изменения в структуре семьи, когда все больше пожилых людей живут в одиночестве, увеличивают потребность в формальном уходе и социальной поддержке.

С экономической точки зрения сохранение здоровья и трудоспособного состояния для лиц старшей возрастной группы важно, так как они являются рабочей силой с богатым профессиональным опытом. Таким образом, исследование текущей ситуации и поиск эффективных механизмов поддержки здорового старения на Кавказе представляется крайне актуальной научной и практической задачей.

Таким образом, исследование текущей ситуации и поиск эффективных механизмов поддержки здорового старения на Кавказе представляется крайне актуальной научной и практической задачей, что и определяет цель данной работы.

Хотелось бы более подробно остановиться на материалах Северного

Кавказа. Регионы Северного Кавказа (такие как Дагестан, Кабардино-Балкария) стабильно лидируют в рейтингах по ожидаемой продолжительности жизни в России. По данным Росстата, ОПЖ в этих субъектах нередко превышает среднероссийские показатели на 5-7 лет. Этот феномен связывают с сочетанием факторов, включая благоприятную экологию, традиции семейной поддержки, активный физический труд в старших возрастных группах и особенности питания.

Однако, увеличение продолжительности жизни само по себе не является безусловным благом, если оно сопряжено с ростом числа хронических заболеваний и необходимостью длительного ухода. Достигнув количественных успехов, общество сталкивается с новым качественным вызовом. Ключевой задачей, стоящей перед государством и обществом, является не просто увеличение количества прожитых лет, но и обеспечение их качества. Это подразумевает концепцию «здорового старения», при которой дополнительные годы жизни сопровождаются сохранением физического и ментального здоровья, функциональной независимости и социальной активности.

Цели в данной области четко сформулированы в национальном проекте «Демография» и его федеральном проекте «Старшее поколение». Среди них: увеличение периода здоровой жизни; снижение смертности от болезней системы кровообращения, онкологических и других социально значимых заболеваний среди лиц старше трудоспособного возраста; внедрение системы долговременного ухода за гражданами пожилого и старческого возраста; повышение доступности и качества гериатрической помощи; переход от общих целей к конкретной структуре

заболеваемости позволяет глубже понять масштаб проблемы. Здоровье пожилого человека определяется не только биологическими изменениями, но и всей совокупностью условий его жизни. Наблюдаемые широкие различия в состоянии здоровья пожилых людей не являются случайными. На характер старения влияют условия, окружавшие человека на протяжении всей жизни, начиная с детства.

Для Северного Кавказа, как и для России в целом, характерна высокая распространенность болезней системы кровообращения (БСК). Артериальная гипертония, ишемическая болезнь сердца, цереброваскулярные заболевания являются ведущими причинами смертности и инвалидизации. Онкологические заболевания также представляют серьезную угрозу, при этом их выявление на ранних стадиях у пожилых часто затруднено из-за низкой онкостороженности и несвоевременного обращения к врачу.

Помимо физических недугов, пожилые люди сталкиваются с психологическими последствиями старения, такими как потеря цели после выхода на пенсию, чувство одиночества, цифровой разрыв. Последний особенно актуален, так как все больше услуг, включая запись к врачу и получение государственных услуг, переходит в электронный формат, что может поставить некоторых пожилых людей в невыгодное положение.

Нами тщательно изучены меры государственной поддержки и следует отметить, что осознание всей сложности проблем пожилых граждан обусловило формирование на государственном уровне целостной политики поддержки. Государственная политика в отношении старшего поколения реализуется преимущественно через федеральный

проект «Старшее поколение» (входит в нацпроект «Демография»). Его ключевые направления применительно к здравоохранению включают:

1. Развитие гериатрической службы: Создание и оснащение гериатрических центров и кабинетов в поликлиниках. Задача гериатра – комплексная оценка состояния здоровья пожилого пациента, ведение полиморбидных больных, разработка индивидуальных планов лечения и реабилитации.

2. Профилактика и диспансеризация: Регулярные медицинские осмотры, направленные на раннее выявление хронических неинфекционных заболеваний и факторов риска их развития. Для пожилых граждан диспансеризация проводится ежегодно.

3. Внедрение системы долговременного ухода (СДУ): Это одна из наиболее значимых инициатив, направленная на поддержку пожилых людей, утративших способность к самообслуживанию. СДУ включает социальное сопровождение, патронажный уход, обучение родственников, предоставление технических средств реабилитации. Регионы Северного Кавказа активно включены в процесс внедрения СДУ.

4. Поддержка активного долголетия: Создание университетов «третьего возраста», программ физической активности, клубов по интересам, что способствует социализации и поддержанию ментального здоровья.

Эффективность этих мер во многом зависит от регионального контекста, что становится особенно заметно при сравнительном анализе. Сравнивая положение старшего поколения на Кавказе с центральными регионами России (например, Московской или Ленинградской областью), можно отметить как положительные, так и отрицательные аспекты. С одной стороны, тра-

диционно сильные семейные связи на Кавказе обеспечивают пожилым людям более высокий уровень неформальной поддержки и вовлеченности в жизнь семьи. С другой стороны, уровень развития медицинской инфраструктуры, доступность высокотехнологичной помощи и скорость внедрения новых социальных услуг (как СДУ) в ряде кавказских регионов могут отставать от показателей более экономически развитых субъектов РФ.

Чтобы оценить, как общие тенденции и государственные программы отражаются на реальной ситуации, нами была рассмотрена взаимосвязь между продолжительностью и качеством жизни. Высокая ОПЖ на Северном Кавказе является результатом сложного взаимодействия факторов. Помимо уже упомянутых традиций и экологии, важную роль играет:

Питание: преобладание в рационе натуральных продуктов, свежих овощей и фруктов, ограничение обработанных пищевых продуктов.

Физическая активность: естественная физическая нагрузка, связанная с ведением подсобного хозяйства и проживанием в горной местности.

Социальный статус: уважительное отношение к старшим, их включенность в принятие семейных решений, что положительно сказывается на психологическом состоянии.

Однако эти позитивные факторы могут нивелироваться растущим влиянием урбанизации, изменением пище-

вых привычек, стрессом. Поэтому ключ к повышению качества жизни лежит в усилении именно медицинского компонента: контроля за артериальным давлением, уровнем сахара и холестерина в крови, регулярного прохождения скрининговых обследований.

С целью оценки распространенности ключевых патологий нами была создана **анкета**. В ходе проведения собственного социологического исследования были анкетированы 165 респондентов в возрасте от 65 лет и старше, проживающих в регионах Северного Кавказа.

Анкета включала в себя такие вопросы:

1. Говорил ли Вам врач когда-либо, что у Вас имеется гипертоническая болезнь?

2. Были ли у Ваших близких родственников в молодом или среднем возрасте злокачественные новообразования?

3. Был ли у Вас инсульт?

Результаты опроса в Таблице 1.

Выявлена чрезвычайно высокая распространенность артериальной гипертонии (78%), что полностью соответствует общероссийской статистике по БСК и подтверждает данный диагноз как основную медико-социальную проблему для старшего поколения региона.

Каждый третий респондент (32%) указал на наличие онкологических заболеваний у близких родственников в молодом или среднем возрасте. Это

Таблица 1. Результаты опроса.

Вопрос	Да	Нет	Загрудняюсь ответить
1. Наличие гипертонической болезни	78%	19%	3%
2. Онкозаболевания у близких родственников	32%	61%	7%
3. Перенесенный инсульт	11%	88%	1%

указывает на значительную семейную онкологическую нагрузку и подчеркивает важность развития программ генетического скрининга и ранней диагностики.

У 11% опрошенных был диагностирован инсульт. Этот показатель, хотя и ниже среднероссийского, остается значимым, так как инсульт является основной причиной инвалидизации, требующей длительного и дорогостоящего ухода.

Таким образом, проведенный анализ, подкрепленный данными опроса, демонстрирует, что современная ситуация со здоровьем старшего поколения на Северном Кавказе является двойственной. С одной стороны, регион демонстрирует впечатляющие успехи в достижении долголетия, основанные на уникальном сочетании культурных, природных и социальных факторов. С другой стороны, пожилые жители Кавказа сталкиваются с теми же фундаментальными вызовами старения, что и их сверстники в других частях России: высоким бременем хронических заболеваний, прежде всего гипертонии, риском острых сосудистых катастроф и онкопатологией, показывая критически высокий уровень распространенности ключевых факторов риска.

Выводы

1. Достижения Северного Кавказа в области увеличения ожидаемой продолжительности жизни требуют реформирования цели с «увеличения количества лет жизни» на «увеличение количества здоровых лет жизни».

2. Основной угрозой для качества жизни пожилых кавказцев остаются болезни системы кровообращения, что подтверждается данными опроса (78% респондентов с гипертонией).

3. Государственная поддержка через

нацпроект «Демография» и федеральный проект «Старшее поколение» создает системные основы для улучшения ситуации, однако необходима их активная адаптация к специфике региона, включая развитие инфраструктуры и преодоление кадрового дефицита.

4. Для повышения эффективности мер необходимо комбинировать усилия системы здравоохранения с социальными мерами и работой с семьями.

5. Преодоление цифрового разрыва и психологическая поддержка пожилых людей являются неотъемлемыми элементами комплексного подхода к проблеме здорового старения на Кавказе.

6. Результаты опроса выявили значительную онкологическую нагрузку в семейном анамнезе, что диктует необходимость усиления онкологической настороженности и развития программ скрининга, ориентированных на старшую возрастную группу.

В связи с этими выводами нами сделаны предположения в решении данных вопросов:

Внедрить региональную программу «Активное долголетие», включающую не просто информирование, а практические курсы по управлению здоровьем: школы артериальной гипертонии, диабета, питания для возрастных групп.

Разработать и внедрить систему мониторинга «здоровых лет жизни» на уровне первичного звена здравоохранения. Это позволит оценивать эффективность мер не по общей смертности, а по динамике сохранения функциональности и независимости пожилых людей.

Организовать на базе поликлиник и фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП) «Уголки здоровья сердца» с бесплатным доступом к тонометрам и экс-

пресс-тестам на холестерин и глюкозу, а также с консультациями медсестер.

Запустить социальную рекламную кампанию «Контроль давления – норма жизни» с привлечением авторитетных старейшин, которая будет развенчивать мифы о гипертонии («рабочее давление») и мотивировать к регулярному лечению.

Внедрить программу «Цифровой терапевт» для пожилых – упрощенные SMS- или голосовые напоминания о приеме лекарств, а для более продвинутых пользователей – мобильные приложения для самоконтроля.

Создать мобильные гериатрические бригады («поезда здоровья для старшего поколения») для охвата отдаленных сел. В их задачи будет входить не только осмотр, но и оформление документов для получения технических средств реабилитации в рамках СДУ.

Разработать и утвердить региональный стандарт кадрового обеспечения гериатрической службы, предусматривающий меры поддержки для врачей и медсестер, согласившихся работать в сельской местности (ипотечные каникулы, подъемные выплаты, оплата аренды жилья).

Интегрировать традиционные семейные практики ухода в систему СДУ, например, через сертификацию и оплату труда родственников, осуществляющих уход за тяжелооболными пожилыми людьми, прошедшими специальное обучение.

Организовать при поддержке волонтеров «молодежи» и библиотек постоянно действующие курсы «Цифровой ликбез», где упор будет делаться на практические навыки, жизненно важные для пожилого человека: запись к врачу, оплата ЖКУ, видеозвонки родным.

Создать сеть клубов общения «В

кругу друзей» на базе центров соцобслуживания, где пожилые люди смогут не только проводить досуг, но и получать психологическую поддержку, в том числе группы взаимопомощи для переживших утрату или столкнувшихся с тяжелым диагнозом.

Внедрить в практику участковых терапевтов и врачей-гериатров обязательный «онкочек-лист» – краткий опросник по симптомам «тревоги» для пациентов старше 65 лет.

Организовать выездные маммографические и флюорографические обследования с привязкой к дням базара или другим массовым событиям в сельской местности, чтобы максимально упростить и сделать рутинным процесс ранней диагностики.

Запустить информационную кампанию «Ранний визит – спасенная жизнь», где на понятных примерах и на родных языках будет разъясняться важность прохождения скрининговых обследований даже при отсутствии симптомов.

Таким образом, успешное решение проблем старения на Северном Кавказе зависит от интеграции современных медицинских технологий с учетом позитивных региональных и культурных особенностей, а реализация предложений позволит перейти от констатации проблем к созданию в регионе целостной, интегрированной среды, благоприятной для здорового, активного и достойного старения.

Список литературы

1. Старшее поколение: текущая ситуация // Научная электронная библиотека.
2. Всемирная организация здравоохранения. Доклад о старении и здоровье. – Женева, 2015.
3. Данные Министерства здравоохранения Российской Федерации о заболеваемости населения старше трудоспособного возраста // URL: <https://www.gosminzdrav.ru>
4. Национальный проект «Демография» // URL: <https://www.demography.gov.ru>

5. Федеральный проект «Старшее поколение» // URL: <https://www.rosmintrud.ru/social/senior-generation>
6. Региональная статистика Росстата по ожидаемой продолжительности жизни // URL: <https://rosstat.gov.ru>
7. Гершанов Е.М. Полиморбидность в гериатрической практике: проблемы и решения // Клиническая геронтология. 2020. Т. 26. № 1-2. С. 12-18.
8. Акаев А.А. Социально-гигиенические аспекты здоровья долгожителей Северного Кавказа / А.А. Акаев, Ф.И. Топчиев // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. Т. 27. № 4. С. 345-350.
9. Кантемирова М.А., Имамали Махбуб Н.Н., Дациева Л.С. Экономический эффект от внедрения первичной медико-санитарной помощи в рамках проекта «Национальный проект здравоохранения» // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2025. № 2. С. 36-42.
10. «Национальный проект «Здравоохранение» и его реализация на материалах РСО-Алания» / М.А. Кантемирова, А.А. Алборова, Ф.Р. Кабалоева./Журнал «Экономика и управление: проблемы, решения», 2025. Том 13. № 5 (158). С. 65-74.
11. Кантемирова М.А., Имамали М.Н.Н., Черджиева А.П. Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение». // Сборник статей II Международной научно-практической конференции «Наука и глобальные вызовы: перспективы развития». – Симферополь, 2025. С. 190-199.
12. Дегтярева А.А. Динамика культурного взаимодействия РФ и КНР в конце XX – начале XXI вв. (на примере Амурской области) // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 121-130.
11. Kantemirova M.A., Imamali M.N.N., Cherdzhieva A.P. Development and implementation of a program of systemic support and improving the quality of life of older citizens "Older Generation". // Collection of articles from the II International Scientific and Practical Conference "Science and Global Challenges: Development Prospects". – Simferopol, 2025. P. 190-199.
12. Degtyareva A.A. Dynamics of cultural interaction between the Russian Federation and the People's Republic of China in the late 20th – early 21st centuries (the case of the Amur region) // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 121-130.

References

1. The Older Generation: Current Situation // Scientific Electronic Library.
2. World Health Organization. Report on Ageing and Health. Geneva, 2015.
3. Data of the Ministry of Health of the Russian Federation on morbidity in the population over working age // URL: <https://www.rosminzdrav.ru>
4. National Project "Demography" // URL: <https://www.demography.gov.ru>
5. Federal Project "Older Generation" // URL: <https://www.rosmintrud.ru/social/senior-generation>
6. Regional Statistics of Rosstat on Life Expectancy // URL: <https://rosstat.gov.ru>
7. Gershanov E.M. Polymorbidity in Geriatric Practice: Problems and Solutions // Clinical Gerontology. 2020. Vol. 26. № 1-2. P. 12-18.
8. Akayev A.A. Social and hygienic aspects of the health of long-livers in the North Caucasus / A.A. Akayev, F.I. Topchiev // Problems of social hygiene, health care and the history of medicine. 2019. Vol. 27. № 4. P. 345-350.
9. Kantemirova M.A., Imamali Makhbub N.N., Datsyeva L.S. Economic effect from the implementation of primary health care within the framework of the "National Healthcare Project" // Journal of Monetary Economics and Management. 2025. № 2. P. 36-42.
10. "National Project "Healthcare" and its implementation based on the materials of the Republic of North Ossetia-Alania" / M.A. Kantemirova, A.A. Alborova, F.R. Kabaloeva. / Journal "Economics and Management: Problems, Solutions", 2025. Vol. 13. № 5 (158). P. 65-74.

Жукова Т.И.

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник.

Федеральный исследовательский центр

«Информатика и управление» Российской академии наук. SPIN-код: 7819-5746

Цифровизация как фактор трансформации социального капитала: алгоритмические механизмы формирования социальных связей*

Аннотация. Статья продолжает серию работ, посвященных исследованиям в области теории онлайн социального капитала в цифровую эпоху. В статье анализируются цифровые платформы коммуникации как агенты формирования социального капитала. Анализируется потенциал цифровых технологий, способствующих оптимизации коммуникативных практик и расширению возможностей социального взаимодействия в информационном пространстве. В то же время рассматриваются новые вызовы, связанные с персонализацией контента и социального воздействия на основе поведенческих данных и цифровых следов, что усиливает риски социальной фрагментации, поляризации общества и цифрового неравенства. Обсуждаются принципы проектирования платформ, обеспечивающих прозрачность алгоритмов, защиту приватности пользователей и создание условий для инклюзивного участия всех социальных групп.

Ключевые слова: онлайн социальный капитал, коммуникативные практики, алгоритмическое воздействие, социальные сети.

Zhukova T.I.

Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher. Federal Research Center

“Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences. SPIN-code: 7819-5746

Digitalization as a factor of the social capital transformation: algorithmic mechanisms for the social connections formation

Abstract. This article continues a series of studies devoted to the theory of online social capital in the digital age. It analyzes digital communication platforms as agents of social capital formation. It explores the potential of digital technologies to optimize communication practices and expand opportunities for social interaction in the information space. It also examines new challenges associated with the personalization of content and social impact based on behavioral data and digital traces, which increases the risks of social fragmentation, polarization, and digital inequality. Platform design principles that ensure algorithmic transparency, protect user privacy, and create conditions for inclusive participation for all social groups are discussed.

Key words: online social capital, communication practices, algorithmic impact, social networks.

---

* © Жукова Т.И., 2025.

Цифровизация как фактор трансформации социального капитала: алгоритмические механизмы формирования социальных связей

Введение

Процесс цифровизации представляет собой комплексное явление, оказывающее многоаспектное воздействие на структуру и динамику социальных взаимодействий в современном обществе. Внедрение цифровых технологий не ограничивается простым переносом традиционных форм коммуникации в виртуальное пространство, но формирует принципиально новые механизмы социального взаимодействия и накопления социального капитала.

Одним из ключевых эффектов цифровизации является существенное снижение транзакционных издержек социальных контактов. Цифровые платформы и коммуникационные технологии устраняют географические, временные и институциональные барьеры, создавая условия для более интенсивного и разнообразного социального взаимодействия. Данный процесс способствует расширению социальных сетей индивидов и увеличению частоты их социальных контактов.

Влияние цифровизации на социальный капитал проявляется в нескольких измерениях. Структурное измерение социального капитала обогащается за счет расширения сетей социальных связей и увеличения их плотности. Реляционное измерение развивается через формирование новых форм доверия и взаимности в цифровой среде. Когнитивное измерение социального капитала трансформируется посредством создания общих цифровых практик, языков и культурных кодов.

Особое значение в этом контексте приобретают алгоритмические системы, которые не являются пассивными инструментами передачи информации, а выступают в качестве активных агентов формирования социальных связей. Алгоритмы рекомендательных систем,

механизмы персонализации контента и системы автоматического сопоставления пользователей создают новые возможности для установления социальных связей, основанных на общности интересов, предпочтений и поведенческих паттернов. Таким образом цифровизация представляет собой не просто технологическую инновацию, но фундаментальную трансформацию социальной структуры, создающую новые возможности для накопления и мобилизации социального капитала в условиях сетевого общества.

1. Цифровые платформы как агенты формирования социального капитала

Одним из наиболее значительных изменений, которые принесла цифровизация в сферу социальных отношений, является фундаментальное преобразование самой природы социальных связей. Традиционно социальные сети формировались преимущественно на основе географической близости – люди взаимодействовали с соседями, коллегами, членами местных сообществ, то есть с теми, кто находился в их физическом окружении. Цифровые платформы радикально изменили этот принцип, создав возможность для формирования сообществ, объединенных не местом проживания или работы, а общими интересами, ценностями, профессиональными задачами или хобби.

Этот переход от географически обусловленных к тематически организованным сообществам имеет далеко идущие последствия для структуры социального капитала. Если раньше человек был ограничен социальным окружением своего непосредственного местоположения, то формируя связи на основе специфических интересов

или экспертизы, он имеет возможность находить единомышленников по всему миру. Профессиональные сети, тематические форумы, специализированные группы в социальных сетях – все это примеры того, как цифровые технологии позволяют преодолевать географические барьеры в пользу содержательной близости.

Параллельно с этим процессом происходит существенное изменение соотношения между сильными и слабыми социальными связями. Марк Грановеттер в своей классической работе [1] показал, что слабые связи – то есть связи с людьми, с которыми взаимодействие происходит нерегулярно и не очень близко, – играют ключевую роль в распространении информации и создании возможностей. В цифровой среде соотношение смещается более радикально в пользу слабых связей, поскольку социальные платформы позволяют поддерживать контакт с сотнями и даже тысячами людей, большинство из которых представляют именно слабые связи.

Более того, феномен слабых связей Грановеттера получает в цифровой интерпретации новые измерения и характеристики. Если в традиционном понимании слабые связи требовали определенных усилий для поддержания – периодических встреч, телефонных звонков и т.п., то цифровые платформы делают поддержание слабых связей практически автоматическим процессом. Лайки, репосты, комментарии, просмотр профилей – все это формы минимального взаимодействия, которые позволяют поддерживать связь активной. К тому же, алгоритмы социальных сетей специально разработаны для того, чтобы периодически напоминать пользователям о существующих связях, предлагая ознакомиться с контентом от

людей из их сети или уведомляя о важных событиях в их жизни.

Однако эта трансформация порождает серьезные вопросы относительно аутентичности и глубины онлайн-отношений по сравнению с офлайн-взаимодействиями. Критики цифровых социальных связей указывают на то, что онлайн-взаимодействие часто носит поверхностный характер, лишенный эмоциональной глубины и подлинности личного контакта. Действительно, цифровая коммуникация может создавать иллюзию близости при фактическом отсутствии глубокого понимания и эмпатии. Люди могут поддерживать сотни «дружеских» связей в социальных сетях, не имея при этом ни одного по-настоящему близкого друга.

Проблема аутентичности усугубляется тем, что цифровые платформы поощряют кураторство собственного образа, поскольку люди склонны представлять идеализированную версию себя, скрывая проблемы и подчеркивая успехи. Это создает асимметрию в восприятии: пользователи сравнивают свою внутреннюю реальность с внешними проявлениями других, что может приводить к чувству неадекватности и социальной изоляции, несмотря на формально широкую сеть контактов.

Тем не менее, было бы упрощением полностью противопоставлять онлайн и офлайн отношения. Современные исследования показывают, что наиболее эффективными являются гибридные формы социального взаимодействия, когда цифровые связи дополняют и усиливают офлайн-отношения, а не заменяют их [2]. Цифровые платформы могут служить мостом для поддержания связей, которые иначе были бы утрачены из-за географического расстояния или изменения жизненных обстоятельств, а также для установления

первоначального контакта, который затем может развиваться в более глубокие отношения.

Феномен гибридных социальных сетей характеризуется непрерывным переплетением виртуальных и физических социальных практик, создающих многомерное пространство коммуникации, в котором цифровые и материальные аспекты социальной жизни взаимно дополняют и усиливают друг друга. Как отмечает Кастельс [3], современное сетевое общество функционирует в режиме «реальной виртуальности», где цифровые коммуникации не противопоставляются реальным, а становятся их неотъемлемым продолжением и расширением. В работе [4] подчеркивается, что в гибридных сетях формируются новые механизмы социального капитала, основанные на синергии между разными формами взаимодействий, где доверие и репутация, сформированные в одном контексте, могут транслироваться в другой. Методологические подходы к исследованию гибридных сетей активно развиваются в работах Латура и его последователей [5], предлагающих акторно-сетевую теорию как инструмент для анализа сложных социотехнических ансамблей, не разделяющий априори социальное и техническое, онлайн и офлайн. Таким образом, гибридные социальные сети представляют собой не просто технологическое расширение традиционных форм социальности, а принципиально новую конфигурацию социальных связей, требующую комплексного междисциплинарного подхода к их изучению и концептуализации.

Таким образом, трансформация природы социальных связей в цифровую эпоху представляет собой сложный и противоречивый процесс, который расширяет возможности для

социального взаимодействия и одновременно создает новые вызовы для формирования подлинных и значимых отношений.

2. Новые вызовы трансформации социального воздействия в цифровую эпоху

Систематическое использование вычислительных процедур для изменения поведения, установок или решений пользователей цифровых платформ через управление информационной средой и интерфейсом взаимодействия представляет собой многоуровневый социотехнический феномен, характеризующийся целенаправленным применением вычислительных алгоритмов для трансформации когнитивных, эмоциональных и поведенческих паттернов пользователей через структурирование их цифрового опыта.

Феномен алгоритмического воздействия представляет собой фундаментальное преобразование способов социального влияния в цифровую эпоху, и его изучение требует междисциплинарного подхода, объединяющего технические, психологические, социологические и этические перспективы. Алгоритмическое воздействие кардинально отличается от классических механизмов социального влияния по ряду ключевых параметров, что делает его качественно новым феноменом в системе социальных отношений. Если традиционное социальное влияние осуществляется человеческими агентами - лидерами мнений, авторитетными фигурами, социальными группами, институтами, то алгоритмическое воздействие исходит от автоматизированных систем, которые функционируют как квази-агенты, обладающие способностью к самообучению и адаптации [6]. Это создает принципиально новую си-

туацию, когда влияние оказывается не только создателями алгоритмических систем, но и нечеловеческими акторами, что размывает традиционные представления об ответственности и подотчетности, создавая проблему размытой агентности [5,7], значительно усложняющую вопросы распределения ответственности.

Алгоритмическое воздействие принципиально отличается от классических механизмов социального влияния тем, что превращает процесс воздействия на человека из интуитивного искусства в точную инженерную науку. Если традиционное влияние основано на харизме, авторитете или массовом воздействии одинаковыми сообщениями, то алгоритмическое использует математические модели для создания персонализированного, непрерывного и невидимого воздействия на каждого конкретного человека. Ключевое отличие в том, что алгоритм на основе анализа знаний о пользователе может предсказывать его реакции, адаптируясь в реальном времени к его поведению. И помимо позитивного эффекта персонализации и учета индивидуального целеполагания и мотивации, это создает мощный рычаг влияния на индивидуальное сознание через контроль информационной среды и манипулирование когнитивными процессами на основе больших данных.

Тем самым алгоритмическое воздействие превращает влияние в систематизированную, измеримую и масштабируемую технологию управления поведением, что несет в себе как мощные мотивационные рычаги, позволяющие решать задачи сотрудничества, вовлеченности, соучастия, так и резко негативные последствия, такие как манипуляции, утрата личной свободы и усиление социального неравенства.

Одним из наиболее значимых и тревожных итогов алгоритмического воздействия на современное информационное пространство считается феномен так называемых «эхо-камер», где технологические системы незаметно для пользователей создают изолированные информационные среды, в которых люди сталкиваются преимущественно с контентом, подтверждающим их существующие убеждения и предрассудки [8]. Алгоритмы социальных сетей, поисковых систем и платформ для потребления контента, изначально разработанные для повышения вовлеченности пользователей и максимизации времени, проводимого в приложениях, анализируют поведенческие паттерны, историю просмотров, лайки, комментарии и другие формы взаимодействия, чтобы предсказать, какой контент с наибольшей вероятностью удержит внимание конкретного пользователя. Эта персонализация, казалось бы, безобидная и даже полезная на первый взгляд, постепенно приводит к формированию информационных пузырей, где разнообразие мнений и альтернативные точки зрения систематически исключаются из поля зрения пользователя. Машинное обучение усиливает этот эффект через механизмы обратной связи, когда каждое взаимодействие пользователя с контентом становится сигналом для алгоритма о том, что подобный материал следует показывать чаще, создавая самоусиливающуюся петлю фильтрации информации. В результате люди оказываются в ситуации, когда их мировоззрение не подвергается вызовам или критическому осмыслению, а наоборот, постоянно подкрепляется и валидируется через поток однородной информации. Это алгоритмическое кураторство контента приводит к эпистемологической фрагментации общества,

где различные группы людей живут в параллельных информационных реальностях, имея кардинально разные представления о фактах, событиях и их интерпретации. Особенно опасным становится то, что пользователи часто не осознают степень фильтрации информации, которой они подвергаются, воспринимая свою персонализированную ленту как объективное отражение реального мира или, по крайней мере, как репрезентативную выборку доступной информации. Алгоритмы также способствуют радикализации взглядов, поскольку в стремлении удержать внимание они часто продвигают более эмоционально заряженный, поляризующий контент, который вызывает сильные реакции и, следовательно, большее вовлечение.

Этот процесс особенно заметен в политической сфере, где эхо-камеры способствуют углублению идеологических разделений, делая диалог между людьми с разными политическими взглядами все более затруднительным, поскольку они буквально живут в разных информационных вселенных с различными наборами «фактов» и интерпретаций событий [9,10]. Коммерческие интересы технологических компаний усугубляют эту проблему, поскольку их бизнес-модели основаны на продаже внимания пользователей рекламодателям, что создает стимулы для максимизации времени, проводимого в приложениях, даже если это достигается за счет информационного разнообразия и качества общественного контроля.

Социальный фильтр, который формируется в результате взаимодействия с единомышленниками, усиливает изоляцию и способствует формированию однородных тематических сообществ, где мнение большинства становится непоколебимым. В этих условиях ком-

муникация перестаёт быть диалогом и превращается в монолог подтверждения уже устоявшихся взглядов, что ведет к поляризации общества, радикализации позиций и эрозии критического мышления. Алгоритмы в этом контексте не способны оценивать качество и объективность контента, поэтому они неизбежно углубляют разделение, способствуя формированию информационных пузырей, которые заслоняют богатство и разнообразие фактической реальности.

Алгоритмическое воздействие также проявляется в том, как формируются тренды и вирусный контент, где системы искусственного интеллекта могут непропорционально усиливать определенные нарративы или точки зрения, создавая ложное впечатление об их популярности или истинности среди более широкой аудитории. Эхо-камеры становятся особенно проблематичными в контексте дезинформации и конспирологических теорий, поскольку алгоритмы могут способствовать их распространению среди восприимчивых аудиторий, создавая замкнутые системы, где ложная информация циркулирует и усиливается без адекватной проверки фактов или критического анализа. Психологические механизмы, такие как предвзятость подтверждения и избирательное восприятие, усиливаются алгоритмическим воздействием, создавая мощную комбинацию технологических и когнитивных факторов, которые делают выход из информационных пузырей крайне затруднительным для обычных пользователей. Долгосрочные последствия этого явления включают эрозию общих эпистемологических основ демократического общества, где граждане должны иметь доступ к общему набору фактов для принятия информирован-

ных решений, а также ослабление социальной сплоченности и способности общества к коллективному решению проблем.

В итоге эхо-камера — это проблемный эффект алгоритмического воздействия, который требует сознательного противодействия через расширение источников информации, критическое мышление и осознанное взаимодействие с медиаконтентом. Только так возможно минимизировать негативные последствия замкнутости информационных пространств и сохранить разнообразие и свободу мнений в цифровую эпоху [11]. Однако попытки решения проблемы эхо-камер сталкиваются с техническими, этическими и коммерческими вызовами, поскольку полное устранение персонализации может снизить пользовательский опыт и конкурентоспособность платформ, в то время как регулирование алгоритмов поднимает вопросы о свободе слова, инновациях и роли государства в управлении информационными потоками, делая эхо-камеры одной из определяющих проблем цифровой эпохи, требующей комплексного подхода, включающего технологические решения, образовательные инициативы, регулятивные меры и изменения в бизнес-моделях технологических компаний.

Следует заметить однако, что научный консенсус относительно негативного влияния эхо-камер в настоящее время еще не достигнут и остается предметом активных дебатов среди исследователей. Некоторые влиятельные ученые, предупреждая о рисках фрагментации информационного пространства и усиления поляризации, однако приводили последующие эмпирические исследования, ставящие под сомнение масштабы этого явления, основываясь на статистике, свидетель-

ствующей о том, что большая часть пользователей подвергается воздействию разнообразного политического контента [12,13,14]. Современные исследования (например, [15,16]) предлагают более нюансированный взгляд, признавая, что эффекты эхо-камер варьируются в зависимости от платформы, демографических характеристик пользователей и политического контекста. Авторы показывают, что поскольку концептуальный и методологический выбор влияют на результаты исследований по данной теме, будущие работы должны учитывать потенциальные недостатки различных подходов и значительный потенциал связывания данных. Авторы отмечают, что поскольку концептуальный и методологический выбор оказывает существенное влияние на результаты исследований по данной теме, дальнейшие работы должны принимать во внимание ограничения различных подходов и возможности интеграции данных.

3. Потенциал цифровых технологий: от персонализации контента к социальной мобилизации

Несмотря на обоснованную критику эффектов «эхо-камер» и поляризации общественного дискурса, алгоритмические системы демонстрируют ряд существенных преимуществ, способствующих оптимизации коммуникативных практик и расширению возможностей социального взаимодействия.

Одним из значимых преимуществ алгоритмического отбора контента является персонализация информационных потоков, способность точно адаптировать информацию под интересы и запросы пользователя. В условиях экспоненциального роста объемов доступных данных алгоритмы выполняют

функцию интеллектуальных фильтров, снижающих когнитивную нагрузку и информационную перегрузку. Это способствует повышению качества потребляемого контента, экономии временных ресурсов на поиск релевантной информации и возможности более глубокого погружения в интересующие тематические области. Персонализированные рекомендательные системы, основанные на машинном обучении и анализе поведенческих паттернов, создают адаптивную информационную среду, учитывающую индивидуальные предпочтения и контекстуальные факторы. Это, в свою очередь, вызывает мотивационные факторы социальной активности, основанные на глубинных и слабо выраженных особенностях личности.

Иллюстрацией подобного феномена служит исследование профессора О. Нова из Нью-Йоркского университета, который подчеркнул важность того, что создание веб-платформ для стимулирования социального общения и проектирование интерфейсов с ориентацией на индивидуальные особенности пользователей способно существенно влиять на сетевую активность [17]. Ранее исследования в данной области концентрировались на общих группах пользователей, не принимая во внимание отличия в базовых психологических характеристиках, включая особенности личности и мотивационные факторы. Основываясь на принципах интеракционистского направления в психологии [18], исследователь пришел к заключению, что элементы дизайна интерфейса способны воздействовать на связь между индивидуальными характеристиками и спецификой онлайн-активности.

Исследование показало, что различные сочетания личностных черт и изме-

нений в дизайне интерфейса влияют на цифровую активность пользователей. В частности, экстраверсия и интроверсия оказывают смягчающее воздействие на связь между восприятием пользователем индикатора размера группы (аудитории) и его уровнем участия в сети. Была подтверждена гипотеза, что индикатор небольшой аудитории связан с меньшей активностью у экстравертов и большей активностью у интровертов. Экстраверты демонстрируют выраженную потребность в общественном одобрении, при этом недооценивая возможные негативные последствия своих действий. Многочисленная аудитория создает для них привлекательную перспективу продемонстрировать свою компетентность и полезность широкому кругу пользователей. Однако та же ситуация усиливает у интровертов тревожность относительно возможной критической оценки их высказываний, что приводит к самоограничению в выражении собственных мнений из-за неуверенности в их восприятии окружающими.

Таким образом, интроверты, склонные к минимизации поведенческих рисков, испытывают повышенную обеспокоенность возможной негативной реакцией при увеличении предполагаемого количества наблюдателей, поскольку это повышает вероятность неблагоприятной оценки их позиции со стороны участников сообщества, что в итоге снижает их готовность к активному взаимодействию.

Полученные данные подвергают критическому переосмыслению устоявшиеся методологии создания социальных платформ и акцентируют перспективность индивидуализированного подхода к учету психологических особенностей пользователей. Демонстрация информации о значительном

количестве участников может служить действенным механизмом стимулирования вовлеченности экстравертированных личностей, однако подобная стратегия становится контрпродуктивной в случае преобладания интровертированных пользователей.

В практическом применении интеграция психологического профилирования новых участников в процедуру регистрации позволяет деликатно собирать сведения о личностных характеристиках. Располагая подобными данными, создатели социальных платформ получают возможность реализовать адаптивные интерфейсные решения, интегрирующие научно обоснованные дизайнерские элементы, соответствующие уникальным психологическим профилям пользователей, что демонстрирует значимость персонализированного проектирования.

Такой индивидуально-ориентированный подход подчеркивает важность персонализации и может стать ключом к успешному повышению уровня и качества активности в онлайн сообществах, используя самоадаптивные механизмы, учитывающие уникальные личностные и социально-контекстуальные особенности пользователей.

Алгоритмическое посредничество играет значительную роль в формировании сообществ по интересам, преодолевая традиционные географические и социальные барьеры. Рекомендательные алгоритмы способствуют обнаружению единомышленников со схожими ценностями и увлечениями, что особенно важно для индивидов с нишевыми интересами, которые сложно реализовать в офлайн-пространстве. Это приводит к созданию разнообразных поддерживающих сообществ, включая группы взаимопомощи, профессиональные

сети и объединения по специализированным интересам. Алгоритмическая агрегация позволяет формировать устойчивые социальные связи на основе содержательных общностей, а не случайной территориальной близости, что расширяет горизонты социального капитала участников.

Важным аспектом является демократизация доступа к информации и знаниям. Алгоритмы способствуют распространению образовательного контента широкой аудитории, обеспечивая вирусное распространение важных социальных инициатив и повышая видимость голосов маргинализированных групп, которые традиционно имели ограниченный доступ к публичному дискурсу. Дезинтермедиация, обеспечиваемая цифровыми платформами, позволяет получать доступ к экспертным знаниям без традиционных институциональных посредников, что трансформирует иерархические структуры распространения информации в более горизонтальные и инклюзивные модели.

Оптимизация пользовательского опыта представляет собой еще одно существенное преимущество алгоритмических систем. Технологии машинного обучения обеспечивают эффективную фильтрацию спама и вредоносного контента, модерацию токсичных комментариев и создание адаптивных интерфейсов, учитывающих индивидуальные предпочтения пользователей. Алгоритмическая курация улучшает навигацию по огромным массивам данных, делая информационное пространство более управляемым и доступным. Это особенно критично в контексте растущей сложности цифровой экосистемы, где человеческие возможности обработки информации существенно уступают объемам доступного контента.

Алгоритмическое продвижение стимулирует креативность и самовыражение, предоставляя возможности талантливым создателям контента быть замеченными независимо от их институциональной аффилиации или социального статуса. Снижение барьеров входа для новых авторов и возможность монетизации творчества без традиционных посредников создают условия для развития микроинфлюенсеров и нишевых экспертов. Это трансформирует культурное производство, делая его более децентрализованным и разнообразным, что потенциально обогащает общественный дискурс множественностью голосов и перспектив. В критических ситуациях алгоритмы демонстрируют свою эффективность в ускорении распространения важной информации. Они способствуют быстрому распространению предупреждений о чрезвычайных ситуациях, координации гуманитарной помощи, мобилизации общественной поддержки социальных движений и привлечению внимания к недостаточно освещаемым проблемам. Вирусные механизмы распространения контента, при правильном использовании, могут служить инструментом социальной мобилизации и общественного реагирования на актуальные вызовы.

Алгоритмические системы также поддерживают слабые социальные связи, которые, согласно теории Марка Грановеттера, играют важную роль в социальной интеграции и доступе к разнообразным ресурсам. Автоматизированные напоминания о днях рождения и важных событиях, рекомендации контента для обсуждения с различными группами знакомых и предложения по восстановлению утраченных связей способствуют поддержанию расширенных социальных

сетей, что имеет значение для социального капитала индивидов.

С экономической точки зрения, алгоритмическая оптимизация обеспечивает эффективность коммуникации через таргетированную рекламу, снижающую затраты бизнеса, создание эффективных каналов для малого бизнеса и стартапов, расширение возможностей для фриланса и удаленной работы, а также установление прямой связи между производителями и потребителями. Это трансформирует рыночные отношения, делая их более прозрачными и доступными для разнообразных экономических акторов.

Наконец, алгоритмы потенциально способствуют повышению гражданской активности, информируя о местных инициативах и событиях, упрощая организацию коллективных действий, повышая осведомленность о политических процессах и поддерживая гражданскую журналистику. Цифровые платформы создают новые возможности для политического участия и общественного контроля, хотя реализация этого потенциала зависит от множества контекстуальных факторов.

Важно подчеркнуть, что перечисленные положительные аспекты реализуются в полной мере лишь при условии этичного дизайна алгоритмов, прозрачности их работы, баланса между персонализацией и разнообразием контента, ответственности платформ перед обществом и достаточного уровня цифровой грамотности пользователей. Ключевая задача современного общества заключается в максимизации этих преимуществ при одновременной минимизации негативных эффектов через продуманное регулирование, развитие критического мышления пользователей и осознанное использование технологий. Только комплексный подход,

учитывающий как технологические, так и социальные аспекты алгоритмического опосредования коммуникации, может обеспечить гармоничное развитие цифрового общества.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровые платформы представляют собой качественно новый тип агентов формирования социального капитала в современном обществе. Трансформация социальных взаимодействий в цифровую среду привела к возникновению уникальных механизмов накопления, распределения и использования социального капитала, которые существенно отличаются от традиционных форм.

Анализ показал, что цифровые платформы выполняют двойственную функцию в процессе формирования социального капитала. С одной стороны, они значительно расширяют возможности для установления социальных связей, преодолевая географические, временные и социальные барьеры. Социальные сети, профессиональные платформы и специализированные сообщества создают условия для формирования как связывающего, так и соединяющего социального капитала, обеспечивая доступ к разнообразным ресурсам и информации. С другой стороны, цифровые платформы порождают новые вызовы и риски. Алгоритмическое кураторство контента может приводить к формированию «эхо-камер» и усилению социальной поляризации, что негативно влияет на качество социального капитала. Поверхностность многих онлайн-взаимодействий, проблемы доверия и цифрового неравенства создают препятствия для формирования прочных социальных связей.

Особое значение имеет институциональное измерение цифровых платформ как агентов социального капитала. Платформы не являются нейтральными посредниками, а активно формируют правила взаимодействия, системы репутации и механизмы доверия. Это ставит важные вопросы о власти, контроле и справедливости в цифровом обществе.

Перспективы развития цифровых платформ как агентов социального капитала связаны с необходимостью поиска баланса между технологическими возможностями и социальными ценностями. Требуется разработка этических принципов проектирования платформ, обеспечение прозрачности алгоритмов, защита приватности пользователей и создание условий для инклюзивного участия всех социальных групп.

Таким образом, цифровые платформы представляют собой мощный, но противоречивый инструмент формирования социального капитала, требующий критического осмысления и ответственного управления для максимизации их позитивного потенциала в интересах развития общества.

Список литературы

1. Granovetter M.S. The strength of weak ties // *American journal of sociology*. 1973. Vol. 78. № 6. P. 1360-1380.
2. Rheingold H. *Net smart: How to thrive online*. – Mit Press, 2012.
3. Castells M. *Communication power*. – OUP Oxford, 2013.
4. Van Dijk J. Governing trust in European platform societies: Introduction to the special issue // *European Journal of Communication*. 2021. Vol. 36. № 4. P. 323-333.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
6. Сафонова Ю.А., Субочева О.Н., Коршкова А.С. Агентность искусственных автономных систем как фактор трансформации социума // *Социология*. 2023. № 6. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agentnost-iskusstvennyh-avtonomnyh-sistem-kak-faktor-transformatsii-sotsiuma> (Дата обращения: 24.09.2025).
7. Edwards L., Veale M. Slave to the algorithm? Why a 'right to an explanation' is probably not the remedy you are looking for // *Duke L. & Tech. Rev.* 2017. Vol. 16. P. 18.

8. Pariser E. The filter bubble: What the Internet is hiding from you. – penguin UK, 2011.
9. Barberá P. et al. Tweeting from left to right: Is online political communication more than an echo chamber? // *Psychological science*. 2015. Vol. 26. № 10. P. 1531-1542.
10. Cinelli M. et al. The echo chamber effect on social media // *Proceedings of the national academy of sciences*. 2021. Vol. 118. № 9. P. e2023301118.
11. Флэксман С., Гоэл С., Рао Дж. М. Пузыри фильтров, эхо-камеры и потребление новостей в интернете // *Ежеквартальный опрос общественного мнения*. 2016. Т. 80. № S1. С. 298-320.
12. Sunstein Cass. R. Republic. com. Princeton: Princeton University Press, 2007.
13. Barberá P. How social media reduces mass political polarization. Evidence from Germany, Spain, and the US // *Job Market Paper*, New York University. 2014. Vol. 46. P. 1-46.
14. Bruns A. Are filter bubbles real?. – John Wiley & Sons, 2019.
15. Eady G. et al. How many people live in political bubbles on social media? Evidence from linked survey and Twitter data // *Sage Open*. 2019. Vol. 9. № 1. P. 2158244019832705.
16. Безносов М.А., Голиков А.С. Цифровые эхо-камеры как феномен политического пространства // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2022. Т. 24. № 3. С. 499-516. – DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-499-516.
17. Nov O., Arazy O. Personality-targeted design: theory, experimental procedure, and preliminary results // *Proceedings of the 2013 conference on Computer supported cooperative work*. 2013. P. 977-984.
18. Endler N.S., Parker J. D.A. Interactionism revisited: Reflections on the continuing crisis in the personality area // *European Journal of personality*. 1992. Vol. 6. № 3. P. 177-198.
19. Королёва Э.В., Волынчук Я.А. Конструирование имиджа «политического лица» // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2025. № 9 (207). С. 62-73.
9. Barberá P. et al. Tweeting from left to right: Is online political communication more than an echo chamber? // *Psychological science*. 2015. Vol. 26. № 10. P. 1531-1542.
10. Cinelli M. et al. The echo chamber effect on social media // *Proceedings of the national academy of sciences*. 2021. Vol. 118. № 9. P. e2023301118.
11. Flaxman S., Goel S., Rao J. M. Filter bubbles, echo chambers, and online news consumption // *Quarterly Public Opinion Survey*. 2016. Vol. 80. № S1. P. 298-320.
12. Sunstein Cass. R. Republic. com. Princeton: Princeton University Press, 2007.
13. Barberá P. How social media reduces mass political polarization. Evidence from Germany, Spain, and the US // *Job Market Paper*, New York University. 2014. Vol. 46. P. 1-46.
14. Bruns A. Are filter bubbles real? – John Wiley & Sons, 2019.
15. Eady G. et al. How many people live in political bubbles on social media? Evidence from linked survey and Twitter data // *Sage Open*. 2019. Vol. 9. № 1. P. 2158244019832705.
16. Beznosov M.A., Golikov A.S. Digital echo chambers as a phenomenon of political space // *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2022. Vol. 24. № 3. P. 499-516. – DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-499-516.
17. Nov O., Arazy O. Personality-targeted design: theory, experimental procedure, and preliminary results // *Proceedings of the 2013 conference on Computer supported cooperative work*. 2013. P. 977-984.
18. Endler N.S., Parker J.D.A. Interactionism revisited: Reflections on the continuing crisis in the personality area // *European Journal of personality*. 1992. Vol. 6. № 3. P. 177-198.
19. Koroleva E.V., Volynchuk Y.A. Constructing the image of a "political person" // *Etnosotsium and international culture*. 2025. № 9 (207). P. 62-73.

References

1. Granovetter M.S. The strength of weak ties // *American journal of sociology*. 1973. Vol. 78. № 6. P. 1360-1380.
2. Rheingold H. Net smart: How to thrive online. – Mit Press, 2012.
3. Castells M. Communication power. – OUP Oxford, 2013.
4. Van Dijck J. Governing trust in European platform societies: Introduction to the special issue // *European Journal of Communication*. 2021. Vol. 36. № 4. P. 323-333.
5. Latour B. Reassembling the social: Introduction to actor-network theory / Translated from English by I. Polonskaya; edited by S. Gavrilenko. – Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics, 2014. 384 p.
6. Safonova Yu.A., Subocheva O.N., Korshkova A.S. Agency of Artificial Autonomous Systems as a Factor in Social Transformation // *Sociology*. 2023. № 6. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agentnost-iskusstvennyh-avtonomnyh-sistem-kak-faktor-transformatsii-sotsiuma> (24.09.2025).
7. Edwards L., Veale M. Slave to the algorithm? Why a 'right to an explanation' is probably not the remedy you are looking for // *Duke L. & Tech. Rev*. 2017. Vol. 16. P. 18.
8. Pariser E. The filter bubble: What the Internet is hiding from you. – penguin UK, 2011.

Земцова О.А.

Аспирант. ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», ведущий специалист Центра ДПО сети «РЖД-Медицина».

Молодежь как социальная группа риска в условиях современных трансформационных процессов*

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного анализа молодежи как социальной группы риска в условиях современных трансформационных процессов. Реализуемый автором междисциплинарный методологический подход позволил выявить ключевые факторы рискогенности молодежи. Автором раскрыты институциональная нестабильность, проявляющаяся в кризисе традиционных институтов социализации; экономической прекаризации, выражающейся в росте нестандартных форм занятости и отложенном взрослении; цифровой трансформации, порождающей новые вызовы идентичности; а также социокультурной дезинтеграции, ведущей к ценностному кризису.

В качестве концептуального ответа на выявленные вызовы и риски, автором предлагается трехуровневая система профилактики, которая включает в себя: институциональные, программные и индивидуальные меры воздействия.

Ключевые слова: молодежь, социальные риски, кризис идентичности, профессиональная социализация, цифровая трансформация, молодежная политика, профилактика социальных рисков, трехуровневая система поддержки, социальный иммунитет.

Zemtsova O.A.

Postgraduate student at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, leading specialist at the Center for Continuing Professional Education of the «Russian Railways-Medicine».

Youth as a social risk group in the context of modern transformation processes

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of youth as a social risk group in the context of modern transformation processes. The youth environment as a part of the social stratum has always been exposed to multiple risks and vulnerabilities that lead to global and local changes. The application of an interdisciplinary approach in the article allows us to identify key risk factors, among which special attention is paid to institutional instability, manifested in the crisis of traditional institutions of socialization.; economic precarization, which is expressed in the growth of non-standard forms of employment and delayed maturation; digital transformation, which generates new identity challenges; as well as socio-cultural disintegration, leading to a value crisis.

The methodological basis of the research combines quantitative and qualitative analysis, as well as a theoretical interpretation of modern social processes. Empirical evidence indicates an increase in alarming trends among young people, which shows signs of value disorientation and identity crisis. In particular, there is a decrease in the level of trust in the main social institutions, and an increase in symptoms of depression and emotional burnout over the past decades. The materials of the article are of considerable value to a wide range of specialists - sociologists, psychologists,

---

* © Земцова О.А., 2025.

Молодежь как социальная группа риска в условиях современных трансформационных процессов

educators, social workers and developers of youth policy. The results obtained can be used in the formation of state youth support programs and corporate youth policy in organizations, the development of preventive measures in educational institutions, and the creation of corporate social projects.

Key words: youth, social risks, identity crisis, professional socialization, digital transformation, youth policy, socialization crisis, precarization of employment, value disintegration, prevention of social risks, three-level support system, social immunity.

Актуальность исследования роли российской молодежи, как социальной группы риска, обусловлена рядом социальных факторов. К таковым относятся: глобальные войны и конфликты, изменение в распределении финансовых потоков, развитие искусственного интеллекта и цифровизации, проявления насилия и нарастание психологического напряжения. Молодежь - это часть социальной системы, которая сталкивается с различными рода рисками и зависима от социальных факторов и условий.

На протяжении всей истории молодёжь была объектом научного интереса ученых. Нередко она подвергалась критике со стороны общества, на неё возлагались большие надежды в реализации будущих стратегий и целей. Еще в V в. до н. э. философ Сократ высказывал свое мнение, что молодые люди должны стремиться к мудрости, а не к богатству или славе. В диалоге Платона «Апология Сократа» [3] он говорит: **«Не о теле вашем должны вы заботиться, ни о богатстве, ни о чем другом прежде, чем о душе, чтобы она была как можно лучше»**. Фрэнсис Бэкон напротив, видел в молодежи «молодость мира» и надежду на будущее. В любую историческую эпоху молодёжь занимает положение социально уязвимой группы, находящейся под влиянием широкого спектра факторов риска. Понятие «социальная группа риска» используется в контексте изучения молодежных проблем, объединяя группу людей, кото-

рые сталкиваются с разными угрозами, связанными с их социальным статусом, возрастом, экономическим положением или другими факторами.

В статье И.В. Кузнецовой «Социальные риски молодежи: проблемы и пути их решения» [2, с. 46] предложено определять социальные группы риска как объект с высокой степенью уязвимости к различным социальным проблемам, в число которых входит многофакторные неблагоприятные условия. Но, одним из ключевых аспектов для определения молодежи в социальную группу риска – стала её динамичность и неустойчивость к агрессивным факторам. При возникновении кризиса растет число молодых людей, попадающих в категорию риска. Молодежь, как особая социальная группа, в социальной структуре российского общества занимает промежуточное положение и её роль выражается в следующих аспектах. Во-первых, она выступает «актором общественной жизни», функция которой заключается в активной социальной позиции, во-вторых, преемственность поколений и обеспечение непрерывности социального развития, в-третьих, внедрение инноваций в социум. От того, позиций молодежи зависит устойчивость социальной системы государства и общества.

К социально-экономическим факторам влияния, которые оказывают риск на молодежную среду, ученые относят изменения в отраслях экономики, повышение требований к профессиональной подготовке, образо-

вательные стандарты¹. Это особенно проявляется в том, что молодые люди, последовательно получая высшее профессиональное образование или степень магистра, откладывают свой выход на рынок труда до достижения 23–25 лет. Поэтому проявляется замедление интегрированности молодежи в социальные «взрослые» роли, осложняется степень ответственности, наблюдается поиск самоидентичности.

Важно отметить, что значительное влияние на молодое поколение и ее общественную жизнь оказывает цифровизация и искусственный интеллект. Социальные сети и онлайн-культура создают новые формы социализации, стирая границы между поколениями, тем самым молодые люди старше 30 лет могут сохранять молодежные модели поведения, застревают в культурном поле «миллениалов» или «зумеров». Таким образом, сдвиг возрастных рамок молодежи представляет собой результат комплексного взаимодействия ряда факторов, включая экономические, биологические и культурные тренды.

Примечательной качественной характеристикой молодого поколения являются социально-психологические особенности, которые складываются из поиска самоидентичности, выдерживая баланс между традиционными ценностями, цифровыми трендами и глобализированным враждующим миром, что способствовало возникновению новых форм самовыражения и социального взаимодействия.

Примечательной особенностью молодежи, как наиболее динамичной и восприимчивой части общества, является ее ключевую роль в социальных трансформациях. Отсюда же следует её

стремление к самореализации, адаптивность к изменениям и поиск идентичности, в том числе через формирование новых культурных и общественных трендов. Однако, этот процесс сопряжён с рисками: анализируя процессы цифровизации и виртуализации общения становится очевидным, что данные процессы могут приводить к социальной изоляции и потере навыков живого взаимодействия, а глобализация — к размыванию традиционных ценностей и культурной дезориентации. Экономическая нестабильность и давление социальных сетей нередко провоцируют рост тревожности, депрессивных состояний и маргинализацию отдельных групп молодежи.

С целью минимизации названных угроз необходима комплексная поддержка со стороны институтов образования, семьи и государства. Важное значение имеет создание условий для интеграции молодого поколения в социум, развитие критического мышления, формирование стрессоустойчивости и гражданской ответственности. Таким образом, молодежь сможет не только адаптироваться к вызовам современности, но и стать движущей силой позитивных изменений, определяя будущее развитие российского общества. В ходе исследования отмечаем, что молодежь, как социально-демографическая группа в процессе интеграции в общество сталкивается с комплексом рисков, которые возникают в результате различных масштабных социальных изменений в макро и микросреде. По сути, эти факторы можно рассматривать в виде структуры с градацией по ряду ключевых направлений.

Во-первых, угрозы потери культурной принадлежности и самоопределения молодежи в условиях постоянно меняющегося мира. Исследования по-

1 Global Employment Trends for Youth 2023. Geneva: International Labour Organization, 2023. // URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/youth/2023/lang--en/index.htm>

казывают, что цифровая среда, глобализация, внедрение в общественные процессы искусственного интеллекта провоцируют ситуацию, когда создают условия для фрагментации идентичности у молодежи². В исследовании ВЦИОМ³ отмечена проблема сложности с самоидентификацией у 42 % российской молодежи в возрасте от 18 до 24 лет. Около 68% респондентов выделили конфликт между традиционными ценностями и глобальными трендами, а каждый пятый (21%) молодой россиянин сталкивался с дискриминацией по различным признакам.

Во-вторых, экономические риски и рост нестабильности в трудовых отношениях приводит к отсутствию гарантий занятости, социальной защиты, условий для стабильной жизни, перспектив на рост и развитие. Кроме того, автоматизация и цифровизация обуславливают сокращение традиционных вакансий в организациях и компаниях, которые ранее обеспечивали молодым специалистам возможность профессионального старта.

В-третьих, сохраняется дисбаланс между компетенциями выпускников образовательных организаций и требованиями цифровизированного рынка труда. Данные процессы взаимно усиливают друг друга, создавая комплексные барьеры для успешной профессиональной социализации молодежи. Эти факторы способствуют формированию экономической неуверенности и отло-

женной взрослости. Кроме того, интенсивная цифровизация коммуникационных практик приводит к снижению качества межличностного взаимодействия, обеднению эмоциональной составляющей коммуникаций.

В процессе исследования респонденты отмечали наличие институциональных рисков, которые несут в себе угрозы, связанные с постоянными колебаниями, изменениями и нестабильностью в работе различных общественных структур. Возрастают риски для семейного воспитания и формирования личности, во многом из-за влияния цифровых технологий и коммуникаций.

Анализ рисков, которые оказывают влияние на молодежное поколение, показывает, что они являют собой многомерное поле социальной уязвимости. Социокультурные, экономические и институциональные факторы образуют систему взаимоподкрепляющихся вызовов, усложняющих процесс интеграции молодого поколения в общество. Тенденция воспроизводства рисков чревата формированием долгосрочных негативных последствий как на индивидуальном уровне (отложенное взросление, профессиональная дезориентация, психологические проблемы), так и на макросоциальном (снижение социальной мобильности, рост протестного потенциала, углубление межпоколенческого разрыва).

Переходя к анализу последствий обозначенных рисков, отмечаем их амбивалентную природу: с одной стороны, они создают серьезные барьеры для личностной и профессиональной самореализации молодежи, с другой - могут выступать стимулом для развития адаптационных стратегий и формирования новых моделей социального поведения.

В ходе институционального и структурного анализа открывается возмож-

2 Livingstone S. Digital Futures for Children: Challenges and Opportunities. London: LSE Press, 2021. // URL: <https://www.lse.ac.uk/media-and-communications/research/research-projects/digital-futures-for-children> (Дата обращения: 02.08.2025).

3 ВЦИОМ. Молодежь России: ценности и идентичность. 2023. // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-rossii-cennosti-i-identichnost> (Дата обращения: 02.08.2025).

ность оценить социальные последствия рисков для молодежи. Здесь становится заметным формирование специфической траектории социализации. Ключевые характеристики как социальные последствия, возникающие вследствие влияния рисков и других факторов на процесс социализации молодежи были выделены Чупровым В.И. [6]. В первую очередь, это возникновение фактора институциональной неопределенности, которая проявляется в снижении доверия к истинным традиционным институтам социализации, включая семью, образование и труд. Во-вторых, у молодого поколения заметны проявления ценностного плюрализма.

Согласно аналитическим данным, эклектичность ценностных ориентаций характерна для 62% молодежи, что приводит к созданию барьеров для успешной социальной адаптации. К тому же, заметно нарастание социальной аномии - 34% молодых людей отмечают отсутствие перспектив профессиональной реализации. При этом, одним из последствий риска является кризис идентичности в молодежной среде, обусловленный институциональными трансформациями. Согласно социологическим данным⁴ 62% опрошенных респондентов не определились с приоритетами и жизненными ценностями. Это препятствует формированию долгосрочных планов жизнедеятельности. Из числа респондентов опроса 48 % отметили состояние тревоги и отчаяния, что может приводить к увеличению риска депрессии и эмоционального выгорания.

В ряду последствий рисков для молодежи в ходе исследований выявлены структурные последствия социально-э-

кономической эксклюзии молодежи, которые оказывают влияние на социальное развитие. По данным Мониторинга молодежной безработицы, проведенного в НИУ ВШЭ⁵, 34% молодежи, которая по различным причинам утрачивает возможность участвовать в трудовой и образовательной сфере, не имеют возможности участвовать в программах профессиональной переподготовки, что создает риск формирования «потерянного поколения».

Весьма ощутима проблема эрозии социального капитала. За прошедшие десять уровень доверия к социальным институтам среди молодежи снизился на 28%. Это, безусловно, подрывает основы гражданской солидарности. Усугубляет ситуацию рост прекаризации занятости, поскольку 57% респондентов из числа молодых работников заявляют, что они вынуждены довольствоваться временными контрактами. Тем самым, формируется экономическая уязвимость и откладываются на будущее важные жизненные решения. Влияние рисков на молодежь фиксируют серьезные изменения в психологическом профиле современной молодежи. Установлено, что цифровизация и использование искусственного интеллекта приводит к снижению эмоционального интеллекта и формированию «клипового мышления» у 63% молодых людей, что приводит к снижению качества межличностных коммуникаций и когнитивных способностей.

В последние годы процесс социализации молодежи претерпевает фундаментальные изменения под влиянием воздействия многоуровневых социальных рисков. Триада ключевых социальных факторов - нестабильность

⁴ Global Employment Trends for Youth 2023. Geneva: International Labour Organization, 2023. // URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/youth/2023/lang--en/index.htm> (Дата обращения: 02.08.2025).

⁵ Молодежь на рынке труда: тренды и вызовы [Электронный ресурс] / НИУ ВШЭ. – М.: 2023. // URL: <https://issek.hse.ru/news/789399382.html>.

социальных институтов, смешение ценностных ориентиров и ограниченность социальных возможностей - формирует особый вектор социализации, результатом которого становятся кризис самоидентификации, экономическая и социальная исключенность, ухудшение психического здоровья молодых людей. Особую озабоченность вызывает кумулятивный характер этих проблем, что проявляется в фрагментированной идентичности молодежи, увеличении асоциальных форм поведения, разрушении механизмов передачи традиционных ценностей от поколения к новым поколениям.

В условиях рисков особо важны методы и меры социальной поддержки молодежи. Ведь современная российская молодежная политика представляет многоуровневую систему мер, направленных на социализацию и профессиональное становление нового поколения в условиях цифровой трансформации и глобальных вызовов. Ключевым элементом системы работы с молодежью на федеральном уровне становится платформа «Россия - страна возможностей»⁶, объединяющая образовательные и карьерные проекты.

По данным официальной статистики в 2023 году свыше двух млн. молодых людей участвовали в различного рода социальных программах. *Весьма значимым конструктом стала инициатива «Социальные лифты», в рамках которой около пяти тыс. молодежных проектов получили государственную финансовую поддержку. Реализованы разные модели.* Так, в Республике Татарстан сформирована система кадрового резерва, а в Краснодарском крае — программа «Молодежный бизнес-старт», предусматривающие выде-

ление микрогрантов для стартапов.

Уместно отметить корпоративные программы, которые применяются в системе корпоративного управления. Например, транспортная корпорация Открытое акционерное общество «Российские железные дороги» продвигает систему поддержки молодых специалистов. Установлено, что ежегодные инвестиции компании в молодежные проекты составляют более 2,5 миллиардов рублей, что позволяет не только формировать кадровый резерв предприятия (свыше 15 тысяч молодых специалистов в год), но и вносить вклад в развитие профессионального потенциала всей страны. Особенностью этих инициатив является их комплексный характер, сочетающий образовательные, карьерные и профориентационные компоненты.

Корпоративный университет «Высшая школа железнодорожного транспорта», созданный в 2019 году, реализует программу «Молодой профессионал РЖД» для 3 200 участников, предлагая семь специализированных образовательных направлений - от цифровых технологий до логистики⁷. С 2015 года успешно функционирует программа «Кадровый резерв РЖД», в рамках которой ежегодно отбирается 500 перспективных сотрудников для прохождения индивидуальных карьерных траекторий и стажировок в ключевых подразделениях компании.

Реализуемые корпоративные программы выполняют функцию, выходящую за рамки узкопрофессиональной подготовки, поскольку направлены на развитие ключевых для рынка труда компетенций, таких как предпринима-

6 Официальный отчет платформы «Россия - страна возможностей» за 2023 год. - М.: 2023. 124 с.

7 Российские железные дороги. Годовой отчет за 2023 год [Электронный ресурс] / ПАО «РЖД». - М.: 2024. С. 45-47. // URL: <https://www.rzd.ru/ru/9357/page/194794?id=27823> (Дата обращения: 02.08.2025)

тельские и лидерские. В современных реалиях особую значимость приобретают механизмы адаптации молодого поколения к вызовам цифровизации и нестабильности на рынке труда. Результаты исследования убеждают в необходимости кардинального обновления методологических подходов к разработке и реализации молодежной политики. В этом контексте интересен проект «Цифровые кафедры», реализуемый Минобрнауки России, способствующий освоению студентами IT-специальностями параллельно с профильным обучением, а также программы развития навыков будущего, реализуемые в высшей школе. Возрастает роль института наставничества в повышении эффективности молодежной политики.

Результаты исследования свидетельствуют о важности формирования многоуровневой системы государственной молодежной политики, интегрирующей федеральные, корпоративные и общественные программы. Сочетание федеральных инициатив с региональными практиками и корпоративными проектами создает комплексную экосистему поддержки, соответствующую вызовам цифровой эпохи. Совершенствование этой системы требует углубленной интеграции ее элементов, учета региональной специфики и развития механизмов реагирования на изменения рынка труда.

Представляется, что в отношении молодежи, как социальной группы риска, перспективным направлением исследований может стать разработка комплексных методик оценки эффективности мер поддержки молодежи и поиск новых форм социального взаимодействия. Это позволит не только минимизировать возможные риски, но и максимально реализовать потенциал молодежи как стратегического ресурса

развития российского общества.

Список литературы

1. Zubok Yu.A. Risks in the social development of youth. – M.: IS RAS, 2017. 320 p.
2. Kuznetsova I.V. Social risks of youth: problems and ways of their solution // *Sociology and Society*. 2020. T. 3. № 1. С. 45-60.
3. Платон. Апология Сократа // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – Москва: Мысль, 1990. Т. 1. С. 70-96.
4. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Государственная молодежная политика в Российской Федерации: этапы становления и развития. – М.: Изд-во РГСУ, 2020. 228 с.
5. Черныш М.Ф. Изменение роли семьи в социализации молодежи // *Социологические исследования*. 2020. № 5. С. 40-50.
6. Чупров В. И. Социология молодежи. Монография. – М.: Норма, 2012. 456 с.
7. Ферлонг А. Изменяющийся ландшафт молодости и вступления в зрелый возраст // *Журнал исследований молодежи*. 2020. Т. 23. № 5. С. 573-588.
8. Patchin J.W., Schaefer J., Jarvis J.P. Law Enforcement Perceptions of Cyberbullying: Evolving Perspectives // *Policing: An International Journal*. 2020. Vol. 43. № 1. P. 137-150. – DOI: 10.1108/PIJPSM-08-2019-0136.
9. Woodcock J. The Fight Against Platform Capitalism. London: University of Westminster Press, 2022. 210 p.
10. Гольцов А.Н., Дедиу Е.И. Экономико-политический симбиоз: британский империализм и идеология свободной торговли как элементы единого национального проекта (вторая половина XIX века – первая треть XX века) // *Альманах «Крым»*. 2025. № 50. С. 21-33.

References

1. Zubok Yu.A. Risks in the Social Development of Young People. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2017. 320 p.
2. Kuznetsova I.V. Social Risks of Young People: Problems and Solutions // *Sociology and Society*. 2020. Vol. 3. № 1. P. 45-60.
3. Plato. Apology of Socrates // Plato. Collected Works: in 4 volumes. Moscow: Mysl, 1990. Vol. 1. P. 70-96.
4. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. State Youth Policy in the Russian Federation: Stages of Formation and Development. – Moscow: Publishing House of the Russian State Social University, 2020. 228 p.
5. Chernysh M.F. Changing Role of the Family in the Socialization of Young People // *Sociological Research*. 2020. № 5. P. 40-50.
6. Chuprov V.I. Sociology of Youth. Monograph. – Moscow: Norma, 2012. 456 p.
7. Furlong A. The Changing Landscape of Youth and Emergence // *Journal of Youth Studies*. 2020. Vol. 23. № 5. P. 573-588.
8. Patchin J.W., Schaefer J., Jarvis J.P. Law Enforcement Perceptions of Cyberbullying: Evolving Perspectives // *Policing: An International Journal*. 2020. Vol. 43. № 1. P. 137-150. – DOI: 10.1108/PIJPSM-08-2019-0136.
9. Woodcock J. The Fight Against Platform Capitalism. London: University of Westminster Press, 2022. 210 p.
10. Goltsov A.N., Dediu E.I. Economic-political symbiosis: British imperialism and the ideology of free trade as elements of a unified national project (second half of the XIX century – first third of the XX century) // *Almanac "Crimea"*. 2025. № 50. P. 21-33.

Филькина О.Ю.

Кандидата исторических наук.
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань.

Теняева О.В.

Кандидата психологических наук.
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань.

Значение современного музея в формировании ценностей современной молодёжи*

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования возможностей современного музея как социокультурного пространства и инструмента влияния на развитие у молодежи системы ценностей, основанной на знакомстве и изучении исторического и культурного наследия территории проживания. В современных реалиях поиск новых ресурсов для осуществления такого рода деятельности обеспечивает развитие социально-экономического ресурса молодежи как основы человеческого капитала государства. Сотрудники музея видят молодежь своей целевой аудиторией и стремятся сделать музей привлекательными для нее, используя в своей работе современные технологии и интерактивные техники. Представители молодого поколения, в свою очередь, демонстрируют положительное отношение к посещению музея, поскольку находят его интересным, познавательным и современным.

Ключевые слова: молодежь, социокультурное пространство, музей, экспозиционно-выставочная деятельность, диджитал-поколение.

Filkina O.Y.

Candidate of Historical Sciences, Russian State University named after S.A. Yesenin, Ryazan.

Tenyaeva O.V.

PhD psychological sciences, Russian State University named after S.A. Yesenin, Ryazan.

The importance of a modern museum in shaping the values of modern youth

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the possibilities of a modern museum as a sociocultural space and a tool for influencing the development of a value system among young people based on familiarity with and study of the historical and cultural heritage of their territory. In today's realities, the search for new resources for such activities ensures the development of the socio-economic potential of young people as the foundation of the state's human capital. Museum staff see young people as their target audience and strive to make the museum attractive to them by using modern technologies and interactive techniques in their work. Young people, in turn, show a positive attitude towards visiting the museum, as they find it interesting, informative, and modern.

Key words: youth, socio-cultural space, museum, exhibition activities, digital generation.

---

* © Филькина О.Ю., Теняева О.В., 2025.

Значение современного музея в формировании ценностей современной молодёжи

Особое значение для развития и социализации молодежи в современном обществе потребления приобретает организация целенаправленного культурного просвещения, ведущую роль в осуществлении которого можно отнести музею как ключевому элементу культурно-просветительской деятельности, проводнику каждого отдельного индивида в мир культуры [8].

В любой исторический период музей выступает эпицентром образования и просвещения, предоставляя посетителям информацию об историческом прошлом страны или территории проживания, развитии какой-либо сферы общественных отношений, способствуя тем самым интеллектуальному развитию и культурному обогащению индивида, формируя ценностно-мотивационную сферу личности. Современный музей из выставочного превращается в публично-культурное образовательное пространство, используя разнообразные технологии и методы привлечения посетителей, взаимодействуя с ними в соответствии с изменившимся информационными и коммуникационными технологиями современного общества [7], сочетая компоненты культурного и информационного пространств в целостной модели [6].

Музейное пространство на сегодняшний день выступает образовательной средой, которая включает в себя множество субъектов, участников субъект-объектного и субъект-субъектного взаимодействия.

Можно выделить следующие структурные компоненты образовательной среды музейного пространства: пространственно-предметный, социальный и психодидактический компоненты. Пространственно-предметный компонент включает в себя применение инновационных технологий, способ-

ствующих привлечению и развлечению посетителей. Социальный компонент характеризуется процессами интеграции музея с другими учреждениями. Психодидактический компонент отвечает за содержательность образовательного процесса [10].

Молодёжь является одной из преимущественных аудиторий для всех культурных учреждений. При этом это специфическая целевая группа, потребности и интересы которой значительно отличаются от предпочтений других возрастных групп.

Современная молодёжь – это цифровое поколение, для обозначения которого используется специальный термин «digital» поколение. Этим термином можно обозначить представителей общества, рождённых в эпоху цифровых технологий и виртуальной реальности, для которых жизнь вне социальных сетей невозможна, а «тревога неподключенности» – страх прекращения возможности виртуальной активности является перманентным состоянием.

«Digital» поколение обладает рядом специфических черт. Во-первых, это полная погружённость в виртуальный мир; подмена реальности миром, навязанным интернет-пространством. Во-вторых, это индивидуализм и эмоциональная холодность, заключающиеся в заботе о себе, о собственном благополучии, индивидуальной жизненной и информационной безопасности [5]. Кроме того, отличительной чертой молодёжи является клиповое мышление, то есть фрагментарное восприятие реальности как результат информационной перегруженности. Молодые люди запоминают и цепляются за определённые отрывки, короткие видеоролики, яркие образы из социальных сетей, затрудняясь в построении и удержании сложных причинно-следственных свя-

зей. Следующим, отличающим цифровое поколение признаком, является визуальное восприятие информации. Всё, чем наполнено интернет-пространство (видеоролики в социальной сети Тикток, «рилсы», «ВК-клипы»), должно с первых секунд зацепить внимание молодого человека, иначе они просто оказываются бессмысленными [3].

Информатизация общества – это вызов, брошенный современной культуре, от успешности ответа на который зависит качество и эффект культурного просвещения, сохраните исторической памяти общества. В условиях современного информационного пространства с преобладанием массового развлекательного контента привлечения молодёжной аудитории в музейные экспозиции является сложной задачей. Современную молодёжь не удивить традиционными экспозициями, что заставляет учреждения культуры, в числе которых находятся и музеи, трансформировать свою деятельность под современную реальность.

Аналитическим центром НАФИ было подготовлено и проведено социологическое исследование с целью изучения отношения россиян к музеям и их деятельности. В исследовании приняли участие 1600 человек в возрасте от 18 лет. В ходе данного исследования было выявлено, что большинство россиян, а именно 85%, все-таки проявляют интерес к музеям, при этом наибольший интерес к музейной деятельности был отмечен у респондентов старше 55 лет. При этом каждый десятый респондент признал, что ни музей, ни какие-либо другие культурные объекты не вызывают у него интерес, 21% из которых – это молодые люди в возрасте от 24 до 35 лет [2]. Схожая тенденция была обнаружена и в исследованиях А.Ю. Березутской, в ходе которого были выявлены такие

причины отсутствия интереса посещению музеев и выставок среди молодежи как: низкий уровень информированности о проводимых мероприятиях, устаревшее представление о музее как о хранилище старых экспонатов, утративших свою привлекательность, отсутствие мотивации к культурному обогащению [4].

Для изменения отношения к музеям как к пережитку прошлого, музеи активно включаются в тренд, возникший в образовательной среде – «развлекательное обучение» – формат получения знаний в виде игры, при котором полезная информация преподносится получателю в хорошо запоминающейся форме. Разновидностью такого обучения можно считать популярные квесты, содержательного контента для которых в экспозициях музея огромное количество. В ходе прохождения квеста, передвигаясь по экспозиции и разгадывая загадки, посетители могут получить информацию о базовых понятиях и исторических эпохах в целом [10]. Потенциальная целевая аудитория музея – молодежная аудитория, так же может присоединиться к сообществам, привлекающим молодёжь к культуре в социальных сетях [1].

Методы и принципы исследования

Крупнейшим и старейшим музеем г. Рязани является Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, решение о создании которого было принято на заседании Рязанской Ученой архивной комиссии в 1884 году [9]. На данный момент в музее открыты три выставочных зала, существует детский центр, эколаборатория, планетарий, сувенирные магазины и литературная гостиная.

Для изучения перспектив развития музея как средоточия культурного на-

следа и центра культурно-исторического просвещения и его привлекательности для молодежи в мае 2024 года в г. Рязани было проведено социологическое исследование. Оно включало в себя экспертное интервью с сотрудниками музея для определения целевой аудитории (участниками интервью стали пять человек, сотрудники разных отделов музея) и количественный сплошной опрос 102 посетителей музейного пространства в возрасте от 14 до 25 лет.

Основные результаты

Интервью с сотрудниками музея позволило построить обобщенный портрет целевой аудитории музея: по мнению сотрудников, это ученики школ, начиная с младших классов, студенты высших и средних специальных образовательных учреждений, семейные пары с детьми и туристы. При этом обучающиеся посещают музейный центр преимущественно в будние дни, а семейные пары – в выходные. Данную тенденцию отметили 100% респондентов-экспертов. При этом одним из экспертов было отмечено, что значительная часть посетителей музея – это люди, которые любят гулять по торговым центрам («... проблема на самом деле всего мира... люди от торговых центров должны уйти в другой досуг... мы должны предложить им такой досуг»). В общем, целевая аудитория музея – это активные люди, желающие познавать что-то новое, любящие путешествовать.

Молодежная аудитория вызывает у экспертов, если не беспокойство, но некоторую озабоченность. Несмотря на то, что молодежная аудитория составляет из общего числа посетителей около 35%, молодые люди чаще всего приходит в музейный центр по приглашению в составе организованных групп из школы, колледжа или вуза, а не из

собственных побуждений, что снижает эффект от воздействия пространства музея на их сознание.

При этом сотрудники музея видят в молодежи свою целевую аудиторию, стремятся к ее привлечению. Это было выявлено в ходе семантического анализа транскриптов аудиозаписей интервью с сотрудниками музея. Наиболее часто встречающиеся слова, характеризующие посетителей музея – это «школьники» (0,43), «молодёжь» (0,35), «студенты» (0,32). И хотя молодежная аудитория не является преимущественной, сотрудники музея высказывают заинтересованность в привлечении молодежи, увеличении количественных показателей посещений именно школьниками и студентами как представителями молодого поколения. При этом эксперты отметили изменения «качества» посещения музея – снижается тенденция к фотографиям в стенах музея. Люди начинают получать впечатления в реальном времени, не отвлекаясь на гаджеты. Больше всего посетителей привлекают интерактивные экспозиции, чучела животных, Атриум и макет города Рязани.

Эксперты считают основными причинами посещения Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника: любопытство и интерес жителей города, так как музейный центр строился достаточно долгое время и «подогревал» интерес к себе. Также одной из главных причин для посещения, по мнению экспертов, является и новое, большое здание самого музея.

С целью изучения мнения представителей молодежи об экспозиции и экскурсионной деятельности музея был проведен опрос посетителей музея в возрасте 14-25 лет. 35,7% респондентов посещают музеи раз в год, 17,3% отметили, что раз в полгода, 21,4% – раз в месяц. При этом чуть меньше пятой ча-

сти опрошенных (18,3%) отметили, что ходят в музеи реже, чем раз в год.

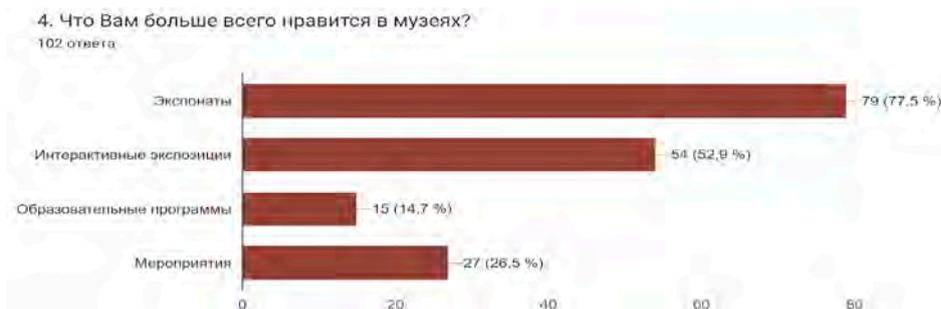
Среди различных музеев и экспозиций респонденты с большим удовольствием посещают художественные (так ответило 42,8% респондентов) и исторические (41,8% респондентов) музеи. Научные музеи интересны лишь для 14,5% респондентов.

Наибольшую привлекательность для 77,5% респондентов имеют непосредственно экспонаты, установленные в музее. Для 52,9% интересны интерактивные экспозиции, 26,5% отмечают интерес к мероприятиям, организованным сотрудниками, 14,7% интересуются образовательной деятельностью музея (см. рис. 1). При этом 78,4% отметили, что экспозиции Рязанского музея интересны и разнообразны, что указывает на стремление сотрудников музея следовать современным запросам в отношении представленных тематики экспозиций и представленных экспонатов.

Нежелание посещать музеи у 74,5% опрошенных связано с «отсутствием интереса к тематике», «некачественным обслуживанием» (48,9%) и «высокой стоимостью посещения» (42,8%). Кроме этого, респондентами были предложены собственные ответы, такие как «очень долгие лекции без перерыва»,

«нехватка времени», «не дают сувениры». Но в то же время, 79,4% отметили возможность посещения музеев (в частности, Рязанского музея) по Пушкинской карте, что укладывается в бюджет молодого поколения, большинство из которого не имеют постоянного источника дохода. А в отношении сотрудников Рязанского музея 43,1% респондентов высказались как о «компетентных сотрудниках», что свидетельствует о профессионализме как самих работников музея, так и его администрации.

Для повышения привлекательности музея респондентами были отмечены такие варианты, как включение в музейную деятельность формат квестов (59,8%), квизов (29,4%), мастер-классов (57,8%), интерактивных выставок (42,8%) творческих встреч и вечеров с известными людьми (52,9%), тематические экскурсии (47,1%), лекции приглашенных экспертов (33,3%) (см. рис. 2). Этот формат отвечает психологическим характеристикам молодежи как поколения «digital» – клиповое мышление, многозадачность, потребность в постоянной информации и впечатлениям. При этом участники исследования не смогли предложить тематику, которая была бы интересна для них и привлекательна для молодежной аудитории в целом.

Рисунок 1. Привлекательность музейного пространства для молодежной аудитории, %.

В отношении Рязанского музея респонденты добавили, что для повышения его привлекательности необходимо организовать зону для питания (39,2%), что увеличит время пребывания в помещении музея, позволит посетить больше выставок, принять участие в каких-либо мероприятиях, а так же, по образцу ведущих музеев России, создать рекламные виртуальные туры по музею для посетителей и тех, кто хотел бы посетить музей, но пока не решился это сделать (37,3%). 32,4% считают необходимым внедрение мультимедийных элементов, таких как аудиогиды, интерактивные экраны и виртуальные демонстрации, что отвечает ориентации на цифровизацию социализирующего пространства современного российского общества.

Абсолютное большинство (85,3%) отметили, что для распространения информации о деятельности музея, новых экспозициях и проводимых мероприятий оптимальным будет использование социальных сетей. При этом некоторые респонденты готовы самостоятельно получать информацию через веб-сайт (27,5%), в некоторые – посредством телевидения и радио (17,6%). В качестве самой популярной социальной сети была отмечена Телеграмм (92,2%), далее ВКонтакте (59,8%), Тик-ток (56,9%).

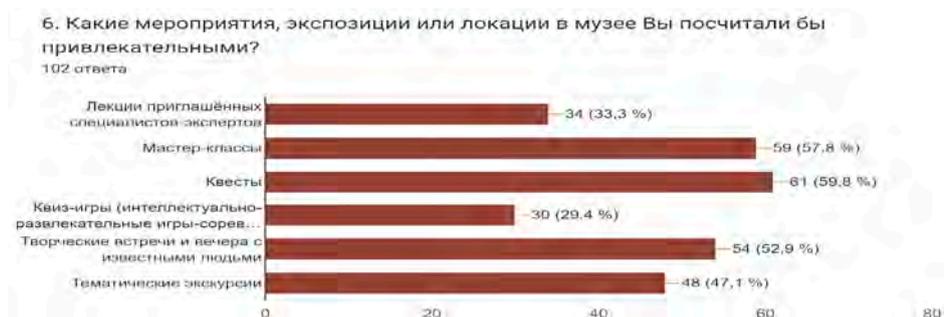
Обсуждение

Результаты социологического исследования свидетельствуют о необходимости привлечения внимания активной молодёжной аудитории к экспозиционно-выставочной деятельности современного музея в целом, и Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника в частности. Данные результаты подтверждают актуальность проводимого исследования.

Для популяризации музейного направления среди молодого поколения необходимо совершенствование форматов взаимодействия музея и молодёжной аудитории.

Исходя из вышеописанных результатов исследований, можно утверждать, что в значительной степени современное молодое поколение интересуется интерактив, креатив и возможность взаимодействия.

Каждому культурному учреждению в настоящий момент необходимо использовать в своей работе современный подход, который должен заключаться в связи экспозиционно-выставочной деятельности с актуальными темами, интересами и увлечениями молодёжной аудитории. Для этого следует использовать также и современные технологии, с помощью которых можно задействовать все органы чувств посетителей.

Рисунок 2. Мероприятия, экспозиции или локации для привлечения молодёжной аудитории, %.

Для диджитал-поколения важным моментом является внедрение современных мультимедийных элементов. К таковым можно отнести аудиогиды, интерактивные экраны и виртуальные демонстрации.

Заключение

В статье представлены результаты эмпирического исследования восприятия музеев как современной молодежи, выявлены представления молодежи о музейном пространстве, сделаны выводы о возможных перспективных направлениях его развития и привлечение молодежной аудитории.

Список литературы

1. Азерникова И.П. SMM в музее: современные практики российских музеев по освоению виртуального пространства // Туризм и музеи: синергетический эффект взаимодействия. – Москва: Издательство «Знание-М», 2020. С. 10-33. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43309428> (Дата обращения: 25.09.2025).
2. Аналитический центр НАФИ [сайт]. – Москва. // URL: <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-starshe-55-let-interesyuytsya-muzeyami-v-razy-chashche-chem-molodezh/> (Дата обращения: 25.09.2024).
3. Березовская И.П. Проблема методологического обоснования концепта «клиповое мышление» // Terra Linguistica. 2015. № 2 (220). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-metodologicheskogo-obosnovaniya-kontsepta-klipovoe-myshlenie> (Дата обращения: 25.09.2025).
4. Березовская А.Ю. Современный музей и его роль в культурном развитии студенческой молодежи // Молодой ученый. 2020. № 26.1 (316.1). С. 52-54. // URL: <https://moluch.ru/archive/316/72284/> (Дата обращения: 25.09.2025).
5. Годик Ю.О. «Цифровое поколение» и новые медиа // Медиаскоп. 2011. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-pokolenie-i-novye-media> (Дата обращения: 25.09.2025).
6. Камьянова А.А., Данилина М.В. Основные тенденции маркетинговой политики развития музейного пространства региона (на примере частных музеев РФ) // Материалы Всероссийской (с междунар. уч.) науч.-практич. конф. Кострома: Изд-во Костромской государственной университет, 2021. С. 87-92. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47689029> (Дата обращения: 25.09.2025).
7. Клевакин Г.А., Исламугдинов Т.И., Банных Г.А. Музей как публично-культурное пространство для молодежи мегаполиса // Управление устойчивым развитием. 2022. № 2 (39). С. 36-47.
8. Нуридинова З.Л. Влияние деятельности музеев на воспитание современной молодежи // Oriental Art and Culture. 2022. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-deyatelnosti-muzeev-na-vozpitanie-sovremennoy-molodyozhi> (Дата обращения: 25.09.2025).
9. Рязанский историко-архитектурный музей-заповед-

ник [сайт]. // URL: <http://www.ryazankreml.ru/> (Дата обращения: 25.09.2025).

10. Ченцова О.В. Отечественные музеи в условиях интерактивности и современности: современные тенденции развития музейной образовательной среды // Наследие веков. 2019. № 4. С. 106-112. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennye-muzei-v-usloviyah-interaktivnosti-sovremennye-tendentsii-razvitiya-muzeynoy-obrazovatelnoy-sredy/viewer> (Дата обращения: 25.09.2025).
11. Лукашенко Д.В. Педагогика высшей школы в эпоху цифровизации: трансформация образовательных практик и роль преподавателя // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 208-212.

References

1. Azernikova I.P. SMM in a Museum: Modern Practices of Russian Museums in Mastering Virtual Space // Tourism and Museums: Synergetic Effect of Interaction. Moscow: Znanie-M Publishing House, 2020. P. 10-33. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43309428> (25.09.2025).
2. NAFI Analytical Center [website]. Moscow. // URL: <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-starshe-55-let-interesyuytsya-muzeyami-v-razy-chashche-chem-molodezh/> (25.09.2024).
3. Berezovskaya I.P. The Problem of Methodological Substantiation of the Concept of “Clip Thinking” // Terra Linguistica. 2015. № 2 (220). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-metodologicheskogo-obosnovaniya-kontsepta-klipovoe-myshlenie> (25.09.2025).
4. Berezovskaya A.Yu. The Modern Museum and Its Role in the Cultural Development of Student Youth // Young Scientist. 2020. № 26.1 (316.1). P. 52-54. // URL: <https://moluch.ru/archive/316/72284/> (25.09.2025).
5. Godik Yu.O. “Digital Generation” and New Media // Mediascope. 2011. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-pokolenie-i-novye-media> (25.09.2025).
6. Kamyanova A.A., Danilina M.V. Main trends in the marketing policy for the development of the regional museum space (on the example of private museums of the Russian Federation) // Proceedings of the All-Russian (with international participants) scientific and practical conf. Kostroma: Publishing house of Kostroma State University, 2021. P. 87-92. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47689029> (25.09.2025).
7. Klevakin G.A., Islamutdinov T.I., Bannykh G.A. The Museum as a Public Cultural Space for the Youth of a Megacity // Sustainable Development Management. 2022. № 2 (39). P. 36-47.
8. Nuridinova Z.L. The Impact of Museum Activities on the Education of Modern Youth // Oriental Art and Culture. 2022. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-deyatelnosti-muzeev-na-vozpitanie-sovremennoy-molodyozhi> (25.09.2025).
9. Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve // URL: <http://www.ryazankreml.ru/> (25.09.2025).
10. Chentsova O.V. Domestic museums in the context of interactivity and modernity: current trends in the development of the museum educational environment // Heritage of the centuries. 2019. № 4. P. 106-112. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennye-muzei-v-usloviyah-interaktivnosti-sovremennye-tendentsii-razvitiya-muzeynoy-obrazovatelnoy-sredy/viewer> (09.25.2025).
11. Lukashenko D.V. Higher school pedagogy in the age of digitalization: the transformation of educational practices and the role of the teacher // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 208-212.

Мальцева И.В.

Кандидат социологических наук, доцент,
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала
«Власть истории и история власти», руководитель проекта (МАДИ).

Йога как философия гармонии и цивилизационный мост*

Аннотация. Статья посвящена философскому и культурному значению йоги как универсальной системы самопознания и гармонии в контексте современных цивилизационных процессов. Рассматривается роль йоги как интегрального элемента объединения древних цивилизаций государств БРИКС, раскрывающего глубокие связи макро- и микрокосма. Анализируются парадигмы Востока и Запада, их философские отличия и взаимодополняемость, а также интеграция йоги в различные культурные и социальные контексты стран БРИКС (Россия, Китай, Индия, Бразилия, Южная Африка). Освещается значение Международного дня йоги как символа мягкой силы и инструмента культурной дипломатии. Подчеркивается уникальность йоги как философии внутреннего освобождения, самопознания и этического поведения на фоне других цивилизационных моделей.

Ключевые слова: йога, философия йоги, БРИКС, цивилизация, духовное развитие, интегральная антропологическая матрица, международный день йоги, культурная дипломатия, восточная философия, западная философия, Убунту, конфуцианство, даосизм, индийская культура, самопознание, гармония, межкультурный диалог.

Maltseva I. V.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Ternovaya L. O.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Yoga as a philosophy of harmony and a bridge of civilizations

Abstract. This article explores the philosophical and cultural significance of yoga as a universal system of self-knowledge and harmony in the context of modern civilizational processes. It examines the role of yoga as an integral element in the unification of the ancient civilizations of the BRICS countries, revealing the profound connections between the macrocosm and microcosm. It analyzes the paradigms of East and West, their philosophical differences and complementarities, as well as the integration of yoga into the diverse cultural and social contexts of the BRICS countries (Russia, China, India, Brazil, and South Africa). The significance of International Yoga Day as a symbol of soft power and a tool of cultural diplomacy is highlighted. The uniqueness of yoga as a philosophy of inner liberation, self-knowledge, and ethical behavior is emphasized against the

---

* © Мальцева И.В., Терновая Л.О., 2025.

Йога как философия гармонии и цивилизационный мост

backdrop of other civilizational models.

Key words: yoga, yoga philosophy, BRICS, civilization, spiritual development, integral anthropological matrix, International Yoga Day, cultural diplomacy, Eastern philosophy, Western philosophy, Ubuntu, Confucianism, Taoism, Indian culture, self-knowledge, harmony, intercultural dialogue.

В формирующемся многополярном мире, где государства БРИКС претендуют на роль одного из новых центров силы, возникает вопрос: что объединяет эти столь разные страны и культуры? Помимо экономических и геополитических интересов у них существует и более глубокая, цивилизационная связь. Одним из ее ярчайших проявлений стало интегральное понимание этико-философских основ социального взаимодействия, в которой каждая страна привносит свой уникальный опыт осмысления мира¹. Такой процесс идеально встраивается в философию «государств-цивилизаций», которую олицетворяет БРИКС, являющийся не просто союзом стран, а объединением уникальных, древних цивилизаций, каждая из которых обладает собственным колоссальным культурным багажом. Россия с ее духовными поисками — мост между Востоком и Западом; Китай — наследник конфуцианской мудрости и даосских практик; Индия — колыбель индуизма, буддизма и йоги; Бразилия — синтез индейских, африканских и европейских традиций; Южная Африка — «радужная нация» с архетипом «Убунту» («я есть потому, что мы есть»). Философия таких государств строится не на экспорте идеологии, а на деликатном предложении

миру своих духовных и культурных ценностей, что и есть «мягкая сила» в ее чистейшем виде.

Йога, как универсальная система самопознания и оздоровления, оказалась идеальным инструментом для такой миссии. в ней мы видим подтверждение наличия глубоких связей Макро- и Микрокосма, единой ритмики мира, входя в которую, подчиняясь ее течению, человек способен раскрыть свои способности и таланты, обрести силы и гармонию с окружающим миром. Следует отметить, что практики по установлению таких связей сохранились в разных формах и в разных частях планеты. Однако их пониманию и следованию часто мешает разночтение парадигматики Востока и Запада.

Укрепление базовых позиций каждой из этих моделей стало еще одним проявлением амбивалентности единства культуры человечества, разделенной на противоположные паттерны культурной идентичности. Парадигматику Востока и Запада от не менее известной антиномии Севера и Юга отличает постоянство выражения, тогда как философское противопоставление Севера и Юга активизировалось в общественных дискуссиях в разных странах и даже регионах под влиянием геополитических или экономических обстоятельств. При этом устойчивость парадигматики Востока и Запада относительно. Специалисты обращают внимание на то, что «постоянное колебание между двумя полярными тенденциями» является не только «естественным», но

¹ Комаров В.Д. Философия цивилизации // Философия и общество. 1998. № 3. С. 55-112; Шпилькин Ю.И. Евразийский дискурс философии: учебное пособие / Российская академия естествознания, Издательский дом Академии естествознания. – М.: Издательский дом естествознания, 2014.

подчас и «единственно возможным для подобного типа культур динамичным фактором их развития»².

В современном мире достаточно много пространств, где в относительно мирной конкуренции сталкиваются представители разных культурно-цивилизационных моделей³. Такие пространства различаются и по охвату, и по времени существования, и по фазам активности, и по персонализированным образам их презентации. Для понимания отдельных элементов физических и духовных практик в культурах Востока и Запада важно их восприятие не по одиночке, а в комплексе, включенными в единую антропологическую матрицу⁴. При всех отличиях ее восточного и западного вариантов, имеется несравнимо больше общего, что отвечает утверждению Карла Густава Юнга о том, что Восток и Запад есть две половины человеческой души, вместе обеспечивающие ее целостность. Именно вместе они составляют единую всеобъемлющую душу, единого «великого человека — *homo maximus*»⁵.

Йога несет в себя очень важную

часть этой души, суть которой выражена в самом происхождении слова «йога» от санскритского корня «йудж», означающего «управлять» или «объединять», управлять сознанием и объединять себя с Природой во всей ее сложности и красоте. Философия йоги представляет собой сложную систему мировоззрения и практики, зародившуюся в Древней Индии и оказавшую значительное влияние на развитие индийской культуры и философии. Йога — одна из шести ортодоксальных школ (даршан) индуистской философии, цель которой — изменение онтологического статуса человека. Ее основополагающий текст — «Йога-сутры» Патанджали. Основные принципы йоги: самопознание; достижение гармонии тела, ума и духа посредством медитации, дыхательных упражнений и физических поз; этическое поведение: соблюдение принципов ахимсы (ненасилия), правдивости, умеренности и дисциплины; духовное развитие: стремление к освобождению от страданий и достижению высшего состояния сознания (самадхи).

Центральная идея йоги — единство ума, тела и духа, которые неразделимы. Философия йоги утверждает, что духовное невежество (авидья) является источником страданий, а путь к освобождению (мокше) лежит через этические принципы (Ямы и Ниямы), самодисциплину и медитацию. Ключевой посыл состоит в том, что всё в мире взаимосвязано, человек может достичь высшего состояния сознания через внутреннюю работу.

В создании интегральной антропологической матрицы задействованы все философские модели стран БРИКС, каждая из которых представляет важный сегмент общей мозаики. Так, китайская философия (конфуцианство, даосизм, чань-буддизм) акцентирует внимание

2 Багно В.Е. Пограничное сознание, пограничные культуры // Полярность в культуре / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); сост. В.Е. Багно, Т.А. Новичкова. — СПб.: Альфа. «Канун», 1996. С. 419-420.

3 Тищенко С.М., Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Социально-психологические особенности цивилизаций современного мира (по результатам проекта «Мировые ценности») // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / Акаев А.А. и др.; Российская академия наук, Ин-т Африки, Центр цивилизационных и региональных исследований; отв. ред. Д.А. Халтурина, А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина. — М.: URSS, 2010. С. 379-410.

4 Антропологические матрицы XX века. Л.С. Выготский — П.А. Флоренский: несостоявшийся диалог. — Приглашение к диалогу / Олксенко А.И. (общ. ред.). — М.: Прогресс-Традиция, 2007.

5 Юнг К.Г. Архетип и символ / Предисл. А.М. Руткевича, с. 5 — 22; Примеч. В.М. Бакусева и др. — М.: Ренессанс, 1991. С. 215.

на гармонии, но в социальном и космическом контексте⁶. Ее отличительными чертами можно назвать холизм, коллективизм и стремление к равновесию между человеком, землей и небом. В отличие от йоги, где цель состоит в индивидуальном освобождении и познании Атмана (высшего «Я»), китайская философия более ориентирована на антропоцентризм и правильное устройство общества. Например, конфуцианство делает упор на моральные обязанности и социальную иерархию, тогда как йога стремится к трансцендентному опыту вне социальных рамок.

Русская философия характеризуется глубокой религиозностью, соборностью, космизмом. Как и йога, она метафизична и антропоцентрична, уделяет особое внимание судьбе человека и его связи с Абсолютом. Но если йога предлагает практический путь к освобождению через дисциплину и медитацию, то русская философия часто выражается в утопических и эсхатологических построениях, в частности, «Русская идея» у Николая Бердяева. Обе традиции стремятся к «цельному знанию», но русская мысль чаще синтезирует религию, философию и науку, в то время как йога остается в рамках духовной практики.

Центральная философская концепция ЮАР — Убунту, выражающаяся в принципе «Я есть, потому что мы есть»⁷. Эта философия подчеркивает

6 Семенюк В.А. Восточная философия: индийская и китайская традиции. Учебное пособие по курсу философии для студентов, магистров и соискателей. Учебное электронное издание / Белорусский национальный технический университет, Кафедра «Философские учения». – Минск: БНТУ, 2008.

7 Береговая О.А., Ерохин А.К. Концепция убунту как ответ африканской философии образования на вызовы глобальных изменений // Век глобализации. 2024. № 2. С. 141-150; Тищенко С.М. Ценностные ориентации населения ЮАР в глобальном и региональном контекстах // Вест-

коллективное существование, взаимозависимость и общую ответственность. Она имеет прямой контраст с йогой, где акцент сделан на индивидуальном пути к самореализации и освобождению. Однако если йога ищет истину внутри себя, то Убунту утверждает, что личность формируется и реализуется только в сообществе. Тем не менее, обе традиции разделяют идею взаимосвязанности всего сущего, хотя и выражают ее в разных формах: индивидуальной (йога) и коллективной (Убунту). Убунту также выступает инструментом публичной дипломатии: создаются различные журналы, радиостанции, учреждена национальная премия *Ubuntu Awards*. Все эти средства направлены на информирование и привлечение внимания общественности к вопросам внешней политики Южной Африки, африканской идентичности, утверждения модели мышления, альтернативной западной системе индивидуализма⁸.

Бразильская философия долгое время развивалась под влиянием европейских традиций и только в XX столетии начала формировать собственное лицо через эссеистику, постколониальное мышление и историографию. В отличие от систематичной и древней философии йоги, бразильская мысль часто критически настроена по отношению к метафизике и стремится к практическому решению социальных проблем. Ее можно охарактеризовать как «антропофагическую модель», поскольку основной метод познания представляет собой активное «пожирание» и переработку идей, а цель такой деятельности заключается в создании аутентичной идентичности через

ник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2013. С. 87-100.

8 Емельяненко Е. Принцип убунту во внутренней и внешней политике ЮАР // Международный аспект. 2023. № 4 (1). С. 12-35.

осмысление культурного синтеза, который лежит в основе бразильской нации. Это не просто философия в Бразилии, а философия о Бразилии и из Бразилии. Йога предлагает универсальный духовный путь, тогда как бразильская философия скорее ищет национальную идентичность и ответы на вызовы колониального наследия.

Философия йоги уникальна своей практико-ориентированной метафизикой, направленной на внутреннее освобождение, самопознание, этическое поведение, духовное развитие. Китайская философия делает ставку на гармонию в обществе и природе, социальные обязанности, внутреннюю простоту, моральные максимы. Русская — ориентирована на религиозно-утопическое видение судьбы человека и мира, выделяя духовный поиск, историческую судьбу и свободу. Убунту нацелена на достижение коллективного благополучия, идентичность и взаимопомощь, коммунитарные обычаи, права человека, афроцентризм. Бразильская антропологическая модель концентрируется вокруг постколониального и социально-критического дискурса, индивидуального сознания, политической философии и антропологии. Таким образом, йога выделяется как интроспективная и универсалистская система, в то время как философии других стран БРИКС чаще ориентированы на социальные, исторические или коллективные измерения бытия.

Таким образом, хотя йога является уникальной системой, сформировавшейся в специфическом культурном контексте Индии, каждая страна имеет свою собственную философскую традицию, отражающую местные условия и исторические процессы. Эти различия позволяют лучше понимать разнообразие человеческого опыта и подходов к

решению острых жизненных вопросов.

До прихода к власти Нарендры Моди йога уже была популярна в мире, но часто воспринималась как экзотическая физкультура или эзотерическая секта. Моди, будучи сам последовательным практиком, сумел совершить стратегический прорыв, представив йогу не как часть религиозной индийской традиции, а как научное и культурное наследие всего человечества, имеющее корни в Индии. Его главной заслугой стало провозглашение Международного дня йоги (англ. *International Day of Yoga — IDY*). 27 сентября 2014 г., всего через несколько месяцев после своего избрания, Моди выступил на Генеральной Ассамблее ООН с речью, в которой отметил, что *«йога — это бесценный дар древней индийской традиции. Она олицетворяет единство души и тела, мысли и действия, сдержанности и исполнения, гармонию между человеком и природой, целостный подход к здоровью и благополучию. Это не просто физические упражнения, а способ познать себя, мир и природу»*⁹. Такая инициатива была беспрецедентной: резолюцию поддержали рекордные 175 государств-членов ООН, и 21 июня 2015 г. первый Всемирный день йоги был отпразднован по всей планете.

В странах БРИКС интерес к восточным духовным и оздоровительным практикам исторически высок. В России йога имеет давние практики, восходящие к советским временам, когда ее изучали как систему психофизической тренировки. Сегодня — это массовое движение. В Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах 21 июня проходят масштабные коллективные

9 Цит. по: Address by Ambassador Harsh Vardhan Shringla at the 5th International Day of Yoga // URL: <https://www.indianembassyusa.gov.in/speech?id=10>.

занятия в парках, на стадионах и на бережных. Российские школы йоги активно развивают диалог с индийскими гуру, организуют совместные семинары и фестивали, что является примером успешного культурного обмена.

Несмотря на сложные политические отношения Индии и Китая, в КНР йога пользуется огромной популярностью, особенно среди городского среднего класса. Китайские власти поддерживают йогу как часть здорового образа жизни и даже интегрируют ее элементы в национальные фитнес-программы. Тысячи студий йоги работают в Шанхае, Пекине и Гуанчжоу. В день йоги китайские инструкторы проводят массовые занятия, демонстрируя, как древняя индийская практика находит отклик в китайской философии, ценящей баланс и внутреннюю гармонию.

В Бразилии царствует культ тела, поэтому йога не только органично вписалась в фитнес-индустрию, но и вышла далеко за ее рамки. Бразильские практики часто сочетают асаны с элементами афро-бразильских духовных традиций, танца и капоейры, создавая уникальные гибридные формы. Ежегодно на знаменитом пляже Копакабана (порт. *Sorocabana*) в Рио-де-Жанейро в Международном дне йоги собираются тысячи людей для совместной практики на рассвете, что стало мощным визуальным символом единства.

В Южной Африке с ее сложным расовым и социальным наследием йога становится инструментом социальной терапии. Появляются проекты, предлагающие бесплатные занятия йогой для жителей неблагополучных районов, ветеранов, людей с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). Философия йоги с представлениями о единстве и принятии себя резонирует с концепцией «Убунту», подчеркиваю-

щей взаимосвязь человечества.

Следует выделить и такое созвучие йоги с цивилизационным мостом как ее удивительная визуальность. Поэтому во многих государствах йога, прежде всего, воспринимается не как философия, а как пластика тела¹⁰. Соединению смыслов телесности и бытия в контексте йогических практик способствуют разнообразные историко-художественные мероприятия по всему миру. Одно из них, художественная выставка «Йога — искусство трансформации и перевоплощения», прошло в 2014 г. в Вашингтоне. Инициатором выступила знаменитая галерея Саклер (англ. *Arthur M. Sackler Gallery*) – музей азиатского искусства, носящая имя выдающегося врача и страстного коллекционера искусства стран Азии Артура Саклера. Он подарил свою уникальную коллекцию Смитсоновскому музею со специальным условием: экспонаты должны быть доступны всем¹¹. На выставке, посвященной йоге, было представлено свыше 130 разнообразных экспонатов из музеев и частных коллекций, так или иначе связанных с историей и распространением этого восточного философского учения.

Отдельный зал выставки был посвящен скульптурам, изображающим самых авторитетных людей в мире йоги — гуру (учителям), которые в самом учении всегда воплощали два начала — человеческое и божественное, проповедуя достижение с помощью йоги физического и духовного совершенства человека. Также особое было внимание уделено облику йогинь, женщин, которые практиковали йогу. Индийские правители-мужчины свято верили в то,

¹⁰ Терновая Л.О. Экосемантика геополитического пространства: монография. – М.: ИНФРА-М, 2020.

¹¹ Акимушкина И. Искусство трансформации // Независимая газета. 2014. 14. февраля.

что йогини являются заслуживающими особого поклонения богинями, которые защитят, прежде всего, мужчин от всех бед и напастей. Представленные на выставке ценные иллюстрированные манускрипты, посвященные трактовке отдельных положений йоги, поражали своей строгой красотой. Один из таких манускриптов «Океан Жизни» был создан в 1604 г. при индо-мусульманском дворе в городе Алахабаде по приказу принца Салима – будущего монарха могущественной империи Моголов. «Океан жизни» убеждает, что йога была очень интересна и мусульманам. Не случайно этот текст был переведен на арабский и персидский языки.

Поучительная часть экспозиции посвящалась теме Британской колонизации Индии и жизни йогов в этот период. Еще до прихода на полуостров Индостан англичан йоги активно занимались различными ремеслами, а также были успешными торговцами. Однако по мере завоевания Британской империей Индии йоги-торговцы разорялись, бросали свои ремесла, теряли свой некогда весьма высокий социальный статус и, по сути, дела становились нищими. Виной тому была политика колониальной империи в Индии, при которой англичане воспринимали йогов как изгоев и считали их деклассированными элементами.

Интерес Запада к йоге нарастал в течение всего прошлого столетия. Его отправной точкой послужило выступление известного индийского философа и общественного деятеля Свами Вивекананды в 1893 г. Всемирном парламенте религий в Чикаго (англ. *Parliament of the World's Religions*)¹².

¹² Терновая Л.О. Парламентские инструменты межконфессиональной дипломатии // Миссия конфессий. 2016. № 12 (16). С. 7-15; Терновая Л.О. Священное в мирском: конфессиональное прочтение международных отношений:

Вышеупомянутая выставка показала несколько его фотографий, благодаря которым можно понять масштаб этой личности и механизмы, с помощью которых йога столь успешно проникает во внешний мир.

Официальное признание через Всемирный день йоги — это больше, чем успешный PR-ход. Это модель того, как государство-цивилизация в XXI веке может делиться своим наследием, укрепляя мир и взаимопонимание. Нарендра Моди, сам активно практикующий йогу и выступающий в роли «главного посла йоги», сумел трансформировать древнюю практику в глобальный бренд, который служит общим ценностям здоровья, гармонии и мира. Для БРИКС йога стала еще одним цивилизационным «клеем» — философской нитью, которая объединяет народы не через экономические сделки или политические договоры, а через общее стремление к внутреннему миру и физическому благополучию, через единую философскую платформу, на которой могут строиться более прочные и глубокие отношения между великими цивилизациями современности.

Список литературы

1. Акимушкина И. Искусство трансформации // Независимая газета. 2014. 14. февраля.
2. Антропологические матрицы XX века. Л.С. Выготский – П.А. Флоренский: несостоявшийся диалог. – Приглашение к диалогу / Олексенко А.И. (общ. ред.). – М.: Прогресс-Традиция, 2007. 666 с.
3. Багно В.Е. Пограничное сознание, пограничные культуры // Полярность в культуре / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); сост. В.Е. Багно, Т.А. Новичкова. СПб.: Альм. «Канун», 1996. С. 419-420.
4. Береговая О.А., Ерохин А.К. Концепция убунту как ответ африканской философии образования на вызовы глобальных изменений // Век глобализации. 2024. № 2. С. 141-150.
5. Емельяненко Е. Принцип убунту во внутренней и внешней политике ЮАР // Международный аспект. 2023. № 4 (1). С. 12-35.
6. Комаров В.Д. Философия цивилизации // Философия и общество. 1998. № 3. С. 55-112.
7. Семенюк В.А. Восточная философия: индийская и китайская традиции. Учебное пособие по курсу философии. – М.: ИНФРА-М, 2022. 300 с.

- лософии для студентов, магистров и соискателей. Учебное электронное издание / Белорусский национальный технический университет, Кафедра «Философские учения». – Минск: БНТУ, 2008.
8. Терновая Л.О. Парламентские инструменты межконфессиональной дипломатии // Миссия конфессий. 2016. № 12 (16). С. 7-15.
  9. Терновая Л.О. Священное в мирском: конфессиональное прочтение международных отношений: монография. – М.: ИНФРА-М, 2022. 300 с.
  10. Терновая Л.О. Экосемантика геополитического пространства: монография. М.: ИНФРА-М, 2020. 312 с.
  11. Тищенко С.М. Ценностные ориентации населения ЮАР в глобальном и региональном контекстах // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2013. С. 87-100.
  12. Тищенко С.М., Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Социально-психологические особенности цивилизаций современного мира (по результатам проекта «Мировые ценности») // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / Акаев А.А. и др.; Российская акад. наук, Ин-т Африки, Центр цивилизационных и региональных исследований; отв. ред. Д.А. Халтурина, А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина. – М.: URSS, 2010. С. 379-410.
  13. Шпилькин Ю.И. Евразийский дискурс философии: учебное пособие / Российская академия естествознания, Издательский дом Академии естествознания. М.: Издательский дом естествознания, 2014. 241 с.
  14. Юнг К.Г. Архетип и символ / Предисл. А.М. Руткевича, с. 5 – 22; Примеч. В.М. Бакусева и др. М.: Ренессанс, 1991. 297 с.
  15. Address by Ambassador Harsh Vardhan Shringla at the 5th International Day of Yoga // URL: <https://www.indianembassyusa.gov.in/speech?id=10>.
  16. Нестеров О.В. Информационно-аналитические системы как инструмент снижения операционных издержек промышленных предприятий // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 134-143.
  - University, Department of Philosophical Doctrines. – Minsk: BNTU, 2008.
  8. Ternovaya L.O. Parliamentary Instruments of Interfaith Diplomacy // Mission of Confessions. 2016. № 12 (16). P. 7-15.
  9. Ternovaya L.O. The Sacred in the Secular: Confessional Reading of International Relations: Monograph. – Moscow: INFRA-M, 2022. 300 p.
  10. Ternovaya L.O. Ecosemantics of Geopolitical Space: Monograph. Moscow: INFRA-M, 2020. 312 p.
  11. Tishchenko S.M. Value Orientations of the Population of South Africa in Global and Regional Contexts // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Philosophy. Sociology. Art Criticism”. 2013. P. 87-100.
  12. Tishchenko S.M., Khalturina D.A., Korotaev A.V. Socio-psychological characteristics of civilizations of the modern world (based on the results of the project “World Values”) // System monitoring of global and regional risks / A.A. Akaev et al.; Russian Academy of Sciences, Institute of African Studies, Center for Civilizational and Regional Studies; eds. D.A. Khalturina, A.V. Korotaev, Yu.V. Zinkina. – Moscow: URSS, 2010. P. 379-410.
  13. Shpilkin Yu.I. Eurasian discourse of philosophy: a textbook / Russian Academy of Natural Sciences, Publishing House of the Academy of Natural Sciences. Moscow: Publishing House of Natural Sciences, 2014. 241 p.
  14. Jung K.G. Archetype and Symbol / Preface by A.M. Rutkevich, P. 5–22; Note by V.M. Bakuseva et al. – M.: Renaissance, 1991. 297 p.
  15. Address by Ambassador Harsh Vardhan Shringla at the 5th International Day of Yoga // URL: <https://www.indianembassyusa.gov.in/speech?id=10>.
  16. Nesterov O.V. Information and analytical systems (IAS) as a tool for reducing operating costs of industrial enterprises // Almanac “Crimea”. 2025. № 49. P. 134-143.

References

1. Akimushkina I. The Art of Transformation // Nezavisimaya Gazeta. 2014. February 14.
2. Anthropological Matrices of the Twentieth Century. L.S. Vygotsky – P.A. Florensky: A Failed Dialogue. – Invitation to Dialogue / A.I. Oleksenko (general ed.). – Moscow: Progress-Tradition, 2007. 666 p.
3. Bagno V.E. Borderline Consciousness, Borderline Cultures // Polarity in Culture / RAS, Institute of Russian Literature (Pushkin House); compiled by V.E. Bagno, T.A. Novichkova. St. Petersburg: Alm. “Kanun”, 1996. P. 419-420.
4. Beregovaya O.A., Erokhin A.K. The Concept of Ubuntu as a Response of African Philosophy of Education to the Challenges of Global Change // The Century of Globalization. 2024. № 2. P. 141-150.
5. Emelyanenko E. The Principle of Ubuntu in the Domestic and Foreign Policy of South Africa // International Aspect. 2023. № 4 (1). P. 12-35.
6. Komarov V.D. Philosophy of Civilization // Philosophy and Society. 1998. № 3. P. 55-112.
7. Semenyuk V.A. Eastern Philosophy: Indian and Chinese Traditions. A Textbook on the Course of Philosophy for Students, Masters, and Applicants. Educational Electronic Publication / Belarusian National Technical

Королёв В.Б.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории.
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, г. Калуга.

Королёва Е.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных наук и иностранных языков.
Калужский филиал РГАУ-МСХА (Российский государственный аграрный университет - Московский сельскохозяйственный институт) имени К.А. Тимирязева, г. Калуга.

Гагалова Ю.А.

Студент Института истории и права.
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, г. Калуга.

Яблонская С.Ю.

Кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой общественных наук и иностранных языков. Калужский филиал РГАУ-МСХА (Российский государственный аграрный университет - Московский сельскохозяйственный институт) имени К.А. Тимирязева, г. Калуга.

Социальная политика государства в решении проблемы бездомности в России: вызовы, перспективы и рекомендации*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что сегодня одним из важнейших направлений работы органов государственной власти сегодня остается сфера защиты лиц без определенного места жительства. Проблема бездомности в России представляет собой одну из наиболее острых социальных проблем, затрагивающих не только отдельные группы населения, но и общество в целом. **Цель авторов** работы – проведение комплексного анализа существующих законодательных инициатив, направленных на решение проблемы бездомности, а также их влияния на общество, и представление предложений по повышению их эффективности. **Научная новизна** работы обусловлена тем, что работа посвящена всестороннему анализу проблемы бездомности в России, включая текущее состояние, законодательные инициативы, роль Общественной палаты, критику со стороны НКО, международный опыт, эффективность социальной политики и рекомендации по улучшению государственной политики. В итоге, работа направлена на выявление перспектив решения проблемы бездомности и формирование более эффективной государственной стратегии, способствующей улучшению качества жизни уязвимых групп населения. **Практическая значимость работы.** В рамках комплексного подхода к решению проблемы бездомности первоочередной и стратегически важной мерой, по мнению авторов, должно стать создание и системное финансирование сети специализированных центров временного размещения для лиц, оказавшихся без определенного места жительства. Для эффективного решения проблемы бездомности авторы предлагают организовать комплексный мониторинг по трем ключевым направлениям. Первое направление - количественный учет лиц без определенного места жительства, который должен включать ежегодные реестровые исследования, выборочные социологические опросы и анализ данных социальных служб. Второе направление - качественный анализ проблемы, предполагающий изучение причин попадания в категорию бездомных, оценку эффективности существующих мер поддержки и выявление наиболее уязвимых социальных групп. Третье направление - территориальная дифференциация, которая требует проведения сравнительного анализа ситуации в различ-

* © Королёв В.Б., Королёва Е.В., Гагалова Ю.А., Яблонская С.Ю., 2025.

Социальная политика государства в решении проблемы бездомности в России: вызовы, перспективы и рекомендации

ных регионах, учета специфики городской среды.

Ключевые слова: бездомность, социальная работа, социальная политика, уязвимые группы населения, политология, законодательные инициативы.

Korolev V.B.

*PhD in History, Associate Professor of the Department of History.
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga.*

Koroleva E.V.

*PhD in Philology, Associate Professor of the Department
of Social Sciences and Foreign Languages. Kaluga branch of the Russian State Agrarian
University - Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev, Kaluga.*

Gagalova Yu.A.

*Student of the Institute of History and Law.
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga.*

Yablonskaya S.Yu.

*PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department
of Social Sciences and Foreign Languages. Kaluga branch of the Russian State Agrarian
University - Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev, Kaluga.*

State Social policy in addressing homelessness in Russia: challenges, prospects, and recommendations

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that protecting homeless persons remains a key area of public authority work today. Homelessness in Russia is one of the most pressing social challenges, affecting not only specific population groups but also society as a whole. The authors' goal is to conduct a comprehensive analysis of existing legislative initiatives aimed at addressing homelessness, as well as their impact on society, and to present proposals for improving their effectiveness. The scientific novelty of this study lies in its comprehensive analysis of homelessness in Russia, including its current status, legislative initiatives, the role of the Public Chamber, criticism from NGOs, international experience, the effectiveness of social policy, and recommendations for improving public policy. Ultimately, the study aims to identify prospects for resolving homelessness and formulate a more effective public strategy to improve the quality of life of vulnerable groups. Practical Significance of the Study. As part of a comprehensive approach to addressing homelessness, the authors believe the creation and systematic funding of a network of specialized temporary accommodation centers for individuals experiencing homelessness should be a priority and strategically important measure. To effectively address homelessness, the authors propose organizing comprehensive monitoring in three key areas. The first is a quantitative count of individuals experiencing homelessness, which should include annual registry studies, sample sociological surveys, and an analysis of social service data. The second is a qualitative analysis of the problem, which involves studying the causes of homelessness, assessing the effectiveness of existing support measures, and identifying the most vulnerable social groups. The third area is territorial differentiation, which requires a comparative analysis of the situation in various regions, taking into account the specifics of the urban environment.

Key words: homelessness, social work, social policy, vulnerable groups, political science, legislative initiatives.

Проблема бездомности в России представляет собой одну из наиболее острых социальных проблем, затрагивающих не только отдельные группы населения, но и общество в целом. Бездомность — это не просто отсутствие жилья, это сложный социальный феномен, который включает в себя множество факторов, таких как психические расстройства, зависимость от наркотиков и алкоголя, а также отсутствие доступа к образованию и медицинской помощи.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью анализа существующих законодательных инициатив, направленных на решение проблемы бездомности, а также их влияния на общество. Это позволит лучше понять, как различные социальные группы воспринимают и оценивают предпринимаемые государством шаги.

Исследование данной темы требует комплексного подхода, который позволит выявить основные причины и последствия бездомности, а также оценить эффективность государственной политики в этой области. Важным аспектом исследования является изучение международного опыта в борьбе с бездомностью, что наряду с предлагаемым комплексным подходом к решению проблемы обуславливает новизну представляемого исследования.

Таким образом, ключевыми методами исследования стали комплексный подход, позволяющий сочетать различные предметные области, а также подходы и методы разных наук – этнополитологии, психологии, социологии; сравнительный (компаративный) метод в рамках сопоставления подходов к решению вопроса бездомности в России и за рубежом.

Начиная с 2023 года и на текущий момент проблема бездомности приоб-

ретает тревожные масштабы. Количество россиян, не имеющих возможности арендовать жилье, возросло с 17% в 2021 году до 38% в 2023 году [1]. Отдельное внимание следует обратить на гендерные аспекты бездомности [6]. Очевидно, что к бездомности приводит не только индивидуальное несчастье, но и системные факторы. Это могут быть экономические условия, отсутствие доступа к качественному образованию и медицинской помощи, а также проблемы с трудоустройством [9].

В рамках комплексного подхода к решению проблемы бездомности первоочередной и стратегически важной мерой должно стать создание и системное финансирование сети специализированных центров временного размещения для лиц, оказавшихся без определенного места жительства. Речь идет о создании среды, способствующей восстановлению утраченных социальных связей, профессиональных навыков и, в итоге, жизненных позиций людей, оказавшихся в трудной ситуации [8].

В рамках комплексного подхода к решению проблемы бездомности особое значение приобретает организация системного мониторинга текущей ситуации. Первое направление - количественный учет лиц без определенного места жительства, который должен включать ежегодные реестровые исследования, выборочные социологические опросы и анализ данных социальных служб. Второе направление - качественный анализ проблемы, предполагающий изучение причин попадания в категорию бездомных, оценку эффективности существующих мер поддержки и выявление наиболее уязвимых социальных групп. Третье направление - территориальная дифференциация, которая требует учитывать специфику

городской и сельской бездомности, а также выявления локальных проблемных зон [5].

Обеспечить консультационные услуги по юридическим и финансовым вопросам – еще одна важная мера [3].

Научное сопровождение данной проблемы предполагает организацию междисциплинарных исследований с привлечением экспертов в области социологии и социальной антропологии; экономики и демографии; психологии и социальной работы; урбанистики и территориального планирования [7, 8]. Особую ценность представляют долгосрочные лонгитюдные исследования, позволяющие выявить ключевые факторы риска попадания в категорию бездомных; проанализировать эффективность различных моделей социальной адаптации; разработать научно обоснованные критерии оценки социальных программ; сформировать прогностические модели развития ситуации [2].

Крайне важным завершающим элементом комплексного подхода к решению проблемы бездомности является разработка научно обоснованной классификации лиц без определенного места жительства [4]. Многоуровневая классификация должна учитывать несколько ключевых параметров: причины попадания в категорию бездомных (экономические факторы, семейные обстоятельства, проблемы со здоровьем, институциональные причины), продолжительность бездомности (временная, длительная, хроническая) и степень социальной дезадаптации [3]. Эти рекомендации создадут основу для улучшения государственной политики в сфере борьбы с бездомностью и обеспечат более высокий уровень социальной защиты для наиболее уязвимых слоев населения [9].

Одним из перспективных подходов к решению проблемы является методология Housing First, которая акцентирует внимание на предоставлении жилья как первоочередной мере поддержки. Этот подход уже показал свою эффективность в других странах, предлагая не просто временное решение, а создание устойчивой системы помощи и адаптации бездомных к условиям социальной жизни [5]. Адаптация международного опыта в России может стать основой для формирования комплексного подхода к бездомным.

Список литературы

1. Байбакова Д.А., Гаринова К.А. Что известно о бездомности в России // Пути России. 2024. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-izvestno-o-bezdomnosti-v-rossii> (18.12.2024).
2. Королев В.Б. Коммерческое право: вопросы и ответы / В.Б. Королев. – Москва: Юриспруденция, 2000. 128 с.
3. Королев В.Б. Человеческий капитал // МОСТ. 2003. № 56. С. 49-51.
4. Кузинер Е.Н. Гендерный капитал и бездомность в России: от теории к практике // Пути России. 2024. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-kapital-i-bezdomnost-v-rossii-ot-teorii-k-praktike> (21.10.2025).
5. Ливская Е.В. Web-задания типа webquests в преподавании иностранного языка в экономическом вузе: определение, классификация, пути внедрения в образовательный процесс // Российский гуманитарный журнал. 2013. Т. 2. № 5. С. 482-489.
6. Метелева Е.Р., Богданова Г.С. Решение проблемы бездомности: модель социальной адаптации и ресоциализации лиц без определенного места жительства в регионе // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reshenie-problemy-bezdomnosti-model-sotsialnoy-adaptatsii-i-resotsializatsii-lits-bez-opredelennogo-mesta-zhitelstva-v-regione> (18.12.2024).
7. Отставнова Е.А., Старшова У.А. Социальная политика государств в отношении лиц без определенного места жительства // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-politika-gosudarstv-v-otnoshenii-lits-bez-opredelennogo-mesta-zhitelstva> (21.10.2025).
8. Уфимцева Е.И. Социальные модели преодоления бездомности: российская практика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2017. № 3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-modeli-preodoleniya-bezdomnosti-rossiyskaya-praktika> (21.10.2025).
9. Федорова И.В., Жерулин А.И., Ржаницына И.А. Способы и пути решения безнадзорности в Российской

- Федерации // Криминологический журнал. 2023. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-i-puti-resheniya-beznadzornosti-v-rossiyskoy-federatsii> (20.09.2025).
10. Текеев С.О. Становление промышленной разработки свинцово-серебряных руд в верховьях Кубани во второй половине XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 83-88.

References

1. Baibakova D.A., Garinova K.A. What is known about homelessness in Russia // The Ways of Russia. 2024. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-iz-vestno-o-bezdomnosti-v-rossii> (18.12.2024).
2. Korolev V.B. Commercial law: questions and answers / V.B. Korolev. - Moscow: Jurisprudence, 2000. 128 p.
3. Korolev V.B. Human capital // MOST. 2003. № 56. P. 49-51.
4. Kuziner E.N. Gender capital and homelessness in Russia: from theory to practice // The Ways of Russia. 2024. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-kapital-i-bezdomnost-v-rossii-ot-teorii-k-praktike> (21.10.2025).
5. Livskaya E.V. Web tasks of the webquests type in teaching a foreign language at an economic university: definition, classification, ways of implementation in the educational process // Russian Humanitarian Journal. 2013. Vol. 2, № 5, P. 482-489.
6. Meteleva E.R., Bogdanova G.S. Solving the problem of homelessness: a model of social adaptation and resocialization of persons without a fixed abode in the region // Issues of public and municipal administration. 2022. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reshenie-problemy-bezdomnosti-model-sotsialnoy-adaptatsii-i-resotsializatsii-lits-bez-opredelenogo-mesta-zhitelstva-v-regione> (12/18/2024).
7. Ostavnova E.A., Starshova U.A. Social policy of states in relation to persons without a fixed abode // Legal policy and legal life. 2019. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-politika-gosudarstv-v-otnoshenii-lits-bez-opredelenogo-mesta-zhitelstva> (10.21.2025).
8. Ufimtseva E.I. Social Models of Overcoming Homelessness: Russian Practice // Bulletin of the Saratov University. New Series. Sociology Series. Political Science. 2017. № 3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-modeli-preodoleniya-bezdomnosti-rossiyskaya-praktika> (21.10.2025).
9. Fedorova I.V., Zhegulin A.I., Rzhantsyna I.A. Methods and Ways to Resolve Child Neglect in the Russian Federation // Criminological Journal. 2023. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-i-puti-resheniya-beznadzornosti-v-rossiyskoy-federatsii> (20.09.2025).
10. Tekeev S.O. The development of industrial mining of lead and silver ores in the upper reaches of the Kuban in the second half of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 83-88.

Разгуляева Т.А.

Аспирант кафедры управления персоналом ИГСУ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Модель управления как фактор развития цифрового лидерства в системе государственного управления*

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования и развития цифрового лидерства в органах государственной власти Российской Федерации в рамках проведения цифровой трансформации системы государственного и муниципального управления. На основе социологического анализа и экспертного опыта работы автора в кадровых структурах государственных органов власти определено, что одним из барьеров на пути трансформации является устаревшая иерархическая модель управления («веберовская» бюрократия), которая в значительной мере влияет на скорость и эффективность внедрения технологий в государственном секторе. Раскрыто противоречие между проектно-сетевой моделью общества в условиях цифровизации и линейно-функциональной структурой системы государственного управления, определена роль цифровых лидеров в этой системе.

Ключевые слова: цифровое лидерство, государственное управление, цифровая трансформация, кадровая политика, модель компетенций, социология управления.

Razgulyaeva T.A.

Postgraduate student in the Department of Human Resources Management at the Institute of Social Sciences and Public Administration (ISSU), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

The management model as a development factor for digital leadership in the public administration system

Abstract. The article examines the problem of forming and developing digital leadership in the public authorities of the Russian Federation within the framework of the digital transformation of the state and municipal governance system. Based on a sociological analysis and the author's expert work experience in human resources structures of government bodies, it is determined that one of the barriers to transformation is the outdated hierarchical management model («Weberian» bureaucracy), which significantly affects the speed and efficiency of technology adoption in the public sector. The contradiction between the project-network model of society in the context of digitalization and the linear-functional structure of the public administration system is revealed, and the role of digital leaders within this system is defined.

Key words: digital leadership, public administration, CDTO, digital transformation, HR policy, bureaucracy, competency model, sociology of management, civil service.

---

* © Разгуляева Т.А., 2025.

Модель управления как фактор развития цифрового лидерства в системе государственного управления

Введение

Результаты исследования специфики деятельности государственных органов власти показали, что основная проблема государственного управления в ходе цифровой трансформации заключается не столько в ограниченности технической обеспеченности и дефиците технологических мощностей, сколько в неподготовленности руководителей работать в условиях гибких и меняющихся социальных и производственных процессов. Примечательно, что речь идет не об индивидуальных компетенциях руководителей, а о реализуемой ими модели управления, которая выступает либо катализатором изменений, или выполняет роль «ингибитора», сдерживающего, а иногда и полностью блокирующего цифровые инновации.

Институциональный конфликт: бюрократия и проектно-сетевая модель

В классической социологии Макса Вебера бюрократия – это «самый эффективный и рациональный способ управления», основанный на строгой иерархии и следовании установленным нормам и правилам. «Чисто бюрократическое» управление «сохраняется из-за точности, стабильности, строгой дисциплины, надежности и предсказуемости» [2]. Сохранение этих принципов в современной системе государственного управления обусловлено формированием ее особой модели. Основываясь на постулатах классической теории бюрократии, были сформулированы особенности, описывающие портрет «типичного» чиновника, который [2]:

- подчиняется руководителю в пределах служебных обязанностей;
- состоит в жесткой служебной иерархии;
- обладает четкими служебными компетенциями;
- подчиняется установленной слу-

жебной дисциплине и контролю.

В то время как современные технологические возможности позволяют работникам быть свободными в выборе пространственно-временных координат жизнедеятельности (место и время работы, офлайн и онлайн-форматы взаимодействия), система государственного управления во многом остается заложницей классического подхода предусматривающего: сложность выхода за рамки служебного кабинета и регламентированного графика работы как для действующих сотрудников, так и для граждан при обращении в государственный орган.

Анализ проблемы формирования цифрового общества приводит нас к выводу о том, что проектно-сетевая модель обуславливает новые требования к выбору модели управления. Согласно М. Кастельсу современное общество строится на сетевых структурах, где власть распределена, а эффективность зависит от скорости потоков информации, а не от высоты иерархической лестницы [10]. Ян ван Дейк, определив «сетевое общество» как новую форму общества, показал, что «технологические возможности преодоления пространства и времени позволяют людям проявлять гораздо большую избирательность в выборе пространственно-временных координат, чем когда-либо прежде в истории». Ведь общество становится всё более индивидуализированным, в то время как бюрократия этой индивидуальностью не обладает. Кроме того, отличительной особенностью сетевого общества становится переход от вертикальных моделей коммуникации к горизонтальным. Тем самым, происходит нивелирование роли статусов и самого явления иерархии, которые являются фундаментальными для бюрократической системы управления.

Таким образом, при развитии цифровой трансформации в государственном секторе наблюдается конфликт моделей управления. С одной стороны, традиционная бюрократическая модель со строгим иерархичным подчинением, закрытостью данных, унифицированностью процессов, низкой ценностью конечного продукта ввиду формализации работы и высокой «ценой» за ошибку, а с другой – цифровая модель. Именно она предусматривает горизонтальные коммуникации как внутри коллектива, так и во взаимодействии руководителей и специалистов, открытость данных (Open Data), ценность конечного продукта (уход от принципа «работа ради работы»), возможность творчества и креативного подхода в работе, право на ошибку, что в совокупности характеризует современный гибкий подход к управлению (Agile-подход).

Реализация ключевых процессов цифровой трансформации в России возложена на цифровых лидеров, которые в отличие от управленцев представляют иной тип лидеров. Цифровой лидер – это не только административный руководитель, но и тот, кто способен создавать эффективные команды, способствовать развитию вовлеченности и лояльности сотрудников, их коммуникации и взаимодействию, внедрять культуру инноваций, обеспечивая устойчивость к риску и непрерывное совершенствование организационных процессов [4]. И когда цифровой лидер приходит в «веберовскую» структуру, то попадает в относительную институциональную «ловушку». Чаще всего эта «ловушка» характеризуется следующим:

Система требует от лидера инноваций и результата, однако инструменты для их реализации, в том числе нормативная правовая база государственной гражданской службы (например,

бюджетный кодекс, регламенты взаимодействия, порядок поступления и прохождения госслужбы), остаются аналоговыми и во многом ограничивающими служебную деятельность.

На федеральном уровне приняты меры по оптимизации некоторых процессов работы. Так, с 2022 года приостановлено обязательное проведение конкурсов на замещение вакантных должностей государственной службы. Тем самым, повышена эффективность подбора персонала. Однако сохранены квалификационные требования к кандидатам в отношении стажа служебной деятельности, уровня образования и набора знаний и умений, которые нередко сводят процесс подбора к формализации кадрового обеспечения. Кроме этого, эффективность подбора и отбора персонала на государственную гражданскую службу в значительной степени связана с неконкурентоспособными условиями профессиональной служебной деятельности по сравнению с текущими предложениями на рынке труда. Стоит также учитывать специфические аспекты работы в системе государственного управления: проявления бюрократизации и формализации, нормативную регламентацию, отсутствие гибкости и наличие иерархии власти. Всё это нередко становится нежелательными факторами для соискателей, особенно для молодых специалистов, которые все больше ценят в работе свободу, гибкость и возможность для самореализации [9]. Основываясь на результатах исследования, полагаем, что без обновления базовой модели управления цифровое лидерство превратится в «борьбу с ветряными мельницами», и это сведет к минимуму эффективность цифровой трансформации.

По определению М. Вебера бюрократия – сердцевина любого массового

Таблица 1. Социологические типы отношения руководителей к трансформации.

Тип сотрудника	Мотивация	Стратегия поведения	Влияние на систему
Энтузиасты («драйверы изменений»)	Улучшение текущих процессов, вера в «лучшее будущее»	Активное внедрение	Драйверы реформ своим примером показывают другим ценность результатов
Имитаторы	Карьерный рост, закрепление новых позиций	Использование модной терминологии и нахождение «в тренде»	Создают отчетную видимость работы, но в процессе работы бесполезны
Хранители	Стабильность положения и привычных процессов	Скрытый саботаж через опору на регламенты, попытки сохранить «старое» через обесценивание «нового»	Главный барьер изменений обладают значительным административным влиянием и полномочиями
Исполнители	Отсутствие дополнительной работы и новых проблем (позиция «чтобы не трогали»)	Ожидание прямых указаний	Инертная масса, без особого влияния на результат

Источники: Типология составлена автором статьи

управления. Это означает, что убрав базовые бюрократические признаки в управлении, может возникнуть вопрос о будущем системы государственного управления, так как «без бюрократического аппарата в обществе с отдалением чиновников от средств управления чиновников, служащих и рабочих и обязательностью дисциплины и выучки исчезла бы возможность существования для всех, кроме тех, кто непосредственно владеет средствами жизнеобеспечения» [2]. Таким образом, идет речь не просто о конфликте двух моделей управления, а об институциональном кризисе, требующем системного научно-практического решения. Ведь суть цифровой трансформации заключается не только в непосредственном внедрении новых технологий в социальные процессы, но и о фундаментальном изменении подхода к организации работы, что пока не представляется возможным в полной степени.

Компетентный профиль цифрового лидера, трансформация модели управления

Одна из проблем развития цифрового лидерства – наличие сопротивления руководителей среднего звена инновационным преобразованиям. В то время как высшее руководство политически ангажировано в процесс цифровизации, линейные руководители не всегда готовы к этому процессу и с точки зрения наличия необходимых компетенций, и в психологическом аспекте, выражая сопротивление изменениям.

На основе аудита кадровых процессов в системе государственного управления, включая мониторинг кадрового резерва и интервью с цифровыми лидерами, разработана типология отношения сотрудников к цифровой трансформации.

Анализируя приведенные типы руководителей по отношению к внедрению инноваций отмечаем, что основная задача, решение которой способствует

достижению эффективности цифровой трансформации, заключается в «перевезде» руководителей из категории «Хранители» в категорию «Энтузиасты». Именно они являются движущей силой при внедрении инноваций. Однако такого рода задача на практике становится едва ли выполнимой по причине того, что отдельные руководители нередко видят в прозрачности управления определённую угрозу своему должностному статусу, поскольку «ловить рыбу в мутной воде» значительно проще. Кроме того, полные статистические и аналитические данные о государственной службе являются своеобразной «валютой», доступной лишь для определённого статуса (должности) сотрудников, передаваемой в формате ДСП («Для служебного пользования») преимущественно на бумажных носителях, тогда как цифровизация делает эту «валюту» общедоступной и открытой, фактически лишая государства монополии на власть [6].

Решение проблем, связанных с развитием цифровизации, требует не только административного подхода, например, включение в штатное расписание органов власти должности заместителей руководителей по цифровой трансформации, но и значительного изменения к подходу формирования профилей должностей таких специалистов.

Анализ актуальных для рынка труда компетенций и целей текущей цифровой трансформации показывает смещение приоритетов. Если в 2010-х годах от «цифрового» руководителя требовалось лишь знание нормативной правовой базы, то сегодня цифровой лидер – это кросс-функциональный менеджер, которому присущи ключевые компетенции:

1. Стратегическое видение – способность видеть систему целиком и в перспективе, а не через призму ведомственных интересов.

2. Адаптивное лидерство – умение формировать гибкие команды из внешних экспертов и чиновников, говорящих на разных «языках».

3. Продуктовый (ценностный) подход – переход от управления «поручениями» к управлению «результатом».

Для того чтобы модель управления стала фактором развития цифрового лидерства, а предложенная модель компетенции реализована на практике, необходимы системные изменения государственного управления. К такому выводу относим:

Переход от «статусной» иерархии к «ролевой» при реализации конкретного проекта. При этом, руководитель и участники команды в период реализации проекта должны быть наделены полномочиями соизмеримо возлагаемым на проект задачам, чтобы иметь реальные ресурсы для достижения целей, а не номинальные полномочия.

Внедрение «права на эксперимент» – законодательное закрепление возможности пилотного тестирования технологий с частичным освобождением от ответственности за формальные нарушения регламентов (при отсутствии коррупционной составляющей у исполнителей).

Изменение системы мотивации цифровых лидеров – включение в KPI руководителей показателей цифровой зрелости их подразделений, основанных на реальной удовлетворенности внешних (граждан) и внутренних (сотрудников) клиентов, а не на количестве закупленных лицензий либо установленных в госоргане программ.

Заключение

В современных условиях цифровое лидерство в системе государственного и муниципального управления сталкивается с бюрократической моделью управления. Попытка внедрить цифровые инструменты в аналоговую иерар-

хическую систему без реинжиниринга её внутренней «философии» может привести лишь к имитации результатов трансформации.

Результаты социологического анализа показали следующее: если в ближайшие годы не произойдет переход от культуры «процесса и контроля» к культуре «данных и результата», то система государственного управления может войти в глубокий кадровый кризис, связанный, в том числе, с нехваткой квалифицированных специалистов.

Определяющим фактором успешной деятельности должна стать трансформация модели государственного управления: переход от закрытой «недоступной» системы к открытой модели «государство как платформа». Ведь суть цифровой трансформации не сводится к количеству компьютеров и качеству Интернета, а заключается в формировании в системе государственного управления поколения людей нового «качества» и способов их взаимодействия для решения задач государственной важности.

Список литературы

1. Василенко Л.А., Zotov V.V. Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // Цифровая социология. 2020. № 2. С. 4-16. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-publichnogo-upravleniya-v-rossii-riski-kazusy-problemy>.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. // URL: https://royallib.com/book/veber_maks/hozyaystvo_i_obshchestvo_ocherki_ponimayushchey_sotsiologii.html.
3. Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество». // URL: <https://digital.gov.ru/target/gosudarstvennaya-programma-informacionnoe-obshhestvo>.
4. Губанова А.В. Цифровое лидерство как инструмент управления в цифровой экономике // Экономические системы. 2021. Том 14. № 4 (55). С. 69-78. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-liderstvo-kak-instrument-upravleniya-v-tsifrovoy-ekonomike>.
5. Добролюбова Е.И. Цифровизация государства: ловушки и перспективы // Экономическое развитие России. 2020. № 3. С. 58-61. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-gosudarstva-lovushki-i-perspektivy>.
6. Королев В.А., Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе. – М.: ИДЛ «Юриспруденция», 2015. 192 с. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/e-v-talapina-gosudarstvennoe>

7. Лапина-Кратасюк Е.Г. Проблема городского пространства в теориях сетевого общества и культуре новых медиа // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 7 (108). С. 97-103. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-gorodskogo-prostranstva-v-teoriyah-setevogo-obschestva-i-kulture-novyh-media-1>.
8. Сетевое общество // URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сетевое_общество.
9. Что стоит знать о зумерах, чтобы найм был эффективным. // URL: <https://hh.ru/article/chto-stoit-znat-o-zumyerakh>.
10. Castells M. The Rise of the Network Society. – Oxford: Blackwell, 1996. // URL: <https://archive.org/details/riseofnetworksoc0000cast>.
11. Rewriting the rules for the digital age 2017 Deloitte Global Human Capital Trends. // URL: <https://portal.tpu.ru>.

References

1. Vasilenko L.A., Zotov V.V. Digitalization of Public Administration in Russia: Risks, Incidents, Problems // Digital Sociology. 2020. № 2. P. 4-16. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-publichnogo-upravleniya-v-rossii-riski-kazusy-problemy>.
2. Weber M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology. - Moscow: HSE Publishing House, 2016. // URL: https://royallib.com/book/veber_maks/hozyaystvo_i_obshchestvo_ocherki_ponimayushchey_sotsiologii.html.
3. State Program of the Russian Federation "Information Society". // URL: <https://digital.gov.ru/target/gosudarstvennaya-programma-informacionnoe-obshhestvo>.
4. Gubanova A.V. Digital leadership as a management tool in the digital economy // Economic systems. 2021. Vol. 14. № 4 (55). P. 69-78. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-liderstvo-kak-instrument-upravleniya-v-tsifrovoy-ekonomike>.
5. Dobrolyubova E.I. Digitalization of the state: pitfalls and prospects // Economic development of Russia. 2020. № 3. P. 58-61. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-gosudarstva-lovushki-i-perspektivy>.
6. Korolev V.A., Talapina E.V. Public administration in the information society. – М.: IDL "Jurisprudence", 2015. 192 p. // Issues of public and municipal administration. 2015. № 3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/e-v-talapina-gosudarstvennoe-upravlenie-v-informatsionnom-obschestve-pravovoy-aspekt-ran-institut-gosudarstva-i-prava-m-idl>.
7. Lapina-Kratasyuk E.G. The problem of urban space in the theories of network society and the culture of new media // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary criticism. Linguistics. Cultural studies. 2013. № 7 (108). P. 97-103. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-gorodskogo-prostranstva-v-teoriyah-setevogo-obschestva-i-kulture-novyh-media-1>.
8. Network Society // URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сетевое_общество.
9. What you need to know about Zoomers to ensure effective hiring. // URL: <https://hh.ru/article/chto-stoit-znat-o-zumyerakh>.
10. Castells M. The Rise of the Network Society. – Oxford: Blackwell, 1996. // URL: <https://archive.org/details/riseofnetworksoc0000cast>.
11. Rewriting the rules for the digital age 2017 Deloitte Global Human Capital Trends. // URL: <https://portal.tpu.ru>.

Таганов М.В.

Кандидат философских наук, Доцент.
Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ).

Социальная ответственность организаций в эпоху устойчивого развития*

Аннотация. В статье рассматривается трансформация концепции социальной ответственности в условиях современных вызовов. Анализируются факторы, влияющие на усиление внимания к социальной ответственности бизнеса, и рассматриваются различные аспекты ее реализации в деятельности организаций.

Ключевые слова: социальная ответственность, устойчивое развитие, заинтересованные стороны, корпоративное управление, социальные инвестиции.

Taganov M.V.

PhD in Philosophy, Associate Professor. Russian Biotechnology University.

Social responsibility of organizations in the era of sustainable development

Abstract. The article examines the transformation of the concept of social responsibility in the face of modern challenges. The factors influencing the increasing attention to the social responsibility of business are analyzed, and various aspects of its implementation in the activities of organizations are considered.

Key words: social responsibility, sustainable development, stakeholders, corporate governance, social investments.

Социальная ответственность организаций (СОО) стала неотъемлемой частью современного делового ландшафта. Концепция, согласно которой организации, несут ответственность не только перед акционерами, но и перед обществом и окружающей средой, приобретает все большее значение в условиях глобализации, роста экологических проблем и повышения социальной осознанности. СОО предполагает интеграцию социальных и экологических аспектов в стратегию и операци-

онную деятельность организации, что способствует устойчивому развитию и укреплению репутации.

Исторически сложилось так, что понимание ответственности бизнеса перед обществом претерпело значительные изменения. На ранних этапах развития капитализма доминировала концепция, согласно которой единственной целью бизнеса является максимизация прибыли для акционеров. Однако, с развитием социальных движений, профсоюзов и экологического

* © Таганов М.В., 2025.

Социальная ответственность организаций в эпоху устойчивого развития

сознания, стало очевидно, что бизнес оказывает существенное влияние на общество и окружающую среду и должен нести ответственность за свои действия.

Например, в начале XX века, под давлением общественности и профсоюзов, были приняты первые законы, регулирующие условия труда и охрану окружающей среды. Впоследствии, концепция СОО получила дальнейшее развитие в работах таких исследователей, как Говард Боуэн, который в 1953 году опубликовал книгу «Социальная ответственность бизнесмена», ставшую основополагающей для дальнейшего развития этой области [1].

В настоящее время интерес к СОО обусловлен рядом факторов:

1. Глобальные вызовы. Изменение климата, истощение природных ресурсов, социальное неравенство и другие глобальные проблемы требуют активного участия бизнеса в их решении.

2. Влияние заинтересованных сторон. Потребители, сотрудники, инвесторы, общественные организации и другие заинтересованные стороны оказывают давление на организации, требуя от них большей социальной и экологической ответственности.

3. Регулирование. Государства все чаще вводят законодательные и нормативные акты, направленные на регулирование деятельности организаций в области экологии, охраны труда и социальной защиты.

4. Конкурентные преимущества. Организации, активно внедряющие принципы СОО, получают конкурентные преимущества, такие как улучшение репутации, повышение лояльности клиентов и привлечение квалифицированных сотрудников.

5. Развитие технологий и доступность информации. Современные тех-

нологии позволяют общественности быстро получать информацию о деятельности организаций, что повышает прозрачность и усиливает ответственность бизнеса за свои действия.

СОО может проявляться в различных формах, в зависимости от специфики деятельности организации и ее приоритетов. Можно выделить следующие основные направления:

1. Ответственное корпоративное управление. Внедрение этических норм и принципов прозрачности в систему управления организацией.

2. Устойчивое развитие производства. Минимизация негативного воздействия на окружающую среду, использование экологически чистых технологий и материалов.

3. Ответственное отношение к сотрудникам. Обеспечение безопасных и комфортных условий труда, соблюдение трудовых прав, развитие персонала.

4. Взаимодействие с местными сообществами. Участие в социальных проектах, поддержка местных инициатив, создание рабочих мест.

5. Благотворительность и волонтерство. Оказание финансовой и материальной помощи нуждающимся, поддержка социально значимых проектов.

Примером успешной реализации СОО может служить деятельность компании Patagonia, которая активно занимается защитой окружающей среды, используя экологически чистые материалы в производстве и направляя часть прибыли на финансирование экологических проектов [2].

Реализация принципов СОО приносит организациям ряд выгод:

1. Улучшение репутации и имиджа. Социально ответственные организации пользуются большим доверием со стороны потребителей, инвесторов и других заинтересованных сторон.

2. Повышение лояльности клиентов. Потребители все чаще предпочитают продукцию и услуги компаний, которые заботятся об окружающей среде и обществе.

3. Привлечение и удержание талантливых сотрудников. Квалифицированные специалисты стремятся работать в компаниях, которые разделяют их ценности и предлагают возможности для профессионального и личного роста.

4. Снижение рисков. Внедрение принципов СОО позволяет организациям снизить риски, связанные с экологическими катастрофами, трудовыми конфликтами и другими негативными событиями.

5. Повышение эффективности деятельности. Оптимизация использования ресурсов, внедрение инновационных технологий и улучшение условий труда способствуют повышению эффективности деятельности организации.

В заключение следует отметить, что СОО является важным фактором устойчивого развития и конкурентоспособности организаций в современном мире. Компании, которые активно внедряют принципы СОО, не только вносят вклад в решение глобальных проблем, но и получают значительные выгоды для своего бизнеса. Внедрение СОО требует комплексного подхода, включающего интеграцию социальных и экологических аспектов в стратегию и операционную деятельность организации, а также активное взаимодействие со всеми заинтересованными сторонами.

Список литературы / References

1. Bowen H.R. Social Responsibilities of the Businessman. – New York: Harper & Row.
2. Chouinard Y. Let My People Go Surfing: The Education of a Reluctant Businessman. – New York: Penguin Books.

3. Porter M.E., Kramer M.R. Strategy & Society: The Link Between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility. Harvard Business Review, № 84 (12). P. 78-92.

4. Elkington J. Cannibals with Forks: The Triple Bottom Line of 21st Century Business. Oxford: Capstone Publishing.

Уржумова О.М.

Кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой
информационно-библиотечной деятельности и документоведения,
ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», г. Краснодар.

Тихомирова П.Р.

Магистрант направления подготовки
«Документоведение и архивоведение», факультет гуманитарного образования,
ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», г. Краснодар.

Атласова В.А.

Магистрант направления подготовки
«Документоведение и архивоведение», факультет гуманитарного образования,
ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», г. Краснодар.

Организационная культура как фактор успешного внедрения систем электронного документооборота в государственном секторе*

Аннотация. В статье анализируется влияние организационной культуры на процессы цифровой трансформации документооборота в государственном секторе на примере внедрения государственной информационной системы Краснодарского края «Единая межведомственная система электронного документооборота исполнительных органов государственной власти Краснодарского края».

Актуальность исследования обусловлена необходимостью решения противоречия между государственными программами цифровизации и реальными организационно-технологическими проблемами, препятствующими эффективному внедрению электронного документооборота (ЭДО) в государственных учреждениях. Проблема заключается в системном сопротивлении изменениям, которое приводит к сохранению гибридного документооборота, низкой вовлеченности работников и неполному использованию потенциала цифровизации документооборота [7].

Исследование нацелено на выявление культурных барьеров, препятствующих успешному внедрению системы электронного документооборота (СЭД), с последующей разработкой комплекса управленческих решений для их преодоления.

Достижение поставленной цели обеспечивается последовательным решением ряда задач, а именно: изучение специфических культурных барьеров на примере государственного бюджетного учреждения Краснодарского края «Центр развития спорта»; разработка алгоритма для трансформации организационной культуры в контексте внедрения ЭДО; формулирование комплекса практических рекомендаций для государственных учреждений.

Методологическую основу исследования составили концепции диагностики организационной культуры (Т. Дил, Ч. Хэнди, Г. Хофстед – в зарубежной традиции; М.И. Бодровой, В.А. Колосова, О.Г. Тихомировой – в отечественной), которые применяются для анализа проблем внедрения ЭДО. Также были исследованы работы по документоведению и теории электронного документа (Ю.Н. Столярова, И.Л. Бачило, М.В. Ларина, Ю.И. Сигидова).

В ходе исследования выявлены три основные проблемы: излишняя централизация решений, устаревшие бюрократические процедуры и сопротивление персонала новым технологиям. Анализ документов, наблюдение и разработка рекомендаций позволили опреде-

* © Уржумова О.М., Тихомирова П.Р., Атласова В.А., 2025.

Организационная культура как фактор успешного внедрения систем электронного документооборота в государственном секторе

лить конкретные меры по улучшению ситуации.

В качестве решения предложен алгоритм управления изменениями организационной культуры, охватывающий диагностику, планирование, техническую подготовку, внедрение, контроль и оптимизацию.

Разработанный комплекс рекомендаций направлен на преобразование организационной культуры из сдерживающего фактора в движущую силу эффективного внедрения ЭДО.

Ключевые слова: организационная культура, электронный документооборот, цифровая трансформация, государственный сектор, внедрение СЭД, сопротивление изменениям, управление изменениями, гибридный документооборот.

Urzhumova O.M.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Information and Library Activities and Documentation, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar.

Tikhomirova P.R.

Master's student in the field of Documentation and Archival Science, Faculty of Humanities Education, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar.

Atlasova V.A.

Master's student in the field of Documentation and Archival Science, Faculty of Humanities Education, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar.

Organizational culture as a factor of successful implementation of electronic document management systems in the public sector

Abstract. This article analyzes the impact of organizational culture on digital transformation processes within the public sector, using the implementation of the Krasnodar Krai state information system «Unified Interdepartmental Electronic Document Management System of the Executive Authorities of the Krasnodar Krai» as a case study.

The relevance of the study is determined by the need to resolve the contradiction between state digitalization programs and the real organizational-technological problems hindering the effective implementation of Electronic Document Management Systems (EDMS) in public institutions. The core issue is systemic resistance to change, leading to the persistence of hybrid document management, low employee engagement, and consequently, an incomplete realization of document management digitalization potential.

The research aims to identify cultural barriers impeding the successful implementation of an EDMS, followed by the development of a set of management solutions to overcome them. Achieving this goal is ensured through the sequential resolution of several tasks: examining specific cultural barriers using the example of the Krasnodar Krai State Budgetary Institution “Center for Sports Development”; developing an algorithm for transforming organizational culture in the context of EDMS implementation; and formulating a set of practical recommendations for public institutions.

The methodological basis of the research comprises organizational culture diagnostic concepts (by T. Deal, C. Handy, G. Hofstede in the Western tradition; and by M.I. Bodrova, V.A. Kolosov, O.G. Tikhomirova in the Russian tradition), applied to analyze EDMS implementation challenges. Works on records management and electronic document theory (by Y.N. Stolyarov, I.L. Bachilo, M.V. Larin, Y.I. Sigidov, A.I. Trubilin) were also examined.

The study identified three main problems: excessive centralization of decision-making, outdated bureaucratic procedures, and staff resistance to new technologies. Document analysis, observa-

tion, and the development of recommendations enabled the identification of specific measures to improve the situation.

As a solution, an algorithm for managing organizational culture change is proposed, encompassing diagnosis, planning, technical preparation, implementation, control, and optimization. The developed set of recommendations is aimed at transforming organizational culture from a hindering factor into a driving force for the effective implementation of EDMS.

Key words: organizational culture, electronic document management, digital transformation, public sector, implementation of electronic document management systems, resistance to change, change management, hybrid document management.

Цифровая трансформация документооборота в государственном секторе является одним из приоритетных направлений современной России. Однако, как показывает практика, внедрение системы электронного документооборота (СЭД) часто сопровождается системными трудностями, приводящими к формальному использованию систем и сохранению гибридного (бумажно-электронного) документооборота, низкой вовлеченности персонала. Понимание механизмов влияния организационной культуры на процессы внедрения СЭД представляют собой актуальность для разработки эффективных моделей управленческих вмешательств в государственном секторе [5].

По мере усложнения технологий электронного документооборота фокус проблем их внедрения сместился от преодоления технических трудностей к управлению глубокими организационными и культурными изменениями.

Несмотря на очевидные преимущества, такие как повышение эффективности работы, сокращение времени и затрат на обработку документов, во многих организациях сохраняется гибридный документооборот. Электронные документы дублируются на бумаге, а персонал может сопротивляться нововведениям, если не понимает их преимуществ. Этот разрыв между ожидаемой и реальной эффективностью требует разработки и внедрения ком-

плексного методического аппарата, позволяющего объективно доказать эффективность инвестиций в СЭД [8].

Эмпирическая база исследования сформирована в результате изучения деятельности государственного бюджетного учреждения Краснодарского края «Центр развития спорта» (ГБУ КК ЦРС) в контексте внедрения ЭДО на примере государственной информационной системы Краснодарского края «Единая межведомственная система электронного документооборота исполнительных органов государственной власти Краснодарского края» (ЕМ-СЭД КК).

Для достижения поставленной цели и решения исследовательских задач был применен комплекс взаимодополняющих методов:

1. Теоретико-методологический анализ - изучение фундаментальных и прикладных работ в области организационной культуры и документооборота для формирования концептуальной основы.

2. Анализ внутренней документации организации – исследование организационно-распорядительных документов ГБУ КК ЦРС (положение о документообороте, обновленные должностные инструкции работников, внутренние регламенты).

3. Включение наблюдения – фиксация реальных практик работы с документами, включая соблюдение регламентов ЭДО, использование неформальных

каналов коммуникации и реакции сотрудников на новые требования.

4. Проектирование управленческих решений - разработка на основе диагностических данных шестиступенчатого алгоритма внедрения и комплекс рекомендаций по его реализации, адаптированный под специфику государственного учреждения.

Теоретико-методологический фундамент исследования образует синтез концепций организационной культуры и современных подходов к документообороту. В работе применяется комплекс эмпирических методов, включающий анализ внутренней документации ГБУ КК ЦРС, наблюдение и проектирование управленческих решений.

Методический аппарат оценки эффективности систем ЭДО базируется на междисциплинарном подходе, интегрирующем принципы экономики (теория трансакционных издержек), менеджмента (концепция процессного подхода) и теории систем.

В связи с этим, основу для формирования объективной и всесторонней оценки составляет концепция сбалансированной системы критериев показателей (Balanced Scorecard, BSC), адаптированная к специфике документооборота. Теоретической базой выступают: теория трансакционных издержек Уильямсона О., концепция процессного подхода и теория институциональных изменений.

Оценка должна быть многоуровневой, что позволяет учесть интересы всех работников и получить целостную картину функционирования системы электронного документооборота.

Первый уровень – стратегический (взгляд руководителя) – оценивается соответствие СЭД глобальным целям организации. Ключевой вопрос: «Способствует ли система достижению клю-

чевых показателей эффективности деятельности учреждения?».

Следующий тактический уровень (взгляд начальников отделов): анализируется влияние СЭД на оптимизацию рабочих процессов и процедур. Ключевой вопрос: «Привело ли внедрение системы к повышению эффективности документоориентированных процессов?».

Третий – операционный уровень (взгляд рядового работника). Оценивается удобство и эффективность повседневной работы конечных пользователей. Ключевой вопрос: «Стало ли удобнее работать каждый день в программе?».

Это позволяет обеспечить комплексность оценки и учесть интересы всех работников.

Помимо BSC, используются такие методики, как функционально-стоимостный анализ (ФСА), который помогает выявить операции, время выполнения которых сокращается или устраняется при внедрении СЭД, а также аудит СЭД – независимая проверка ее функционирования, настроек и уровня защиты.

Эмпирическое исследование, проведенное на базе ГБУ КК ЦРС, позволило идентифицировать несколько устойчивых элементов организационной культуры, которые противодействуют внедрению ЕМСЭД КК.

Культура иерархии и ограниченного доступа к СЭД: система была доступна лишь 16 сотрудников руководящего звена, в то время как рядовые специалисты были исключены из электронного документооборота [12]. Это создало системную проблему - документ, находясь в электронной системе, требовал бумажного дублирования или устных договоренностей для исполнения, что снижало операционную эффектив-

ность. Данная практика отражает укорененную иерархическую культуру, где информация и каналы ее движения являются атрибутом власти.

Культура бюрократического формализма проявилась в устойчивой практике дублирования электронных документов на бумажных носителях, несмотря на наличие юридически значимой электронной подписи и регламентов. Это обусловлено не только недоверием к технологии, но и ориентацией на процесс, а не на результат, при котором бумажный документ с визой воспринимается как более надежное подтверждение выполнения процедуры, чем электронная запись в системе. Как отмечается в исследовании, «сохранение гибридного документооборота является одной из системных проблем, снижающих эффективность» [4].

Культура технологического консерватизма проявилась в активном сопротивлении персонала внедрению ЭДО. Значительная часть сотрудников, включая руководство, проявили негативное отношение к системе из-за выстроенных психологических барьеров, недостаточной цифровой грамотности и привычки к традиционным методам работы [6]. Сопротивление выразилось в уклонении от использования ЭДО, критике интерфейса и поиске обходных путей решения задач.

Таким образом, организационная культура ГБУ КК ЦРС, характеризующаяся иерархичностью, процессным формализмом и консерватизмом, выступила не пассивным фоном, а активным барьером, который трансформировал технологическую инновацию в инструмент, воспроизводящий старые неэффективные практики.

Эмпирический анализ выявил системные проблемы внедрения ЭДО в ГБУ КК ЦРС. Для их решения предла-

гается алгоритм, включающий шесть этапов.

В контексте необходимости соблюдения баланса между технологическими нововведениями, организационными изменениями и кадровым развитием разработка алгоритма приобретает особую актуальность. Отсутствие комплексного подхода проявляется в нестабильности между технической оснащенностью учреждения и готовностью персонала к использованию новых технологий, что в конечном итоге снижает эффективность внедрения цифрового документооборота.

Алгоритм сбалансированного внедрения ЕМСЭД КК в ГБУ КК ЦРС:

Этап 1. Диагностический. Осуществление комплексной экспертизы ЕМСЭД КК с проведением анализа документопотока ГБУ КК ЦРС, идентификацией организационных барьеров и оценкой уровня технологической готовности инфраструктуры.

На данном этапе выполняется диагностика кадрового потенциала, включая оценку цифровой грамотности персонала и выявления зон сопротивления. Проводится анализ соответствия нормативно-правовой базы ГБУ КК ЦРС требованиям действующего законодательства в сфере электронного документооборота.

Этап 2. Проектно-планировочный. Разработка детализированной дорожной карты внедрения ЭДО с установлением срока исполнения и рамок показателей результативности. Формирование пакета регламентирующей документации, включая положение об электронном документообороте и инструкции по работе в ЕМСЭД КК. Создание программы обучения персонала с разделением по категориям сотрудников и уровням функциональной ответственности.

Этап 3. Организационно-техниче-

ский. Организация технической базы для ЭДО посредством обновления компьютерного оборудования и программного обеспечения. Настройка системы резервного копирования, организация безопасных каналов связи путем установки программного комплекса ViPNet Client, предназначенного для защиты рабочих мест пользователей. Создание учетных записей в ЕМСЭД КК для разных сотрудников Учреждения.

Этап 4. Внедрение. Реализация поэтапного перехода на ЭДО по принципу «от простого к сложному». Проведение мероприятий по обучению работников Учреждения, учитывая категории. Назначение ответственных работников в качестве наставников в каждом структурном подразделении.

Этап 5. Контрольно-аналитический. Мониторинг эффективности функционирования сотрудников в СЭД. Проведение регулярных анализов для оценки соответствия процессов установленным регламентам Учреждения. Проведение корректирующих мероприятий по результатам анализа.

Этап 6. Оптимизационный. На завершающем этапе осуществляется планомерное совершенствование документооборота на основе анализа эффективности работы в СЭД. Проводится оптимизация маршрутов документопотоков и расширяется перечень электронных документов. Организуется повышение цифровых компетенций сотрудников через дополнительные обучающие мероприятия и систему наставничества. Этап обеспечивает устойчивое развитие цифровой трансформации Учреждения и формирование современной культуры работы с документами.

Предложенный нами алгоритм создает целостную систему управления внедрением СЭД. Его методологическая ценность - в обеспечении после-

довательности этапов цифровой трансформации, а практическая значимость - в возможности тиражирования положительного опыта на другие государственные учреждения.

Однако для практической реализации алгоритма необходим переход от теоретической модели к конкретному механизму внедрения, что обуславливает формирование комплекса рекомендаций по реализации алгоритма внедрения ЕМСЭД КК.

Если алгоритм задает общую траекторию преобразования, то предложенные нами рекомендации конкретизируют каждый этап алгоритма с учетом специфики деятельности Учреждения, формируя систему взаимосвязанных мер для реализации заложенных принципов.

Успех внедрения СЭД зависит от того, насколько четко организация формализует свои внутренние процессы и адаптирует их под требования цифрового документооборота.

Для успешной реализации алгоритма требуется разработать комплекс организационно-методических документов, включающий положение об электронном документообороте, регламенты электронного взаимодействия между структурными подразделениями ГБУ КК ЦРС и должностные инструкции с учетом новых обязанностей сотрудников. Целесообразно создать многоуровневую систему обучения персонала, предусматривающую проведение вводных инструктажей, практических семинаров и индивидуальных консультаций. Особое внимание следует уделить разработке поэтапного плана перехода на ЭДО с четкими сроками и показателями эффективности на каждом этапе алгоритма.

Очень важно учесть, что недостаток профессионализм работников

и сопротивление изменениям- главные нетехнические проблемы.

Необходимо проводить регулярное обучение персонала ГБУ КК ЦРС с акцентом на практическое применение ЕМСЭД КК. Например, акцентировать внимание на том, что при передаче документов в электронном виде необходимо исключить наличие «бумажных версий, не соответствующих электронным копиям».

Вот каким образом следует проводить регулярное обучение персонала ГБУ КК ЦРС, основываясь на рекомендациях и опыте:

1. Формы и периодичность обучения. Обучение сотрудников работе с новой СЭД является неотъемлемой частью перехода на электронный оборот документов.

1.1 Форма обучения: обучение может осуществляться как в очной форме, так и в форме дистанционного обучения. Дистанционное обучение часто более доступно для бюджетных учреждений ввиду экономии средств.

1.2. Периодичность: следует внедрить ежегодный обязательный курс обучения для 100% сотрудников, чья деятельность связана с делопроизводством. Кроме того, необходимо регулярно знакомить сотрудников с изменениями в законодательстве, касающемся информационных технологий в управлении.

1.3. Обучение новых сотрудников: вновь принятый работник, на которого возлагаются обязанности по ведению делопроизводства, обязан в течение трех дней после приема на работу пройти инструктаж по ведению делопроизводства.

2. Содержание и практическая направленность обучения Акцент должен быть сделан на устранение выявленных проблем и освоение прак-

тических навыков, необходимых для работы в ЕМСЭД КК.

3. Методики и инструменты для повышения эффективности обучения.

Для повышения эффективности обучения рекомендуется сочетать несколько методов:

Наставничество и поддержка: можно назначить так называемых «наставников» в каждом подразделении, которые будут помогать коллегам с освоением системы.

Использование дашбордов: Обучение сотрудников работе с новыми инструментами отчетности и дашбордами СЭД, которые показывают ключевые показатели эффективности (KPI).

Инструкции и памятки: разрабатывать и распространить инструкции и памятки по информационной безопасности и работе с СЭД.

Мотивация: рассмотреть возможность внедрения системы поощрений за успешное освоение цифровых инструментов.

Устранение гибридного документооборота: разъяснить, что устранение дублирования документов на бумаге является не только требованием законодательства, но и повышением производительности труда и сокращает расходы.

Соблюдение этих принципов позволит ГБУ КК ЦРС значительно повысить уровень цифровой грамотности персонала и обеспечит эффективное, безопасное и юридически значимое использование ЕМСЭД КК.

Технологическое направление анализ и модернизацию ИТ-инфраструктуры с учетом перспектив развития ЭДО, внедрение системы многоуровневой аутентификации и криптографической защиты информации, а также разработку требований к интеграции СЭД с другими информационными система-

ми учреждения.

Для соблюдения требований к качеству сканирования (300 dpi) и форматам (PDF/A, docx и т.д.) целесообразно разработать внутренний чек-лист для сотрудников ГБУ КК ЦРС, ответственных за регистрацию входящей корреспонденции, чтобы минимизировать ошибки оцифровки и обеспечить юридическую значимость электронных документов.

Чек-лист разработан на основе требований к электронным копиям документов, их регистрации и оформлению, которые действуют в государственных учреждениях и ЕМСЭД КК.

Цель: обеспечение юридической значимости и оперативной обработки входящих документов (на бумажном носителе), переведенных в электронный вид.

Следующее направление комплекса рекомендаций по реализации алгоритма внедрения ЭДО – управление изменениями.

Для эффективного управления организационными изменениями рекомендуется создать рабочую группу по внедрению ЭДО, разработать программу мотивации сотрудников с материальными и нематериальными стимулами, внедрить систему мониторинга удовлетворенности пользователей и оперативного реагирования на проблемы при работе в ЕМСЭД КК. Особое внимание следует уделить формированию позитивного отношения к изменениям через информационную поддержку и демонстрацию преимуществ ЭДО.

Также рекомендуется использовать функцию контроля и оценки эффективности. Для объективной оценки результатов внедрения рекомендуется разработать систему КРП на основе количественных и качественных данных. Целесообразно установить периодичность контрольных мероприятий с

механизмом корректировки. Рекомендуется внедрить регулярные отчеты для руководства. Особую важность представляет организация обратной связи от пользователей для непрерывного улучшения процессов ЭДО.

Реализация предложенного комплекса рекомендаций позволит не только ГБУ КК ЦРС, но и другим бюджетным организациям выполнить обязательные требования по переходу на ЭДО, получить измеримый экономический эффект и повысить общую эффективность управленческих процессов.

Таким образом, оценка эффективности подтвердила первоначальную гипотезу о высокой значимости проекта, но также выявила «узкие места». Разработанные рекомендации носят конкретный, адресный и реализуемый характер, что составляет основную практическую ценность данного исследования для повышения эффективности работы всего государственного органа.

Результаты исследования демонстрируют определяющую роль организационной культуры в успешности внедрения СЭД в государственном секторе. На примере ГБУ КК ЦРС выявлено, что такие элементы культуры, как иерархичность, процессный формализм и технологический консерватизм, системно блокируют реализацию технологически и нормативно обеспеченных проектов.

Основным научным результатом работы стала разработка шестиступенчатого алгоритма управления трансформацией организационной культуры при внедрении СЭД, обеспечивающего последовательное выявление и преодоление культурных барьеров. Практическая значимость исследования заключается в создании системы конкретных рекомендаций по организационно-методическому, кадровому и технологическому обеспечению данного процесса.

Список литературы

- Басаков М.И. Документационное обеспечение управления (с основами архивоведения) / М.И. Басаков. – Москва: ООО «КноРус», 2013. 216 с.
- Грибков, Д. Н. Технологии электронного документооборота: учебное пособие / Д.Н. Грибков, А.В. Калынов. – Орел: ОГИИК, 2021. 105 с. электронный // Лань: электронно-библиотечная система. // URL: <https://e.lanbook.com/book/261932> (Дата обращения: 31.10.2025).
- Документ в современном обществе: цифровая трансформация: материалы XIII Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Екатеринбург, 3-4 апреля 2020 года / Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. 311 с. // URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=699282> (Дата обращения: 26.07.2025).
- Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов / гл. ред. Л.Н. Мазур; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. Выпуск 20. 361 с. // URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=698984> (Дата обращения: 15.10.2025).
- Еленцева, Л. «Что такое СЭД» // Контур Диадок. 2024. // URL: https://www.diadoc.ru/articles/21009- chto_ takoe_sed (Дата обращения: 24.10.2025).
- Илья Бублик: для внедрения ЭДО нужно преодолеть психологические барьеры, 2025. // URL: <https://ria.ru/20250623/edo-2024881128.html> (Дата обращения: 09.11.2025).
- Мисиченко, Н.Ю. Документоведение: учебное пособие для направлений 10.03.01 «Информационная безопасность», 38.03.02 «Менеджмент»: [16+] / Н.Ю. Мисиченко, Е.Г. Веретенникова, Г.Н. Кудинова; Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2021. 142 с. // URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=685541> (Дата обращения: 24.07.2025).
- Мытенков С.С. Проблемы цифровизации государственных услуг // Бизнес. Общество. Власть. 2021. № 1. С. 107-110.
- Сигидов Ю.И., Трубилин А.И. Теория бухгалтерского учета: учеб. пособие/ Ю.И. Сигидов, А.И. Трубилин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Краснодар: КубГАУ, 2013. 521 с.
- Симонова А.В. Разработка систем электронного документооборота: учебно-методическое пособие / А.В. Симонова, А.К. Рыбников. – Москва: РТУ МИРЭА, 2023. 72 с. // URL: <https://e.lanbook.com/book/331556> (Дата обращения: 19.07.2025).
- Тихомирова П.Р. Организационно-управленческие барьеры цифровой трансформации на примере государственных спортивных учреждений Краснодарского края // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. ССXXIV междунар. студ. науч.-практ. конф. № 21 (223). // URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/21\(223\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/21(223).pdf) (Дата обращения: 08.11.2025)
- Устав государственного бюджетного учреждения Краснодарского края «Центр развития спорта» / Государственное бюджетное учреждение Краснодарского края «Центр развития спорта» – Краснодар,

2022. 13 с.

- Сулейманов А.Р. Постсоветская Евразия в большом евразийском партнёрстве // Этносоциум и национальная культура. 2025. № 8 (206). С. 110-115.

References

- Basakov, M.I. Documentation Support for Management (with the Basics of Archival Science) / M.I. Basakov. Moscow: Knorus, LLC, 2013. 216 p.
- Gribkov, D.N. Electronic Document Management Technologies: A Tutorial / D.N. Gribkov, A.V. Kalyanov. Ore: OGIIK, 2021. 105 p. Electronic // Lan: Electronic Library System. // URL: <https://e.lanbook.com/book/261932> (10.31.2025).
- Document in Modern Society: Digital Transformation: Proceedings of the XIII All-Russian Student Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, April 3-4, 2020 / Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. – Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2020. 311 p. // URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=699282> (26.07.2025).
- Document. Archive. History. Modernity: Collection of Scientific Papers / Ed.-in-Chief L.N. Mazur; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ural Humanitarian Institute. – Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2020. Issue 20. 361 p. // URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=698984> (Accessed: 15.10.2025).
- Elentseva L. "What is SED" // Kontur Diadoc. 2024. // URL: https://www.diadoc.ru/articles/21009- chto_ takoe_sed (24.10.2025).
- Ilya Bublik: to implement electronic document management, it is necessary to overcome psychological barriers, 2025. // URL: <https://ria.ru/20250623/edo-2024881128.html> (09.11.2025).
- Misichenko N.Yu. Documentation: a textbook for the areas 10.03.01 "Information Security", 38.03.02 "Management": [16+] / N.Yu. Misichenko, E.G. Veretennikova, G. N. Kudinova; Rostov State University of Economics (RINH). – Rostov-on-Don: Publishing and Printing Complex of the Russian State University of Economics (RINH), 2021. 142 p. // URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=685541> (24.07.2025).
- Mytenkov S.S. Problems of Digitalization of Public Services // Business. Society. Power. 2021. № 1. P. 107-110.
- Sigidov Yu.I., Trubilin A.I. Accounting Theory: textbook / Yu.I. Sigidov, A.I. Trubilin. - 3rd ed., revised, and enlarged. - Krasnodar: KubSAU, 2013. 521 p.
- Simonova A.V. Development of Electronic Document Management Systems: A Study Guide / A.V. Simonova, A.K. Rybnikov. – Moscow: RTU MIREA, 2023. 72 p. // URL: <https://e.lanbook.com/book/331556> (19.07.2025).
- Tikhomirova P.R. Organizational and Managerial Barriers to Digital Transformation: The Case of State Sports Institutions of Krasnodar Krai // Scientific Community of Students: Interdisciplinary Research: Coll. Art. on Mat. ССXXIV Int. Student Research and Practical Conf. № 21 (223). // URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/21\(223\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/21(223).pdf) (08.11.2025)
- Charter of the State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory "Sports Development Center" / State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory "Sports Development Center" – Krasnodar, 2022. 13 p.
- Suleymanov A.R. Post-soviet Eurasia in the great Eurasian partnership // Etnosotium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 110-115.

Тюнь А.П.

Кандидат социологических наук, доцент. Филиал ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», г. Ейск, Краснодарского края. ORCID: 000-0001-5621-0718

Отношение к полиции в российском обществе как условие формирования профессионального сознания сотрудников органов внутренних дел (на материалах анкетирования)*

Аннотация. В статье предлагаются для рассмотрения результаты эмпирического исследования влияния отношения в обществе к такому социальному институту как полиция на формирование профессионального сознания сотрудников органов внутренних дел, структуру профессионального сознания, влияния на социальную практику, функции профессионального сознания, влияния социально-мировоззренческих установок на эффективность служебной деятельности, рассмотрение ценностей, мотивов и способов формирования отношения к полиции.

В современном обществе, практически на уровне любой профессии присутствуют механизмы воспроизводства, определяющие не только передачу знаний и навыков, необходимых для осуществления профессиональной деятельности, но и формирование особой профессиональной идентичности, а также передачу специфических мировоззренческих установок и личностных качеств. Проводя анкетный опрос, мы исходили из того, что профессионализация как процесс усвоения групповых представлений, характерных для профессионального сообщества начинается еще на стадии внешнего знакомства с профессией и ее представителями, и, далее, реализуется через разветвленную систему социальных практик и фокусируется в оценках тех людей, в интересах которых создается и функционирует соответствующий социальный институт.

Ключевые слова: социальный институт, полиция как социальный институт, органы внутренних дел, профессиональное сознание, отношение к полиции, социологическое исследование, анкетный опрос.

Тюнь А.П.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor.

Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)", Yeysk, Krasnodar Krai. ORCID: 000-0001-5621-0718

The attitude towards the police in Russian society as a condition for the formation of professional consciousness of law enforcement officers (based on the survey materials)

Abstract. The article offers for consideration the results of an empirical study of the influence of attitudes in society towards such a social institution as the police on the formation of professional consciousness of law enforcement officers, the structure of professional consciousness, the impact on social practice, the functions of professional consciousness, the influence of socio-ideological at-

---

* © Тюнь А.П., 2025.

Отношение к полиции в российском обществе как условие формирования профессионального сознания сотрудников органов внутренних дел (на материалах анкетирования)

titudes on the effectiveness of official activities, consideration of values, motives and ways of forming attitudes towards the police. In modern society, almost at the level of any profession, there are mechanisms of reproduction that determine not only the transfer of knowledge and skills necessary for professional activity, but also the formation of a special professional identity, as well as the transfer of specific worldviews and personal qualities. When conducting the questionnaire, we assumed that professionalization as a process of assimilation of group concepts characteristic of the professional community begins at the stage of external acquaintance with the profession and its representatives, and is further implemented through an extensive system of social practices and focuses on the assessments of those people in whose interests the relevant social institution is created and operates.

Key words: social institution, police as a social institution, internal affairs bodies, professional consciousness, attitude to the police, sociological research, questionnaire survey.

Введение

В рамках настоящего исследования была поставлена сложная и масштабная задача по определению сущности и характеристик отношения к институту полиции в российском обществе. Задача эта имеет многомерный характер, поскольку, с одной стороны, предполагает момент отражения культурно-мировоззренческой проблематики, с другой – ориентацию на институциональную сферу, связанную, во-первых, с фокусом на отношении к институту полиции и, во-вторых, с необходимостью отражения социальных механизмов и структурных факторов, лежащих в основе тех или иных социальных процессов внутри института.

Результаты обобщения социального опыта взаимодействия представителей гражданского населения с сотрудниками правоохранительных органов ложатся в основу единичных суждений, обобщений и развитых представлений, которые могут быть как достоянием единичного мировоззрения, так и получить выражение на уровне коммуникативных процессов. При этом, на определенном этапе мировоззренческие установки, существующие на уровне культурной среды, приобретают самостоятельный характер и существуют вне того опыта, который их породил, сохраняя при этом свое влияние как

источника знаний об определенных аспектах общественной жизни и как условия формирования профессионального сознания сотрудников органов внутренних дел.

Методы

Структура опроса выстроена с учетом определенного на первоначальных этапах исследования круга проблем, раскрытие которых позволяет сформировать целостное представление о специфике влияния отношения к правоохранительным органам в гражданской среде на формирование профессионального сознания сотрудников полиции, что включает в себя вопросы, направленные на определение динамического аспекта формирования общественного мнения о полиции, его актуального состояния, а также преобладающих факторов, влияющих на социальное восприятие правоохранительных органов в гражданской среде. Отдельные тематические блоки исследования направлены на выявление статусного аспекта включенности в правоохранительные органы, а также социальных ожиданий, формируемых гражданами в отношении сотрудников полиции. Значимым аспектом исследования является идентификация гражданами функции правоохранительных органов относительно конкретного субъекта интересов (государство, за-

кон, права и интересы граждан). Также в ходе исследования сформированы условия для анализа соотношения идеального и реального в практике социального дискурса о состоянии правоохранительной сферы. При этом, распределение ответов по основным группам респондентов (возраст, материальное положение, наличие опыта службы в правоохранительных органах) позволяет судить о том, насколько расходятся между собой актуальная ситуация в правоохранительной сфере и репрезентируемые в социокоммуникативной среде представления о полиции, что косвенно указывает на роль различных механизмов формирования общественного мнения о полиции.

Результаты и обсуждение

С целью определения актуальных характеристик социального отношения к правоохранительным органам в российском обществе было проведено авторское социологическое исследование «Отношение к современной российской полиции». Место проведения исследования – Краснодарский край, Ростовская область и г. Москва. Способ выборки – квотная, методика – снежный ком. В состав опрошенных входят представители правоохранительной сферы (205 респондентов), бывшие сотрудники правоохранительных органов (88 человек) и представители гражданского населения, не имеющие отношения к правоохранительным органам (216 человек). Общее число опрошенных – 509 человек. Размер погрешности не превышает 4%. Основной набор вопросов ориентирован на оценку характеристик современной российской полиции и тенденций ее социального восприятия в общественной среде.

Первый блок представленной информации содержит результаты опроса по всем группам, что позволяет опреде-

лить общие характеристики социального восприятия полиции в среде членов российского общества.

Отвечая на вопрос о мотивах носителей правоохранительных функций, наиболее часто (29.9% ответов) респонденты отмечали, что сотрудники полиции действуют, исходя из интересов граждан. Считают, что полицейские руководствуются своими личными интересами – 29.7%. Полагают, что сотрудники полиции выражают интересы государства в целом – 28.7%. Полагают, что полиция служит интересам политической элиты – 8.1%. Считают, что полиция служит интересам силовых структур – 3.7%. Таким образом, лишь треть опрошенных полагает, что приоритетом правоохранительной деятельности является защита прав граждан. Тот факт, что практически такое же число респондентов отметило вариант «личные интересы», свидетельствует о неблагоприятной оценке непосредственно носителей правоохранительной деятельности. При этом высокие показатели позиции «интересы государства» могут интерпретироваться как, с одной стороны, основание неблагоприятной оценки правоохранительных органов (при условии, если имеют место негативные модели политической самоидентификации граждан), так и в качестве основания для нейтрально-благоприятной оценки правоохранителей (при условии соответствующих социально-политических установок).

Следующий вопрос ориентирован уже не на определение характера представлений о мотивах сотрудников полиции, но на отражение преобладающих способов идентификации полиции, как общественного института. Согласно результатам опроса, считают, что полиция – институт, обеспечивающий защиту прав граждан – 67.2%; полага-

ют, что полиция - институт, контролирующий выполнение законов гражданами – 24.8% респондентов; полагают, что полиция - карательный инструмент государства – 8.1% опрошенных. Таким образом, большинство опрошенных полагают приоритетным аспектом правоохранительной деятельности в России защиту прав членов общества, что характеризует способ идентификации данного института как благоприятный. Вторая позиция (институт, контролирующий выполнение законов) так же, в целом, может рассматриваться как нейтрально-положительная.

Рассматривая вопрос о взаимосвязи между правоохранительной деятельностью и личным благополучием, более

половины опрошенных (54.4%) отметили, что эффективность полиции незначительно определяет их благополучие. В высокой степени связывают личное благополучие и эффективность полиции 30.1% респондентов, затруднились ответить – 15.5%. Отчасти полученные результаты свидетельствуют о том, что в настоящее время проблема преступности не является актуальной для большей части населения, что можно оценить как благоприятный показатель.

Оценивая основную социальную функцию полиции, наибольшая часть респондентов (37.9%) отметили, что полиция призвана устанавливать обстоятельства совершения преступления и обеспечивать наказание преступников;

Вы считаете, что сотрудники полиции, неся службу, руководствуются в первую очередь, интересами:

Варианты	Частота	Проценты
Своими	151	29,7
Граждан	152	29,9
Государства в целом	146	28,7
Силовых структур	19	3,7
Политической элиты	41	8,1
Всего	509	100,0

Полиция – это, в первую очередь:

	Частота	Проценты
Институт, обеспечивающий защиту прав граждан	342	67,2
Институт, контролирующий выполнение законов гражданами	126	24,8
Карательный инструмент государства	41	8,1
Всего	509	100,0

Насколько Вы связываете свое благополучие с эффективностью деятельности правоохранительных органов?

	Частота	Проценты
В высокой степени	153	30,1
В незначительной степени	277	54,4
Затрудняюсь ответить	79	15,5
Всего	509	100,0

вариант защиты граждан непосредственно в момент преступного посягательства выбрали 37.3%, предотвращение совершения преступлений – 24.8%. Таким образом, для большинства опрошенных основная функция полиции связывается с противодействием преступным посягательствам и профилактикой преступности. Вместе с тем, достаточно активно представлена классическая позиция, рассматривающая полицию скорее как инструмент наказания преступников уже по факту совершения преступлений. Разброс позиций в данном случае свидетельствует о неопределенности в рассмотрении социальных приоритетов полиции, что свидетельствует об отсутствии сформировавшейся

и устоявшейся парадигмы рассмотрения полиции в российском обществе.

Большое значение имеет характер оценки социальной функции полиции (что характеризует не отношение к конкретному состоянию правоохранительных органов и его оценки, а общее отношение граждан к правопорядку и институту, обеспечивающему его защиту). Скорее положительно рассматривают социальную функцию подавляющее большинство респондентов - 71.9%. Нейтрально – 12.4%. Исключительно положительно – 7.7%. Скорее отрицательно – 8.1%. Таким образом, на фоне почти всеобщего признания значимости полиции, 8.1% граждан рассматривают социальную функцию полиции

Основная функция полиции состоит в том, чтобы

	Частота	Проценты
Предотвращать совершения преступлений	126	24,8
Защищать граждан непосредственно в момент преступного посягательства	190	37,3
Устанавливать обстоятельства совершения преступления и обеспечивать наказание преступников	193	37,9
Всего	509	100,0

Вы оцениваете социальную функцию, выполняемую институтом полиции

	Частота	Проценты
Исключительно положительно	39	7,7
Скорее положительно	366	71,9
Нейтрально	63	12,4
Скорее отрицательно	41	8,1
Всего	509	100,0

Вы считаете, что действующим нормам права нужно следовать:

	Частота	Проценты
Всегда	211	41,5
Нужно стараться поступать по закону, кроме отдельных ситуаций	202	39,7
Нужно следовать нормам права при условии, если речь идет об адекватных законах	90	17,7
Необязательно следовать нормам права	6	1,2
Всего	509	100,0

отрицательно, что связано либо с деактуализацией в общественном сознании данной группы респондентов идеи правопорядка, либо с рассмотрением полиции, преимущественно, в негативно-политическом ключе.

Следующий вопрос ориентирован на раскрытие характеристик правосознания опрошенных респондентов.

Итак, наибольшая группа респондентов считает, что закону нужно следовать всегда (41.5%). Считают, что нужно стараться поступать по закону, кроме отдельных критических ситуаций – 39.7%. Полагают, что нужно следовать нормам права при условии, если речь идет об адекватных законах – 17.7%. Отметим, что необязательно следовать нормам права – 1.2%. В дан-

ном случае примечательно то, что практически равные по своей численной представленности группы респондентов полагают необходимым безусловное следование закону и полагают, что в отдельных ситуациях его все же можно нарушать. Наконец, благоприятным является низкий уровень числа респондентов, считающих необязательным следование закону (всего 1.2%).

Оценивая престиж профессии сотрудника полиции, отметили, что она является скорее престижной – 47.3%; в плане престижа, мало чем отличается от большинства других профессий – 31.0%; скорее непрестижной профессию полицейского считают 16.7%; престижной – 3.7%; Непрестижной – 1.2%. Таким образом, большинство респон-

Насколько престижной, на Ваш взгляд, является служба в органах правопорядка?

	Частота	Проценты
Престижной	19	3,7
Скорее престижной	241	47,3
В плане престижа, мало чем отличается от большинства других профессий	158	31,0
Скорее непрестижной	85	16,7
Непрестижной	6	1,2
Всего	509	100,0

Какое положительное качество, на Ваш взгляд, в наибольшей степени присуще большинству сотрудников полиции:

	Частота	Проценты
Трудолюбие	178	35,0
Смелость	38	7,5
Воля	19	3,7
Долг	95	18,7
Патриотизм	19	3,7
Умение избегать конфликтов	6	1,2
Стремление к профессионализму	38	7,5
Ответственность	50	9,8
Ни одно из перечисленных не присуще большинству сотрудников полиции	66	13,0
Всего	509	100,0

дентов оценивают престиж профессии сотрудников полиции нейтрально-положительно, при этом, лишь 17.7% опрошенных отмечают неprestижность профессии полицейского.

Рассматривая позитивные качества, присущие российским полицейским, трудолюбие отметили 35.0% респондентов, долг – 18.7%, ни одно из перечисленных не присуще большинству сотрудников полиции – считают 13.0%, ответственность – 9.8%, смелость – 7.5%, стремление к профессионализму – 7.5%, воля – 3.7%, патриотизм – 3.7%, умение избегать конфликтов – 1.2%. В данном случае показательны два момента. Несмотря на общую позитивную оценку качеств сотрудников полиции (лишь 18.7% заявили, что российские полицейские не обладают обозначенными качествами), респонденты не отметили характеристику «честность», что является показательным моментом, характеризующим социальное восприятие российских полицейских. Также показательны сравнительно низкие отметки, связанные со стремлением к профессионализму и патриотизмом.

Оценивая отрицательные качества, присущие российским полицейским, наиболее обширная группа респондентов

(33.2%) отметили стремление к формальной, а не реальной эффективности. Непрофессионализм отметили 27.5% респондентов, безответственность – 11.8%, склонность к злоупотреблению служебными полномочиями – 11.4%, грубость – 4.9%, излишний формализм – 3.7%, коррумпированность – 3.7%, цинизм – 3.7%. В данном случае показательны два момента. С одной стороны, склонность к служебным нарушениям (коррумпированность, злоупотребление полномочиями) отметили в совокупности лишь 15.1% респондентов, что может свидетельствовать о деактуализации образа полицейского как «оборотня в погонах» в общественном сознании. С другой стороны, наиболее востребованные позиции характеризуют низкую оценку профессиональных качеств сотрудников полиции (что коррелирует с приведенными выше данными по сильной стороне российских полицейских, отраженных в общественном сознании). Вместе с тем, следует отметить, что результаты ответа на данный вопрос характеризуют, в том числе, социальные приоритеты отвечающих (выбор одного главного недостатка не означает, что другие отсутствуют). По этой причине детали-

Какое отрицательное качество, на Ваш взгляд, в наибольшей степени присуще большинству сотрудников полиции:

	Частота	Проценты
безответственность	60	11,8
излишний формализм	19	3,7
склонность к злоупотреблению служебными полномочиями	58	11,4
коррумпированность	19	3,7
грубость	25	4,9
стремление к формальной, а не реальной эффективности	169	33,2
непрофессионализм	140	27,5
цинизм	19	3,7
Всего	509	100,0

зация характера восприятия полиции реализуется при помощи приведенных ниже вопросов.

Считают, что в российской полиции служат честные, но недостаточно профессиональные сотрудники - 36.5%, коррупционеры и взяточники - 22.4%, очень разные люди - 16.7%, некомпетентные сотрудники - 13.0%, настоящие профессионалы своего дела - 11.4%. Здесь показательно, что профессионализм отметили лишь 11.4% респондентов, а непрофессионализм, сочетающийся с честностью - более 36%. При этом, показатель числа респондентов, считающих, что в полиции служат люди, склонные к должностным злоупотреблениям существенно выше, нежели об этом можно было судить по результатам предыдущего вопроса - 22.4%.

Следующий вопрос косвенно определяет характеристики внешнего социального восприятия статуса полицейских и, в том числе, определяет условия

профориентации в направлении правоохранительной деятельности. Оценивая предполагаемые доходы правоохранителей, отметили средний доход 48.3% опрошенных, считают, что доход полицейских выше среднего - 41.8%, приписывают сотрудникам полиции высокие доходы - 3.7%, считают, что зарплата полицейских ниже среднего - 3.7%, затруднились ответить - 2.4%.

В оценке приоритетных личностных качеств полицейских респонденты отметили целый ряд качеств приблизительно на равном уровне. Так, считают, что полицейскому необходима, в первую очередь, воля - 17.7%, долг - 15.1%, трудолюбие - 14.9%, честность - 14.9%, ответственность - 11.4%, стремление к профессионализму - 9.6%, справедливость - 8.1%, ум - 3.7%, умение избегать конфликтов - 3.3%, вежливость - 1.2%.

Следующий блок представляет собой выборку ответов на вопросы сотрудников полиции. Значение данного

Среди сотрудников полиции большую часть, по Вашему мнению, составляют

	Частота	Проценты
настоящие профессионалы своего дела	58	11,4
некомпетентные сотрудники	66	13,0
коррупционеры и взяточники	114	22,4
честные, но недостаточно профессиональные сотрудники	186	36,5
очень разные люди	85	16,7
Всего	509	100,0

Каков, на Ваш взгляд, уровень доходов сотрудников правоохранительных органов?

	Частота	Проценты
Высокий	19	3,7
Выше среднего	213	41,8
Средний	246	48,3
Ниже среднего	19	3,7
Затрудняюсь ответить	12	2,4
Всего	509	100,0

блока для понимания общей специфики ситуации взаимодействия гражданского населения и полиции состоит в том, что он позволяет косвенно определить состояние правоохранительных органов, а также специфику самоидентификации представителей правоохранительной сферы.

Отвечая на данный вопрос, 37.6% опрошенных отметили, что сотрудники полиции руководствуются, прежде всего, интересами государства в целом. Считают, что сотрудники полиции руководствуются интересами граждан – 37.1%. Полагают, что сотрудники полиции руководствуются своими интересами – 14.6%. Полагают, что полицейские реализуют интересы политической элиты – 10.7%. Анализируя данный

блок, обратим внимание, что практически равные группы респондентов отметили приоритеты интересов государства и граждан. Что немаловажно, это две самые распространенные группы ответов, в сумме дающие 74.7% от общего числа ответов. Вызывает настороженность достаточно высокий уровень ответов по двум последним вариантам, что косвенно характеризует наличие сотрудников полиции, склонных к должностным злоупотреблениям.

Следующий вопрос ориентирован на отражение характера идентификации правоохранительных органов, как института. Отметили, что полиция - институт, обеспечивающий защиту прав граждан подавляющее большинство – 74.6% опрошенных. Институт, контро-

Какое личное качество, на Ваш взгляд, является ключевым для работы в правоохранительных органах?

	Частота	Проценты
Трудолюбие	76	14,9
Честность	76	14,9
Воля	90	17,7
Долг	77	15,1
Вежливость	6	1,2
Умение избегать конфликтов	17	3,3
Справедливость	41	8,1
Стремление к профессионализму	49	9,6
Ум	19	3,7
Ответственность	58	11,4
Всего	509	100,0

Вы считаете, что сотрудники полиции, неся службу, руководствуются в первую очередь, интересами:

	Частота	Проценты
Своими	30	14,6
Граждан	76	37,1
Государства в целом	77	37,6
Политической элиты	22	10,7
Всего	205	100,0

лирующий выполнение законов гражданами, отметили 14.6% респондентов. Считают, что полиция - карательный инструмент государства – 10.7%.

Здесь следует обратить внимание на очень важный момент. Тот факт, что подавляющее большинство сотрудников полиции полагают приоритетной функцией правоохранительных органов защиту прав граждан, характеризует конструктивный характер идентификации социальной функции полиции у большинства сотрудников правоохранительных органов. Вместе с тем, наличие у десятой доли опрошенных представлений о том, что полиция представляет собой карательный инструмент государства, характеризует наличие проблемной ситуации в правоохранительных органах, связанной с наличием носителей некорректных функциональных установок.

Заключение

Уже на основании представленных материалов опроса видно, насколько сильно различаются между собой представления о полиции самих сотрудников правоохранительных органов и представителей гражданского населения. Во многом это связано с сохранением устаревших представлений о полиции на уровне культурной среды. При этом, поскольку члены общества, будучи носителями стереотипных представлений, по сути, формируют свое отношение к тем правоохранительным органам, которые имели место на момент формирования этих стере-

отипных представлений, а не к современному состоянию полиции, в рамках исследования могут быть рассмотрены и сопоставлены три среза социального восприятия полиции:

- представления о правоохранительных органах, основанные на устаревшем социальном опыте и неглубоком понимании специфики правоохранительной деятельности;

- представления о полиции, основанные на понимании ее структурного аспекта, а также на обширном социальном опыте разной степени давности (память бывших сотрудников полиции);

- представления об актуальном состоянии правоохранительных органов, носителями которых становятся действующие сотрудники полиции.

Сопоставим между собой три основные группы респондентов на предмет оценки ими преобладающего состава правоохранительных органов, что характеризует, с одной стороны, характер актуального состояния правоохранительных органов, с другой – специфику их отражения в мировоззрении различных групп.

Среди представителей гражданской сферы 44% отметили, что в полиции служат, по большей части, коррупционеры и взяточники. Данная точка зрения очень характерна для конца 90-х, когда члены общества накопили негативный опыт взаимодействия с дисфункциональным институтом полиции, вместе с тем, в настоящее время наблюдается тенденция преодоления пробле-

Полиция – это, в первую очередь:

	Частота	Проценты
Институт, обеспечивающий защиту прав граждан	153	74,6
Институт, контролирующий выполнение законов гражданами	30	14,6
Карательный инструмент государства	22	10,7
Всего	205	100,0

мы коррупции, что находит отражение в результатах опроса сотрудников полиции. Ни один из опрошенных сотрудников полиции не подтвердил, что большая часть полицейских участвует в коррупционных схемах, между тем, на уровне социальной группы, показатели которой имеют срединное значение по отношению к двум основным группам – бывших сотрудников полиции, представление о преобладающей в правоохранительной сфере (которую отметили 21.6% респондентов) коррупции еще сохранило свою актуальность.

В рамках оценки текущего состояния правоохранительных органов, следует отметить, что преобладающим аспектом в оценке проблем современной полиции со стороны действующих сотрудников правоохранительных органов является не коррупция, а низкий уровень профессионализма сотрудников. Этим, в частности, объясняется то, что 65.4% из числа действующих сотрудников полиции отметили, что в рядах полиции преобладают честные, но недостаточно профессиональные сотрудники, а 10.7% отметили, что преобладают некомпетентные сотрудники.

Важным моментом в осмыслении характера отношения к правоохранительным органам является неоднородность отношения граждан к различным подразделениям ОВД, что свидетельствует о наличии выборочных установок восприятия полиции в гражданской среде.

Список литературы

1. Асянова С.Р. Формирование коммуникативных компетенций у сотрудников полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 2. С. 11-13.
2. Васильева И. О социальной коммуникации органов внутренних дел с гражданами (по результатам экспертного опроса) // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 152-158.
3. Денисова Г.С., Подольский В.В. Правовая культура современных россиян в репрезентации масс-медиа: опыт фрейм-анализа // Управление устойчивым

- развитием. 2021. № 5 (36). С. 60-66.
4. Доверие россиян к правоохранительным органам выросло, показал опрос / Информационный портал «РИА Новости» // URL: <https://ria.ru/20110407/362002902.html> (Дата обращения: 07.07.2021)
5. Колесникова Е.В. Формирование авторитета современного полицейского как перспектива создания и поддержания его положительного образа // Философия права. 2018. № 1 (84). С. 124-127.
6. Нестерова В.Е. Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел средствами массовой информации // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2021. № 1 (54). С. 42-48.
7. Пусько В.С., Скворцов Н.Г., Воробьев Г.А., Ляшчева С.А. Социальная инерция, модернизация и архаизация в траектории социокультурной динамики современного российского общества // Гуманитарий Юга России. 2019. Том. 8. № 5. С. 214-223.
8. Российский полицейский – 2021. Аналитический обзор ВЦИОМ // Официальный сайт ВЦИОМ. // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-policeiskii-2021> (Дата обращения: 30.03.2022)
9. Тищенко А.В. Восприятие сотрудников полиции в современном социуме // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 12. С. 219-222.
10. Яковлева Е.Е. Трансформация ресурсной ловушки: почему богатство не всегда приносит процветание // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 111-117.

References

1. Asyanova S.R. Formation of communicative competencies in police officers // Psychology and pedagogy of service activities. 2020. № 2. P. 11-13.
2. Vasilyeva I. On social communication of internal affairs bodies with citizens (based on the results of an expert survey) // Sociological research. 2021. № 2. P. 152-158.
3. Denisova G.S., Podolsky V.V. Legal culture of modern Russians as represented by mass media: an experience of frame analysis // Sustainable Development Management. 2021. № 5 (36). P. 60-66.
4. Russians' Trust in Law Enforcement Agencies Has Increased, According to a Survey / RIA Novosti Information Portal // URL: <https://ria.ru/20110407/362002902.html> (07.07.2021)
5. Kolesnikova E.V. Formation of the Authority of a Modern Police Officer as a Prospect for Creating and Maintaining His Positive Image // Philosophy of Law. 2018. № 1 (84). P. 124-127.
6. Nesterova V.E. Formation of the Image of an Internal Affairs Officer by the Mass Media // Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. 2021. № 1 (54). P. 42-48.
7. Pusko V.S., Skvortsov N.G., Vorobyov G.A., Lyaucheva S.A. Social Inertia, Modernization, and Archaization in the Trajectory of Sociocultural Dynamics of Contemporary Russian Society // Humanitarian of the South of Russia. 2019. Vol. 8. № 5. P. 214-223.
8. Russian Policeman – 2021. Analytical Review of VTsIOM // Official website of VTsIOM. // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-policeiskii-2021> (30.03.2022)
9. Tishchenko A.V. Perception of Police Officers in Modern Society // Social and Humanitarian Knowledge. 2019. № 12. P. 219-222.
10. Yakovleva E.E. Transforming the resource trap: why wealth doesn't always bring prosperity // Almanac "Crimea". 2025. № 50. P. 111-117.

Филькина О.Ю.

Кандидат исторических наук.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенин, г. Рязань.

Влияния блогинга на формирование мнения молодёжи в отношении инвазивных эстетико-коррекционных процедур*

Аннотация. В статье представлен анализ блогинга как одной из форм СМИ, которая получила распространение в современном медиа пространстве и является наиболее популярной среди молодежи. Неудовлетворённость собственной внешностью и стремление соответствовать «стандартам красоты» приводят к тому, что молодежь, опираясь на контент, предоставляемый блогерами, активно стремятся к изменению собственной внешности, прибегая к инвазивным и неинвазивным косметическим процедурам. Социологическое исследование, направленное на изучение отношения молодежи к блогерам и их мнению, а так же изучения типов контента, обеспечивающего рост популярности эстетико-коррекционных процедур среди русскоязычной молодёжи, проведенное с использованием методов опроса и контент-анализа, позволило определить типы видео-контента, связанного со сферой эстетической хирургии и инвазивных методов коррекции тела, представляемого блогерами. Полученные результаты могут быть положены в основу формирования критического отношения современной российской молодежи к эстетико-коррекционным процедурам и их последствиям.

Ключевые слова: блогинг, блогер, молодежь, стандарты красоты, эстетико-коррекционные процедуры, социальные установки.

Filkina O.Y.

Candidate of Historical Sciences, Russian State University named after S.A. Yesenin, Ryazan.

The impact of blogging on the formation of youth opinions about invasive aesthetic correction procedures

Abstract. The article presents an analysis of blogging as one of the forms of mass media, which has become widespread in the modern media space and is the most popular among young people. Dissatisfaction with one's own appearance and the desire to meet "beauty standards" lead young people to actively seek to change their appearance by relying on the content provided by bloggers and resorting to invasive and non-invasive cosmetic procedures. A sociological study aimed at studying the attitude of young people towards bloggers and their opinions, as well as studying the types of content that contribute to the growing popularity of aesthetic and correctional procedures among Russian-speaking young people, conducted using survey methods and content analysis, allowed us to identify the types of video content related to aesthetic surgery and invasive body correction methods presented by bloggers. The results obtained can serve as a basis for developing a critical attitude among modern Russian youth towards aesthetic correction procedures and their consequences.

Key words: blogging, blogger, youth, beauty standards, aesthetic and correctional procedures, social attitudes.

---

* © Филькина О.Ю., 2025.

Влияния блогинга на формирование мнения молодёжи в отношении инвазивных эстетико-коррекционных процедур

Жизнь современного общества не представляется возможной без интернета, социальных сетей, развлекательных и информационных онлайн-платформ. Средства массовой коммуникации определяют направления развития личности современного человека, прежде всего, молодежи, ее социальное положение, мировоззрение, представление о нормах и условиях жизни в обществе [4].

Общемировая и российская статистика показывает, что одним из самых популярных способов взаимодействия молодежи со средствами массовой коммуникации является видеоблог. ВЦИОМ по результатам исследования 2021 года опубликовал следующие результаты: для молодежи главным источником новостей о событиях в стране служат социальные сети и блоги в интернете – 35-45%, при этом второе место по популярности среди социальных сетей и мессенджеров занимает YouTube – 75% респондентов пользуются данной платформой. Среди россиян в возрасте 18-24 лет используют YouTube 88%, среди 25-34-летних – 90% [2].

В связи с тем, что молодежь проводит в Интернете большую часть своего времени (74% учащихся колледжей в свободное предпочитают сидеть в интернете, 79% студентов вузов также проводят свое свободное время в интернете), новым видом трансляции информации становится блог. Исследователи утверждают, что раньше подростки искали себе кумиров среди актеров и певцов, а сейчас они находят их среди блогеров [6].

Характерной чертой блогов является возможность публикации комментариев читателей или зрителей. Именно эта черта делает блоги средой сетевого общения, имеющей ряд преимуществ перед электронными рассыл-

ками, новостными «лентами», чатами или традиционными СМИ (печатные издания, телевидение, радио) [3]. В связи с этим, они наиболее открыты для исследований, в том числе и социологических, так как в блогах можно наблюдать и изучать не просто массив информации, а рассматривать обратную связь от адресатов.

С течением времени популярность блогов стала перетекать из одной среды в другую. Если в начале столетия были крайне популярны текстовые блоги, размещенные на отдельных или специализированных сайтах (например, «Живой Журнал» - livejournal.com), то в настоящее время любая социальная сеть и медиа-площадка может полноправно считаться элементом блогосферы. Почти каждый пользователь видео-хостинга YouTube, относительно регулярно публикующий контент, может называться блогером, исходя из самого определения блога. YouTube является самой популярной в мире платформой для размещения видео-контента (стандартные видео; Shorts – короткие видео до минуты; Stories – цепочка еще более коротких видео; Stream – прямые трансляции) [7].

Видеоблогинг как феномен медиа-индустрии крайне популярен и почти напрямую связан с молодежью, так как именно там можно найти отражение современной субкультуры разных социальных групп, направлений жизнедеятельности, которые откликаются в разумах молодого поколения. Он может быть как универсальным и удобным способом поиска полезной информации, приобретения новых знаний, так и инструментом манипулирования массами людей, пропаганды как положительных, так и отрицательных образов, продажи полезных и бесполезных товаров и услуг [8].

Одной из тенденций, получивших значительное распространение в современных реалиях жизни молодежи, является рост числа обращений молодых людей к пластическим хирургам и косметологам, использующим в своей практике инвазивные методы коррекции лица и тела. Если в 1998 году в России было сделано приблизительно 70 тысяч операций, то по данным 2016 года в России было сделано 580 тысяч хирургических эстетических операций. Число инвазивных процедур, таких как косметические инъекции, пилинги, лечение варикозных вен, нехирургические подтяжки составили 317 094 вмешательства [10]. По данным аналитического центра профильного журнала *Vademecum*, на 2019 год Россия входила в топ 15 стран мира по количеству эстетических операций. В 2022 году число обращений к пластическим хирургам возросло на треть [2]. Причем изменяется и возраст клиентов – за последние 15 лет значительно возросло количество клиентов пластических хирургов среди представителей молодого поколения. Это студенты и молодые девушки, желающие избавиться от эстетических недостатков, которые становятся для многих из них поводом для психологических комплексов и неуверенности в себе.

Одним из основных факторов, подталкивающих молодёжь на косметические процедуры и пластические операции, является распространение в социальных сетях отретушированных фотографии знаменитостей с безупречной внешностью, рекламные кампании косметических препаратов и клиник, обещающих достижение идеального результата красоты, положительные оценки тематических постов и видео-контента, которые проводят блогеры [9].

Учитывая, что контент видеоблогеров подразумевает наличие визуального ряда, важным критерием популярности становится внешность, соответствующая стандартам современного общества, в том числе изменения внешних данных различными методами с помощью хирургических вмешательств и инвазивных косметологических процедур. В связи с этим возникает актуальность исследования форм контента, который используют блогеры, и его влияния на отношение молодёжи к пластическим операциям и инвазивным косметологическим процедурам.

Для изучения влияния блогеров на готовность молодежи к изменению собственной внешности было проведено социологическое исследование, целью которого являлось выявление влияния информации в блогах на возрастающую популярность инвазивных и малоинвазивных процедур среди русскоязычной молодёжи.

Одним из методов исследования являлся опрос, в котором приняли участие 296 респондентов, девушки и женщины в возрасте от 14 до 35 лет.

Было установлено, что наибольшей популярностью у молодёжи пользуются блоги, содержащие развлекательный контент; видео про путешествия и развлечения; «Лайфстайл» видео и блоги; развлекательные шоу, интервью; мини-сериалы, постановочные видео, истории из жизни; видео про спорт и здоровый образ жизни; контент про компьютерные видеоигры и пр. Только несколько каналов были посвящены политике, психологии, косметологии, литературе.

34,2% респондентов хотели бы иметь внешние данные как у блогера, 65,8% – не желает этого. При этом 19,1% уверены, что каждый человек индиви-

дуален и нужно ценить то, что каждому дано от природы (*напр.*, «нет, каждый по-своему особенный», «каждый человек индивидуален», «нет, так как и так все кругом похожие», «я удовлетворена своими природными данными»). Желание быть похожими на какого-либо определенного блогера высказали 85% респондентов в возрасте 15-17 лет, 51% – в возрасте 18-23 лет и 15% в возрасте с 24 до 35 лет. Более трети опрошенных не считают себя красивой, и, возможно, хотели бы что-то в себе исправить.

Анализ контента блогов позволил разделить их на несколько типов, содержащих видео-сюжеты разной направленности.

1. Первый тип – видео, в которых наблюдается прямая взаимосвязь с рассматриваемой темой, где непосредственно раскрывается вопрос о модификации тела специалистами.

2. Второй тип – видео, косвенно связанные с эстетическими инвазивными вмешательствами.

К видео с прямой взаимосвязью был отнесён контент видеоблогеров, в которых видеоблогеры рассказывают о своем опыте (как негативном, так и позитивном) инвазивных процедур коррекции внешности, которая могла быть сделана по бартерному принципу (процедуру делают за рекламу), либо реклама имеет скрытый или нативный характер и просветительские видео, видео развлекательного характера, в которых затрагивается тема эстетической пластики тела. Данная категория видеоблогов чаще всего не подразумевает высокого уровня экспертности блогера.

54,2% блогеров хотя бы раз в жизни ложились на операционный стол пластического хирурга или/и делали косметологические инъекции. При этом 45,8% из них либо отрицают наличие подобной коррекции, либо не

упоминают о своих процедурах. Однако контент-анализ материалов сайтов и комментариев к постам показал, что отсутствие инвазивных манипуляций у некоторых медийных личностей может быть подвергнуто сомнению. Было установлено, что

Самой популярной процедурой является пластика губ филлерами. 42,2% блогеров, являющихся для молодежи эталоном красоты, увеличивали свои губы у косметолога с помощью инъекций и открыто об этом рассказывают. Это обусловлено тенденцией, распространившаяся в современном социокультурном пространстве российского общества, при которой медийная личность с естественными (тонкими) губами подвергается большому социально-психологическому давлению и вынуждена обращаться к косметологам за хейлопластикой. Изменили форму носа с помощью ринопластики 13,2% блогеров, а 4,8% из них прибегали к процедуре маммопластики.

Такой контент имеет высокую оценку среди зрителей, положительных оценок значительно больше, чем отрицательных. При этом авторы негативных комментариев указывают на несоответствие между содержанием контента блога и стремлением самого блогера изменять свою внешность (*например, «Как человек, вещающий о необходимости развития самоуверенности, может комплексовать по поводу горбинки на носу и не может обойтись без больших губ и уколов ботокса?»*).

В последнее время большую популярность приобрели видео от врачей-косметологов и врачей-хирургов. Главной целью является не реклама какого-либо конкретного медицинского центра, а создание положительного образа врача-блогера. Внимание зрителей не акцентируют на конкретной

клинике, но позволяет быстро и коротко изложить необходимый материал (как и в TikTok), собрать наибольшее количество просмотров и реакций, чем и пользуются врачи-косметологи и врачи-хирурги. В своих видео они как правило отвечают на популярные среди молодёжи вопросы. Существует множество форматов: кто-то в юмористическом контексте объясняет особенности тех или иных процедур, даёт рекомендации и предостерегает от «глупостей»; кто-то разбирает внешность знаменитостей на наличие хирургических и косметологических коррекций; кто-то рассказывает о способах коррекции внешности, о новинках в индустрии красоты и модных трендах.

Такие блоги имеют как положительной, так и отрицательной нюансы. Плюсы данного вида контента заключаются в простоте донесения информации, сделанной с профессиональной точки зрения. Как правило, описание и оценка несут ценный и информативный характер и зачастую способны уберечь зрителей от обращения к неквалифицированным специалистам. Минусом является то, что данные блоги всё же направлены на создание положительного образа инвазивных способов коррекции, поскольку врачи работают в индустрии, про которую рассказывают, и им необходимо привлечение клиентов в свою сферу.

Рекламные видеоблоги конкретных клиник пластической хирургии и косметологии показывают положительные результаты проведенных процедур, операций. В них представлены все контактные данные врачей и клиник косметологии и пластической хирургии, следовательно, отмечается исключительно рекламный характер информации. Каналы содержат однотипный

рекламирующий контент, аудиторией которых являются все «от мала до велика». Однако, далеко не все из блогов, относящихся к данной группе, в полной мере освещают побочные явления от проведенных операций, что не даёт зрителям объективных представлений обо всех плюсах и минусах инвазивных эстетических процедур.

Второй тип с косвенной взаимосвязью выявить гораздо сложнее, потому что о процедурах не говорится в открытой форме, либо упоминается без каких-либо подробностей. Несмотря на это, они имеют значение не меньшее, а порой и большее. Если зрителю понравится внешность блогера, создастся подсознательное желание быть похожим на человека с экрана, и знание о наличии операции может подстегнуть к совершению аналогичной процедуры или снизить страх перед ними.

К данному типу можно отнести видеоблогеры, внешность которых была изменена с помощью инвазивных коррекций, о которых блогеры говорят открыто, но не акцентируют на этом большого внимания. Так, например, блогер «Лисса» В своём интервью в программе «ДаДа – НетНет» [5], девушка делится важной информацией: *«О чём не предупреждают в огромных количествах случаев врачи, о чем, в принципе, мало информации – о том, что организм может по-разному реагировать на абсолютно любое вмешательство, будь то губы, нос или грудь. Это всегда возможные последствия. И у меня это последствие случилось, нос начал деформироваться – это индивидуальная особенность \.../ Если вы планируете какую-либо пластику, даже если это самая безобидная история, почитайте об осложнениях - о них не просто так пишут. Нужно 10 раз думать».*

Но несмотря на неудачный опыт,

позиция девушки на счёт операций такова: «Если тебе что-то в себе не нравится надо это поменять. Но это исключительно моя позиция, потому что я осознанно иду на весь этот риск».

Категория видеоблогеров, которые скрывают информацию о своих эстетических инвазивных манипуляциях, но наличие, которых можно определить, самая сложная для изучения – оценка внешних данных, тех или иных позиций (взглядов) блогера, вероятно, будет носить субъективный характер. Однако данная категория видео была всё же выделена в отдельную, в связи с тем, что косметологи и хирурги публикуют «анализы внешности» различных знаменитостей на наличие пластических операций и косметологических процедур. Чаще всего эксперты утверждают, что знаменитости (к которым блогеры также относятся) прибегают к процедурам, о которых официально не афишируется.

Выводы и обсуждение

Видеоблогинг оказывает влияние на формирование отношения молодёжи к инвазивным эстетическим процедурам, выступая «экспертами» современных стандартов красоты. Основаниями влияния являются как собственный субъективный опыт и личные (коммерческие) интересы, так и стремление предоставлять относительно объективную информацию. Но в последнее время в блогах все чаще поднимается вопрос о последствиях различных эстетических процедур, формируя объективную картину в отношении к инвазивным эстетическим процедурам. Этому способствует распространение видео, которые основаны не на опыте самих блогеров, а опираются на мнение экспертов в области медицины. Успех рекламы услуг пластических хирургов и косметологов

основывается на доверии к блогеровому формату как понятному и доступному для современной молодежи способу получения информации. Значительная часть блогеров, пользующихся популярностью среди молодёжи, хотя бы однократно прибегала к процедурам «красоты», чтобы вписываться в определенные стандарты современности». Более 54% блогеров, которых молодёжь считает внешне привлекательными, хотя бы единожды использовали инвазивные методы коррекции внешности, стремясь достичь установленных эталонов привлекательности: пухлые губы, прямой маленький нос, пышная грудь, стройное худое тело, отсутствие морщин и признаков возрастных изменений – вот к чему стремятся все медийные личности, в том числе и видеоблогеры.

Список литературы

1. Васильева А. Удивительная тенденция: что происходит на рынке пластической хирургии // URL: <https://spb.plus.rbc.ru/news/638d90097a8aa9f3126daaa4?ysclid=lievxcfcqb244114713> (Дата обращения: 30.10.2025)
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-auditornaja-socialnykh-setei-i-messendzherov-izmeneniya-na-fone-specoperacii?ysclid=lill8iwyfn916281230> (Дата обращения: 30.10.2025).
3. Зяблова П.А. Влияние блогинга на молодёжь // Российское общество: история и современность: сборник научных работ студентов и аспирантов. Вып. 12. - Текст: электронный / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. - Екатеринбург: РГППУ, 2018. С. 15-19. // URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/26346/1/rois_2018_05.pdf?ysclid=liey0n3wnk394198153 (Дата обращения: 22.10.2025).
4. Лисенкова А.А., Мельникова А.Ю. Социальные сети как фактор активного влияния на формирование ценностей молодёжи // Российский гуманитарный журнал. 2017. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-faktor-aktivnogo-vliyaniya-na-formirovaniye-tsennostey-molodezhi> (дата обращения: 03.06.2023).
5. Наташа Гасанова; «ДаДа-НетНет». // URL: https://vk.com/yesnoyes_show (Дата обращения: 01.11.2025)
6. Никитина Т.В. Влияние субкультуры блогинга на нравственность подростков // Вестник Международного института рынка. 2019. № 1. С. 61-64. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37237819&ysclid=liey2pcwda499258297> (Дата обращения: 22.10.2025).
7. Питиль В. Роль YouTube в жизни людей: факты и выводы для брендов // URL: <https://uspei.com/>

- prodvizhenie-v-youtube/rol-youtube-v-zhizni-lyudej (Дата обращения: 18.10.2025).
8. Подгорный Д., Щербакова Д. Условия, факторы и отношение молодежи к профессионализации блогинга // KANT: SS&H. 2021. № 2 (6). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-factory-i-otnoshenie-molodezhi-k-professionalizatsii-bloginga> (Дата обращения: 24.10.2025).
  9. Cosmetic procedures: ethical issues // URL: <https://www.nuffieldbioethics.org/assets/pdfs/Cosmetic-procedures-full-report.pdf> (Дата обращения: 01.11.2025)
  10. DrDikov. Пластический хирург. // URL: <https://drdikov.ru/blog/> (Дата обращения: 01.11.2025)
  11. Матиев М.А., Костоева А.М., Янарсанова Д.М. Древний пласт ингушских обрядовых песен // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 52-62.

References

1. Vasilyeva A. A Surprising Trend: What's Happening in the Plastic Surgery Market // URL: <https://spb.plus.rbc.ru/news/638d90097a8aa9f3126daaa4?ysclid=lievxcfqb244114713> (30.10.2025)
2. All-Russian Public Opinion Research Center // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-auditorija-socialnykh-setei-i-mesendzherov-izmeneniya-na-fone-specoperacii?ysclid=lill8iwfyf916281230> (30.10.2025).
3. Zyablova P.A. The Impact of Blogging on Young People // Russian Society: History and Modernity: A Collection of Scientific Papers by Students and Postgraduates. Issue 12. - Electronic text / Rus. state prof.-ped. univ. - Ekaterinburg: RSPPU, 2018. P. 15-19. // URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/26346/1/rois_2018_05.pdf?ysclid=liey0n3wnk394198153 (22.10.2025).
4. Lisenkova A.A., Melnikova A.Yu. Social networks as a factor actively influencing the formation of youth values // Russian Humanitarian Journal. 2017. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-faktor-aktivnogo-vliyaniya-na-formirovanie-tsennostey-molodezhi> (03.06.2023).
5. Natasha Gasanova; "DaDa-NoNo". // URL: https://vk.com/yesnoyes_show (01.11.2025)
6. Nikitina T.V. The Influence of the Blogging Subculture on the Morality of Adolescents // Bulletin of the International Market Institute. 2019. № 1. pp. 61-64. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37237819&ysclid=liey2pcwda499258297> (22.10.2025).
7. Pitel V. The Role of YouTube in People's Lives: Facts and Conclusions for Brands // URL: <https://uspei.com/prodvizhenie-v-youtube/rol-youtube-v-zhizni-lyudej> (18.10.2025).
8. Podgorny D., Shcherbakova D. Conditions, Factors, and Attitudes of Young People to the Professionalization of Blogging // KANT: SS&H. 2021. № 2 (6). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-factory-i-otnoshenie-molodezhi-k-professionalizatsii-bloginga> (24.10.2025).
9. Cosmetic procedures: ethical issues // URL: <https://www.nuffieldbioethics.org/assets/pdfs/Cosmetic-procedures-full-report.pdf> (01.11.2025)
10. DrDikov. Plastic surgeon. // URL: <https://drdikov.ru/blog/> (01.11.2025)
11. Matiev M.A., Kostoeva A.M., Yanarsanova D.M. The ancient layer of Ingush ritual songs // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 52-62.

Чэнь Тэнда*Докторант, Институт государственного управления,
Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай.*

Рефлексия моделей пространственного управления: историческая эволюция, практические дилеммы и институциональные инновации*

Аннотация. Управление пространственными ресурсами в человеческом обществе характеризуется непрерывной эволюцией — от регулирования природного пространства и контроля рыночного пространства до появления общего интеллектуального пространства, отражающего постепенную трансформацию способов социального производства, властных структур и концепций управления. В эпоху интеллектуализации управление пространственными ресурсами сталкивается с четырьмя основными практическими дилеммами: структурным дисбалансом между участниками, недостаточной интеграцией объектов, слабой технологической поддержкой и кризисом легитимности, которые ограничивают эффективность управления, справедливость и устойчивое развитие. Для решения этих проблем необходимо создать систематические механизмы управления: на уровне участников — содействие многостороннему сотрудничеству и расширению прав и возможностей; на уровне объектов — достижение интеграции виртуального и реального пространств и целостной пространственной координации; на технологическом уровне — усиление сбалансированной поддержки и цифровой интеграции; на уровне легитимности — обеспечение приоритета технологий и этики. Благодаря синергетическому инновациям в институтах, технологиях и этике крайне важно повысить уровень управления пространственными ресурсами, реализовать совместное использование ресурсов и Интернет вещей, тем самым обеспечивая практическое руководство для государственного управления в интеллектуальном обществе.

Ключевые слова: пространственное управление, интеллектуальное общество, совместное управление, технологическое расширение возможностей.

Chen Tengda*PhD Candidate. School of Government Management, Heilongjiang University, Harbin.*

Reflection on models of spatial governance: historical evolution, practical dilemmas, and institutional innovation

Abstract. Spatial governance in human society is characterized by continuous evolution—from the regulation of natural space and the control of market space to the emergence of shared intelligent space, reflecting the gradual transformation of modes of social production, power structures, and governance concepts. In the era of intellectualization, spatial governance faces four major practical dilemmas: structural imbalance among actors, insufficient integration of objects, weak technological support, and a crisis of legitimacy, which constrain governance efficiency, equity, and sustainable development. To address these challenges, systematic governance mechanisms should be established: at the actor level, promoting multi-stakeholder collaboration and partici-

---

* © Чэнь Тэнда, 2025.

Рефлексия моделей пространственного управления: историческая эволюция, практические дилеммы и институциональные инновации

patory empowerment; at the object level, achieving the integration of virtual and real spaces and holistic spatial coordination; at the technological level, enhancing balanced support and digital inclusion; at the legitimacy level, ensuring technology for good and ethics first. Through the synergistic innovation of institutions, technology, and ethics, it is essential to elevate the level of spatial governance, realize resource sharing and the Internet of Things, thereby providing practical guidance for public governance in an intelligent society.

Key words: spatial governance, intelligent society, collaborative governance, technological empowerment.

Пространственное управление в человеческом обществе характеризуется непрерывной эволюцией – от регламентации естественного пространства и регулирования рыночного пространства до становления совместного использования интеллектуального пространства, что отражает постепенную трансформацию способов общественного производства, структур власти и концепций управления. В эпоху интеллектуализации пространственное [1] управление сталкивается с четырьмя основными практическими дилеммами: структурный дисбаланс субъектов, недостаточная интеграция объектов, слабая технологическая поддержка и кризис легитимности, которые сдерживают эффективность, справедливость и устойчивое развитие управления. Для этих вызовов следует создать системные механизмы управления: на уровне субъектов – стимулировать множественную синергию и расширение участия и возможностей; на уровне объектов – реализовать интеграцию виртуального и реального пространства и общепространственную координацию; на технологическом уровне – усилить сбалансированную поддержку и цифровую инклюзивность; на уровне легитимности – реализовать ориентацию технологий на добро и приоритет этики. Посредством синергии институциональных, технологических и этических инноваций необходимо повысить

уровень пространственного управления, реализовать совместное использование ресурсов и интернет вещей, предоставив практическое руководство для публичного управления в интеллектуальном обществе.

Историческая эволюция моделей пространственного управления и их характеристики

С точки зрения развития человеческого общества, пространственное управление представляет собой практическую деятельность субъектов управления по управлению различными пространствами. Пространство для управления является одновременно основой, объектом и стратегией управления [2], его ценностной целью является достижение сбалансированного состояния пространственного развития, реализация пространственной справедливости. Сменяя друг друга вместе с общественными формациями, деятельность пространственного управления сформировала различные его модели, конкретно проявившиеся в трех типичных формах: аграрной, индустриальной и интеллектуальной.

(1) Регламентированная модель пространственного управления в аграрном обществе

Формирование аграрного общества ознаменовало переход человечества от кочевого, зависимого от природы образа жизни к оседлой форме социальной

организации. Земля стала основным средством производства, поэтому пространственное управление имело своей первоочередной целью поддержание политического господства и общественного порядка. Субъектами управления выступали главным образом государственная власть и зависимые от нее клановые, помещичьи и религиозные организации и т.д., осуществлявшие регламентацию и распределение географического пространства через ритуалы, право, клановые законы и этические нормы. На данном этапе значение пространства в основном проявлялось в воспроизводстве политического и социального порядка, а не в повышении экономической эффективности. Пространственный порядок часто сакрализировался и связывался со структурой власти, отражая отчетливый колорит «правления людей». Господство государства над пространством основывалось на авторитете и моральной легитимности, а крестьяне, деревни и другие базовые группы в основном выступали объектами регламентации, а не участниками управления. Таким образом, пространственное управление в аграрном обществе демонстрировало структурную логику «господство–зависимость–закрытость», его методы, хотя и обладали институциональными чертами, используя такие объекты, как почтовые станции, по своей сути оставались «человеческой» моделью управления, ориентированной на политический порядок.

(2) Регулирующая модель пространственного управления в индустриальном обществе

Наступление индустриального общества привело к фундаментальному изменению логики пространственного управления. Подъем машинного производства и рыночной экономики

превратил пространство в платформу для экономической деятельности и накопления капитала. Субъекты управления расширились от единственного правительства до дуалистической структуры, состоящей из государства и рынка; цели управления сместились с политического порядка на освоение ресурсов и экономическую эффективность, производство городского пространства проявило тенденцию к коммодификации пространства. На этом этапе государство через институциональные системы планирования, бюрократические организации и техническую рациональность способствовало реструктуризации пространства, такой как зонирование городов, строительство инфраструктуры и региональное развитие; рыночные силы через инвестиционное размещение, диффузию отраслей и пространственное разделение труда формировали механизмы саморегулирования экономического пространства. Направление пространственного управления сместилось от регламентации к регулированию, от моральных ограничений к административным и капиталистическим ориентирам, его ядро заключалось в достижении функциональной дифференциации пространства через политику и капитала. Методы управления часто использовали новые машины, такие как поезда, пароходы, автомобили, демонстрируя черты технизации, иерархизации и утилитаризма. Пространство было включено в двойной механизм государственного планирования и рыночной логики, становясь вычислимой, оптимизируемой, рециклируемой ресурсной единицей. В отличие от ориентации на порядок в аграрном обществе, пространственное управление в индустриальном обществе отражало логику «управления

вещами» под доминированием инструментальной рациональности, где власть, капитал и технологии совместно формировали пространственную структуру управления с приоритетом эффективности.

(3) Модель совместного использования пространственного управления в интеллектуальном обществе

С наступлением интеллектуального общества распространение информационных технологий и цифровой инфраструктуры привело к фундаментальной трансформации концепции пространства, сформировав мир «трех пространств», состоящий из «физического пространства», «социального пространства» и «цифрового пространства» [3], а публичное управление переместилось из физического пространства в цифровое [4]. На этой основе традиционное физическое пространство было расширено и реконструировано виртуальным сетевым пространством, субъекты, объекты и методы управления стали плюралистичными, правительство, рынок и общество совместно сформировали полицентрическую структуру субъектов управления, а объекты управления расширились от географического пространства до гибридного киберпространства. Пространственное управление в интеллектуальном обществе ориентировано на совместное использование ресурсов и совместное управление, его логика сместилась от «контроля» к «координации», от «иерархии» к «сети». Цифровые технологии, такие как большие данные, искусственный интеллект, блокчейн и т.д., стали важными инструментами пространственного управления. Посредством сбора данных, алгоритмического принятия решений и платформенной координации достигается точное соответствие и оптимальное распределение информа-

ционных потоков, финансовых потоков и людских потоков.

В этом процессе правительство постепенно превращается из «доминирующего» в «создателя платформ» и «установителя правил», рынок становится двигателем инноваций и движения ресурсов, а общественные силы через публичное участие и обмен данными формируют новую экосистему управления. Пространственное управление в интеллектуальном обществе демонстрирует новые черты «децентрализации, интеллектуальной подвижности, совместного создания ценности, открытости и совместного использования», по сути являясь моделью технократического управления, основанной на цифровых технологиях и нацеленной на публичные ценности.

В целом, от аграрного к индустриальному и далее к интеллектуальному обществу, эволюция моделей пространственного управления отражает системные изменения в способах общественного производства, структурах власти и концепциях управления. Логика управления человечеством пространством демонстрирует эволюционный процесс от политического господства к экономическому регулированию и далее к технологическому расширению возможностей, эта эволюция отражает историческую прогрессию «правление людьми – управление вещами – интеллектуальное управление».

Практические дилеммы моделей пространственного управления

Как продукт развития эпохи, трансформация моделей пространственного управления является основной тенденцией. В этом процессе структурный дисбаланс субъектов управления, недостаточная связь объектов управления, слабая способность технологической

поддержки управления и обострение кризиса легитимности стали важными практическими проблемами, сдерживающими трансформацию и модернизацию моделей пространственного управления.

(1) Структурный дисбаланс субъектов управления: рецентрализация власти и отсутствие социального участия

Интеллектуальное пространственное управление, преобразуя систему управления, одновременно вызвало структурный дисбаланс субъектов. Властные отношения между правительством, платформенными предприятиями и общественностью были перестроены: власть правительства в результате технологического вмешательства проявляет рецентрализацию, реализуя «возвращение государства» [5], платформенные предприятия формируют де-факто «алгоритмический суверенитет», а общественность находится на периферии. С одной стороны, интеллектуальное управление требует множественной синергии, но участие общественных субъектов остается на уровне «предоставления информации», им трудно глубоко участвовать в проектировании алгоритмов и принятии решений, что ослабляет совещательный и открытый характер публичных дел. С другой стороны, правительство и платформенные предприятия получили беспрецедентную способность контролировать пространство: правительство с помощью сбора данных и интеллектуального мониторинга реализует «визуальное управление», но это также несет risks расширения surveillance и риски для приватности; платформенные предприятия, опираясь на алгоритмы и инфраструктуру данных, усилили способность формировать публичное про-

странство. Общественность находится в конце информационной цепочки, в пассивном состоянии. Таким образом, хотя эффективность управления повышается, публичность и демократичность остаются хрупкими, формируя противоречивую структуру «концентрация технологий наверху, фрагментация участия внизу».

(2) Разрыв объектов управления: отставание интеграции виртуального и реального пространства

Ядро интеллектуального пространственного управления заключается в органической интеграции виртуального и реального пространства для построения операционной структуры по типу «цифрового двойника». Однако в реальности они до сих пор не truly соединены, между киберпространством и физическим пространством все еще существуют четкие границы, элементы данных еще не реализовали межрегиональную циркуляцию. На институциональном уровне существующая система управления все еще ограничена административными границами, стандарты данных и информационные системы имеют фрагментированный характер. Такие государственные услуги, как «межпровинциальное оформление», «удаленное оформление», хотя и реализовали онлайн-расширение, все еще ограничены в стыковке данных и реальной синхронизации, что особенно заметно в услугах образования, здравоохранения, социального обеспечения в другом месте. На практическом уровне интеллектуальное управление еще не вступило в этап «интеллектуальной координации», институциональные логики виртуального и реального все еще не сопряжены, что приводит к задержкам в реализации политики, разрывам в передаче информации и заметному разрыву

в услугах. Таким образом, цели пространственной интеграции и совместного использования ресурсов все еще ограничены двойными constraints институтов и технологий.

(3) Недостаточность технологической поддержки управления: пространственная дифференциация и цифровой разрыв.

Интеллектуальное пространственное управление направлено на достижение совместного использования ресурсов и выравнивание услуг, но существующая система технологической поддержки все еще слаба. Недостаточность технологической поддержки управления в двух аспектах: региональная дифференциация и цифровой разрыв. Во-первых, региональная пространственная дифференциация значительна. Развитые регионы, обладая центрами обработки данных и алгоритмическими платформами, осуществляют интеллектуальную трансформацию, в то время как малые и средние города, а также менее развитые регионы все еще имеют shortcomings в получении данных, поставке вычислительных мощностей и сетевом соединении, традиционные географические разрывы постепенно превращаются в «разрывы в пространстве данных», например, с ростом потребностей во внутренней и межгородской мобильности населения, традиционные методы распределения ресурсов, основанные на статическом населении, с трудом адаптируются к динамично меняющимся пространственным потребностям, что приводит к дальнейшему несоответствию распределения ресурсов [6], и справедливость управления становится еще более недостаточной. Во-вторых, цифровой разрыв усугубляется. Пожилые люди, сельские жители и другие уязвимые группы из-

за недостатка цифровых навыков не могут в равной степени пользоваться преимуществами интеллектуализации, неравное распределение технологических дивидендов, наоборот, увеличивает социальный разрыв. Поэтому для достижения совместного использования и инклюзивности интеллектуального управления необходимо усилить сбалансированность технологической поддержки, сократить региональные разрывы, повысить способность групп к цифровой адаптации, чтобы технологии стали важной институциональной опорой для реализации публичных ценностей.

(4) Дилемма легитимности: напряженность между технологической рациональностью и ценностной рациональностью

Логика интеллектуального пространственного управления укоренена в технологической рациональности «эффективность-точность-прогнозирование», тогда как публичное управление должно быть ориентировано на «справедливость-правосудие-публичные интересы». Напряженность между ними создает для интеллектуального управления risks ослабления легитимности и публичности в погоне за эффективностью. Алгоритмическое управление, хотя и повышает научность принятия решений, также порождает проблемы «черного ящика» и отсутствия подотчетности. Основа для решений смещается от «публичного обсуждения» к «технологическому суждению», легитимность управленческого авторитета в определенной степени заменяется технологической логикой. При отсутствии этических ограничений и институциональных границ интеллектуальное управление может превратиться в новую «технократию». В то же время эта концентрация власти и информации

маргинализирует публичное участие, механизм общественного контроля трудно, прозрачность и подотчетность управления ослабляются. В конечном счете, хотя эффективность и повышается, проблемы рецентрализации власти, пространственной дифференциации и смещения ценностей, эрозия публичности технологической рациональностью, что предъявляет насущные требования к непрерывной оптимизации моделей пространственного управления.

В целом, практические дилеммы интеллектуального пространственного управления в основном проявляются в структурном дисбалансе субъектов, разрыве интеграции объектов, недостаточности технологической поддержки и кризисе легитимности. Эффективное решение этих проблем имеет решающее значение для трансформации и модернизации моделей интеллектуального пространственного управления.

Институциональные инновации моделей пространственного управления

Столкнувшись с проблемами, выявленными интеллектуальным пространственным управлением, такими как структурный дисбаланс субъектов, разрыв интеграции объектов, недостаточность технологической поддержки и risks легитимности, необходимо создать системные инновационные механизмы с точки зрения субъектов управления, объектов управления, технологической поддержки и легитимности, чтобы реализовать совместное использование, синергию и устойчивость пространственного управления.

(1) Оптимизация субъектов управления: множественная синергия и расширение участия и возможностей

Эффективная реализация модели интеллектуального пространствен-

ного управления зависит от совместного управления множественных субъектов, таких как правительство, платформенные предприятия, общественные организации и публика. Для повышения эффективности управления, во-первых, правительству необходимо создать открытые платформы для принятия решений и каналы обмена данными, позволяющие общественным организациям и публике участвовать в реальном времени в разработке политики, проверке алгоритмов и надзоре за использованием данных, а также через такие механизмы, как онлайн-раскрытие информации, сбор мнений и участие в бюджетировании, включать общественное мнение в оценку управления и принятие решений о распределении ресурсов. Во-вторых, платформенные предприятия при предоставлении технических услуг должны нести публичную ответственность, например, открывать интерфейсы ключевых алгоритмов для надзорных органов независимых экспертов, участвовать в создании публичных платформ данных, поддерживать общественные услуги и проекты, реализуя преобразование технологических возможностей в общественные ценности. В-третьих, общественным организациям и публике необходимо превратиться из поставщиков информации в сотрудников по управлению, например, участвуя в сборе данных, координации услуг, управлении сообществами и обратной связи по публичным услугам, реализуя участие на базовом уровне. Посредством оптимизации субъектов управления процесс пространственного управления может перейти от «концентрации технологий наверху, пассивного принятия внизу» к структуре управления, характеризующейся множественным сотрудничеством, взаимодействием

прав и ответственности, эффективным совместным использованием.

(2) Интеграция объектов управления: виртуально-реальное пространство и общепространственная координация

В ответ на проблему отставания интеграции виртуального и реального пространства следует продвигать системную интеграцию объектов управления, добиваясь органической координации цифрового и физического пространства. Конкретные пути включают: разрушение административных и ведомственных барьеров, создание единых стандартов данных и интерфейсов, реализацию межрегионального и межведомственного информационного взаимодействия и обмена; использование цифровых платформ и технологий «цифровых двойников» для соединения онлайн-систем публичных услуг, таких как образование, здравоохранение, социальное обеспечение, с офлайн-ресурсами, реализацию функций удаленного оформления, телемедицины, межрегионального образования и т.д., опираясь на общенациональную интегрированную платформу государственных услуг ^[7], чтобы публичные услуги функционировали синхронно в виртуальном и реальном пространствах; одновременную интеграцию информации о естественном, рыночном и социальном пространствах, построение действенных моделей управления через анализ данных, визуализацию и инструменты моделирования, реализацию замкнутого цикла распределения ресурсов и выполнения политики; и создание с помощью данных в реальном времени межрегиональных систем координации и диспетчеризации для динамической оптимизации распределения ресурсов, таких как больничные койки, общественный транспорт и ава-

рийные материалы, содействие динамическому балансу и эффективному использованию виртуального и реального пространств. Посредством этих мер достигается интеграция объектов управления и общепространственная координация, повышаются эффективность, справедливость и действенность пространственного управления.

(3) Усиление технологий управления: сбалансированная поддержка и цифровая инклюзивность

Технологические инновации должны иметь своей основной целью сбалансированную поддержку и инклюзивность, сокращение региональных разрывов и разрывов между группами. Правительству и предприятиям необходимо оптимизировать размещение центров обработки данных, вычислительных платформ и сетевой инфраструктуры, чтобы малые и средние города, а также менее развитые регионы могли получить необходимую технологическую поддержку. В то же время, необходимо повысить способность пожилых групп использовать цифровые технологии для усиления их доступности и способности извлекать выгоду, а также адаптировать цифровые приложения для пожилых ^[8], обеспечивая, чтобы пожилые люди, сельские жители и другие уязвимые группы могли в равной степени пользоваться интеллектуальными услугами. Технические стандарты должны быть открытыми, расширяемыми, проверяемыми, чтобы реализовать внедрение публичных ценностей, одновременно поддерживая межведомственную и межрегиональную совместимость, повышая общую устойчивость и справедливость интеллектуального управления.

(4) Реконструкция легитимности управления: ориентация технологий на добро и приоритет этики

Интеллектуальное управление должно искать баланс между эффективностью и ценностями, включая этические ограничения в институциональный дизайн, реализуя «ориентацию технологий на добро»¹⁹. Конкретные меры включают создание механизмов этической проверки применения алгоритмов и данных, раскрытие логики принятия решений, усиление системы подотчетности, а также защиту личной приватности и публичных интересов. Институциональный дизайн должен обеспечивать, чтобы технологическая рациональность служила ценностной рациональности, избегая превращения технологий в новый инструмент контроля. Механизмы публичного участия и общественного контроля должны продвигаться синхронно с применением технологий, делая процесс управления прозрачным, подотчетным, учитывающим справедливость и эффективность, тем самым восстанавливая публичное доверие и способствуя переходу пространственного управления от «технократии» к «совместному управлению и использованию» публичного пространства.

Заключение

От порядка «правления людей» в аграрном обществе, через регулирующее управление «вещами» в индустриальном обществе, до технологического расширения возможностей и совместного использования в интеллектуальном обществе, модели пространственного управления постоянно адаптируются к потребностям общественного развития. Однако интеллектуальное управление, повышая эффективность, также выявило такие проблемы, как структурный дисбаланс субъектов, недостаточная интеграция объектов, неравномерность технологи-

ческой поддержки и вызовы легитимности. Предложенные в данной статье механизмы множественной синергии, интеграции виртуального и реального, сбалансированности технологий и ориентации технологий на добро направлены на перестройку структуры публичного пространственного управления через синергию институциональных, технологических и этических инноваций. В будущем пространственное управление должно придерживаться ориентации на публичные ценности, сочетать эффективность и справедливость, способствовать совместному использованию ресурсов и интернету вещей, реализуя переход от однопольного управления к совместному управлению и использованию.

Список литературы

1. Янь Чану, Ян Инин. Что такое пространственное управление? // Вестник Гуансийского педагогического университета (философские и социальные науки). 2023. Т. 59. № 1. С. 20-31.
2. Ван Хайжун, Хань Цзяньли. Историческая эволюция и политическая логика городского пространственного управления за 70 лет со дня основания КНР // Вестник Хуачжунского университета науки и технологий (социальные науки). 2019. Т. 33. № 5. С. 12-19.
3. Ми Цзянин, Чжан Чанпин, Ли Даюй и др. «Цифровое пространство» правительства и его исследовательская программа — Изменения формы правительства, вызванные Четвертой промышленной революцией // Вестник публичного управления. 2020. Т. 17. № 1. С. 1-17+168.
4. Юй Цзяньсин, Чжоу Синюй. От плюрализма к мульти-дизайну: трансформация моделей публичного управления в цифровую эпоху // Исследования управления. 2024. Т. 40. № 4. С. 26-38+157-158.
5. Ян Лихуа, У Кайбяо, Тан Либо. Возвращение государства: новая задача исследований публичного управления Китая в новую эпоху // Обзор публичного администрирования. 2025. Т. 18. № 1. С. 1-25+196.
6. У Тун, Чжэнь Фэн, Кун Юй и др. Исследование моделей и путей расширения возможностей городского пространственного управления технологиями искусственного интеллекта // Планировщик. 2024. Т. 40. № 3. С. 14-21.
7. Сунь Цзунфэн, Си Цзячэн. Типы и логика цифрового совместного управления — на примере государственных услуг «межпровинциальное оформление» // Электронное правительство. 2023. № 10. С. 95-105.
8. Го Сяоэй. Структурный анализ и прорыв к справедливости серебряного цифрового разрыва // Вестник Харбинского политехнического университета (социальные науки). 2025. Т. 27. № 5. С. 69-76.

9. Ли Сыжань, Хэ Ин. Ориентация технологий на добро и приоритет этики: анализ путей построения системы управления технологической этикой // Китайское публичное управление. 2025. Т. 41. № 8. С. 47-58.

References

1. Yan Changwu, Yang Yining. "What is Spatial Governance?" // Bulletin of Guangxi Normal University (Philosophical and Social Sciences). 2023. Vol. 59. № 1. P. 20-31.
2. Wang Haizhong, Han Jianli. "Historical Evolution and Political Logic of Urban Spatial Governance over 70 Years since the Founding of the People's Republic of China." // Bulletin of Huazhong University of Science and Technology (Social Sciences). 2019. Vol. 33. № 5. P. 12-19.
3. Mi Jianing, Zhang Changping, Li Dayu, et al. "The Digital Space of Government and Its Research Program: Changes in Government Form Caused by the Fourth Industrial Revolution." // Bulletin of Public Administration. 2020. Vol. 17. № 1. P. 1-17+168.
4. Yu Jianxing, Zhou Xingyu. From Pluralism to Multidimensionalism: Transformation of Public Administration Models in the Digital Age // Management Studies. 2024. Vol. 40. № 4. P. 26-38+157-158.
5. Yang Lihua, Wu Kaibiao, Tang Libo. The Return of the State: A New Task for Chinese Public Administration Research in the New Era // Public Administration Review. 2025. Vol. 18. № 1. P. 1-25+196.
6. Wu Tong, Zhen Feng, Kong Yu, et al. Research on Models and Ways to Expand the Capabilities of Urban Spatial Management by Artificial Intelligence Technologies // Planner. 2024. Vol. 40. № 3. P. 14-21.
7. Sun Zongfeng, Xi Jiacheng. Types and Logic of Digital Collaborative Governance: A Case Study of "Inter-Provincial Processing" Public Services // Electronic Government. 2023. № 10. P. 95-105.
8. Guo Xiaowei. Structural Analysis and Breakthrough to Fairness of the Silver Digital Divide // Bulletin of Harbin Institute of Technology (Social Sciences). 2025. Vol. 27. № 5. P. 69-76.
9. Li Sizhan, He Ying. Technology Orientation to Good and Prioritization of Ethics: Analysis of Paths to Building a Technological Ethics Management System // Chinese Public Administration. 2025. Vol. 41. № 8. P. 47-58.

Жукова Т.И.

Кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник. Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» Российской академии наук. SPIN-код: 7819-5746

Влияние цифровых платформ коммуникации на трансформацию социальных связей в современном обществе*

Аннотация. В настоящем исследовании анализируются трансформационные процессы в структуре социальных связей под влиянием цифровых платформ коммуникации. Актуальность работы обусловлена необходимостью переосмысления классических концепций социального капитала в контексте цифровизации общественных отношений. Рассматриваются ключевые характеристики цифровых платформ как среды социального взаимодействия, анализируются изменения в структуре и качестве социальных связей в онлайн-среде. Отмечаются двойственные последствия цифровизации: расширение возможностей коммуникации и объединения по интересам сочетается с рисками социальной изоляции, формирования эхо-камер и ухудшения межличностных отношений. Сделанные выводы способствуют более глубокому пониманию современных изменений в социальной структуре и могут служить основой для разработки стратегий развития цифрового общества.

Ключевые слова онлайн социальный капитал, коммуникативные практики, цифровые платформы, алгоритмическое воздействие, социальные сети.

Zhukova T.I.

Candidate of Economic Sciences, leading researcher. Federal Research Center
“Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences, Moscow. SPIN-code: 7819-5746

The Impact of digital communication platforms on the transformation of social relations in modern society

Abstract. This study analyzes the transformational processes in the structure of social connections under the influence of digital communication platforms. The relevance of this work stems from the need to rethink classical concepts of social capital in the context of the digitalization of social relations. Key characteristics of digital platforms as a medium for social interaction are examined, and changes in the structure and quality of social connections in the online environment are analyzed. The dual consequences of digitalization are noted: the expansion of opportunities for communication and community are combined with the risks of social isolation, the formation of echo chambers, and the deterioration of interpersonal relationships. The findings contribute to a deeper understanding of contemporary changes in social structure and can serve as a basis for developing strategies for the development of a digital society.

Key words: online social capital, communication practices, digital platforms, algorithmic influence, social networks.

---

* © Жукова Т.И., 2025.

Влияние цифровых платформ коммуникации на трансформацию социальных связей в современном обществе

Введение

В эпоху стремительной цифровизации современное общество переживает беспрецедентную трансформацию способов человеческого взаимодействия. Цифровые платформы – социальные сети, мессенджеры, сервисы видеосвязи и другие онлайн-инструменты – радикально изменили не только формы коммуникации, но и саму природу социальных связей: миллиарды людей ежедневно выстраивают, поддерживают и разрывают отношения в виртуальном пространстве.

Актуальность исследования влияния цифровых платформ на социальные связи обусловлена масштабом и глубиной происходящих изменений. Традиционные модели межличностного общения, основанные на физической близости и непосредственном контакте, дополняются, а зачастую замещаются новыми формами цифрового взаимодействия. Это порождает широкие возможности для социальной интеграции и самореализации, но и одновременно увеличивает риски социальной фрагментации, поверхностности связей и цифрового отчуждения.

Данная работа направлена на комплексный анализ механизмов, посредством которых цифровые платформы трансформируют социальные связи, а также на выявление ключевых тенденций, вызовов и перспектив развития социальных отношений в условиях цифровой реальности.

1. Цифровые платформы коммуникации как инструмент социального прогресса

Позитивный потенциал цифровых платформ заключается не просто в технологическом удобстве, но в фундаментальном расширении возможностей для человеческой связи, самореализа-

ции и социальной интеграции. Эти инструменты создают более инклюзивное, гибкое и многообразное социальное пространство, в котором люди могут находить поддержку, смысл и принадлежность независимо от географических, социальных или физических ограничений. Помимо очевидных преимуществ, к числу которых относятся устранение пространственных ограничений и обеспечение мгновенной коммуникации, целесообразно выделить ряд иных значимых характеристик, потенциально присущих цифровым платформам.

Одним из ключевых аспектов этой трансформации является демократизация социального капитала, существенное снижение барьеров доступа. Цифровые платформы радикально изменили способы формирования и использования социального капитала. Традиционно доступ к ценным связям и ресурсам определялся географией, социальным классом и институциональной принадлежностью. Сегодня социальные сети, профессиональные платформы и онлайн-сообщества открывают новые возможности для построения связей. Географические границы перестают быть непреодолимым препятствием для установления профессиональных и личных взаимодействий, что особенно важно для жителей периферийных регионов и развивающихся стран. Стоимость установления и поддержания связей радикально снизилась по сравнению с доцифровой эпохой, когда требовались физические встречи, телефонные звонки или переписка. Исследования показывают, что профессиональные сетевые платформы предоставляют доступ к экспертизе и ресурсам независимо от местоположения пользователя, что создаёт беспрецедентные возможности для карьерного развития [1].

Практические последствия этих процессов проявляются на разных уровнях. Для индивидов цифровые платформы открывают возможности карьерного роста через онлайн-нетворкинг, позволяя устанавливать контакты с потенциальными работодателями, наставниками и коллегами по профессии; краудфандинговые платформы предоставляют доступ к финансовым ресурсам, минуя традиционные институты, что особенно важно для предпринимателей и творческих работников [2]; обмен знаниями через онлайн-сообщества и платформы вопросов-ответов демократизирует доступ к экспертизе, которая ранее была доступна только через формальные институты образования или профессиональные сети [3].

Для общества в целом цифровые платформы создают новые формы гражданской активности и коллективного действия, хотя одновременно существует риск фрагментации социальной ткани и политической поляризации, когда люди взаимодействуют преимущественно с единомышленниками, что ослабляет социальную сплочённость и способность к диалогу между различными группами [4].

Таким образом, цифровые платформы действительно демократизируют доступ к социальному капиталу, снижая традиционные барьеры и создавая новые возможности для установления связей и доступа к ресурсам. Однако этот процесс не является линейным или однозначно позитивным. Цифровые технологии создают новые формы неравенства, связанные с цифровым разрывом, алгоритмическим контролем и коммерциализацией социальных отношений. Это требует критического осмысления роли платформ в современном обществе и разработки политических и регулятивных подходов,

которые могли бы максимизировать демократический потенциал цифровых технологий при минимизации их негативных эффектов.

Цифровые платформы радикально трансформировали способы формирования сообществ, создав беспрецедентные возможности для людей с общими интересами находить друг друга независимо от географических границ. Этот процесс представляет одно из наиболее позитивных измерений цифровизации, расширяя доступ к социальному капиталу и создавая пространства для самореализации. Традиционно формирование сообществ зависело от физической близости – люди объединялись с теми, кто жил или работал рядом. Цифровые технологии разрушили эту зависимость, позволяя создавать сообщества на основе разного рода общностей, а не случайной географической близости. В этом ряду можно назвать специализированные сообщества по интересам и хобби, игровые и спортивные сообщества, сообщества поддержки и взаимопомощи, волонтерские и благотворительные организации и фонды и т.п. Для эмигрантов и представителей диаспор цифровые платформы предоставляют возможность сохранять связь с культурой происхождения, участвовать в жизни сообщества и поддерживать культурную идентичность.

Особенно следует отметить создание новых моделей профессиональных сетевых онлайн сообществ, которые трансформируют традиционные иерархические структуры научного сотрудничества в горизонтальные сети, где исследователи из разных стран, дисциплин и институций могут напрямую координировать совместную работу над сложными научными задачами, минуя бюрократические барьеры и институциональные границы,

что особенно критично для междисциплинарных проектов и быстрого реагирования на глобальные вызовы. Такие сообщества расширяют профессиональные возможности через глобальные сети и обмен знаниями. Теория «силы слабых связей» Грановеттера (1973) [5] приобретает новое значение: платформы облегчают создание множества профессиональных контактов, которые открывают доступ к новой информации, карьерным возможностям и глобальным рынкам труда. Фрилансеры находят клиентов по всему миру, специалисты обмениваются опытом в профессиональных сообществах практики, а цифровое менторство делает наставничество доступным независимо от личных связей или привилегий. Эта коллективная экспертиза создаёт условия для того, чтобы **мобилизовать коллективный интеллект** для решения сложных проблем. Краудсорсинговые платформы демонстрируют, как распределённое сотрудничество может достигать результатов, недостижимых для отдельных экспертов или организаций: Википедия создаёт энциклопедию, конкурирующую с традиционными институтами; проекты гражданской науки решают научные задачи, над которыми учёные работали годами; открытые инновационные платформы находят неожиданные решения от разнообразных источников. Это не заменяет профессиональную экспертизу, но дополняет её, создавая новые механизмы производства и валидации знаний.

Наконец, цифровые сообщества снижают барьеры для образования и гражданского участия. Образовательные платформы и сообщества совместного обучения создают альтернативы формальному образованию, где люди учатся друг у друга, обмениваются языковыми навыками, делятся проектами

и инструкциями. Одновременно цифровые инструменты снижают координационные издержки для гражданского активизма: люди могут подписывать петиции, участвовать в краудфандинге социальных проектов, координировать коллективные действия. Хотя критики говорят о наличии «диванного активизма» [6], когда люди ограничиваются онлайн-действиями вместо реального участия, исследования показывают, что онлайн-участие часто служит воротами к более глубокому вовлечению, создавая более горизонтальные и децентрализованные формы гражданской организации. Все эти эффекты взаимно усиливают друг друга, создавая синергию. Преодоление географии открывает доступ к знаниям; доступ к знаниям расширяет профессиональные возможности; профессиональные сообщества мобилизуют коллективный интеллект; коллективный интеллект решает проблемы, которые затем поддерживают маргинализированные группы и облегчают взаимопомощь. Эта взаимосвязанная экосистема создаёт более инклюзивные возможности для социальных связей, самореализации и коллективного действия, особенно для тех, кто исторически имел ограниченный доступ к социальному капиталу. В результате цифровые сообщества не просто дополняют традиционные формы социальной организации – они создают качественно новые возможности для человеческого процветания и коллективного развития.

2. Вызовы и риски цифровой трансформации

Одним из центральных парадоксов цифровой эпохи является количественное расширение социальных сетей при одновременном качественном обеднении межличностных отно-

шений. Эмпирические исследования демонстрируют, что средний пользователь популярных социальных платформ имеет несколько сотен контактов, классифицируемых как «друзья» или «подписчики», однако количество значимых, эмоционально насыщенных связей остается ограниченным числом Данбара, составляющим приблизительно 150 человек для стабильных социальных отношений и 4-6 человек для наиболее близких связей [7]. Это явление, получившее в научной литературе название «социальной инфляции» (когда количество «друзей» в социальных сетях многократно превышает когнитивную способность поддерживать реальные отношения), отражает фундаментальное противоречие между технологическими возможностями расширения коммуникативных сетей и антропологическими ограничениями человеческой способности поддерживать глубокие эмоциональные связи [8].

Трансформация темпоральности коммуникации представляет собой еще один значимый аспект влияния цифровых платформ на социальные связи. Асинхронный характер цифрового общения, позволяющий участникам коммуникации отвечать на сообщения в удобное для них время, с одной стороны, снижает социальное давление немедленной реакции, характерное для синхронных форм взаимодействия, таких как телефонные разговоры или личные встречи. С другой стороны, эта асинхронность породила новые формы социальной тревожности, связанные с ожиданием ответа, интерпретацией задержек в коммуникации и феноменом «онлайн-статуса», создающим иллюзию постоянной доступности. Культура немедленного ответа, сформировавшаяся в контексте цифровых коммуникаций, парадоксальным образом усиливает со-

циальное давление, которое асинхронность должна была снизить.

Психологические эффекты использования цифровых платформ составляют обширную область исследований, демонстрирующих как позитивные, так и негативные последствия для ментального здоровья и благополучия пользователей. Механизм социального сравнения, описанный в классической теории Леона Фестингера [9], приобретает новое измерение в контексте социальных сетей, где пользователи постоянно сталкиваются с тщательно курируемыми репрезентациями жизни других людей. Эта «витрина успеха» создает систематическое искажение восприятия социальной реальности, поскольку пользователи склонны демонстрировать позитивные аспекты своей жизни, создавая идеализированную версию собственной идентичности. Сравнение реальной, повседневной жизни с «хайлайтами» других пользователей приводит к снижению самооценки, развитию депрессивных и тревожных симптомов, особенно выраженных в подростковой возрастной группе, находящейся в критическом периоде формирования идентичности.

Страх упустить важные события и переживания, представляет собой специфическую форму социальной тревожности, порожденную цифровой эпохой. Постоянный поток информации о социальных активностях других людей создает ощущение, что жизнь происходит где-то в другом месте, что другие участвуют в более интересных и значимых событиях, что может быть связано с общим снижением удовлетворенности жизнью и субъективного благополучия.

Трансформация коммуникативных навыков и компетенций представляет

собой долгосрочное последствие доминирования цифровых форм общения. Классические исследования в области невербальной коммуникации, включая работы Альберта Мехрабиана [10], указывают на то, что значительная часть коммуникативного процесса – по различным оценкам от 65% до 93% – осуществляется через невербальные каналы, включающие тон голоса, интонацию, мимику, жесты, позу и другие телесные проявления. Текстовая коммуникация, доминирующая на цифровых платформах, лишает участников взаимодействия этого богатства невербальных сигналов, что приводит к обеднению коммуникативного процесса, повышению вероятности недопониманий и конфликтов, основанных на неверной интерпретации сообщений. Попытки компенсировать отсутствие невербальных сигналов через использование эмодзи, стикеров и других графических элементов представляют собой примитивную замену сложной системы невербальной коммуникации, не способную в полной мере передать эмоциональные нюансы и контекст сообщения.

Снижение эмпатических способностей и навыков распознавания эмоций представляет собой еще одно значимое последствие доминирования цифровой коммуникации. Эмпатия, понимаемая как способность распознавать, понимать и разделять эмоциональные состояния других людей, развивается преимущественно через непосредственное социальное взаимодействие, требующее постоянного считывания и интерпретации невербальных сигналов. Недостаток такого взаимодействия, особенно в критические периоды развития личности, может приводить к задержке формирования эмпатических способностей. Лонгитюдные исследова-

ния демонстрируют снижение показателей эмпатии среди студентов колледжей за последние три десятилетия, что коррелирует с распространением цифровых технологий, хотя установление прямой причинно-следственной связи требует дальнейших исследований.

Фрагментация внимания и снижение способности к длительной концентрации представляют собой когнитивные последствия использования цифровых платформ. Многозадачность, характерная для цифровой среды, где пользователи одновременно взаимодействуют с несколькими приложениями, потоками информации и коммуникативными каналами, приводит к формированию паттерна рассеянного внимания, который переносится и на офлайн-взаимодействия. Феномен «phubbing» (phone snubbing) – игнорирование физически присутствующего собеседника в пользу взаимодействия со смартфоном – демонстрирует степень, в которой цифровые технологии вторгаются в непосредственное социальное взаимодействие, снижая качество присутствия и эмоциональной связи между людьми.

Макросоциальные последствия функционирования цифровых платформ выражаются в социальной поляризации и фрагментации публичной сферы. Алгоритмическая курация контента, используемая большинством социальных сетей для персонализации пользовательского опыта, создает феномен «фильтрующих пузырей» и «эхо-камер», где пользователи преимущественно сталкиваются с информацией и мнениями, соответствующими их существующим убеждениям и предпочтениям. Этот механизм селективной экспозиции усиливает когнитивные искажения, такие как конформационное

смещение, и приводит к поляризации мнений, снижению толерантности к альтернативным точкам зрения и фрагментации общества на изолированные идеологические группы. Эмпирические исследования политической коммуникации в социальных сетях демонстрируют усиление поляризации и радикализации взглядов, особенно по политически значимым вопросам [11].

Феномен «культуры отмены» (cancel culture) представляет собой новую форму социального контроля и публичного порицания, ставшую возможной благодаря особенностям цифровой среды. Способность к быстрой мобилизации больших групп пользователей против индивидов или организаций, воспринимаемых как нарушители социальных норм, создает механизм коллективного наказания, характеризующийся часто непропорциональной реакцией на предполагаемые проступки. Перманентность цифровых следов, невозможность «забыть» прошлые высказывания или действия, зафиксированные в цифровой среде, создает ситуацию постоянного потенциального суда, где контекст и временная дистанция не играют смягчающей роли. Этот феномен поднимает важные вопросы о балансе между социальной ответственностью и правом на ошибку, между коллективным контролем и индивидуальной свободой.

Дифференцированное влияние цифровых платформ на различные возрастные когорты представляет собой важный аспект анализа социальных последствий цифровизации. Дети и подростки, часто называемые «цифровыми аборигенами», представляют собой первое поколение, формирование идентичности которого происходит в условиях постоянного присутствия цифровых технологий. Процесс фор-

мирования идентичности, критически важный для подросткового возраста, происходит в публичном пространстве социальных сетей, где экспериментирование с различными аспектами личности, нормальное для данного возрастного периода, становится видимым широкой аудитории и фиксируется в цифровой форме. Кибербуллинг, или онлайн-травля, представляет собой качественно новую форму агрессивного поведения, характеризующуюся круглосуточной доступностью жертвы, широкой аудиторией свидетелей и перманентностью агрессивного контента. Исследования демонстрируют серьезные психологические последствия кибербуллинга, включая повышенный риск депрессии, тревожных расстройств и суицидального поведения [12].

Задержка развития социальных навыков и компетенций, связанная с недостатком непосредственного социального взаимодействия, представляет собой долгосрочный риск для поколения, значительную часть времени проводящего в цифровой среде. Навыки чтения невербальных сигналов, управления конфликтами в непосредственном взаимодействии, формирования и поддержания глубоких эмоциональных связей требуют практики в офлайн-среде и могут не развиваться в достаточной степени при доминировании цифровых форм общения. Проблемы с концентрацией внимания и академической успеваемостью, коррелирующие с интенсивным использованием цифровых устройств, представляют собой еще один аспект влияния на развитие детей и подростков.

Взрослая возрастная когорта, часто называемая «цифровыми иммигрантами», характеризуется необходимостью балансирования между традиционны-

ми формами социального взаимодействия, усвоенными в доцифровую эпоху, и новыми формами коммуникации, требуемыми современным социальным и профессиональным контекстом. Профессиональное выгорание, связанное с постоянной доступностью и размыванием границ между рабочим и личным временем, представляет собой значимую проблему для данной возрастной группы. Ожидание немедленной реакции на рабочие сообщения в нерабочее время, невозможность полноценного отдыха и восстановления из-за постоянной связи с рабочими коммуникациями создают условия для хронического стресса и выгорания.

Пожилая возрастная группа сталкивается с риском цифрового исключения и социальной изоляции, связанной с трудностями освоения новых технологий. По мере того, как все большая часть социальной жизни, включая общение с семьей и друзьями, административные процедуры и доступ к услугам, переносится в цифровую среду, отсутствие цифровых навыков может приводить к маргинализации и изоляции пожилых людей. Одновременно, для тех представителей данной возрастной группы, которые успешно осваивают цифровые технологии, открываются новые возможности для поддержания социальных связей, особенно с географически удаленными членами семьи, что может способствовать снижению социальной изоляции и улучшению качества жизни.

3. Регулирование цифровых платформ: между инновациями и защитой прав пользователей

Экономическое измерение трансформации социальных связей представляет собой важный аспект анализа влияния цифровых платформ.

Социальный капитал, понимаемый как ресурс, заключенный в социальных связях и сетях, становится объектом монетизации, количество подписчиков и уровень вовлеченности аудитории конвертируются в экономическую ценность через рекламные контракты и спонсорство. «Экономика внимания», где внимание пользователей рассматривается как ограниченный ресурс, за который конкурируют различные акторы, превращает социальные связи и взаимодействия в товар, эксплуатируемый платформами для извлечения прибыли через персонализированную рекламу и продажу пользовательских данных.

Изменение рынка труда и профессиональных практик под влиянием цифровых платформ создает новые требования к управлению профессиональной идентичностью и социальным капиталом. Профессиональные сети становятся необходимым инструментом для карьерного развития, поиска работы и профессионального нетворкинга: концепция «личного бренда», требующая постоянной работы над публичной репрезентацией профессиональной идентичности, размывает границы между личным и профессиональным, превращая управление впечатлением в постоянную работу. Это создает дополнительную эмоциональную нагрузку и может приводить к ощущению неаутентичности и отчуждения от собственной профессиональной идентичности.

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) и его интеграция в социальные платформы открывает новые возможности и создает новые этические дилеммы. ИИ-компаньоны и чат-боты, способные имитировать человеческое общение с возрастающей степенью убедительности, поднимают фунда-

ментальные вопросы о природе социальных связей и аутентичности взаимодействия. Если искусственный агент способен предоставлять эмоциональную поддержку, вести содержательные беседы и создавать ощущение связи, является ли такое взаимодействие «настоящей» социальной связью? Каковы психологические и социальные последствия замещения человеческих отношений взаимодействием с ИИ? Персонализация контента и коммуникаций с использованием машинного обучения достигает степени, где граница между адаптацией к предпочтениям пользователя и манипуляцией его поведением становится неразличимой, что создает серьезные этические проблемы.

Вопросы регулирования цифровых платформ и защиты пользователей становятся все более актуальными по мере осознания масштаба влияния этих технологий на общество, особенно на маргинальные возрастные категории: подрастающее поколение и пожилые группы. Однако регулирование сталкивается с фундаментальными дилеммами, связанными с балансом между защитой пользователей и свободой слова, между контролем контента и цензурой, между национальным суверенитетом и глобальной природой цифровых платформ. Вопрос ответственности платформ за контент, создаваемый пользователями, остается предметом интенсивных дебатов, где различные юрисдикции предлагают различные подходы, от модели «безопасной гавани», освобождающей платформы от ответственности за пользовательский контент, до требований активной модерации и удаления проблемного контента [13].

На индивидуальном уровне развитие практик осознанного использования цифровых технологий пред-

ставляется важным направлением минимизации негативных последствий и максимизации позитивного потенциала цифровых платформ. Концепция цифрового детокса, предполагающая регулярные периоды полного или частичного отказа от использования цифровых устройств, получает все большее распространение как стратегия восстановления баланса и снижения зависимости. Практики осознанного использования включают отслеживание экранного времени, установление границ использования устройств, создание «безэкранных» зон в доме и времени в течение дня, отключение уведомлений для снижения прерываний и фокусировку на качестве социальных связей, а не их количестве.

На уровне общества развитие цифровой грамотности и критического мышления представляется необходимым условием для навигации в сложной цифровой среде. Образовательные программы должны включать не только технические навыки использования цифровых технологий, но и критическое понимание механизмов функционирования платформ, алгоритмической курации контента, бизнес-моделей, основанных на монетизации внимания и данных пользователей, а также психологических механизмов формирования зависимости и манипуляции поведением. Развитие медиаграмотности, включающей способность критически оценивать информацию, распознавать манипуляцию и дезинформацию, понимать контекст и источники информации, становится базовым навыком для функционирования в цифровом обществе.

Заключение

Необходимость долгосрочных междисциплинарных исследований вли-

яния цифровых технологий на психологическое, социальное физическое здоровье не может быть переоценена. Большинство существующих исследований носят краткосрочный характер и фокусируются на корреляциях, не позволяя установить причинно-следственные связи. Лонгитюдные исследования, отслеживающие когорты пользователей на протяжении десятилетий, необходимы для понимания долгосрочных последствий роста в цифровой среде. Междисциплинарный подход, интегрирующий перспективы психологии, социологии, нейронауки, информатики, экономики и других дисциплин, необходим для всестороннего понимания сложного феномена трансформации социальных связей в цифровую эпоху.

В заключение следует отметить, что влияние цифровых платформ на социальные связи представляет собой сложный, многогранный и динамичный феномен, не поддающийся однозначной оценке. Технологический детерминизм, рассматривающий технологии как автономную силу, определяющую социальные изменения, не способен адекватно объяснить наблюдаемые процессы. Цифровые платформы не являются нейтральными инструментами, но и не определяют жестко социальные результаты. Они создают новые возможности и ограничения, которые различные социальные акторы используют в соответствии со своими целями, ценностями и контекстами.

Наблюдаемая трансформация социальных связей характеризуется фундаментальными противоречиями: расширение возможностей для коммуникации сосуществует с обеднением глубины отношений; демократизация голоса и доступа к информации сопровождается усилением неравенства и цифрового разрыва; освобождение от

географических ограничений создает новые формы зависимости и контроля; инструменты для поддержания связей могут парадоксальным образом приводить к изоляции и отчуждению. Эти противоречия не являются временными проблемами роста, которые будут разрешены с дальнейшим развитием технологий, но представляют собой фундаментальные вызовы, требующие постоянного критического осмысления и социального регулирования.

Это требует активного участия множества акторов: индивидуальных пользователей, развивающих практики осознанного использования; разработчиков и компаний, принимающих этические принципы дизайна; исследователей, предоставляющих эмпирические данные о последствиях использования; регуляторов, создающих правовые рамки защиты пользователей; образовательных институтов, развивающих цифровую грамотность; и гражданского общества, артикулирующего ценности и приоритеты в отношении цифрового будущего.

Список литературы

1. Ellison N. B., Vitak J., Gray R., & Lampe, C. Cultivating social resources on social network sites: Facebook relationship maintenance behaviors and their role in social capital processes // *Journal of computer-mediated communication*. 2014. Vol. 19, № 4. P. 855-870.
2. Mollick E. The dynamics of crowdfunding: An exploratory study // *Journal of business venturing*. 2014. Vol. 29, № 1. P. 1-16.
3. Faraj S., Jarvenpaa S.L., Majchrzak A. Knowledge collaboration in online communities // *Organization science*. 2011. Vol. 22, № 5. P. 1224-1239.
4. Bright J. Explaining the Emergence of Political Fragmentation on Social Media: The Role of Ideology and Extremism // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2018. Vol. 23, № 1. P. 17-33.
5. Granovetter M. S. The strength of weak ties // *American journal of sociology*. 1973. Vol. 78, № 6. P. 1360-1380.
6. Morozov E. The net delusion: How not to liberate the world // *Democracy: A reader*. – Columbia University Press, 2016. P. 436-440.
7. Dunbar R. How many friends does one person need? Dunbar's number and other evolutionary quirks. – Harvard University Press, 2010.
8. Turkle S. Reclaiming conversation: The power of talk in a digital age. – Penguin, 2015.

9. Festinger, Leon. A Theory of Social Comparison Processes. 1954.
10. Mehrabian A., Ferris S. Inference of attitudes from non-verbal communication in two channels // Journal of consulting psychology. 1967. № 31 (3). P. 248-252 .
11. Фельдман П.Я., Завалишин Н.С. Виртуальные сетевые коммуникации и политическая поляризация общества (на примере Соединенных Штатов Америки) // Коммуникология. 2021. № 9 (2). С. 98-109.
12. Мишина М.М., Воробьева К.А. Психологические особенности личности участников кибербуллинга в популярных социальных сетях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 29-43.
13. Каминская Т.Л. Ответственность за медиаконтент и проблема цензурирования коммуникационного пространства России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 2. С. 96-101.
14. Аджиева З.И., Чомаева З.М., Батдыева А.М. Административно - правовые механизмы информационной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации и субъектах РФ // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 50-61.

References

1. Ellison N. B., Vitak J., Gray R., & Lampe, C. Cultivating social resources on social network sites: Facebook relationship maintenance behaviors and their role in social capital processes // Journal of computer-mediated communication. 2014. Vol. 19. № 4. P. 855-870.
2. Mollick E. The dynamics of crowdfunding: An exploratory study // Journal of business venturing. 2014. Vol. 29. № 1. P. 1-16.
3. Faraj S., Jarvenpaa S.L., Majchrzak A. Knowledge collaboration in online communities // Organization science. 2011. Vol. 22. № 5. P. 1224-1239.
4. Bright J. Explaining the Emergence of Political Fragmentation on Social Media: The Role of Ideology and Extremism // Journal of Computer-Mediated Communication. 2018. Vol. 23. № 1. P. 17-33.
5. Granovetter M. S. The strength of weak ties // American journal of sociology. 1973. Vol. 78. № 6. P. 1360-1380.
6. Morozov E. The net delusion: How not to liberate the world // Democracy: A reader. – Columbia University Press, 2016. P. 436-440.
7. Dunbar R. How many friends does one person need? Dunbar's number and other evolutionary quirks. – Harvard University Press, 2010.
8. Turkle S. Reclaiming conversation: The power of talk in a digital age. – Penguin, 2015.
9. Festinger, Leon. A Theory of Social Comparison Processes. 1954.
10. Mehrabian A., Ferris S. Inference of attitudes from non-verbal communication in two channels // Journal of consulting psychology. 1967. № 31 (3). P. 248-252 .
11. Feldman P. Ya., Zavalishin N. S. Virtual Network Communications and Political Polarization of Society (using the United States of America as an Example) // Communology. 2021. № 9 (2). P. 98-109.
12. Mishina M.M., Vorobyova K.A. Psychological Personality Traits of Participants in Cyberbullying on Popular Social Networks // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences. 2020. № 3. P. 29-43.
13. Kaminskaya T.L. Responsibility for Media Content and

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

Иткулова Л.А.

Доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии. Высшей школы философии, психологии и социологии Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий.

Шаяхметова Р.Р.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью. Высшей школы философии, психологии и социологии Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий.

**Этническое мировоззрение в контексте исторической памяти
и коллективной идентичности***

Аннотация. В статье рассматривается философское осмысление этнического мировоззрения как культурно-смыслового феномена, формирующего коллективную идентичность. Анализируется роль языка, мифологических структур и культурных нарративов в воспроизводстве этнической идентичности. Показано, что историческая память выступает не только хранителем прошлого, но и селективным механизмом, задающим нормативные ориентиры в настоящем. Отмечаются вызовы этническому мировоззрению в условиях глобализационных процессов и указывается на необходимость поиска баланса между сохранением этнокультурной уникальности и участием в международном диалоге.

Ключевые слова: этнос, этническое мировоззрение, историческая память, коллективная идентичность, культурная память, глобализация, этничность.

Itkulova L.A.

Doctor of Philosophy, Professor in the Department of Philosophy and Cultural Studies, Graduate School of Philosophy, Psychology, and Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology.

Shayakmetova R.R.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor in the Department of Sociology and Youth Work, Graduate School of Philosophy, Psychology, and Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology.

**Ethnic worldview in the context
of historical memory and collective identity**

Abstract. The article examines the philosophical understanding of the ethnic worldview as a cultural and semantic phenomenon that forms a collective identity. The article analyzes the role of language, mythological structures and cultural narratives in the reproduction of ethnic identity. It is shown that historical memory acts not only as a guardian of the past, but also as a selective mechanism that sets normative guidelines in the present. Challenges to the ethnic worldview in the context of globalization processes are noted and the need to find a balance between preserving

---

* © Иткулова Л.А., Шаяхметова Р.Р., 2025.

Этническое мировоззрение в контексте исторической памяти и коллективной идентичности

ethnic and cultural uniqueness and participating in international dialogue is pointed out.

Key words: ethnicity, ethnic worldview, historical memory, collective identity, cultural memory, globalization, ethnicity.

ВВЕДЕНИЕ

В XX-XXI вв. феномен этнического мировоззрения становится предметом междисциплинарного анализа в философии, культурной антропологии и социологии. Его изучение позволяет понять механизмы формирования коллективного сознания и способы воспроизводства идентичности в условиях исторической динамики. Особый интерес вызывает его связь с исторической памятью, которая не просто хранит прошлое, но и конструирует идентичность, закрепляя общие смыслы, символы и ценности. Как отмечает М. Хальбвакс, «свои воспоминания человек, как правило, приобретает, воссоздает в памяти, узнает и локализует именно в обществе», то есть историческая память связана прежде всего с обществом [7, 27]. Индивидуальная память всегда вплетена в ткань коллективного опыта, ибо сама структура воспоминаний предполагает не только личный, но и социальный контекст.

Этническое мировоззрение, историческая память и коллективная идентичность представляют собой взаимосвязанные феномены, формирующие основу культурного самосознания этнических общностей. Они определяют, как этнос воспринимает мир, свое место в нем, своё прошлое и будущее. В современном мире в условиях глобализации, миграционных процессов и культурных трансформаций понимание этих категорий особенно важно.

Этническое мировоззрение представляет собой целостную систему культурных установок, ценностей и символических структур, определяю-

щих восприятие этносом окружающего мира. Оно формируется в процессе исторического развития и является фундаментом коллективной идентичности. В современных условиях глобализации его философское осмысление приобретает особую актуальность, поскольку именно этнические коды обеспечивают устойчивость культурной самобытности преемственности традиций.

Целью статьи является исследование этнического мировоззрения в контексте исторической памяти и коллективной идентичности, а также тех вызовов, которые несет современный мир.

Методология и методы. Методологическую основу исследования составляет комплекс философских и культурологических подходов, направленных на осмысление этнического мировоззрения как социокультурного феномена. В работе применяются феноменологический метод для выявления структур этнического сознания и способов переживания коллективной идентичности; процессов. Используется также социокультурный анализ (Я. Ассман, М. Хальбвакс) для изучения механизмов воспроизводства памяти и идентичности в рамках этнических традиций. Методологическая стратегия строится на принципах историзма и системности, что позволяет рассматривать этническое мировоззрение как динамическое единство исторической памяти, культурных кодов и коллективных ценностей.

В совокупности применённые методы обеспечивают целостное понимание этнического мировоззрения как духов-

ной основы существования этноса, а также выявление путей сохранения этнокультурной идентичности в условиях глобальных трансформаций.

ЭТНИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЕГО ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Этническое мировоззрение – это совокупность ценностей, символов, традиций, норм поведения и представлений о мире, сложившихся у конкретного этноса. Оно отражает исторический опыт, культурное наследие и социальную организацию народа. Важными компонентами этнического мировоззрения являются мифология, религиозные и философские воззрения, устные и письменные традиции, а также культурные коды, проявляющиеся в языке, фольклоре, искусстве и повседневной жизни. «Мировоззрение является сложной духовной конструкцией, включающей знания, повседневный опыт, предрасудки, суеверия, верования, стереотипы мировосприятия, то есть всё, что помогает человеку в любых жизненных обстоятельствах найти свой особый путь духовно-практического освоения мира [3,40]. В этом единстве оно формирует для человека своеобразный компас, позволяющий не только осмыслять мир, но и практически действовать в нём. Именно благодаря такому синтезу мировоззрение обеспечивает возможность находить собственный путь духовно-практического освоения действительности, соединяя личное и коллективное, индивидуальное переживание и историко-культурное наследие.

Этническое мировоззрение является совокупностью смысловых матриц, определяющих восприятие человеком окружающего мира через призму культурного кода народа. Другими словами, этническое мировоззрение можно рас-

сматривать как особую форму культурной рефлексии, поскольку в нём народ осмысливает собственный опыт через призму традиций, мифов, ценностей и символов. Оно выражает не только способ восприятия мира, но и является средством самопознания этноса, позволяя ему сохранить целостность и устойчивость в меняющемся историческом контексте. «Мировоззрение – ядро народного духа, определяющего само бытие этноса, ключ к осмыслению его истории и круга ценностей», поэтому оно формирует систему смыслов, в рамках которых этнос воспринимает и осознаёт себя [3,105]. Через мировоззрение проявляется то, что Гегель называл «народным духом» (Volksgeist), который является своеобразным способом духовного бытия, выражавшийся в языке, обычаях, праве, религии и искусстве. Будучи ядром, мировоззрение структурирует всю систему ценностей этноса, определяет, что является сакральным, а что профанным, какие идеалы возвышаются в качестве высших образцов, какое поведение является достойным. В этом смысле мировоззрение является ключом к осмыслению не только культурных традиций, но и исторического пути народа. Оно задает перспективу интерпретации прошлого, определяет мысль настоящего и очерчивает горизонты будущего.

Как пишет М. Хайдеггер, «язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек», следовательно, язык задает основные горизонты этнического мировоззрения, поскольку он является не только средством коммуникации, но и особая форма сохранения и структурирования опыта народа [7]. Именно через язык фиксируются представления о мире, о пространстве и времени, о природе, человеке, о сакральном и профанном. В нем закреплены архетипиче-

ские образы и символы, передающиеся из поколения в поколение. «Архетипы коллективного бессознательного «проецируются» в этнической культуре, получая своеобразное воплощение в ее мифологических, религиозных, литературных образах» [3,492.]. Этническая культура становится своеобразным «переводом» универсальных архетипов на язык конкретной традиции. Именно благодаря этому каждый этнос сохраняет глубинную связь со своим коллективным бессознательным и воспроизводит базовые элементы своей культуры.

Таким образом, мировоззрение можно рассматривать как онтологическое основание этноса, поскольку оно связывает духовные и материальные аспекты его существования, придает исторической памяти устойчивость, а коллективной идентичности – глубину и внутреннюю силу.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Историческая память – это коллективное восприятие прошлого, зафиксированное в устных преданиях, письменных источниках, памятных датах и культурных ритуалах. Она формирует у этноса чувство непрерывности своего существования и преемственности традиций, связывает поколения и укрепляет национальное самосознание. Историческая память включает в себя героические образы, значимые победы, трагические события и культурные достижения, которые становятся частью общего нарратива.

Историческая память является одним из главных факторов в формировании этнического мировоззрения. Согласно концепции М. Хальбвакса, память существует не в индивидуальном измерении, а в коллективном, когда социальная группа задает рамки воспоминания. «Индивид в процессе

воспоминания встает на точку зрения группы и что память группы осуществляется и проявляется через память индивидов [8,30]. То есть утверждается, что память группы реализуется через память отдельных индивидов, но социальные рамки предопределяют содержание и форму индивидуального воспоминания. Даже самые личные воспоминания индивида включены в более широкий контекст коллективной памяти: язык, образы, ритуалы и культурные символы определяют, как именно он вспоминает и что считает значимым. По сути, индивид воспроизводит не только собственный опыт, но и тот опыт интерпретации прошлого, который закреплен в этнической, культурной или социальной общности.

М. Хальбвакс подчеркивает, что любая коллективная память «хранит, а реконструирует прошлое с помощью оставшихся от него материальных следов, обрядов, текстов, традиций, а также и социально-психологических данных недавнего происхождения – то есть с помощью настоящего» [8, 264]. Я. Ассман также подчеркивает, что культурная память фиксируется в текстах, обрядах и традициях. Определяя понятие «культурная память», Я. Ассман прямо апеллирует к М. Хальбваксу, утверждая, что память определяется социальными и культурными рамками [1, 19]. Позиция М. Хальбвакса и Я. Ассмана подверглась последовательной критике со стороны представителей Франкфуртской школы за чрезмерный детерминизм памяти, игнорирование власти и идеологии, отсутствие критической исторической перспективы и недооценку процесса отчуждения в современном обществе (Т. Адорно, М. Хоркхаймер). Франкфуртская школа считала, что М. Хальбвакс слишком идеализировал коллективную память и её связь с

этносом, не видя в ней сложных политических, экономических и психологических механизмов, через которые память может служить власти, репрессии и социальному контролю. Однако в защиту подхода М. Хальбвакса можно отметить, что он, подчеркивая значение влияния социальных рамок, не говорит об абсолютном подчинении им. Согласно ему, память формируется в контексте социальной детерминации, она сохраняет устойчивость и связывает поколения. Влияние идеологии в современном обществе отнюдь не отменяет ценности памяти для любой культуры, а большинство воспоминаний функционируют в рамках практической жизни, не требуя критической дистанции.

Таким образом, любая коллективная память не столько хранит прошлое «в чистом виде», сколько постоянно его возрождает, опираясь на доступные наблюдению следы – материальные артефакты, тексты, обряды, символические практики, а также социально-психологические установки настоящего. Прошлое никогда не выступает как застывший набор фактов, оно оживает лишь в соотношении его с актуальными потребностями и ценностями той или иной социальной группы или этнического сообщества. Условный коллектив воспроизводит своё прошлое через те символы и практики, которые сохраняют свою значимость сегодня и оказывают влияние на его существование. Как отмечает Кононенко Р.В., «потребление культурных артефактов, связанных с культурной памятью, – это не индивидуальные, а коллективно ориентированные практики, укорененные в коммуникациях, это специфическое символическое потребление, в рамках которого ценятся символы поколенческой связи и социальной принадлежности» [5, 156]. Именно поэтому память не

является зеркалом истории, а представляет собой её интерпретацию, формируемую в контексте настоящего. Если историческая память представляет собой «фактологическую ось» коллективного самосознания, то культурная память – это его символический горизонт. Вместе они образуют основу коллективной идентичности: первая обеспечивает связь с прошлым, вторая придает этому прошлому смысл и ценность.

Историческая память является ключевым фактором формирования мировоззрения этноса. Она обеспечивает преемственность поколений, служит ориентиром для восприятия настоящего и прошлого, передаёт коллективный опыт и знания, а также насыщает культурное сознание эмоциональными и символическими смыслами. Таким образом, память о прошлом не просто отражает историю, но активно конструирует идентичность, ценности и восприятие мира этноса.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Коллективная идентичность возникает на пересечении исторической памяти и этнического мировоззрения. Она выражается в чувстве принадлежности к определённой социальной, этнической или культурной группе, основанной на общих исторических корнях, традициях, языке и ценностях. «Коллективная идентичность выступает как результат массовой, осознанной или стихийной, принадлежности личности к определенным этническим, этически-правовым, национальным и др. социальным общностям» [5, 113]. Коллективная идентичность формируется не только на основе реальных исторических фактов, но и через их символическое осмысление. В этническом

контексте коллективная идентичность закрепляется через обряды, национальные праздники, систему образования и культурную политику. Отсюда мы можем рассматривать этнокультурную идентичность как разновидность коллективной идентичности.

Коллективная идентичность представляет собой фундаментальное измерение человеческого бытия. Она отражает осознание принадлежности к определенной группе, объединенной общими историческими, культурными и символическими связями. В философском плане коллективная идентичность не сводится лишь к совокупности внешних признаков – языка, традиций или обрядов. Она воплощает внутреннее самосознание народа, его «Мы», формирующуюся через историческую память и культурные практики. «Коллективная идентичность становится востребованной как ценностный институт, система ценностей, на основании которой человек идентифицирует себя с той или иной общностью», пишут А.А. Головач, Ю.П. Денисов, подчеркивая актуальность этого феномена [2, 48].

Этническое мировоззрение является ядром этой идентичности. Оно представляет собой систему взглядов, ценностей и символических ориентиров, с помощью которых этнос осмысливает свое существование. «Мировоззрение этноса, связанное с этнокультурной идентичностью, выступает естественной формой бытия человека, где достигается гармония душевного и духовного начал [3, 195]. Именно поэтому этническое мировоззрение можно назвать антропологическим основанием человеческой целостности. Человек, укоренный в своем этносе, не просто принадлежит культуре, он живет в ней как в естественном пространстве, где совпадают индивидуальное и коллективное, чув-

ственное и духовное, память и смысл.

Коллективная идентичность и этническое мировоззрение находятся в диалектическом взаимодействии – мировоззрение задаёт рамки понимания и интерпретации реальности, формируя ценностные ориентиры, через которые этноса осознаёт себя. В то же время коллективная идентичность воплощает эти рамки на уровне конкретных практик, ритуалов и символических форм, делая мировоззрение живым и социально значимым. Этнос в этом контексте воспринимается как субъект, способный через историческую и культурную память осмысливать своё прошлое адаптироваться к настоящему и формировать перспективы будущего. Этнокультурная идентичность как вид коллективной идентичности, скреплена общим этнонимом, традициями, языком, общей территорией, образом жизни, то есть она интегрирует разные характеристики культуры в единый феномен» [3, 200].

Современные вызовы глобализации и культурной диффузии ставят перед этнокультурной идентичностью сложные вопросы, связанные с сохранением уникального мировидения в условиях интенсивного обмена культурными смыслами; как удержать коллективное «Мы», не сводя его к чисто символическому или формальному признаку. Философский подход к этим вопросам позволяет увидеть, что именно через сохранение и осмысление исторической памяти этнос сохраняет способность к аутентичному самопониманию, а этническое мировоззрение остаётся инструментом интерпретации своего бытия и мирового опыта.

Таким образом, коллективная идентичность и этническое мировоззрение не являются научными или политическими конструктами, они выражают способы, которыми народы осознают

себя, формируют ценности и поддерживают внутреннюю целостность. Они служат ключом к пониманию того, как этносы сохраняют свое историческое и культурное существование, а также как они взаимодействуют с миром, другими культурами и самим временем.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КАТЕГОРИЙ

Этническое мировоззрение задает систему ценностей, через которую интерпретируется историческая память. Оно выступает своеобразным фильтром, позволяющим отобрать из необъятного прошлого именно те события, которые оказываются значимыми для этноса, и наделить их символическим статусом. Без этого фильтра память превратилась бы в хаотический набор фактов и событий, лишенных внутренних связей. Мировоззрение, формируя ценностные акценты, превращает историю в осмысленный нарратив, где есть место подвигу, победам и поражениям, герою и жертве.

Историческая память, в свою очередь, наполняет этническое мировоззрение конкретикой – событиями, образами, мифами и преданиями. Она преобразует ценности в живой опыт, делает их осязаемыми и эмоционально насыщенными. Через память коллективное «Мы» обретает плоть и историю, получает возможность переживать преемственность поколений и свою укорененность в «великом времени» (М. Бахтин). Таким образом историческая память является содержательной основой, без которой мировоззрение было бы отвлеченной схемой.

Коллективная идентичность возникает как результат синтеза этих двух измерений: ценностной рамки мировоззрения и событийно-образного наполнения памяти. Она закрепляет их на уровне личного и общественного со-

знания, превращая историю в элемент внутреннего опыта каждого человека и сообщества в целом. Идентичность – это не просто знание о прошлом, а проживание себя как части большой истории, что позволяет индивиду ощущать сопричастность к судьбе своего народа и тем самым находить смысл в собственном существовании.

Этническое мировоззрение, историческая память и коллективная идентичность образуют сложную и взаимозависимую систему, определяющую культурное и социальное развитие этноса. Их гармоничное сочетание позволяет обществу сохранять свои уникальные черты, адаптируясь к изменениям внешней среды и одновременно укрепляя чувство принадлежности и преемственности.

В философском аспекте эту триаду можно рассматривать как некое диалектическое единство, когда мировоззрение выступает «формой», определяющей горизонты интерпретации, историческая память – «материей», придающей содержательную наполненность, а коллективная идентичность – синтезом формы и содержания, в котором находит воплощение народный дух (Гегель) или жизненный мир - *Lebenswelt* (Гуссерль). Это соотношение демонстрирует, что этнос существует прежде всего, как духовно-культурное целое, в котором прошлое и настоящее соединяются в символическом опыте коллективного самопонимания. Таким образом, историческая память является содержательной основой, этническое мировоззрение – интерпретационной рамкой, а коллективная идентичность – результатом их синтеза.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

В условиях глобализации, массовых миграций и культурной ассимиляции

взаимосвязь между этническим мировоззрением, исторической памятью и коллективной идентичностью подвергается серьезным испытаниям. Поток унифицированных культурных форм и глобальных медийных нарративов создаёт ситуацию, в которой традиционные способы передачи памяти – устные предания, обряды, локальные практики – теряют устойчивость. На смену им приходят массовые интерпретации прошлого, часто зависимые от политической конъюнктуры или коммерческих интересов корпораций. В результате историческая память рискует превратиться в «симулякр прошлого», подстраиваемый под текущие потребности общества или власти, а также политических партий.

Медийные интерпретации и политические манипуляции историей становятся инструментом управления коллективным сознанием, что ведет к ее инструментализации. При этом культурное заимствование и процессы ассимиляции, сопровождающие глобализацию, могут постепенно размывать этническое мировоззрение, заменяя уникальные ценностные структуры универсалистскими моделями. Здесь возникает уникальный парадокс: открытость миру, необходимость диалога одновременно угрожает утратой аутентичности.

Однако философский анализ показывает, что сохранение этнокультурной идентичности вовсе не означает её замыкание в неподвижности, инертности. Как отмечает Ян Ассман, культурная память всегда реконструируется из перспективы настоящего и потому живет в динамике [1,22-23]. Именно эта динамичность позволяет сохранять преемственность и вместе с тем адаптироваться к новым условиям. Этническое мировоззрение в данном контексте выступает как ценностное ядро, своего

рода «матрица смысла», через которую новое может быть интегрировано, не разрушая фундаментальные основания коллективного сознания.

Именно в этих условиях особое значение приобретает сохранение аутентичного этнического мировоззрения как основы духовной самобытности народа. Но сохранение здесь не означает консервацию, поскольку культурная идентичность не может быть неизменной, она существует как динамическая структура, способная к диалогу с «чужим», к адаптации новым условиям и трансформации. Задача заключается не в том, чтобы застыть в прошлом, а в том, чтобы сохранить внутреннее ядро этнокультурных ценностей, позволяющее интегрировать новое, не разрушая собственный символический горизонт.

Чарльз Тейлор подчеркивает, что идентичность личности и группы неотделима от признания со стороны других [9, 32]. В глобализирующемся мире сохранение аутентичного мировоззрения и исторической памяти важно не только для самих носителей культуры, но и для полноценного культурного диалога. Лишенная собственной опоры идентичность теряет способность быть равноправным участником коммуникации, тогда как подлинная устойчивость проявляется в способности к открытости без утраты самобытности. Таким образом, подлинная устойчивость этнического мировоззрения проявляется в его способности одновременно хранить свою укорененность в исторической памяти и выходить за её пределы, вступая в диалог с глобальными культурными процессами. В условиях глобализации, когда процессы унификации, стандартизации и культурного заимствования только усиливаются, именно этническое мировоззрение становится тем основанием, которое обе-

спечивает народу целостность духовного опыта и внутреннюю непрерывность бытия. Оно выступает своеобразным «фильтром», через который новое осваивается и переосмысливается, не разрушая при этом фундаментальных ценностных структур. При этом речь не и дет о закрытости и изоляции. Напротив, этническое мировоззрение, будучи формой коллективного духа, сохраняет устойчивость именно благодаря гибкости, способности к адаптации и переосмыслению. В философском плане это соответствует гегелевской логике «снятия» (*Aufhebung*), когда сохранение и преодоление соединяются в едином движении: традиция удерживается, но в преобразованном виде, превращаясь в ресурс духовного развития.

В эпоху глобализации такое понимание этнического мировоззрения особенно важно. Оно не противопоставляется глобальным процессам, а становится условием их гармоничного восприятия, ведь только опираясь на собственное ценностное ядро, этнос может полноценно участвовать в межкультурном диалоге, внося свой вклад в общее духовное пространство человечества. Таким образом, этническое мировоззрение не только сохраняет культурную самобытность, но и формирует предпосылки для подлинного диалога культур, где разнообразие не сводится к поверхностной мозаике различий, а становится источником взаимного обогащения и расширения горизонтов человеческого бытия.

Список литературы

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры. 2004. 368 с.
2. Головач А.А., Денисов Ю.П. Современные подходы к осмыслению феномена коллективной идентичности // Человек и общество в нестабильном мире. Материалы международной научно-практической конференции. – Омск, 2024. С. 44-48.

3. Иткулова Л.А. Мировоззрение башкирского этноса: философско-антропологический анализ: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 222 с.
4. Иткулова Л.А. Архетипы этнокультурной традиции башкир // Евразийский юридический журнал, 2023. № 2 (177). С. 492-494.
5. Кононенко Р.В. Фольклор как коллективная идентичность и Wow-factor: социокультурный анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4-1 (20). С. 152-165.
6. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // URL: https://phil.ulstu.ru/files/studentam/2.2_haid_hum.pdf (Дата обращения: 21.02.2025).
7. Лойко О.Т., Дрыга С.В. Социальная память в коммуникативном пространстве современного общества как ресурс коллективной идентичности // Политическое пространство и социальное время. Главные редакторы: Т.А. Сеньюшкина, А.В. Баранов. 2016. С. 112-115.
8. https://elibrary.ru/download/elibrary_26897141_71097390.htm (Дата обращения: 23.08.2025)
9. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000284/st000.shtml> (Дата обращения: 23.08.2025)
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство. 1992. 348 с.
11. Taylor, C. Multiculturalism and The politics of recognition – Prinseton: Prinseton Universiyt Press, 1994.
12. Байханов И.Б. Корпоративное образование: смыслы и отличия от общего или дополнительного образования // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 298-306.

References

1. Assman J. Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity. – Moscow: Languages of Slavic Culture. 2004. 368 p.
2. Golovach A.A., Denisov Yu.P. Modern Approaches to Understanding the Phenomenon of Collective Identity // Man and Society in an Unstable World. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. – Omsk, 2024. P. 44-48.
3. Itkulova L.A. Worldview of the Bashkir Ethnicity: A Philosophical and Anthropological Analysis: Monograph. Ufa: BashSU Research Center, 2021. 222 p.
4. Itkulova L.A. Archetypes of the Bashkir Ethnocultural Tradition // Eurasian Law Journal, 2023. № 2 (177). P. 492-494.
5. Kononenko R.V. Folklore as a Collective Identity and the Wow-factor: A Sociocultural Analysis // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2012. № 4-1 (20). P. 152-165.
6. Heidegger M. Letter on Humanism // URL: https://phil.ulstu.ru/files/studentam/2.2_haid_hum.pdf (21.02.2025).
7. Loiko O.T., Dryga S.V. Social Memory in the Communicative Space of Modern Society as a Resource of Collective Identity // Political Space and Social Time. Editors-in-Chief: T.A. Senyushkina, A.V. Baranov. 2016. P. 112-115.
8. https://elibrary.ru/download/elibrary_26897141_71097390.htm (23.08.2025)
9. Heidegger M. Letter on Humanism // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000284/st000.shtml> (23.08.2025)
10. Halbwachs M. Social Framework of Memory. – Moscow: New Publishing House. 1992. 348 p.
11. Taylor, C. Multiculturalism and The politics of recognition – Prinseton: Prinseton Universiyt Press, 1994.
12. Bayhanov I.B. Corporate education: meanings and differences from general or additional education // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 298-306.

Дадашев А.А.

*Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии
Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета имени В.М. Кокова.*

Пак Л.Е.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии
Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета имени В.М. Кокова.*

Социально-утопические идеи в произведениях азербайджанских поэтов-мыслителей Низами и Насими*

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития социально-утопической мысли в средневековом Азербайджане в контексте произведений поэтов-мыслителей Низами Гянджеви и Имамеддин Насими. Творчество Низами и Насими, объединенное сквозной идеей справедливости, представляет собой моральный императив, не потерявший свою актуальность через века.

Ключевые слова: идея справедливости, социальная утопия, различные определения утопии, проблема утопии в средневековой поэзии Востока.

Dadashev A.A.

*Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History and Philosophy
at Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov.*

Pak L.E.

*Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of History and Philosophy,
Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov.*

Social-utopian ideas in the works of Azerbaijani poets and thinkers Nizami and Nasimi

Abstract. This article examines the development of social-utopian thought in medieval Azerbaijan in the context of the works of poets and thinkers Nizami Ganjavi and Imamaddin Nasimi. The works of Nizami and Nasimi, united by the overarching idea of justice, represent a moral imperative that has remained relevant throughout the centuries.

Key words: idea of justice, social utopia, various definitions of utopia, the problem of utopia in medieval Eastern poetry.

Еще в глубокой древности у разных народов Востока и Запада появились притчи и сказки о справедливом правлении и справедливом правителе.

* © Дадашев А.А., Пак Л.Е., 2025.

Социально-утопические идеи в произведениях азербайджанских поэтов-мыслителей Низами и Насими

Стремление к социальной справедливости наблюдалось в социально-философских теориях в истории различных цивилизаций. Анализ истории человечества дает нам основание считать, что от отдельного индивида до носителя целой цивилизации идея справедливости никем не оспаривалась, более того эта идея остается востребованной до сих пор. В истории человечества появляются новые аспекты и грани идеи справедливости.

Следует также констатировать, что идея справедливости в своем базовом понимании предполагает соразмерное распределение благ, обязанностей и наказаний. В Новой философской энциклопедии справедливость понимается как «общая нравственная санкция совместной жизни людей, рассмотренной по преимуществу под углом зрения сталкивающихся желаний, интересов, обязанностей; она касается человеческих взаимоотношений во всех их общественно значимых разновидностях (от межличностной сферы до международных отношений). Специфический предмет справедливости – благо и зло совместного существования в рамках единого социального пространства [10].

Идея справедливости ориентирована на решение реальных проблем и устранение существующих негативов. Однако, утопическое мышление, вдохновленное идеей справедливости, часто стремится к радикальной перестройке общества, зачастую игнорируя сложность человеческой природы и объективные ограничения реальности.

Прежде чем перейти к анализу идеи справедливости у поэтов Востока, необходимо определить понятие «утопия». В специальной литературе существует определенное разночтение этого понятия. А. Святковский, автор известного

«Каталога утопий» писал, что «число известных ныне произведений типа утопий доходит почти до двух тысяч» [10, 5].

Термин происходит от названия книги Т. Мора «Утопия», где излагаются идеи о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия. Под утопией понимается описание идеального, несуществующего общества, идеального общественного строя, которое не может быть научно обосновано.

Еще С. Франк, отправленный из России на философском пароходе, в своей книге, написанной в эмиграции в 1937 году, перечислил специфические черты явления, которое он и назвал утопизмом. «Под утопизмом мы разумеем, не общую мечту об осуществлении совершенной жизни на земле, свободной от зла и страданий, а более специфический замысел, согласно которому совершенство жизни может, а потому и должно быть, как бы автоматически обеспечено неким общественным порядком или организационным устройством» [11, 126]. С. Франк указывает на наличие в утопизме уверенности в достижении совершенства.

Наряду с понятием «социальная утопия» существуют такие понятия, как «экоутопия», «практоутопия», «эупсихия».

Анализ социально-философской литературы позволяет выделить три варианта определения понятия «утопия». Первый вариант исходит из того, что утопия это – квинтэссенция осознания и понимания кризисных состояний общества. Второй определяет утопию как способ поиска решений социальных разногласий посредством создания абстрактной модели общества. Третий как поиск идеального, поиск идеализации, присущей как индивидуальной природе личности, как естественное

продолжение инстинкта самосохранения и стремления к идеалу.

Утопия стремится к идеальному обществу, основанному на принципах справедливости. Однако, представления о справедливости могут быть разными, что приводит к различным утопическим моделям. Некоторые утопии акцентируют равенство результатов, требуя перераспределения ресурсов для устранения неравенства. Другие же делают упор на равенство возможностей, обеспечивая всем равный доступ к образованию и ресурсам, но, не гарантируя одинаковые результаты. Проблема утопических проектов заключается в том, что стремление к справедливости может вступить в конфликт с другими ценностями, такими как свобода и индивидуальность. Навязывание единой модели справедливости может привести к подавлению инакомыслия и ограничению личного выбора.

Мы ограничимся исследованием социальной утопии в произведениях известных азербайджанских поэтов XII-XV веков Низами и Насими.

Свои социально-утопические взгляды Низами изложил в поэме «Искендарнамэ», которая способствовала эволюции социально-политической мысли на Ближнем Востоке и в Центральной Азии [8]. По мнению исследователей творчества Низами, «он не только опередил свой век, а может, века, подняв важнейшие проблемы, связанные с жизнью и бытом не только мусульманского средневековья, но и создал некий мыслительный вселенский универсум, касающийся всех времен и народов, поставив человека с его судьбой, внутренним духовным миром, психологией, мыслями и чаяниями, чувствами, страданиями и радостями в центр своих размышлений» [2, 28].

Низами провозгласил гуманистиче-

ские идеалы: верховенство прав человека, свобода личности и независимость прав личности. Г. Араслы утверждает, что Низами желал счастья и независимости народов, их свободы от всякого угнетения и эксплуатации, боролся за права трудящихся, пожелал всем народам равноправной культурной жизни [1, 118].

Средневековый мыслитель и поэт Низами также боролся против социальной несправедливости, социального и имущественного неравенства. Он называет феодальное общество «злой тюрьмой», в которой правит произвол, беззаконие, отсутствуют правосудие и правда, «все черным бесправьем объято» [6, 111]. В поэме «Сокровищница тайн» Низами высказывает социальный протест против несправедливости, беззакония и гнета: *«Правосудья и правды я вовсе не вижу в тебе; Угнетателя волю я так ненавижу в тебе...Разве дело хорошее – грабить несчастных сирот? Человек благородный у нищих добра не берет»* [6, 121]. Описываемые им социальные противоречия общественной жизни, которые он сам лично знал, так как вырос в бедности, рано потеряв родителей, привели его к выработке принципиальной позиции о справедливости, что нашло своё отражение в его произведениях. Низами считал, что *«Угнетение в мире – это не отвага»* [8, 319]. Несмотря на то, что улучшение благосостояния общества – сложное дело, но именно это должно было стать повседневной заботой правителей. Он, призывая народ бороться против угнетателей, писал: «зло будет наказано не только небом, но и землей, ибо есть праведный судья у неба и земли» [8, 327]. Мечтая о построении идеального общества, Низами утверждал, что «гармоничным общество будет лишь тогда, когда благотворительная сознатель-

ность овладеет душами власть имущих, когда сердца их будут очищены от всякой телесной скверны – от низменных страстей, от алчности, зависти, властолюбия» [6, 97].

Низами приходит к выводу, что нравственное общество, основанное на устойчивых моральных принципах, можно построить лишь в том случае, если к этому будут стремиться и граждане государства, и сам правитель [3]. Эта утопия была его предвидением и показала, что он намного опередил свое время. Это была социальная утопия об организации общественной жизни, которую никто из современников Низами не мог предсказать в то время. По мнению исследователей творчества Низами, он не только опередил свой век, подняв важнейшие проблемы, связанные с жизнью и бытом не только мусульманского средневековья, но и создал некий мыслительный вселенский универсум, касающийся всех времен и народов, поставив человека с его судьбой, внутренним духовным миром, психологией, мыслями и чаяниями, чувствами, страданиями и радостями в центр своих размышлений [8, 245].

Имамеддин Насими, выдающийся азербайджанский поэт XIV-XV веков, занимает особое место в истории литературы благодаря глубине мыслей и радикальным взглядам. Центральным мотивом его творчества, пронизывающим его лирику и философские поэмы, является идея справедливости – социальной, духовной и космической. Насими остро чувствовал социальную несправедливость, существующую в обществе. Он обличал, прежде всего, лицемерие духовенства, алчность правителей и угнетение простого народа. Его поэзия изобилует призывами к равенству и братству, игнорированию сословных предрассудков и борьбе за права угне-

тенных. Поэт видел справедливость в гармоничном устройстве общества, где каждый человек имеет возможность реализовать свой потенциал и жить в достатке [5].

Справедливость в духовном плане для Насими – это познание своей сущности и единение с божественным Абсолютом, иначе говоря, соответствие человека божественному видению. Здесь следует обратить внимание на то важное обстоятельство, что он отвергает догматизм и формальное соблюдение религиозных ритуалов, считая истинную веру внутренним преобразованием и стремлением к нравственному совершенству. Справедливость в этом контексте – это поиск и обретение духовной свободы, преодоление эгоизма и служение высшим идеалам.

Насими рассматривает справедливость как космический закон, управляющий мирозданием. Он верит в предопределенность и взаимосвязь всех явлений, где каждое действие имеет свои последствия. Поэт призывает человека к осознанности и ответственности за свои поступки, напоминая о неизбежном возмездии за нарушение космической гармонии.

Насими, являясь философом-хуруфитом, поднимает утопические идеи на совершенно новый уровень. Его учение о единстве Бога и человека содержит рациональное зерно социальной справедливости и равенства. Он призывает, рассуждая о морали, к духовной свободе и отказа от повседневных проблем, и в этом видел путь к идеальному состоянию общества, где нет места угнетению и несправедливости. Он в своих произведениях выражает стремление к идеалу через любовь и самопознание. Его утопия связана с постижением божественной истины и достижением гармонии с миром. Он показывает при

этом, несовершенство земного бытия и указывает на необходимость духовного совершенствования как пути к более справедливому и счастливому существованию.

Социально-утопические взгляды Насими, которые значительно опережали свое время, можно считать бунтарскими. Насими призывал к общечеловеческим ценностям, свободе и миру. Идея справедливости в произведениях Насими – это многогранное понятие, охватывающее социальную, духовную и космическую сферы. Следует подчеркнуть, что именно понятие «справедливость» является ключевым элементом его философской системы и определяющим фактором его поэтического миропонимания. Важно подчеркнуть, что Насими призывает к борьбе за справедливость во всех ее проявлениях, считая это единственным путем к гармонии и процветанию.

Таким образом, творчество Низами и Насими объединенное сквозной идеей справедливости, представляет собой моральный императив, не потерявший свою актуальность через века. Каждый из этих выдающихся мыслителей, используя свой бесценный лирический язык и философский взгляд, раскрывает многогранность понятия «справедливость» и его жизненно важное значение как для общества, так и для отдельной личности. Если Насими исходит от социального обличения и призывов к равенству через утверждение справедливости, то у Низами мы видим непрерывную линию мысли, стремящейся к идеалу гармонии и процветания через создание образа справедливого мира и мудрого правителя. Их произведения не теряют своей актуальности и в наши дни. В мире, где по-прежнему существуют неравенство, произвол и несправедливость, призыв

Насими и Низами к борьбе за правду и соблюдению моральных принципов остается столь же важным и необходимым, как и много веков назад. Их творчество напоминает всем нам о нашей коллективной ответственности в формировании лучшего будущего, основанного на справедливости и уважении к человеку. Утопические идеи этих восточных поэтов проявляются в их стремлении к идеальному правителю, справедливому обществу, духовной свободе и гармонии с миром. Они не предлагают конкретных политических программ, но через свои произведения мотивируют нас на поиск лучшего будущего.

Утопические искания в творчестве Низами и Насими, несмотря на свою фрагментарность и отсутствие четких утопических проектов, играют важную роль, отражая глубокую потребность в гармонии, справедливости и духовном совершенстве, являясь своего рода нравственным компасом, направляющим читателя к размышлениям о лучшем будущем.

Важно отметить, что утопические идеи в творчестве Низами и Насими не ограничиваются простым перечислением желаемых социальных благ. Они глубоко вкраплены в религиозно-философские представления эпохи и демонстрируют сложные взаимосвязи между духовным поиском и стремлением к социальной справедливости. Их утопии – это скорее нравственные ориентиры, нежели конкретные планы переустройства общества. Несмотря на отсутствие четких утопических проектов, их произведения оказали значительное влияние на общественную мысль. Идеалы справедливого правления, равенства и духовной свободы, провозглашенные поэтами, вдохновляли народ на борьбу против угнетения и социальной не-

справедливости. Их поэзия служила рациональным инструментом критики недостатков общества и пробуждала в людях стремление к справедливости.

Творчество Низами и Насими является важным источником для понимания эволюции утопической мысли. Они не только отразили в своих произведениях мечты о совершенном обществе, но и заложили основу для дальнейшего развития утопических идей в азербайджанской литературе и философии. Их наследие продолжает и сегодня вдохновлять исследователей и ученых на поиск ответов на вечные вопросы о смысле жизни, справедливости и идеальном обществе.

В заключение можно сказать, что Низами и Насими внесли неоценимый вклад в развитие азербайджанской культуры и общественной мысли. Их поэзия, пронизанная утопическими мотивами, является не только художественным наследием, но и ценным источником для изучения истории утопических представлений в Азербайджане и их влияния на формирование национального самосознания. Таким образом, эти два столпа восточной поэзии предстают перед нами не просто как мастера литературного слова, но и как предсказатели, чьи взгляды на идеальное общество, пропущенные через призму религиозно-философской мысли, до сих пор не потеряли свою актуальность. Их утопические мотивы – это не статичные картины будущего, а жизненные ориентиры, указывающие путь к нравственному совершенствованию и социальной гармонии.

Творчество мыслителей Востока Низами и Насими стали не только источником стремления к совершенному и справедливому обществу, но и заложили основу и дали значительный толчок для дальнейшего развития утопической

мысли в средневековом Азербайджане. Их немеркнущие произведения и по сей день призывают нас к непреходящим ценностям человечества. Идеалы, провозглашенные ими, стали знаменем в борьбе за справедливость, вдохновляя поколения на противостояние угнетению и веру в лучшее будущее.

Список литературы

1. Араслы Гамид. Азербайджанская литература: история и проблемы. – Баку: Гянджлик, 1998.
2. Гаджиев А. Ренессанский мир «Хамсе» Низами Гянджеви. – Баку: Mutarcim, 2000.
3. Исмаилов Х.Д. История права Азербайджана. – Баку: Наука и образование. 2015.
4. Крымский А.Е. Низами и его современники. – Баку: Элм. 1981.
5. Насими И. Иракский диван. – Баку: Язычи, 1987.
6. Низами Гянджеви. Сокровищница тайн. – Баку: Элм, 1983.
7. Низами Гянджеви. Хосров и Ширин. – Баку: Язычы, 1983.
8. Низами Гянджеви. Искендер-наме. Ч. II (Игбал-наме). – Баку: Чашыоглу, 2007.
9. Новая философская энциклопедия. // URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/1339/spravedlivost.htm>
10. Святловский А. История утогий. – М.: 1910.
11. Франк С.Л. Ересь утопизма // По ту сторону правого и левого. – Париж, 1972.
12. Баранов А.Н. Гуманитарная политика как инструмент расширения международного влияния Турецкой республики // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 78-84.

References

1. Arasly Hamid. Azerbaijani Literature: History and Problems. – Baku: Ganjlik, 1998.
2. Hajiyev A. The Renaissance World of Nizami Ganjavi's "Khamsa". – Baku: Mutarcim, 2000.
3. Ismayilov Kh.D. History of Azerbaijan Law. – Baku: Science and Education. 2015.
4. Krymsky A.E. Nizami and His Contemporaries. – Baku: Elm, 1981.
5. Nasimi I. Iraqi Divan. – Baku: Yazichi, 1987.
6. Nizami Ganjavi. Treasury of Secrets. – Baku: Elm, 1983.
7. Nizami Ganjavi. Khosrow and Shirin. – Baku: Yazichi, 1983.
8. Nizami Ganjavi. Iskender-name. Part II (Igbal-name). – Baku: Chashyoglu, 2007.
9. New Philosophical Encyclopedia. // URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/1339/spravedlivost.htm>
10. Svyatlovsky A. History of Utopias. – Moscow: 1910.
11. Frank S.L. Heresy of Utopianism // Beyond the Right and the Left. – Paris, 1972.
12. Baranov A.N. Humanitarian policy as a tool for expanding the international influence of the Republic of Turkey // Ethnosotium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 78-84.

Муталимов А.Э.

Доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Махачкала.

Социально-философский смысл возникновения языка как знаковая система*

Аннотация. О влиянии языка на развитие общественных отношений свидетельствует, прежде всего, тот факт, что язык – один из консолидирующих факторов образования наций и укрепления связи между ними. Язык является с одной стороны предпосылкой и условием возникновения наций, а также условием развития общественных отношений, но с другой – результатом этого процесса. Об этом свидетельствует и роль языка в духовной, культурной, воспитательной и образовательной деятельности общества, поскольку язык является орудием и средством передачи из поколения к поколению знаний, навыков, культурно-исторических и иных традиций, инструментом социализации общества.

Ключевые слова: естественный язык, искусственный язык, объективные знания, знаковая система, категориальный аппарат, язык и сознание, знаки-символы, семантика, душевное согласие, язык и мышление.

Mutalimov A.E.

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Makhachkala.

The socio-philosophical meaning of the emergence of language as a sign system

Abstract. The influence of language on the development of social relations is evidenced, first and foremost, by the fact that language is one of the consolidating factors in the formation of nations and the strengthening of ties between them. Language is, on the one hand, a prerequisite and condition for the emergence of nations, as well as a condition for the development of social relations, but on the other hand, it is a result of this process. This is also evidenced by the role of language in the spiritual, cultural, educational, and upbringing activities of society, as language is a tool and means of transmitting knowledge, skills, cultural-historical, and other traditions from generation to generation, and an instrument of societal socialization.

Key words: natural language, artificial language, objective knowledge, sign system, conceptual apparatus, language and consciousness, signs-symbols, semantics, spiritual accord, language and thought.

Основой любого познавательного процесса должна явиться научное по- нимание предмета, а предмет наших научных интересов - язык, о чем долж-

* © Муталимов А.Э., 2025.

Социально-философский смысл возникновения языка как знаковая система

на пойти речь в дальнейшей нашей работе. Наука – это сфера человеческой деятельности, функция которой выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности. Нам известно, что не любая сумма знаний может называться наукой. Любая сумма знаний может становиться наукой только в том случае, когда существует четко определенный предмет исследования, система знаний, относящейся к этому предмету и категориальный аппарат, описывающий сущностную характеристику этого предмета. Язык – знаковая система любой физической природы, выполняющая познавательную и коммуникативную функции в процессе человеческой деятельности. Язык может быть как естественным, так и искусственным [1]. Под естественным языком понимается язык повседневной жизни, служащий формой движения мысли и средством общения между людьми. Искусственный язык, язык, созданный людьми для каких-либо узких потребностей. Язык – явление социальное. Он возник в ходе развития общественного производства, и является его необходимой стороной – средством координации деятельности людей и каждого человека в отдельности [1]. По своей физической основе язык выступает в функции второй сигнальной системы, которую И.П. Павлов называл специфической добавкой к человеческой психике. Являясь формой существования и формой выражения мышления, язык в то же время играет существенную роль в формировании сознания.

Сущность языка выявляется в его двуединой функции: служит средством общения и орудием мышления. Речь – это деятельность, сам процесс общения, обмена мыслями, чувствами, пожеланиями, целенаправленными, которые осу-

ществляются с помощью языка. Язык – это система содержательных, знаковых форм. Язык превращает мысли и эмоции отдельных людей из личного достояния в общественное, и в духовное богатство всего общества [2].

Благодаря языку человек воспринимает мир не только своими органами чувств и думает не только своим мозгом, но и органами чувств и мозгом всех людей, опыт, который он воспринял с помощью языка. Храня в себе духовные ценности общества, будучи материальной формой конденсации и хранения идеальных моментов человеческого сознания, язык исполняет роль механизма социальной наследственности. Человек выражает свои мысли самыми разнообразными средствами. Человек выражает свои мысли самыми разнообразными средствами. Мысли и чувства, например, музыкант, выражает в музыкальных звуках, художник – в рисунках и красках, скульптор – в формах, конструктор – в чертежах, математик – в формулах и т.д. Еще Л.П. Якубинский отмечал в своих работах: «В сущности, каждое взаимодействие людей есть именно взаимодействие, оно, по существу, стремится избежать односторонности, хочет быть двусторонним, диалогичным. Диалог, являясь несомненным явлением культуры, в то же время в большой степени явление природы, чем монолог» [3].

Какими бы средствами ни выражались мысли, они, в конечном счете, переводятся на словесный язык – универсальное средство среди знаковых систем, используемых человеком, выполняющих роль всеобщего интерпретатора. Например, невозможно, минуя язык, перевести музыкальное произведение в математические формулы. Такое особое положение языка среди всех коммуникативных систем вызвано его

связью с мышлением, производящим содержание всех сообщений, переданных посредством любой знаковой системы. Мышление – это речь, которую душа ведет сама собою. Душа, когда она мыслит, просто разговаривает с собою, ставя себе вопросы и давая на них ответы, то положительные, то отрицательные. А когда душа приходит в согласие с собой и более не колеблется, то это есть готовая мысль, утверждает П.А. Флоренский [4]. Близость мышления и языка, их тесное родство приводит к тому, что самое адекватное выражение содержания мысль получает именно в языке. Ясная, по своему содержанию и стройная по форме мысль, выражается в доходчивой и последовательной речи. «Кто ясно думает, тот ясно и говорит», – гласит народная мудрость. Именно с помощью языка, письменной речи мысли людей предаются на огромные расстояния по всему земному шару, переходят от одного поколения к другому.

Что значит воспринять и понять высказанную мысль? Сама по себе мысль нематериальна: ее нельзя распознать на уровне чувственного познания, ее нельзя увидеть, услышать, т.е. мысль невозможно воспринять органами чувств. Выражение «люди обмениваются мыслями посредством речи» не следует понимать в буквальном смысле. Слушающий ощущает и воспринимает материальный облик слов в их связи, а осознает то, что ими выражает – мысль. И это осознание зависит от уровня культуры слушающего, читающего. Например, одно и то же изречение в устах подростка, понимающего его совершенно правильно, не имеет для него той определенной значимости и широты, которые оно имеет для уха умудренного житейским опытом зрелого мужа [5].

Взаимное понимание наступает

лишь тогда, когда в мозгу слушающего возникают представления и мысли, которые высказывает говорящий. В науке такой принцип носит название «принципа намекания», согласно которому мысль не передается в речи, а лишь индуцируется (возбуждается) в сознании слушателя, приводя к неполному воспроизведению информации. Отсюда теории, в которых принципиально отвергается возможность полного взаимного понимания общающихся [6]. Обращаясь к другим людям, говорящий не только сообщает им свои мысли и чувства, но и побуждает их к тем или иным поступкам, убеждает их в чем-либо, приказывает, советует, отговаривает их от каких-либо действий. Слово – великая сила. Но этот союзник всегда готов стать предателем.

По образному выражению Г. Гейне, подобно тому, как пущенная стрела, расставшись с тетивой, выходит из под власти стрелка, так и слово, слетавшая с уст, уже не принадлежит, сказавшему его [7].

Язык и сознание образуют единство: в своем существовании они предполагают друг друга как внутренне, логически оформленное идеальное содержание предполагает свою внешнюю форму. Язык есть непосредственная действительность мысли и сознания. Он участвует в процессе мыслительной деятельности как чувственная основа или орудие. Сознание не только выявляется, но и формируется с помощью языка.

Связь между сознанием и языком не механическая, а органическая. Их нельзя отделить друг от друга, не разрушая того и другого. Посредством языка происходит переход от восприятий и представлений к понятию, происходит процесс оперирования понятиями. Язык и сознание составляют единство. В этом единстве определяющей стороной является сознание и мышление:

будучи отражением действительности, оно диктует законы своего языкового бытия. Науке известно, что единство это – не тождество. Обе стороны этого единства отличаются друг от друга: сознание отражает действительность, а язык обозначает ее и выражает мысли. Речь не мышление. Иначе, как отметил Людвиг Фейербах, величайшие болтуны должны были бы быть величайшими мыслителями.

Как явление социальное язык является достоянием всех людей. Язык формируется и развивается обществом. На эту связь языка и общества в свое время обратил внимание Ф. Энгельс, отметивший в «Диалектике природы»: «Формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу» [7].

Язык и сознание образуют противоречивое единство. Язык влияет на сознание: его исторически сложившиеся нормы, специфические у каждого народа, в одном и том объекте оттеняют различные признаки. Стиль мышления разные. Однако зависимость мышления от языка не является абсолютной, как считают некоторые лингвисты. Мышление деформируется главным образом своими связями с действительностью.

Язык влияет на сознание, мышление и в том отношении, что придает мысли некоторую принадлежность, осуществляет своего рода «тиранию» над мыслью, направляет ее движение по каналам языковых форм. Человек подчиняет информацию не только с помощью вербального языка, но и посредством разнообразных событий внешнего мира. Дым костра сигнализирует о том, что горит костер. Но тот же дым приобретает характер условного знака, если люди заранее договорились о том, что он будет означать, например, «обед готов». Знак — это материальный пред-

мет, процесс, действие, выполняющие в общении роль представителя чего-то другого и используемые для приобретения, хранения, преобразования и передачи информации. Красный цвет, например цвет революции. Знаковые символы возникли и развиваются как материальная форма, в которой осуществляется сознание, мышление, реализуются информационные процессы в обществе. Под знаком имеется в виду та информация о вещах, свойствах и отношениях, которая передается с их помощью. В него входят как понятие, так и чувственные и эмоциональные компоненты, волевые побуждения, просьбы – словом, все сферы психики и сознания. Исходной знаковой системой является обычный, естественный язык.

Среди неязыковых знаков выделяются знаки-копии (фотографии, отпечатки пальцев, отпечатки ископаемых животных и растений). Знаки-признаки (означает симптомы болезни, туча – приближения дождя). Знаки-символы (изображение серпа и молота). Знаки-общения – вся совокупность естественных и искусственных языков. К знакам искусственных систем относятся, например, различные кодовые системы: азбука Морзе, коды, используемые при составлении программ для компьютеров. Знаки-формулы, различные схемы, системы сигнализации уличного движения. Любой знак функционирует только в соответствующей системе.

Наукой о строении и функционировании знаковых систем является *семиотика*. Развитие знаковых систем определяется потребностями развития науки, техники, искусства и общественной практики. Употребление специальной символики, особенно искусственных систем, формул создает для науки огромные преимущества. Например,

употребление знаков, из которых составляются формулы, дает возможность в сокращенном виде фиксировать связи мыслей, осуществлять общение в международном масштабе.

Искусственные знаковые системы, в том числе и языки-посредники, используемые в технике, в машинах-переводчиках, является дополнением естественных языков, и существуют лишь на их основе.

Мы начали думать самостоятельно без страха, не оглядываясь по сторонам выражать свое и выслушать чужое мнение, привыкая к разномыслию и многоликости общества. Прошлое, старое стало, и было для нас неотъемлемой частью нашего бытия, быта и образа жизни людей и, как сказал бы К. Маркс, объективными мыслительными формами, о которых сегодня споткнулись западные духовные ценности. Это состояние можно назвать мировоззренческим кризисом западного общества и личности не знал пока, как с ним справиться. Суть не в смене ценностных ориентаций, не в расплате по счетам с прошлым. Суть в способности и готовности политического руководства недружественных стран запада осознать свое предназначение, в смысле существования. А человек, как существо самоопределяющееся, только тогда, когда и поскольку он сам выбирает цели своего бытия, ставит себе задачу сам, не перекладывая это на чужие плечи, будь то государство или общество со своими институтами.

Сегодня на кон поставлено нечто большее, чем выбор тех или иных путей экономического или политического развития, - сама способность жить жизнью собственных людей – духовный суверенитет, возможность разговаривать, заниматься творчеством на своем родном языке.

Язык может стать последним оплотом свободы, как это случилось на Украине, а носители языка и культуры – людьми второго сорта. На тех, кто работает со словом, лежит огромная ответственность за сказанное. Очень тонкой является грань, на которой надо удержаться, чтобы слова не обернулись злой силой или не стали пустыми побрякушками. Дух таинственен и капризен. Никто не знает путей, которые приводят его к удаче, кроме того единственного, выведенного по этому закону, что «гений и злодейство» - две вещи несовместимые. Совесть – высшая инстанция, с которой должен сверять свои выводы. Совесть не является последней гарантией ответственного поведения в области духовного производства.

Моральные мотивы часто оказываются слабее ничтожных выгод, но они же могут стать сильнее всех соблазнов мира. Деньги можно перекрыть деньгами, страх страхом, но силу нравственной убежденности, суд совести нельзя одолеть ничем. В этом смысле совесть, как инстанция по своему масштабу соизмерима той безмерной опасности, которая заключена в словах.

Апелляция к совести нельзя считать простой психологизацией проблемы ответственности. Для человека, искренне сверяющего творчество с собственной совестью в ее профессиональном и общественном выражении, ответственность совпадает с субъективной честностью, внутренней убежденностью в своей несомненной правоте. Духовное производство всегда в той или иной степени будет деформироваться привходящими мотивами. Важно выбрать правильное направление и понять, что ответственность перед словом, соединение языка с совестью является продолжением и выражением свободы духа. Только через ответственное

слово, стоящее на страже достоинства человека, свободный дух становится началом жизни в свободе [8].

Известно, что язык – знаковая система любой физической природы, выполняющая познавательную и коммуникативную функции в процессе человеческой деятельности. Язык может быть как естественным, так и искусственным. Под естественным языком понимается язык повседневной жизни, служащий формой движения мысли и средством общения между людьми. Искусственный язык, язык, созданный людьми для каких-либо узких потребностей. Язык – явление социальное. Он возник в ходе развития общественного производства, и является его необходимой стороной – средством координации деятельности людей и каждого человека в отдельности. По своей физической основе язык выступает в функции второй сигнальной системы, которую И.П. Павлов называл специфической добавкой к человеческой психике [9]. Являясь формой существования и формой выражения мышления, язык в то же время играет существенную роль в формировании сознания. Сознание не существует и не может существовать вне языковой оболочки. Языковой знак, будучи по своей физической природе условным по отношению к тому, что он обозначает, обусловлен процессом познания реальной действительности. Язык является средством фиксирования и сохранения накопленных знаний и передачи их от поколения к поколению. Только благодаря языку возможно существование абстрактного мышления. Наличие языка является необходимым условием обобщающей деятельности мышления. Однако язык и мышление не тождественны. Раз возникнув, язык является относительно самостоятельным, обладает специфическими

законами, отличными от законов мышления. Поэтому не существует тождества между понятием и словом, суждением и предложением. К тому же язык представляет собой определенную систему со своей внутренней организацией, вне которой нельзя понять природу и значение языкового знака.

В связи с возрастанием роли теоретических исследований повысился интерес к изучению закономерностей искусственных формализованных языков, их логического синтаксиса и логической семантики. Язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми [10].

Сознание вначале есть всего лишь осознающей ближайшей чувственно воспринимаемой среды и осознание органической связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего создавать себя индивида. В одно и то же время оно – осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и непреступная сила. Вначале к природе люди относятся совершенно по-животному и власти, которой люди починаются, как скот. Следовательно, это чисто животное осознание природы – именно потому, что природа еще почти не видоизменена ходом истории. Начало это носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени. Это чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или, что его инстинкт осознан. Это баранье или племенное сознание получает свое дальнейшее развитие благодаря росту производитель-

ности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения. Вместе с этим развивается и разделение труда в половом акте, которое сначала было лишь разделением труда в половом акте, а потом – разделением труда, совершившимся само собой или «естественно возникшим» благодаря природным задаткам, потребностям, случайностям. Разделение труда становится действительно разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда [10, с. 18].

Знак – материальный и чувственно воспринимаемый предмет, событие или действие, выступающие в познании в качестве указания, обозначая или представителя другого предмета, события, действия субъективного образования. Анализ понятия «знаки» занимает важное место в философии, логике, лингвистике, психологии. Большое внимание рассмотрению гносеологических функций знака уделяли античные философы Платон и Аристотель, стоики, мыслители 17-18 вв. Локк, Лейбниц. В 19 веке новые моменты в исследовании знака внесли лингвистика и математическая логика. В последнее время сложилась особая наука о знаках – СЕМАНТИКА (Пирс, Ч. Моррис). Первостепенное значение имеет выделение особых социальных ситуаций, в которых происходит использование знаков. Подобные ситуации неразрывно связаны со становлением речи (языка) и мышления. Чрезвычайно существенна связь знаков с процессом передачи информации. В семиотике различают отношение знаком друг к другу, отношение знаков к тому, что ими обозначаются (семантика), и отношения использующего знаки к употреблению [11].

Литературный язык Древней Руси известен как церковнославянский или

просто славянский. Основан он в болгарском диалекте и был поднят до ранга литургического и литературного языка апостолами славянского мира Кириллом и Мефодием. Он употреблялся не только русскими, но и южными славянами и румынами. Поскольку он использовался для перевода с греческого языка, он пропитался греческим влиянием. Бесчисленные абстрактные понятия греческого языка получали славянскую форму, и греческие методы синтаксического подчинения репродуцировались на новой почве.

С самого начала церковнославянский был более или менее искусным языком, в значительной степени, созданным ради перевода с иностранного, гораздо более высокоразвитого языка, и очень отличался тогдашнего разговорного языка, насколько мы можем его себе представить. С течением времени эта исключительность нарастала, и в то время как разговорный язык претерпел быстрые и коренные перемены, церковнославянский оставался таким, каким был, и даже проявлял тенденцию к дальнейшему сближению со своим греческим прототипом [12]. Эта тенденция особенно сказалась в 14 веке: сербские и болгарские переписчики произвели тщательную ревизию всех существовавших в то время вариантов Святого Писания и литургий с целью сделать славянский текст как можно более адекватным греческому. Эта-то форма церковнославянского языка и стала литературным языком Московской Руси.

Выводы:

1. Язык – знаковая система любой физической природы, выполняющая познавательную и коммуникативную функции.
2. Язык – явление социальное. Он

возник в ходе развития общественного производства, и является его необходимой стороной – средством координации деятельности людей и каждого человека в отдельности.

3. Сущность языка выявляется в его двуединой функции: служит средством общения и орудием мышления. Речь – это деятельность, сам процесс общения, обмена мыслями, чувствами, пожеланиями, целеполаганиями, которые осуществляются с помощью языка. Язык – это система содержательных, знаковых форм. Язык превращает мысли и эмоции отдельных людей из личного достояния в общественное, и в духовное богатство всего общества.

4. Благодаря языку человек воспринимает мир не только своими органами чувств и думает не только своим мозгом, но и органами чувств и мозгом всех людей, опыт, который он воспринял с помощью языка.

5. Какими бы средствами ни выражались мысли, они, в конечном счете, переводятся на словесный язык – универсальное средство среди знаковых систем, используемых человеком, выполняющих роль всеобщего интерпретатора.

6. Язык и сознание образуют противоречивое единство. Язык влияет на сознание: его исторически сложившиеся нормы, специфические у каждого народа, в одном и том объекте оттеняют различные признаки.

7. Наукой о строении и функционировании знаковых систем является *семиотика*. Развитие знаковых систем определяется потребностями развития науки, техники, искусства и общественной практики.

8. При реакционном режиме язык может стать последним оплотом свободы, как это случилось на Украине, а носители языка и культуры – людьми второго сорта.

9. Литературный язык Древней Руси известен как церковнославянский или просто славянский. Основан он в болгарском диалекте и был поднят до ранга литургического и литературного языка апостолами славянского мира Кириллом и Мефодием. Он употреблялся не только русскими, но и южными славянами и румынами.

Список литературы

1. Философский словарь. – М.: 1983.
2. Спиркин А.Г. Основы философии: учебник для среднего профессионального образования / А.Г. Спиркин. – Москва: Издательство Юрайт, 2018. 392 с.
3. Якубинский Л.Б. Избранные работы. Язык и функционирование. – М.: 1986. С. 35.
4. Флоренский П.А. У водораздела мысли. – М.: Изд-во «Правда», 1990. Т. 2. С. 131-132.
5. Гегель. Наука логика. – М.: 1970. Том 1. 112 с.
6. Спиркин А.Г. Основы философии. – М.: Издательство Юрайт, 2025. 394 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 20. С. 489.
8. Освобождение духа. – М.: издательство политической литературы, 1991. С. 5-8.
9. Павлов И.П. Учение о двух сигнальных системах.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М.: 1988. 27 с.
11. Философский словарь. – М.: 1983. С. 120.
12. Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы. – М.: ЭКСМО, 2008. С. 11.
13. Березовская А.А., Сабурова Н.А. Митигация в речи адвоката как средство воздействия (на материале избранных речей Федора Никифоровича Плевако) // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 12-19.

References

1. Philosophical Dictionary. – Moscow: 1983.
2. Spirkin A.G. Fundamentals of Philosophy: A Textbook for Secondary Vocational Education. – Moscow: Yurait Publishing House, 2018. 392 p.
3. Yakubinsky L.B. Selected Works. Language and Functioning. – Moscow: 1986. P. 35.
4. Florensky P.A., At the Watershed of Thought. – Moscow: Pravda Publishing House, 1990. Vol. 2. P. 131-132.
5. Hegel. The Science of Logic. – Moscow: 1970. Vol. 1. 112 p.
6. Spirkin A.G. Fundamentals of Philosophy. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 394 p.
7. Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 20. P. 489.
8. Liberation of the Spirit. – Moscow: Political Literature Publishing House, 1991. Pp. 5-8.
9. Pavlov I.P. The Doctrine of Two Signal Systems.
10. Marx K., Engels, F. German Ideology. – Moscow: 1988. 27 p.
11. Philosophical Dictionary. – Moscow: 1983. P. 120.
12. Svyatopolk-Mirsky D.P. History of Russian Literature. – Moscow: EKSMO, 2008. P. 11.
13. Berezovskaya A.A., Saburova N.A. Mitigation in a lawyer's speech as a means of action (based on selected speeches of Fyodor Nikiforovich Plevako) // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 12-19.

Цзинвэй Ли

Инженерная школа, Лижуйского университета, г. Лижуй, провинция Чжэцзян, Китай.

Ли Тяньюй

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Построение системы оценки просоциального поведения студентов колледжа с точки зрения детерминизма взаимодействия*

Аннотация. Взаимодействующий детерминизм, основополагающая теоретическая концепция в психологии, предложенная Абрамом Бандурой, подчеркивает динамическое взаимодействие между индивидами, их поведением и окружающей их средой. Чтобы устранить некоторые ограничения существующих систем оценки этих взаимодействий, в данном исследовании рассматривается комплексная система оценки просоциального поведения студентов колледжа. Эта система оценки требует тщательного анализа существующих моделей и использует методы выбора многомерных показателей для целостной оценки индивидуальных характеристик, моделей поведения и влияния окружающей среды.

Ключевые компоненты включают когнитивные/эмоциональные факторы, частоту и их влияние на поведение, а также семейное, школьное и социальное окружение, при этом вес каждого показателя определяется научно. Эта система обеспечивает действенное руководство по идеологическому воспитанию, развитию культуры кампуса и личностному росту, что в конечном итоге способствует целостному развитию студентов и общественному прогрессу.

Ключевые слова: взаимный детерминизм, студенты колледжа, просоциальное поведение, система оценки.

Jingwei Li

Engineering College of Lishui University, Lishui, Zhejiang, China.

Li Tianyu

Lomonosov Moscow State University.

Construction of a prosocial behavior evaluation system for college students from the perspective of inter interaction determinism

Abstract. Interacting Determinism, a seminal theoretical framework in psychology proposed by Abraham Bandura, emphasizes the dynamic interplay among individuals, behaviors, and their environments. To address the limitations of existing evaluation systems in assessing these interactions, this study develops a comprehensive assessment framework for college students' prosocial behaviors. The framework requires thorough analysis of existing models and employs multidimensional indicator selection methods to holistically evaluate individual characteristics, behavior-

* © Цзинвэй Ли, Ли Тяньюй, 2025.

Построение системы оценки просоциального поведения студентов колледжа с точки зрения детерминизма взаимодействия

al patterns, and environmental influences. Key components include cognitive/emotional factors, behavioral frequency and impact, as well as family, school, and social environments, with each indicator's weight scientifically determined. This system provides actionable guidance for ideological education, campus culture development, and personal growth, ultimately fostering holistic student development and societal progress.

Key word: reciprocal determinism, college students, prosocial behavior, evaluation system.

(Fund Project: The Zhejiang Provincial Department of Education Fund Project "Research on the Construction of the Evaluation System for College Students' Prosocial Behavior from the Perspective of Interaction Determinism". Project Number: Y202558718)

Introduction

Interactional Determinism, a seminal theoretical framework in psychology proposed by Albert Bandura, emphasizes the dynamic interplay among individuals, behaviors, and their environments. This theory not only reveals the complexity of human behavior but also provides multidimensional perspectives for understanding social phenomena [6]. Its application holds particular significance in studying prosocial behavior among college students. As a positive social behavior pattern encompassing assistance, sharing, and cooperation, the cultivation and development of prosocial behavior constitute a crucial phase in students' socialization process [1]. With rapid societal development, research on college students' prosocial behavior has gained increasing attention, especially in the context of the "micro-era" where issues like online behavioral misconduct and value conflicts have become prominent, further highlighting the importance of establishing a scientific evaluation system [1]. By constructing an evaluation system based on Interactional Determinism, we can comprehensively assess the performance and influencing factors of college students' prosocial behavior, thereby providing theoretical support and practical guidance for educational practices. The specific objectives of the Interactional Determinism-based

evaluation system for college students' prosocial behavior include: First, defining key evaluation indicators across the three dimensions of individual, behavior, and environment, and determining their weight distribution to ensure the scientific validity and operational feasibility of the system [8]. Second, validating the system's effectiveness through empirical research to provide theoretical foundations and practical references for ideological and political education and the cultivation of social responsibility in higher education institutions [1]. Finally, the application prospect of the evaluation system in the ideological and political education, class management and club activities of college students is discussed, in order to promote the construction of campus culture and the individual development of college students.

1. The necessity of constructing the evaluation system of college students' prosocial behavior.

1.1 Limitations of the existing evaluation system.

The current evaluation system for college students' prosocial behavior exhibits significant limitations in both theoretical and practical aspects, particularly in neglecting the interaction among individuals, behaviors, and environments. On one hand, existing evaluation systems tend to focus on single-dimensional measure-

ments—such as merely tracking behavioral frequency or outcomes—while failing to comprehensively reflect the multidimensional nature of prosocial behavior. For instance, Zhao Yifan's research demonstrates that college students' prosocial behaviors show significant differences across various interest scenarios, yet current evaluation systems inadequately consider the influence of situational factors on behavior [5]. On the other hand, these evaluation systems often lack sensitivity to environmental dynamics, failing to capture the continuous shaping effects of family, school, and social environments on individual behaviors. Reference [15] highlights the significant positive correlation between class cohesion and prosocial behavior, yet this crucial environmental factor is frequently marginalized in existing evaluation systems. Furthermore, the indicator design of current evaluation systems predominantly relies on static assumptions, overlooking the bidirectional interaction between behavioral subjects and external environments. This results in evaluation outcomes that fail to fully reflect the actual level and developmental potential of college students' prosocial behavior.

1.2 The unique advantages of interaction determinism.

Interactive Determinism offers unique theoretical advantages for constructing a scientific and rational evaluation system for college students' prosocial behaviors. This theory emphasizes the dynamic interplay among individuals, behaviors, and environments, comprehensively considering multiple factors influencing prosocial actions. According to its core principles, an individual's cognitive abilities, emotional states, and external factors like social support and cultural values collectively shape the emergence and development of prosocial behaviors [6]. This systematic approach not only addresses the limita-

tions of traditional evaluation frameworks but also captures the dynamic evolution of prosocial behaviors. For instance, empathy – a crucial component of emotional factors – has been proven to correlate closely with helping behaviors. Interactive Determinism incorporates such elements into the evaluation framework, enhancing both the scientific rigor and comprehensiveness of the system [6]. Furthermore, by highlighting how environments shape individual behaviors, this theory enables the evaluation system to better reflect external influences on college students' prosocial actions, thereby improving its explanatory power and predictive accuracy. Consequently, Interactive Determinism demonstrates strong compatibility with developing scientific evaluation systems, providing a solid theoretical foundation for optimizing existing assessment mechanisms.

1.3 The promotion effect on the cultivation of college students' prosocial behavior.

The evaluation system developed through interaction determinism holds significant guiding value for cultivating prosocial behaviors among college students, enabling precise identification of training objectives and optimization of educational strategies. Firstly, by comprehensively considering multiple factors including individuals, behaviors, and environments, this system helps educators gain deeper insights into the internal mechanisms and external drivers of prosocial behaviors. For instance, in cognitive aspects, the system evaluates individuals' perspective-taking abilities and moral judgment levels, providing a basis for developing targeted cognitive training programs [6]. Secondly, the system emphasizes the shaping role of environmental factors, encouraging educators to recognize the supportive influence of family, school, and

social environments on students' prosocial development. As highlighted in Reference [1], improving educational systems and strengthening social support are crucial pathways to enhance prosocial behaviors, while the interaction determinism-based evaluation system offers concrete implementation directions [1]. Finally, through dynamic monitoring and feedback mechanisms, the system helps students identify strengths and areas for improvement in their prosocial behaviors, thereby promoting self-enhancement and behavioral optimization. In summary, the evaluation system grounded in interaction determinism not only enhances the scientific rigor and effectiveness of prosocial behavior cultivation but also provides essential theoretical support and practical guidelines for educational practices [8].

2. The evaluation index is determined based on the interaction determinism.

2.1 Individual factors indicators.

2.1.1 Cognitive factors.

Individual cognitive abilities and moral cognition significantly influence prosocial behavior. Research indicates that cognitive development serves as a crucial prerequisite for prosocial behavior, particularly in perspective-taking skills and moral judgment levels [6]. Perspective-taking, a key component of cognitive development, enables individuals to understand others' thoughts, emotions, and needs in specific situations, thereby increasing the likelihood of exhibiting prosocial behaviors. For instance, when people can consider issues from others' perspectives, they are more likely to show empathy and engage in helpful actions. Moreover, moral cognition directly impacts individuals' prosocial tendencies. Advanced moral cognition allows people to make rational ethical judgments in complex scenarios, leading to socially appropriate behavioral choices.

Therefore, incorporating cognitive factors into evaluation systems not only reflects an individual's prosocial potential through measuring perspective-taking skills and moral judgment levels, but also provides scientific foundations for cultivating prosocial behaviors among college students.

2.1.2 Emotional factors.

Emotional factors play a crucial role in the mechanisms underlying prosocial behavior, with empathy and self-esteem serving as two key variables. Empathy, as an alternative emotional response capacity, enables individuals to empathize with others' emotional states and take appropriate actions based on this understanding [6]. Research has demonstrated a significant positive correlation between empathy and prosocial behavior, indicating that individuals with higher empathy levels are more likely to exhibit prosocial behaviors [2]. Additionally, self-esteem has been proven to positively predict prosocial behavior. Individuals with high self-esteem typically maintain better interpersonal relationships and are more inclined to demonstrate cooperative and sharing behaviors in social interactions [11]. These findings suggest that using empathy and self-esteem as evaluation indicators not only comprehensively reflect an individual's emotional traits but also effectively assess the underlying drivers of their prosocial behavior.

2.2 Behavioral characteristics indicators.

2.2.1 Frequency of behavior.

Behavior frequency serves as a key metric for assessing the level of prosocial behavior among college students. By analyzing the frequency of such behaviors, we can gain a clear understanding of an individual's engagement and consistency in participating in prosocial activities over time [5]. For instance, frequent participation in volunteer work or helping others

typically indicates a strong pro-social inclination. Moreover, trends in behavioral frequency can reveal the developmental trajectory of prosocial behavior, providing data-driven insights for educational interventions. It's important to note that relying solely on frequency may overlook differences in behavioral quality. Therefore, practical evaluations should incorporate other indicators for comprehensive analysis.

2.2.2 Behavioral Influence.

The behavioral impact index measures the positive influence of prosocial behaviors on individuals and communities, serving as a key metric for evaluating their quality [15]. For instance, certain prosocial actions may not only directly benefit specific individuals but also inspire broader participation through social demonstration effects, thereby amplifying the overall societal impact. When assessing behavioral influence, multiple dimensions—including beneficiary scope, sustainability, and social resonance—should be considered. This indicator addresses the limitation of focusing solely on frequency while neglecting effectiveness, thereby enhancing the comprehensiveness and scientific rigor of evaluation systems.

2.3 Environmental factor indicators.

2.3.1 Family environment.

Family environment serves as a key determinant of prosocial behavior in college students, primarily comprising two dimensions: family support and parenting styles [1]. Family support provides essential emotional security and resource availability, empowering individuals to demonstrate prosocial behaviors with greater confidence when facing external challenges. Moreover, parenting styles significantly shape individuals' value systems and behavioral patterns. For instance, authoritative parenting that balances discipline with affection tends to foster chil-

dren with stronger accountability and empathy, whereas neglectful or authoritarian parenting styles may result in weaker prosocial performance. Therefore, incorporating family environment into evaluation frameworks helps deepen our understanding of the contextual factors underlying the development of prosocial behavior.

2.3.2 School environment.

As a crucial setting for college students' socialization, the school environment profoundly shapes prosocial behavior through its educational framework and campus culture [1][8]. A well-designed curriculum not only cultivates prosocial skills through course design and practical activities, but also reinforces moral awareness via values education. Moreover, a positive campus culture fosters students' collective pride and sense of belonging, thereby promoting prosocial behaviors. For instance, studies have demonstrated a significant positive correlation between enhanced class cohesion and prosocial behavior [15]. Therefore, incorporating school environmental factors into evaluation metrics serves not only as a supplement to individual growth backgrounds but also as an indispensable component in building a comprehensive assessment system.

2.3.2 School environment.

As a crucial setting for college students' socialization, the school environment profoundly shapes prosocial behavior through its educational framework and campus culture [1][8]. A well-designed curriculum not only cultivates prosocial skills through course design and practical activities, but also reinforces moral awareness via values education. Moreover, a positive campus culture fosters students' collective pride and sense of belonging, thereby promoting prosocial behavior. For instance, studies have demonstrated a significant positive correlation between enhanced class cohesion and prosocial behavior [15]. There-

fore, incorporating school environmental factors into evaluation metrics serves not only as a supplement to individual growth backgrounds but also as an essential component in building a comprehensive assessment system.

2.3.3 Social Environment

The social environment exerts influence on college students' prosocial behaviors through multiple channels including social support and social values [4]. The strength of social support networks directly impacts individuals' ability to cope with life challenges and determines their willingness to actively participate in social affairs. For instance, when individuals perceive social recognition and support, they are more inclined to demonstrate prosocial behaviors as a way to give back to society [4]. Meanwhile, social values, as a guiding force at the macro level, can shape individual behavioral preferences. In social environments with strong beliefs in a just world, individuals are more likely to believe their good deeds will be rewarded, thereby enhancing their motivation for prosocial behavior. Therefore, incorporating social environment indicators into evaluation systems helps us understand the formation mechanisms of prosocial behavior from a broader perspective.

3. Determination of the weight of evaluation index

3.1 Weight determination method selection

In developing an evaluation system for college students' prosocial behaviors, establishing appropriate weights for each indicator is crucial to ensure scientific validity and practical effectiveness. Common weighting methods include Analytic Hierarchy Process (AHP), expert consultation, and entropy weighting. AHP systematically addresses multi-objective de-

cision-making by breaking down complex problems into hierarchical levels and combining expert judgments with quantitative analysis. Expert consultation leverages domain specialists' knowledge through multi-round consensus-building. Entropy weighting calculates weights based on data dispersion, making it ideal for research requiring strong reliance on objective data [15]. This study primarily adopts AHP as the weighting method because it integrates multidimensional factors—including individual traits, behavioral characteristics, and environmental influences—into a unified framework. It also accounts for dynamic interactions in social determinism. Additionally, AHP's logical structure and operational simplicity effectively reduce subjective biases, enhancing both the scientific rigor and practical utility of the evaluation system.

3.2 Weight Determination Process

The specific steps for determining evaluation index weights using the Analytic Hierarchy Process (AHP) are as follows: First, construct a hierarchical structure model by dividing the evaluation system into three layers: the objective layer, criterion layer, and index layer. The objective layer represents the overall goal of the college students' prosocial behavior evaluation system. The criterion layer comprises three dimensions: individual factors, behavioral characteristics, and environmental factors. The index layer is further refined into specific indicators including cognitive factors, emotional factors, behavioral frequency, behavioral influence, family environment, school environment, and social environment. Second, establish a judgment matrix through expert consultation, inviting scholars in psychology and education to pairwise compare the importance of indicators across levels. Quantitative scoring is performed using the Sattie scale method. For

example, when comparing the impact of cognitive factors versus emotional factors on individual factors, cognitive factors are assigned a value of 3 if deemed slightly more important, otherwise 1/3 [15]. Third, conduct consistency checks on the judgment matrix to ensure logical validity of expert judgments. This is achieved by calculating the consistency ratio (CR). A CR value below 0.1 indicates satisfactory consistency, while adjustments are required until the matrix meets the standard. Finally, calculate index weights using the eigenvector method, apply normalization processing, and obtain the final weight distribution results [15].

3.3 Weighted Results Analysis

Analysis of the weight distribution determined through the Analytic Hierarchy Process (AHP) reveals significant differences among evaluation indicators. For instance, cognitive factors in individual attributes and behavioral influence in behavioral characteristics carry higher weights, reflecting the importance of college students' moral judgment capabilities and the actual effectiveness of prosocial behaviors, respectively. This weight allocation primarily stems from cognitive factors directly determining students' understanding and coping mechanisms in social contexts, while behavioral influence demonstrates the practical social benefits of prosocial actions. In contrast, family environment and social environment receive relatively lower weights, likely due to their indirect mechanisms of influence. The rationality of weight distribution significantly impacts the scientific validity of evaluation systems. On one hand, proper weight allocation more accurately reflects the true level of college students' prosocial behaviors, avoiding biases caused by overemphasizing single indicators. On the other hand, it provides clear guidance for educational practices, helping edu-

cators precisely identify training priorities and optimize cultivation strategies. For example, the higher weight assigned to cognitive factors suggests educators should strengthen the development of students' moral cognition abilities, while the elevated weight of behavioral influence emphasizes the importance of quality and effectiveness in practicing prosocial behaviors [15].

4. Discuss the feasibility and operability of the evaluation system

4.1 Application scenario analysis

The evaluation system for college students' prosocial behavior, developed through interaction determinism, demonstrates broad applicability in ideological and political education, class management, and club activities. In ideological education, this framework provides scientific basis for moral development initiatives. By comprehensively assessing students' prosocial behaviors, it enables educators to accurately identify students' ideological trends and behavioral patterns, thereby optimizing teaching content and methods [1]. For instance, in the digital age, cultivating online prosocial behavior has become a key task in ideological education. The system's indicators for family, school, and social environments effectively guide educators in designing targeted support mechanisms [1]. In class management, the system measures behavioral frequency and influence among members to reflect class cohesion, providing data support for enhancing team spirit and collective pride [15]. For club activities, it evaluates students' performance in public welfare and volunteer work, fostering the development of social responsibility [8]. These diverse applications not only showcase the system's versatility but also highlight its crucial role in university education systems.

4.2 Implementation step design

To ensure the smooth implementation of the evaluation system, detailed operational procedures must be designed, covering three key stages: data collection, evaluation process, and result feedback. During the data collection phase, information can be gathered through various methods such as questionnaires, behavioral observations, and interviews. For instance, students can be quantitatively assessed using the Prosocial Behavior Scale and Class Cohesion Questionnaire, while in-depth interviews can be conducted to understand the cognitive and emotional factors underlying their behaviors [15]. In the evaluation process, weighted calculations of indicators based on predetermined weights are first performed to derive comprehensive evaluation results. This process can be achieved through Analytic Hierarchy Process (AHP) or expert consultation methods to ensure scientific rigor and objectivity in the evaluation outcomes [15]. Finally, in the result feedback phase, evaluation reports should be provided separately to school administrators, teachers, and students themselves, helping all parties gain a comprehensive understanding of students' prosocial behavior levels and influencing factors. For example, schools can develop personalized cultivation plans targeting weak areas identified in the evaluation results, while students can recognize their shortcomings through feedback and make improvements [1]. This closed-loop implementation not only enhances the operability of the evaluation system but also provides strong support for subsequent educational practices.

4.3 Difficulties and Solutions

While the evaluation system holds significant theoretical and practical value, its implementation may still face multiple challenges. First, data acquisition poses

a major obstacle. Given that the system involves multiple indicators across three dimensions—individuals, behaviors, and environments—the data sources are complex and fragmented, potentially leading to incomplete or distorted information [15]. To address this, a multi-source data integration approach is recommended, combining students' daily performance records, teacher evaluations, and peer feedback to compensate for the limitations of single-source data. Second, subjectivity in the evaluation process may compromise fairness. For instance, different evaluators might disagree on the positive impact of the same behavior when assessing behavioral influence indicators [15]. To mitigate this, establishing clear scoring criteria and operational guidelines can reduce subjective bias. Additionally, the promotion and application of the evaluation system must overcome practical constraints such as time costs, human resource allocation, and technical support limitations [15]. To tackle this, a phased implementation strategy is advised, prioritizing pilot programs in key areas or representative groups to gradually accumulate experience and refine mechanisms. Through these measures, implementation challenges can be alleviated to ensure the feasibility and effectiveness of the evaluation system.

5. Application prospect of the evaluation system

5.1 Promotion of ideological and political education for college students

The evaluation system for college students' prosocial behavior, developed through interaction determinism, offers innovative approaches to ideological and political education. Firstly, by quantifying the dynamic interactions among individuals, behaviors, and environments, this system enables educators to accurately

ly identify students' strengths and weaknesses in prosocial behaviors, thereby optimizing educational content design. For instance, in the micro-era context where online prosocial behavior has become a crucial component of ideological education, the system's consideration of cognitive and emotional factors provides theoretical foundations for universities to develop targeted online moral education strategies [1]. Secondly, the evaluation system emphasizes the influence of family, school, and social environments on students' prosocial behaviors, helping ideological education transcend traditional classroom limitations to establish a new paradigm of comprehensive, continuous, and all-round education. Additionally, through in-depth analysis of evaluation results, educators can better understand differences in prosocial behaviors across different academic years, genders, and professional backgrounds, enabling personalized educational interventions to enhance the effectiveness of ideological education [8].

5.2 Promoting the construction of campus culture

The implementation of the evaluation system holds profound significance for campus culture development. Firstly, by establishing clear metrics and weighting for prosocial behaviors, it provides concrete guidance for campus culture construction. For instance, incorporating environmental factors such as family support, school environment, and social values into the evaluation framework helps cultivate a positive, prosocial campus atmosphere. This allows students to be subtly influenced in a positive manner, thereby enhancing their sense of social responsibility and collective honor [1]. Secondly, the system emphasizes core indicators like behavioral frequency and impact, which not only motivates stu-

dents to actively participate in volunteer services and public welfare activities but also encourages more students to join prosocial practices through role modeling effects, thereby enriching the cultural connotation of campuses. Additionally, the implementation of the evaluation system facilitates experience exchange and collaboration among universities, promoting the formation of distinctive campus culture brands with contemporary characteristics and regional features. This injects new vitality into the construction of the socialist core value system [8].

5.3 Guidance to the individual development of college students

The evaluation system plays a crucial role in guiding college students' personal development. Firstly, through multi-dimensional indicator design, it helps students gain a comprehensive understanding of their prosocial behavior performance. For instance, evaluation results of cognitive and affective factors enable students to identify their strengths and weaknesses in moral judgment and empathy, allowing targeted self-improvement [2]. Secondly, the system emphasizes the interaction between individuals, behaviors, and environments, helping students recognize the positive impact of their actions on others and society. This enhances their self-efficacy and anticipatory pride. Research shows that individuals with high self-esteem tend to exhibit stronger prosocial tendencies. The system's focus on affective factors like self-esteem further stimulates students' intrinsic motivation, encouraging them to translate prosocial values into concrete actions [11]. Finally, the feedback mechanism provides continuous guidance and support, helping students optimize their behaviors in future studies and life to achieve all-round development.

Список литературы / References

1. Zhou Xiaodong. "Prosocial Behavior of College Students in the 'Micro Era': Typical Issues, Influencing Factors and Cultivation Paths". *Journal of Jianghai*, 2021. № 6. P. 221-226.
2. Zhan Youlong, Jiang Xuefen, Liu Changlin, Liu Xu, Tan Qianbao. The Impact of College Students' Self-Responsibility on Prosocial Behavior Intention in Moral Dilemma: The Chain Mediating Role of Self-Efficacy and Expected Pride. *Journal of Psychological and Behavioral Research*, 2023. № 21 (6). P. 839-845.
3. Gong Yu, Mao Fuqiang, Xia Yuwei, Zhang Tong, Wang Ge, Wang Xu. The mediating role of psychological security between college students' self-efficacy and prosocial tendency [J]. *China Journal of Health Psychology*, 2021. № 29 (1). P. 146-151.
4. Liu Wenke, Jiang Runjie, Hu Linli. The Relationship Between College Students' Perceived Social Support and Prosocial Behavior: The Mediating Role of Gratitude and the Moderating Effect of Belief in a Just World [J]. *Shandong Higher Education*, 2024. № 12 (2). P. 38-44.
5. Zhao Yifan. The Impact of Different Situations on College Students' Prosocial Behavior [J]. *Education World (Higher Education)*, 2018. № 4. P. 36-37.
6. Lin Yuelang. A Review of Research on Prosocial Behavior in Adolescents [J]. *Teaching and Research of the National Common Language and Script*, 2021. № 11. P. 8-9.
7. Ma Jianqing, Huang Xuewen. The Relationship Between Interpersonal Trust and Subjective Well-being Among College Students: The Mediating Role of Prosocial Behavior and Aggressive Behavior [J]. *Applied Psychology*, 2022. № 28 (1). P. 41-48.
8. Liu Yanan. Development of an Evaluation System for Core Competencies of "Social Responsibility" in Independent College Students [J]. *Industrial and Technology Forum*, 2021. № 20 (8). P. 259-260.
9. Guo Yuan. The Relationship Between Social Support and Prosocial Behavior of College Students: The Mediating Role of Interpersonal Trust [J]. *Henan Social Sciences*, 2018. № 26 (6). P. 112-116.
10. Zhang Lu, Wu Yunte, Jin Tonglin, and Jia Yanru. Development of an Internet-based Prosocial Behavior Scale and Its Reliability and Validity Testing in College Students [J]. *Applied Psychology*, 2022. № 28 (3). P. 270-276.
11. Li Jiaojiao, Xu Bibo, Chen Xiaoyun, Yin Xiyang, Chen Mei. The Impact of Self-esteem on Prosocial Behavior in College Students: A Moderating Mediation Model [J]. *Psychological Technology and Application*, 2022. № 10 (2). P. 65-74.
12. Wang Haiyan. The Well-being Model of Ideological and Political Education for College Students: A Perspective from Positive Psychology Research [J]. *Times Figure*, 2023. № 14. P. 149-152.
13. Xia Mian, Li Fenglan. "An Analysis of the Current Status of Prosocial Motivation and Behavior among Post-90s College Students" [J]. *School Party Building and Ideological Education*, 2016. Vol. 2. № 2. P. 9-12.

Рябчун Н.П.

Кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и социально-политических технологий.
Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина.

Творчество Даши Намдакова и тема номадологии в философии постмодернизма*

Аннотация. В статье анализируется связь творчества известного бурятского художника Даши Намдакова с темой номадизма в постмодернистской философии. С точки зрения основополагающих концептов номадологии - кочевник, ризома, движение, мобильность, воин, интеллект, противостояние - рассматриваются наиболее значимые работы: скульптуры «Стихия», «Цель», «Чингисхан», «Энергия». Делается вывод о синтезе традиционного бурятского эпоса и - шире - классического искусства Востока с авангардными течениями в западной культуре, который осуществил Даши Намдаков.

Ключевые слова: номадология, постмодернизм, творчество Даши Намдакова, ризома, кочевник, цифровая экономика, постиндустриальное общество, мобильность, движение.

Ryabchun N.P.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University).

The work of Dashi Namdakov and the theme of nomadology in the philosophy of postmodernism

Abstract. This article analyzes the connection between the work of renowned Buryat artist Dashi Namdakov and the theme of nomadism in postmodern philosophy. From the perspective of fundamental concepts of nomadology—nomad, rhizome, movement, mobility, warrior, intellectual, and confrontation—the most significant works are examined: the sculptures “Element,” “Goal,” “Genghis Khan,” and “Energy.” The conclusion is drawn about Dashi Namdakov’s synthesis of traditional Buryat epic poetry and, more broadly, classical Eastern art with avant-garde movements in Western culture.

Key words: nomadology, postmodernism, works of Dashi Namdakov, rhizome, nomad, digital economy, post-industrial society, mobility, movement.

Творчество российского скульптора, ювелира, дизайнера и графика бурятского происхождения Даши Намдакова широко известно как в нашей стране, так и за рубежом. Работы этого

художника хранятся и экспонируются в Эрмитаже и Этнографическом музее Санкт-Петербурга, Государственном музее искусства народов Востока и Музее современного искусства в Москве,

* © Рябчун Н.П., 2025.

Творчество Даши Намдакова и тема номадологии в философии постмодернизма

а также в музеях и частных собраниях США, Китая, Японии, Франции, Германии, Швейцарии и других стран. Так, в Лондоне установлена его монументальная скульптура Чингисхана; а в итальянском городке Пьетрасанта, где лучший в мире мрамор, была создана скульптурная композиция «Царская охота», посвященная скифской мифологии, за которую автор в 2013 году был признан художником года в Италии.

Анализу произведений Даши Намдакова посвящено множество исследований искусствоведов, историков, культурологов и этнографов. В них отмечается глубокая связь с архаической культурой, фольклором, бурятским традиционным искусством, религиозными культами и мифологией [1, 2, 3, 4].

Однако никто из исследователей не обращал внимание на близость мотивов творчества Д. Намдакова с темой номуадизма, как она присутствует в постмодернистской философии, в частности, в концепции Жюлья Делеза и Феликса Гваттари. Понятие номуадической культуры и номуадического мышления появилось в книге философов «Тысяча плато», которая вышла в 1980 году и стала вторым томом их знаменитого трактата «Капитализм и шизофрения». Это была концепция нового миропонимания и мироощущения, характерного для эпохи позднего капитализма; и фигура номуада (кочевника) становится архетипом современного человека [5].

Итак, что же представляет собой номуадический субъект с точки зрения Делеза и Гваттари? Главные его качества - спонтанность, детерриторизация, автономность, антииерархичность, локальность, открытость опыту, интертекстуальность и антика-

ноничность. Это противопоставляется оседлости, укорененности, практике контроля и подчинения, закрытости и определенности пространства, детерминированности, статичности, центричности и авторитарности. Объясняя свою мысль, Делёз и Гваттари сравнивают шахматы и игру в го, где шахматы - прообраз оседлой культуры и менталитета, а го - прообраз номуадического мышления. Шахматы - это борьба институализированная, урегулированная, структурированная, разделенная на фронт и тыл. Го - это аналог партизанской войны, где нет непосредственных столкновений, нет четкой линии фронта и тыла. Пространство шахмат - ограниченное, изолированное, шахматные фигуры стремятся занять максимальное количество мест при минимальном передвижении. В противоположность этому игра го представляет собой рассеянное положение фишек в открытом пространстве; фигуры, наоборот, стремятся занять максимальное число мест минимальным количеством фишек. В игре го фишки рассредотачиваются в открытом пространстве и захватывают его посредством непрерывного, беспорядочного, лишённого цели и назначения движения.

Если шахматы - это метафора леса, го - метафора степи. Пространство степи Делёз и Гваттари обозначают термином «ризом». Ризом представляет собой децентрированную структуру, аналогичную корневой системе грибов или сложной паутине, где каждый элемент имеет возможность соединения с любым другим, что открывает пути для непредсказуемого развития. Ключевым аспектом данной концепции является отсутствие центра: в ризоматическом пространстве не существует доминирующей перспективы, все ком-

поненты равноправны и обладают потенциальной взаимосвязью.

В теории номадизма противопоставляется степь кочевника (ризомы) и дерево как символ оседлой культуры и соответствующего менталитета. Ризома представляет собой вызов устоявшейся концепции ментального дерева. В отличие от дерева, которое символизирует разум, ризома рождается в сфере подсознания. Делёз и Гваттари утверждают, что человек в эпоху развитого капитализма «устал от деревьев». Он больше не верит в их корни и ветви. Они приносят слишком много боли и проблем. Вся иерархическая культура, от биологии до лингвистики, построена на древовидной структуре. Деревья прочно укоренились в сознании многих, хотя мозг больше похож на траву, нежели на дерево. Примерами ризомы служат луковицы, клубни, крысиные норы. Амстердам с его сетью каналов пример города-ризомы. Ризома более жизнеспособна, чем дерево. Поврежденная ризома способна к самовосстановлению: невозможно полностью избавиться от муравьев, поскольку они формируют самовосстанавливающуюся ризому. Если дерево имеет генеалогическую структуру, то ризома это анти-генеалогия, отрицающая память. В ризоме важны не точки, а линии. Она состоит не из отдельных элементов, а из направлений движения (постоянно хаотичного). У нее нет ни начала, ни конца, а есть срединная область, из которой она развивается и распространяется, оставаясь в состоянии «междубытия» или интермедии. В противоположность централизованным системам с иерархическим управлением и коммуникациями, ризома ацентрична, антииерархична, лишена организующей памяти и цен-

трализованного управления, определяясь лишь циркуляцией состояний. Противопоставление дерева и ризомы отражает разницу между оседлостью и кочевьем [6].

Сегодняшний индивид находится в непрерывном перемещении: между географическими локациями, сферами деятельности и социальными ролями. Существование кочевника заключается в этом движении, которое напоминает процесс формирования. Это касается самоопределения современной личности и поисков подлинности. Постоянная изменчивость создает одно неизменное состояние: хронический стресс, который испытывает современный человек.

Сознание стремится зафиксировать себя в определенный момент времени и в конкретном месте. Но окружающий мир постоянно меняется, и само сознание совершает движение внутри этого внешнего движения. В этой непрерывной погоне за устойчивостью сознание ускользает от самого себя. В условиях номадизма превращение линии в точку приводит к остановке движения, тогда как линия способна продолжать свое движение только тогда, когда обнаружит свое начало.

Современная философия говорит о доминировании мозаичного сознания у человека постиндустриального общества, что приводит к его хаотичному перемещению между территориями, профессиями, гендерами, символами, смыслами. В этом негативное значение номадического мышления. Однако номадическое мышление имеет и позитивное значение в разных сферах: философии, культуре и экономике. Эти плюсы связаны с идеей движения, нелинейности, адаптивности, гибкости и отказа от жестких структур, в отличие от классическо-

го «оседлого» мышления, «оседлому» мышлению, основанного на упорядоченности и стабильности.

В философии это возможность видеть мир как постоянно изменяющуюся сеть без центра, которая развивается в любом направлении. Такое мышление не опирается на доминирующие истины или авторитеты, а рассматривает реальность как открытость, а не замкнутую систему. Также номадическое мышление отказывается от закреплённости, фиксированности. Номад не «занимает» пространство, а взаимодействует с ним ситуативно, создавая временные формы, которые тут же изменяются, превращаются, перестраиваются. Это открывает возможность для неожиданной и непредсказуемой новизны. В экономике номадическое мышление позволяет фрагментировать социальные взаимодействия и адаптироваться к индивидуальным условиям человеческого бытия. Это помогает снять замкнутость, ограниченность и сделать горизонты коммуникации открытыми. Цифровой номадизм — современная форма кочевничества, при которой человек меняет свою физическую локацию, сохраняя при этом профессию благодаря цифровым технологиям.

Образный строй произведений Даши Намдакова включает все основные концепты номадологии: степь, кочевники, движение, воин, интеллеktуал, противостояние. Художник как будто облакает основные концепты постмодернистской философии в визуальные образы. Степь (ризома) - «Вселенная кочевника» - место обитания персонажей художника. Проанализируем с этой точки зрения работы, которые занимают центральное место в наследии бурятского скульптора.

Одна из наиболее ранних скульптур Д. Намдакова называется «Стихия» (1999). Она изображает летящую в стремительном галопе лошадь, которая воспринимается как аллегория воздушной стихии. Зверь распростерт в горизонтальной плоскости, его голова вытянута вперед до предела, уши плотно прижаты, а грива отброшена вбок набегающим потоком воздуха. Мышцы напряжены до предела, и их очертания формируют основной пластический образ тела. Подчеркнутый объем имеет круп лошади, но мощь рывка устремляет тяжелое тело вперед. Динамика и мобильность, в противоположность статичному мышлению, - мировоззренческое основание концептуализации номадологии.

Образ воина, кочующего по бескрайним просторам степи, неоднократно привлекал Даши Намдакова. Наиболее известным примером этому является скульптура «Цель» (2011), изображающая момент боя, когда воин-всадник выпустил стрелу. Здесь лучник верхом на коне - воплощение искусной концентрации и мучительной физической виртуозности; он способен скакать на коне спиной вперед, как древние парфяне. Поворачиваясь назад, сидя на лошади в тяжелой броне, всадник выпускает стрелу неожиданно, поворачивая торс стремительным движением, имитируемым лошадью, которая тоже оборачивает назад нервно трепещущую голову. Художник с филигранным мастерством прорабатывает детали брони и шлема, острое лицо воина, когтистые конечности и набухшие вены коня. Одна из основополагающих характеристик номада в теории Делёза и Гваттари - он воин.

Статуя Чингисхана (2012) работы Д. Намдакова установлена в Лондо-

не, у Камберленд-гейт, на выходе из Гайд-парка в районе Мраморной арки. Всадник и конь, подобно героям эпоса, представлены как единое целое, исполненное величия. Они замерли у самого края пропасти, вероятно, символизирующей рубеж между миром земным и небесным. Однако, страх не отражается на лице героя. Фигура всадника настолько слилась с седлом, что кажется, будто он рожден в нем, что характерно для кочевников. Массивная фигура бородатого воина одета в доспехи. Его руки широко разведены, как это часто бывает в момент поиска баланса или глубокой задумчивости. Руки подняты и свободны: в них нет ни оружия, ни поводьев. Изящные кисти раскрыты в жесте, выражающем спокойствие и глубокое созерцание. Немолодое лицо героя напоминает неподвижную маску, с некоторыми чертами, схожими с лицом Будды. Четкий профиль и опущенные веки подчеркивают сосредоточенность и абсолютную отрешенность героя, погруженного в свои мысли. Образ зрелого воина и героя дополняет его верный спутник - конь, неотъемлемая часть жизни кочевника. Образ Чингисхана у Намдакова - это образ кочевника-интеллектуала. Интеллектуал - фигура, противоположная чиновнику в теории номадологии Делёза и Гваттари; он производит знание и шире - новое как таковое.

Скульптура «Энергия» (2018) - воплощение идеи прорыва внутреннего через внешнее. Фигура, в которой угадываются очертания как человека, так и животного. Внешние ее поверхности покрыты черным цветом, из которого прорывается красный и золотой пульсирующий поток, который разламывает черную массу изнутри. В одном из своих интервью Даши рассказывал,

что идея цветов и пластики скульптуры родилась у него в Италии, по аналогии с нутром вулкана, долгое время спавшего, но внезапно грозно пробудившегося. Энергия пробудившегося вулкана сопоставима с номадологическим образом ризомы с ее хаотичностью запутанностью, лишенностью четкой геометрической формы, но пронизанной множеством внутренних связей.

Думается, что популярность, востребованность творчества Даши Намдакова как в России, так и за рубежом, объясняется тем, что образный строй его скульптур, характер его художественных смыслов совпал с основными концептами постмодернистской философии, язык которой в наше время активно используется в гуманитарных исследованиях для описания социокультурных реалий сегодняшнего цифрового номадизма. Кроме того, в дискуссиях о том, каким должен быть человек будущего, многие философы хотели бы видеть его не в качестве киборга (трансгуманизм), а в образе номадического субъекта (постгуманизм).

Список литературы

1. Асалханова М.В. Творчество Даши Намдакова: традиции и новации // Отечественное искусство конца XIX - начала XXI вв. в диалоге эпох: идеи, стили, мастера. Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию кафедры искусствоведения СПГХПА им. А.Л. Штиглица. - Санкт-Петербург, 2022. С. 367-379.
2. Болотов Р.Э. Хранитель бурятской идентичности: феномен Даши Намдакова // Концепт: философия, религия, культура. 2023. Т. 7. № 1. С. 109-120.
3. Гаманович Г.Л. Особенности художественно-образной системы и изобразительного языка в творчестве Даши Намдакова // IX искусствоведческие Снитковские чтения. Сборник материалов XXI Всероссийской с международным участием конференции, посвящённой 85-летию Алтайского края. Отв. редактор Н.С. Царева. Барнаул, 2022. С. 142-148.
4. Шестакова О.Б. Эстетика и символика бурятского эпоса в художественно-декоративных куклах проекта Даши Намдакова «ульгер: сказки и грёзы» в экспозиции алтайского краеведческого музея //

- Культурное наследие Сибири. 2025. № 1 (45). С. 30-38.
5. Пеннер Р.В. Осмысление фигурыномада в реалиях современности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-4 (86). С. 125-127.
  6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. – М.: Рипол Классик, 2025.
  7. Ворожцова А.А. «Маленькая Венеция» на берегах Ориноко: к вопросу о происхождении и эволюции топонима «Венесуэла» // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 97-102.

References

1. Asalkhanova M.V. The Works of Dashi Namdakov: Traditions and Innovations // Russian Art of the Late 19th - Early 21st Centuries in the Dialogue of Eras: Ideas, Styles, Masters. Proceedings of the Scientific and Practical Conference Dedicated to the 30th Anniversary of the Art History Department of the St. Petersburg State Academy of Art and Industry named after A.L. Stieglitz. – St. Petersburg, 2022. P. 367-379.
2. Bolotov R.E. Guardian of Buryat Identity: The Phenomenon of Dashi Namdakov // Concept: Philosophy, Religion, Culture. 2023. Vol. 7. № 1. P. 109-120.
3. Gamanovich G.L. Features of the Artistic-Figurative System and Pictorial Language in the Works of Dashi Namdakov // IX Snitkov Art Criticism Readings. Collection of materials from the XXI All-Russian International Conference with participation, dedicated to the 85th anniversary of the Altai Territory. Editor-in-chief N.S. Tsareva. Barnaul, 2022. P. 142-148.
4. Shestakova O.B. Aesthetics and symbolism of the Buryat epic in the artistic and decorative puppet projects of Dashi Namdakov “Ulger: fairy tales and dreams” in the exposition of the Altai Museum of Local History // Cultural heritage of Siberia. 2025. № 1 (45). P. 30-38.
5. Penner R.V. Understanding the figure of the nomad in modern realities // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Issues of theory and practice. 2017. № 12-4 (86). P. 125-127.
6. Deleuze J., Guattari F. Capitalism and Schizophrenia. A Thousand Plateaus. – Moscow: Ripol Classic, 2025.
7. Vorozhtsova A.A. ‘Little Venice’ on the banks of the Orinoco: the origin and evolution of the toponym ‘Venezuela’ // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 97-102.

Никулин В.А.

Аспирант кафедры философии и этнологии.
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.

Философские основания синтеза исторической памяти и национальной идеи: основные характеристики*

Аннотация. В статье анализируется специфика взаимодействия исторической памяти и национальной идеи в социо-культурном и социально-политическом пространстве российского общества. Ставится акцент на том, что историческая память является одним из основных системообразующих и смыслообразующих элементов национальной идеи, который транслирует систему ценностей и символов в целях формирования национальной идентичности. Важным аспектом данного вопроса является то, что прежде, чем идея формируется, она извлекается из прошлого, переосмысливается и трансформируется в сильные образы и нарративы. Таким образом, национальная идея интерпретирует и структурирует прошлое, «использует» его для реализации основных функций: консолидации, мобилизации и легитимации. Делается вывод о том, что историческая память является одним из основных факторов формирования национальной идеи, что подтверждают периоды российской истории. Поэтому «живая» историческая память представляет собой потенциальную национальную идею, которая может быть актуализирована в социокультурном и социополитическом пространстве.

Ключевые слова: историческая память, консолидация, мобилизация, национальная идея, синтез.

Nikulin V.A.

Postgraduate Student, Department of Philosophy and Ethnology,
North Caucasus Federal University, Stavropol.

Philosophical foundations for the synthesis of historical memory and national idea: key characteristics

Abstract. This article analyzes the interaction between historical memory and national idea in the socio-cultural and socio-political space of Russian society. It emphasizes that historical memory is one of the key system-forming and meaning-creating elements of the national idea, conveying a system of values and symbols for the purpose of shaping national identity. An important aspect of this issue is that before an idea is formed, it is extracted from the past, reinterpreted, and transformed into powerful images and narratives. Thus, the national idea interprets and structures the past, “using” it to realize its core functions: consolidation, mobilization, and legitimation. It is concluded that historical memory is a key factor in the formation of the national idea, as confirmed by periods of Russian history. Therefore, “living” historical memory represents a potential national idea that can be actualized in the socio-cultural and socio-political space.

Key words: historical memory, consolidation, mobilization, national idea, synthesis.

---

* © Никулин В.А., 2025.

Философские основания синтеза исторической памяти и национальной идеи: основные характеристики

Введение

Национальная идея является одной из наиболее социально значимых проблем современной России, которая является центральной для многих философско-политических научных и публичных дискуссий, посвященных вопросам национального самоопределения. Истоки изучения национальной идеи были заложены еще в XIX столетии, однако единый подход к определению национальной идеи отсутствует в современном социогуманитарном знании. Различные подходы к исследованию сущности феномена национальной идеи способствуют ее восприятию, например, в качестве государственной идеи или этнической идентификации. В то же время «национальная идея выступает как комплексное, синтезное образование, которое отражает и регулирует все аспекты жизнедеятельности личности, этноса, государства» [1].

В современном российском обществе существует множество различных точек зрения на то, какая должна быть национальная идея. Большинство россиян видят идею сильного государства, как основную. В этом государстве, которое развивается на принципах демократии, защиты прав человека и гражданского общества, на высоком уровне функционируют экономическая и технологическая сферы общества. Такое же большинство выдвигают идею о том, что необходимо сохранять и приумножать российские традиции и культуру. Таким образом, проблема формирования национальной идеи концентрирует в себе культурные, идеологические и социально-политические векторы развития российского общества по определению целей и идеалов, перспектив общественного развития, повышению качества жизни в культурном и социально-эко-

номическом контекстах. Именно национальная идея позволяет обрести смысл исторического существования общества и человека, что возможно при наличии «диалога с прошлым». В связи с чем, актуализируется проблема рассмотрения взаимодействия исторической памяти и национальной идеи в современном российском обществе, т.к. «национальная идея выступает показателем «состояния здоровья» национально-государственного организма и представляет собой не просто результат синтеза науки, идеологии и философии, она онтологична, т. е. укоренена в историческом бытии народа, является закономерным результатом развития общественного сознания, индикатором духовной зрелости» [2]. Национальная идея наделяет смыслом существование самой нации и государства, без которого «никакая государственность в долгосрочной перспективе не может существовать» [3], позволяет сформировать программу действий, обеспечивающую поступательное, эволюционное развитие общества и государства, его правовой сферы как основы этого развития.

Литературный обзор

Изучению национальной идеи и ее историческим особенностям развития посвящены работы представителей русской интеллигенции: Н. Бердяева, Ф.М. Достоевского, И. Ильина, В. Соловьева, Л. Карсакина, А. Лосева, В. Розанова, А. Хомякова, К. Леонтьева и других. Особый интерес для исследования национальной идеи представляют работы, раскрывающие самобытность российской цивилизации, к ним относятся труды Л. Гумилева, А. Дугина, Н. Лосского, Г. Флоровского, А.Н. Савельева, А.Н. Севастьянова и других. При исследовании вопроса формирова-

ния национальной идеи в современном российском обществе важно отметить работы С. Кара-Мурзы, И. Чубайса, В.А. Тишкова и других. При изучении вопросов, связанных с исторической памятью следует акцентировать внимание на фундаментальные исследования исторической памяти в работах Я. Ассмана, П. Нора, П. Рикера, М. Хальбвакса и других. В исследовании «диалога с прошлым» в российской науке особое значение имеют работы О.Ю. Малиновой, А.В. Полетаевой, Л.П. Репиной, И.М. Савельевой и других.

Материалы и методы

Анализ научных работ, посвященных исследованию национальной идеи и исторической памяти, специфике их формирования и функционирования в социокультурном и социополитическом пространстве современной России, также исследований социального капитала, его взаимосвязи с исторической памятью и национальной идеей, ее консолидирующей и мобилизационной функции.

Результаты и обсуждения

Национальная идея как социокультурный феномен является главной составляющей не только национальной, но и цивилизационной идентичности. Национальная идея является той стержневой основой, вокруг которой формируются специфика национального самосознания, уникальность национальной культуры, обусловленной единством и многообразием национальностей в России, требования к развитию социальных институтов. Как отмечает Г.Н. Лебедева, что «каждый существующий народ определяет собственную «национальную идею» сообразно своим представлениям в условиях меняющихся идеологических

концепций в различные исторические периоды. В частности, в концепции Святой Руси «русская национальная идея», зародившаяся в период преодоления ордынского ига, представляла собой не только распространение истины в другие народы, но и сохранение ее в своих интересах [4]. Поэтому феноменальность национальной идеи заключается в том, что она формируется под влиянием исторических событий, которые являются значимыми для общества, тем самым находится во взаимодействии с исторической памятью. В тоже время национальная идея объединяет в себе ценности и идеалы настоящего, определяя вектор развития будущего, посредством своих основных функций: консолидации, мобилизации и легитимации. Интересно проследить наиболее яркие этапы становления национальной идеи, которое начинается от времен псковского монаха Елеазарова монастыря Филофеем, которым была воспроизведена идея религиозно-исторического содержания о том, что «Москва – Третий Рим». Следующий этап развития национальной идеи связан с деятельностью министра просвещения Российской империи начала XIX в. С.С. Уварова, который выделил основные национальные «скрепы» общества: «Православие. Самодержавие. Народность». По мнению С.С. Уварова, православие, самодержавие и народность являются основными ценностями страны, которые отражают ее уникальность [5]. Наиболее яркий период исследования национальной идеи относится к XIX – началу XX в. в России и связан с именами П.Я. Чаадаева, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, Ф.М. Достоевского и других. В частности, Ф.М. Достоевским была сформулирована так называемая «русская идея», без которой, по мнению

писателя, не может существовать нация – совокупность особенностей русского национального характера, братское начало, которое в русском человеке есть, «и которого нет в западном человеке» [6]. По-другому это определялось как чувство коллективизма. По мнению Н.А. Бердяева, русская идея опирается на базовые ценности православия, поэтому она должна содержать в себе основные добродетели веры, надежды и любви. Единый миропорядок на основе согласия между Западом и Востоком, по мнению В.С. Соловьева, должна отражать национальная идея [7]. Таким образом, центральной проблемой отечественной социально-философской мысли являлся симбиоз личности, общества и государства, гармоничное развитие личности и политических институтов. «Едины русские мыслители были и в понимании того, что правильное (справедливое) государство – это государство сильное, в котором юридические нормы вытекают из моральных аксиом, а фундаментом выступает твердый нравственный стержень такой личности, для которой приоритет соборного целого стоит на первом месте» [8].

В фундаментальном исследовании «Национальная идея России» национальная идея понимается как «устойчивое представление индивида об основополагающем в прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия, а также соответствующее состояние общественного сознания» [9]. В рамках данного исследования понимание национальной идеи связано не только с этническим самосознанием, но и с актуализацией внимания на приоритетной роли национальной идеи в прошлом, настоящем и будущем страны, интерпретации ее в качества основы

для обеспечения преемственности поколений, поступательного развития общества и государства, формирования национальной правовой сферы в соответствии с особенностями национального миропонимания. В связи с чем, важно проследить взаимосвязь между историческими периодами развития российского общества и формированием национальной идеи.

Так в период Московского царства (XVI-XVII вв.) основным компонентом в исторической памяти было воспоминание о монгольском иге, соответственно, как испытанию и богоизбранности русского народа. Поэтому ключевой национальной идеей была религиозная – «Москва – Третий Рим». В Имперский период (XVIII – начало XX вв.) доминировала основная национальная идея, провозглашенная С.С. Уваровым – «Православие, Самодержавие, Народность», историческим основанием для которой стали: память о Смуте и великих петровских победах, отражающих величие империи, также победе в войне 1812 г., что подтверждает силу консолидации и мобилизации народа. В Советский период национальная идея «Построение коммунизма» и «Пролетарский интернационализм» была детерминирована идеологией коммунизма. Важно отметить, что в этот период историческая память приобретает также героический характер, т.е. в формировании ценностных ориентиров огромную роль начинают играть выдающиеся революционеры, красные командиры, стахановцы, пионеры, а Победа в Великой отечественной войне стала основным историческим легитимирующим событием. Важным отличием национальной идеи данного периода являлся целенаправленный разрыв со старым имперским периодом и построением принци-

ально нового. В постсоветский период (1990-е) основой национальной идеи было «Возвращение в цивилизацию» и «Либеральные ценности». Память о репрессиях и преступлениях советского режима являлись «историческими травмами», которые нанесли обществу советский режим. В отличие от национальной идеи советского периода, которая осуществляла попытку построения принципиально нового общества, постсоветская идея разрушала и критиковала предыдущую. Этот факт можно подтвердить тем, что в научных и публичных дискурсах ведущие ученые и политики не могли прийти к какому-то мнению о содержании национальной идеи, поэтому предлагались следующие: «Наша национальная идея – спорт»; «Наша национальная идея – это А.С. Пушкин»; «У России есть национальная идея – быть первыми всегда и во всем» (Б. Грызлов спикер Государственной Думы РФ) и другие [10]. Современное содержание национальной идеи в российском обществе «должно базироваться на сохранении и преумножении традиционных для России духовно-нравственных основ, позволяющих значительно консолидировать общество, стать основой для укрепления современного самобытного суверенного государства, обладающего высоким статусом на международной политической арене» [11].

Заключение

В современной России национальная идея основывается на фундаменте «суверенной демократии», «традиционных ценностях», «особой цивилизации», т.е. наблюдается синтез имперского и советского периодов – историческая память объединяет державное могущество и героизм советского периода, Победа в Великой

Отечественной войне является главной ценностной скрепой. В связи с чем, историческая память и национальная идея на современном этапе обладают мобилизационно-синтетической характеристикой. Поэтому основами национальной идеи могут являться: «Сильное государство» и «Народ победитель». Таким образом, национальная идея интерпретирует и структурирует прошлое, «использует» прошлое для реализации основных функций: консолидации, мобилизации и легитимации. В связи с чем, историческая память является одним из основных системообразующих и смыслообразующих элементов национальной идеи, который транслирует смыслы, ценности и символический материал. Поэтому «живая» историческая память представляет собой потенциальную национальную идею, которая может быть актуализирована в социокультурном и социополитическом пространстве.

Список литературы

1. Прокопова А.А., Карасев Р.Е. Национальная идея: какой она должна быть? // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Том 3. № 4. С. 153-167.
2. Тяпин И.Н. Национальная идея в России и ее концептуальные замещения: история и современность // Общество: философия, история, культура. 2023. № 3. С. 49-55.
3. Багдасарова А.Б. Национальная идея: сущность и ее трансформации в русской социально-философской мысли // Вестник Ставропольского государственного университета. 2004. № 36. С. 55-62.
4. Лебедева Г.Н. Патриотизм как национальная идея // Царскосельские чтения. 2016. № XX. С. 12-24.
5. Зарубина К.А. Историко-правовые аспекты эволюции национальной идеи в России // Пролог: журнал о праве. 2024. № 4. С. 29-38.
6. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876 г. // Собрание сочинений: в 15 т. – Санкт-Петербург: Наука, 1994. Т. 13. 542 с.
7. Вашурин А.Н., Галушко В.Г., Кудряшов С.В. Идея демократии как основание проблемы христианского единства в творчестве В.С. Соловьева // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4-1 (28). С. 39-63.
8. Тяпин И.Н. Национальная идея в России и ее концептуальные замещения: история и современность // Общество: философия, история, культура. 2023.

- № 3. С. 50.
9. Национальная идея России / под общ. ред. С.С. Сулакшина. В 6 т. – Т. I. – М.: Научный эксперт, 2012. 752 с.
  10. Пирогов Н.Л. Национальная идея России: теория и практика // Вестник Национального института бизнеса. 2022. № 1 (45). С. 50-56.
  11. Зарубина К.А. Историко-правовые аспекты эволюции национальной идеи в России // Пролог: журнал о праве. 2024. № 4. С. 29-38.
  12. Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 (записка, представленная государю императору Николаю Павловичу министром народного просвещения гр. Уваровым в 1843 г.). – Санкт-Петербург: Тип. Императорской академии наук, 1864. 161 с.
  13. Никитина Ю.С. Психологические аспекты эффективного обучения в системе высшего образования // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 89-92.

References

1. Prokopova A.A., Karasev R.E. National idea: what should it be? // Bulletin of Tyumen State University. Social, economic and legal studies. 2017. Vol. 3. № 4. P. 153-167.
2. Tyapin I.N. National idea in Russia and its conceptual substitutions: history and modernity // Society: philosophy, history, culture. 2023. № 3. P. 49-55.
3. Bagdasarova A.B. National idea: essence and its transformations in Russian socio-philosophical thought // Bulletin of Stavropol State University. 2004. № 36. P. 55-62.
4. Lebedeva G.N. Patriotism as a national idea // Tsarskoye Selo readings. 2016. № XX. P. 12-24.
5. Zarubina K. A. Historical and legal aspects of the evolution of the national idea in Russia // Prologue: journal on law. 2024. № 4. P. 29-38.
6. Dostoevsky F. M. Writer's Diary. 1876 // Collected Works: in 15 volumes. - St. Petersburg: Nauka, 1994. Vol. 13. 542 p.
7. Vashurin A. N., Galushko V. G., Kudryashov S. V. The idea of theocracy as the basis for the problem of Christian unity in the works of V. S. Solovyov // Modern studies of social problems. 2016. № 4-1 (28). P. 39-63.
8. Tyapin I. N. The National Idea in Russia and Its Conceptual Substitutions: History and Modernity // Society: Philosophy, History, Culture. 2023. № 3. P. 50.
9. The National Idea of Russia / edited by S.S. Sulakshin. In 6 volumes. – Vol. I. – Moscow: Scientific Expert, 2012. 752 p.
10. Pirogov N.L. The National Idea of Russia: Theory and Practice // Bulletin of the National Institute of Business. 2022. № 1 (45). P. 50-56.
11. Zarubina K.A. Historical and Legal Aspects of the Evolution of the National Idea in Russia // Prologue: Journal of Law. 2024. № 4. P. 29-38.
12. Uvarov S.S. Decade of the Ministry of Public Education. 1833–1843 (a note presented to Emperor Nicholas Pavlovich by the Minister of Public Education Count Uvarov in 1843). – St. Petersburg: Type. Imperial Academy of Sciences, 1864. 161 p.
13. Nikitina Y.S. Psychological aspects of effective learning in higher education // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 89-92.

Красников С.П.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин
и иностранных языков. Российский университет кооперации.*

**Проблема исторической памяти в эпоху цифровизации:
трансформация коллективного понимания прошлого***

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации исторической памяти в условиях цифровизации современного общества. Актуальность работы обусловлена возрастающими угрозами целостности национальной идентичности, связанными с изменением способов восприятия и передачи исторического знания в цифровой среде, а также усилением информационных атак, направленных на фальсификацию ключевых событий отечественной истории. Целью исследования является анализ семиотических и риторических механизмов функционирования исторической памяти в цифровую эпоху, выявление факторов, угрожающих её сохранению, и разработка стратегий противодействия деструктивным тенденциям. В статье рассматриваются изменения знаковых систем трансляции исторического опыта, разрушение традиционных социальных рамок памяти, углубление межпоколенческого разрыва и проблема информационного суверенитета в цифровом пространстве. Обосновывается необходимость системного подхода к сохранению исторической памяти, объединяющего усилия государственных институтов, образовательной системы, общественных организаций и семьи.

Ключевые слова: историческая память, цифровизация, национальная идентичность, межпоколенческая коммуникация, фальсификация истории, цифровые поколения.

Krasnikov S.P.

*Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department
of Humanities and Foreign Languages. Russian University of Cooperation.*

**The problem of historical memory in the age of digitalization:
transforming the collective understanding of the past**

Abstract. This article examines the transformation of historical memory in the context of the digitalization of modern society. The relevance of this work stems from the growing threats to the integrity of national identity associated with changing methods of perceiving and transmitting historical knowledge in the digital environment, as well as the intensification of information attacks aimed at falsifying key events in Russian history. The aim of this study is to analyze the semiotic and rhetorical mechanisms of historical memory in the digital age, identify factors threatening its preservation, and develop strategies to counteract destructive tendencies. The article examines changes in the symbolic systems of transmitting historical experience, the erosion of traditional social frameworks of memory, the deepening intergenerational divide, and the problem of information sovereignty in the digital space. It substantiates the need for a systemic approach to preserving historical memory, uniting the efforts of state institutions, the educational system, public organizations, and families.

Key words: historical memory, digitalization, national identity, intergenerational communication, falsification of history, digital generations.

---

* © Красников С.П., 2025.

Проблема исторической памяти в эпоху цифровизации: трансформация коллективного понимания прошлого

Введение

В условиях стремительной цифровизации и глобализации современного мира вопросы сохранения исторической памяти приобретают особую актуальность и остроту. Историческая память представляет собой не просто совокупность знаний о прошлом, но является фундаментальным механизмом формирования коллективной идентичности, обеспечения социального единства и национальной безопасности государства [1]. Она выступает связующим звеном между поколениями, определяет ценностные ориентиры общества и создает основу для понимания настоящего через призму прошлого.

Современная эпоха ставит перед обществом принципиально новые вызовы в области сохранения и трансляции исторической памяти. Появление цифровых технологий и глобальных информационных сетей коренным образом трансформирует способы восприятия, хранения и передачи исторического знания. Формирование так называемых «цифровых поколений» сопровождается существенными изменениями в когнитивных процессах, типах мышления и механизмах социализации молодежи [2]. Уход от традиционной книжной культуры, доминирование визуально-образного контента, клиповость сознания и фрагментарность восприятия информации создают качественно новую среду для формирования исторического сознания.

Особую тревогу вызывает растущая уязвимость исторической памяти перед целенаправленными манипуляциями и фальсификациями в цифровом пространстве. Информационные войны, развернувшиеся в глобальной сети, направлены на переосмысление ключевых исторических событий, подмену

смыслов и разрушение устоявшихся представлений о прошлом. Цифровая среда становится полем битвы за сознание подрастающих поколений, где конкурируют различные модели исторической памяти, зачастую противоречащие национальным интересам и традиционным ценностям.

В данном контексте принципиальное значение приобретает анализ механизмов функционирования исторической памяти в цифровую эпоху, выявление факторов, угрожающих её целостности, и разработка стратегий противодействия деструктивным тенденциям. Необходимо осмыслить, каким образом семиотические и риторические аспекты исторической памяти трансформируются под влиянием цифровизации, как изменяются каналы межпоколенческой трансмиссии исторического опыта и какие инструменты могут быть использованы для сохранения преемственности поколений в условиях цифрового разрыва.

Семиотические основания трансформации исторической памяти в цифровую эпоху

Историческая память в условиях цифровизации претерпевает семиотическую трансформацию, затрагивающую саму природу знаковых систем, через которые осуществляется передача исторического опыта. Следуя типологии Чарльза Пирса, можно утверждать, что цифровая среда радикально меняет соотношение между знаками-иконами, знаками-индексами и знаками-символами в структуре исторического сознания [3]. Если традиционная культура памяти опиралась на сложную систему символов, требующих интеллектуального усилия для декодирования и предполагающих развитое понятийное мышление, то цифровая среда смещает акцент в сторону иконических знаков,

то есть визуальных образов, которые воспринимаются непосредственно и не требуют глубокой рефлексии.

Доминирование визуального контента в цифровом пространстве создает принципиально новую конфигурацию исторического восприятия. Мемы, короткие видеоролики, инфографика становятся основными носителями исторических смыслов для цифровых поколений, вытесняя традиционные текстовые формы трансляции памяти. При этом происходит существенное упрощение семиотической структуры исторического знания. Сложные символические конструкции, требующие длительного образовательного процесса для их освоения, заменяются простыми визуальными образами, которые легко тиражируются и распространяются в сети, но при этом теряют глубину смыслового содержания.

Индексирующая функция памяти, связанная с установлением причинно-следственных связей и восстановлением целостной картины прошлого на основе отдельных фрагментов, оказывается серьезно нарушенной в условиях клипового сознания [4]. Фрагментарность восприятия, характерная для цифровых поколений, препятствует формированию связных исторических нарративов. События прошлого воспринимаются как разрозненные эпизоды, лишенные внутренней логики и причинно-следственной связи. Отсутствие навыков длительного сосредоточенного чтения делает невозможным освоение сложных исторических текстов, требующих последовательного анализа и синтеза информации.

Разрушение социальных рамок памяти в цифровой среде

Механизмы функционирования исторической памяти, описанные Морисом Хальбваксом через концепт

социальных рамок, подвергаются деструктивному воздействию цифровой среды [5]. Язык как коллективная форма мысли утрачивает свою объединяющую функцию в условиях фрагментированного цифрового дискурса. Обсценная лексика, примитивизация речевых конструкций, агрессивная тональность коммуникации создают среду, в которой невозможна трансляция сложных исторических смыслов. При этом сама структура языка упрощается, словарный запас сокращается, способность к выражению сложных понятий ослабевает.

Временная структура исторического сознания также претерпевает радикальные изменения. Цифровая среда формирует особое восприятие времени, характеризующееся его дискретностью и фрагментарностью [6]. Время жизни цифрового сообщения составляет всего несколько часов, после чего информация исчезает в потоке новых данных. Такая скоротечность цифровой коммуникации разрушает представление о длительности исторических процессов, о постепенном развитии событий, о преемственности эпох. История превращается в набор разрозненных моментов, лишенных внутренней связи и логики развития.

Пространственное измерение исторической памяти также подвергается деформации. Цифровая экстерриториальность размывает привязку исторических событий к конкретным географическим локациям, к реальным местам памяти. Виртуальное пространство создает иллюзию присутствия везде и нигде одновременно, что лишает историческую память её укорененности в физической реальности. Утрачивается связь между местом и событием, между территорией и судьбой народа, между географией и историей.

Поколенческий разрыв как угроза межпоколенческой трансмиссии памяти

Формирование цифровых поколений сопровождается возникновением глубокого разрыва в механизмах межпоколенческой коммуникации, что создает критическую угрозу для трансляции исторической памяти. Взрослые и молодежь оказываются в различных коммуникативных средах, использующих несопоставимые семиотические коды и риторические стратегии. Традиционные вертикальные каналы передачи исторического опыта от старших поколений к младшим оказываются заблокированными, поскольку представители разных возрастных групп буквально не понимают друг друга, говоря на разных языках и мыслящих различными категориями.

Агрессивный эйджизм, культивируемый в цифровой среде, создает дополнительный барьер для межпоколенческого диалога [7]. Презрительное отношение к опыту старших поколений, их дискредитация как носителей устаревших представлений препятствует естественной передаче исторических знаний и ценностей. При этом образовательные институты, которые традиционно выполняли функцию связующего звена между поколениями, подвергаются давлению со стороны идеологии тотальной цифровизации. Дистанционные формы обучения разрушают живую коммуникацию между учителем и учеником, лишая процесс образования его важнейшего компонента – непосредственного эмоционального взаимодействия и личностного влияния наставника.

Исчезновение прямых коммуникаций между представителями разных поколений приводит к тому, что молодежь оказывается лишенной доступа

к живой памяти, к личным свидетельствам очевидцев исторических событий, к семейным историям и преданиям. Память утрачивает свою персонафицированность, переставая быть связью между конкретными людьми, объединенными общей судьбой. Вместо этого формируется обезличенная цифровая память, в которой исторические события представлены как абстрактная информация, лишенная эмоционального содержания и личностного измерения.

Информационные войны и манипуляции исторической памятью

Цифровое пространство превратилось в арену ожесточенной борьбы за контроль над исторической памятью, в которой используются изощренные технологии манипулирования сознанием. Фальсификация исторических фактов, искажение смысла событий, подмена ценностных ориентиров осуществляются с беспрецедентной интенсивностью и эффективностью [8]. Вирусный потенциал онлайн-коммуникаций позволяет в кратчайшие сроки распространить ложную информацию среди миллионов пользователей, создавая альтернативные версии истории, которые конкурируют с официальными нарративами и зачастую вытесняют их из массового сознания.

Особую опасность представляет целенаправленная кампания по дискредитации ключевых событий национальной истории, прежде всего связанных с Великой Отечественной войной. Очернение подвига советского народа, фальсификация роли Красной Армии в разгроме фашизма, приравнивание жертв и палачей осуществляется через множественные каналы цифровой коммуникации. Компьютерные игры создают искаженные образы советских солдат как злодеев и преступников. Видеоролики и мемы тиражируют ложные

утверждения о преступлениях Красной Армии. Псевдоисторические публикации в социальных сетях формируют негативное отношение ко всему советскому периоду истории. В статье И.В. Ковшов приводит пример геймеризации тематики Великой Отечественной войны, когда многие западные компьютерные игры (Battlefield 1942, Strategic Mind: Blitzkrieg и другие) представляют советских воинов в негативном свете, а немецкая армия и её атрибутика героизируется, давая виртуальную возможность переписать мировую историю по нацистскому сценарию [9].

Механизмы манипулирования исторической памятью опираются на особенности когнитивного функционирования цифровых поколений. Отсутствие критического мышления, неспособность к верификации информации, доверие к горизонтальным источникам делают молодежь чрезвычайно уязвимой для идеологических манипуляций [10]. Управляемое комментаторство, осуществляемое с помощью ботов и специально подготовленных аккаунтов, создает иллюзию массовой поддержки определенных трактовок истории. Алгоритмы социальных сетей формируют информационные пузыри, в которых пользователи получают только ту информацию, которая подтверждает их предубеждения, что препятствует формированию объективного взгляда на исторические события.

Утрата национального суверенитета в цифровом пространстве

Доминирование зарубежных цифровых платформ в информационном пространстве России создает ситуацию фактической утраты контроля над формированием исторической памяти молодых поколений. Крупнейшие социальные сети и поисковые системы,

принадлежащие американским корпорациям, не подчиняются российскому законодательству и проводят политику, направленную на продвижение чуждых национальным интересам ценностей и интерпретаций истории [11]. Алгоритмы этих платформ определяют, какую информацию увидит пользователь, какие исторические трактовки получат наибольшее распространение, какие ценностные ориентиры будут формироваться у молодежи.

Российское государство оказывается в положении, когда оно фактически утратило возможность влиять на процессы формирования исторического сознания в цифровой среде. Официальный контент, создаваемый государственными институтами, музеями, архивами, научными учреждениями, не пользуется доверием у цифровых поколений и проигрывает конкуренцию неформальным источникам информации. При этом отсутствуют эффективные механизмы противодействия распространению ложной информации, фальсификации истории, антипатриотической пропаганды в цифровом пространстве.

Ситуация осложняется тем, что современная молодежь практически полностью перешла на цифровые каналы получения информации, отказавшись от традиционных источников знаний [12]. Книжки, документальные фильмы, музейные экспозиции, архивные документы перестали быть значимыми источниками исторических знаний для большинства представителей цифровых поколений. Вместо этого история познается через короткие видеоролики, мемы, посты в социальных сетях, компьютерные игры, то есть через форматы, которые по своей природе не способны передать сложность и многомерность исторических процессов.

Риторические стратегии сохранения исторической памяти

Противодействие деструктивным тенденциям в сфере исторической памяти требует разработки новых риторических стратегий, учитывающих особенности цифровой коммуникации и когнитивные характеристики современной молодежи. Необходимо создание привлекательного для цифровых поколений контента, который сочетал бы доступность формы с глубиной содержания, использовал бы возможности мультимедийных технологий для создания эмоционально насыщенных образов прошлого, способных конкурировать с фальсифицированным контентом. При этом важно сохранить фактологическую точность и научную обоснованность представляемой информации, не поддаваясь соблазну упрощения и примитивизации исторических нарративов.

Восстановление преемственности поколений требует возрождения традиционных форм межпоколенческой коммуникации в сочетании с использованием новых цифровых инструментов. Личные встречи с ветеранами, экскурсии по местам боевой славы, семейные рассказы о военном прошлом должны дополняться цифровыми проектами, позволяющими сохранить и распространить эти живые свидетельства истории. Важнейшую роль играет система образования, которая должна оставаться пространством непосредственного взаимодействия между поколениями, противостоя тенденции тотальной цифровизации учебного процесса.

Государственная политика в области сохранения исторической памяти должна включать комплекс мер, направленных на обеспечение национального суверенитета в цифровом

пространстве. Создание собственных конкурентоспособных цифровых платформ, контроль над деятельностью иностранных социальных сетей, блокировка ресурсов, распространяющих фальсифицированную историческую информацию, формирование единого образовательного стандарта в преподавании истории – все эти меры должны быть частью целостной стратегии защиты исторической памяти от деструктивных воздействий. Только системный подход, объединяющий усилия государства, образовательных институтов, общественных организаций и семьи, может обеспечить сохранение исторической памяти как основы национальной идентичности и государственного суверенитета.

Заключение

Цифровизация общества создает системные угрозы для сохранения исторической памяти как основы национальной идентичности и государственного суверенитета. Трансформация семиотических и риторических механизмов передачи исторического опыта, разрушение традиционных социальных рамок памяти, углубление межпоколенческого разрыва и целенаправленные информационные атаки в цифровом пространстве формируют качественно новую ситуацию, требующую выработки комплексной стратегии противодействия. Сохранение исторической памяти в современных условиях возможно только при условии системного подхода, объединяющего усилия государственных институтов, образовательной системы, общественных организаций и семьи. Необходимо обеспечить баланс между использованием новых цифровых возможностей для популяризации исторических знаний и сохранением традиционных форм межпоколенческой коммуникации, ко-

торые обеспечивают передачу не только фактологической информации, но и ценностного, эмоционального измерения исторического опыта. Только такой интегрированный подход способен противостоять деструктивным тенденциям цифровой эпохи и обеспечить преемственность исторического сознания в современном обществе.

Список литературы

1. Касьянов В.В. Историческая память и национальная безопасность / Касьянов В.В., Самыгин С.И. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 52-57.
2. Бродовская Е.В. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи / Е.В. Бродовская, Т. Хуан // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5 (153). С. 3-18.
3. Мустафин А.А. К вопросу о ключевых понятиях теории знаков Чарльза Пирса и Чарльза Морриса // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. № 3. С. 32-41.
4. Чиркова Т.И. Проблема преодоления клипового сознания молодежи в профессиональной подготовке психологов на уровне бакалавриата // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Т. 8. № 1. С. 45-61. – DOI: 10.17759/psyedu.2016080105.
5. Сабанчиев Р.Ю. Память как культурно-исторический феномен в работах Мориса Хальбвакса // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (28). С. 127-132.
6. Солодкова А.В. Исследования восприятия времени в современной психологии // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 3. С. 77-85. – DOI: 10.17759/jmfp.2017060309.
7. Листвина Е.В. Социокультурные аспекты межпоколенческих коммуникаций в цифровую эпоху / Листвина Е.В., Фролова С.М. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20. № 4. С. 369-373.
8. Аверьянов А.В. Механизмы противодействия фальсификации исторической памяти в медиапространстве современной России / Аверьянов А.В., Пономарева М.А. // Обзор.НЦПТИ. 2025. № 1 (40). С. 56-67.
9. Ковшов И.В. Противодействие фальсификации истории Великой Отечественной войны в современной информационной среде как педагогическая проблема: на примере Уральского региона // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). С. 206-212. – DOI: 10.24412/1991-5497-2023-3100-206-212.
10. Романовская Е.В. Историческая память: проблемы манипуляции // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2017. № 1. С. 46-49.
11. Шариков П. Подходы США, ЕС и России к проблеме информационной политики / Павел Шариков, Наталья Степанова // Современная Европа. 2019. № 2 (87). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-ssha-es-i-rossii-k-probleme-informatsionnoy-politiki> (Дата обращения: 17.11.2025).
12. Баженова С.А. Современная молодежь и информационные технологии: факторы, значимые для обра-

зования / Баженова С.А., Гриншкун В.В. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. 2017. № 2 (40). С. 64-71.

13. Субботина Н.С., Ачаева М.С., Поспелова Н.В., Саламатова Е.П. Аллюзивные имена собственные с общей семантикой «маленький размер» в художественном тексте // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 12-16.

References

1. Kasyanov V.V. Historical Memory and National Security / Kasyanov V.V., Samygin S.I. // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2019. № 9. P. 52-57.
2. Brodovskaya E.V. Digital Generation: Civil Mobilization and Political Protest of Russian Youth / E.V. Brodovskaya, T. Huang // Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes. 2019. № 5 (153). P. 3-18.
3. Mustafin A.A. On the Key Concepts of the Theory of Signs by Charles Peirce and Charles Morris // Bulletin of the Buryat State University. Philosophy. 2022. № 3. P. 32-41.
4. Chirkova T.I. The Problem of Overcoming the Clip Consciousness of Young People in the Professional Training of Psychologists at the Bachelor's Level // Psychological Science and Education psyedu.ru. 2016. Vol. 8. № 1. P. 45-61. – DOI: 10.17759/psyedu.2016080105.
5. Sabancheev R. Yu. Memory as a Cultural and Historical Phenomenon in the Works of Maurice Halbwachs // Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East. 2014. № 2 (28). P. 127-132.
6. Solodkova A. V. Studies of Time Perception in Modern Psychology // Modern Foreign Psychology. 2017. Vol. 6. № 3. P. 77-85. – DOI: 10.17759/jmfp.2017060309.
7. Listvina E.V. Sociocultural Aspects of Intergenerational Communications in the Digital Age / Listvina E.V., Frolova S.M. // Bulletin of the Saratov University. New Series. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2020. Vol. 20. № 4. P. 369-373.
8. Averyanov A.V. Mechanisms for Countering the Falsification of Historical Memory in the Media Space of Modern Russia / Averyanov A.V., Ponomareva M.A. // Review. NCPTI. 2025. № 1 (40). P. 56-67.
9. Kovshov I.V. Countering the Falsification of the History of the Great Patriotic War in the Modern Information Environment as a Pedagogical Problem: The Case of the Ural Region // The World of Science, Culture, Education. 2023. № 3 (100). P. 206-212. – DOI: 10.24412/1991-5497-2023-3100-206-212.
10. Romanovskaya E.V. Historical Memory: Problems of Manipulation // Intelligence. Innovations. Investments. 2017. № 1. P. 46-49.
11. Sharikov P. Approaches of the USA, EU and Russia to the Problem of Information Policy / Pavel Sharikov, Natalia Stepanova // Modern Europe. 2019. № 2 (87). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-ssha-es-i-rossii-k-probleme-informatsionnoy-politiki> (17.11.2025).
12. Bazhenova S.A. Modern youth and information technology: factors significant for education / Bazhenova S.A., Grinshkun V.V. // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Informatics and informatization of education. 2017. № 2 (40). P. 64-71.
13. Subbotina N.S., Achaeva M.S., Pospelova N.V., Salamatova E.P. Allusive proper nouns with the general semantics of "a small size" in a literary text // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 12-16.

Фидарова К.К.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры
общественного здоровья, здравоохранения и социально-экономических наук.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава России.

Калабекова С.В.

Кандидат философских наук, доцент. Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования Северо-Кавказской государственной академии.

Габуева М.И.

Студент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава России.

**Нейроэтика: на стыке нейронаук, медицины,
философии и права в эпоху раскрытия тайн мозга***

Аннотация. Данная статья посвящена комплексному анализу нейроэтики – новой междисциплинарной области, возникшей на волне революционных открытий в нейронауках. Рассматриваются исторические предпосылки ее формирования, ключевые проблемы, связанные с использованием нейротехнологий, а также этические, медицинские, правовые и социальные последствия вмешательства в работу человеческого мозга. Особое внимание уделяется вопросам свободы воли, конфиденциальности мыслей, усиления когнитивных функций и изменения личности. Статья призвана систематизировать основные вызовы, стоящие перед обществом, и наметить возможные пути формирования нормативно-правовой базы для безопасного и этичного развития нейронаук.

Актуальность нейроэтики заключается в том, что она находится на острие столкновения технологической революции с человеческой природой. Это не просто академическая дисциплина, а насущная необходимость, попытка построить мост между безудержным технологическим прогрессом и сохранением фундаментальных человеческих ценностей – свободы, приватности, достоинства и справедливости. Мы стоим на пороге перемен, сравнимых по масштабу с открытием атомной энергии, и нейроэтика помогает нам избежать ошибок прошлого, подходя к управлению силой нашего собственного разума с максимальной ответственностью.

Новизна предложенной темы нейроэтики заключается в том, что она впервые в истории сталкивается с возможностью прямого технического вмешательства в субстрат человеческого сознания – чтения мыслей, изменения личности и контроля над поведением, что ставит под вопрос традиционные философско-правовые категории свободы воли и приватности. Она предлагает принципиально новый междисциплинарный подход, объединяющий нейробиологию, право и философию для решения проблем, которых раньше просто не существовало, таких как этика нейроусиления, защита «ментальной неприкосновенности» и правовой статус данных мозга. В отличие от классической биоэтики, нейроэтика фокусируется на управлении не жизнью тела, а самим содержанием и механизмами человеческой психики, делая область внутреннего, субъективного опыта объектом внешнего регулирования и технологического манипулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация здравоохранения, биоэтика, медицинская этика, нейроэтика, конфиденциальность данных, нейромаркетинг, нейротехнологии.

---

* © Фидарова К.К., Калабекова С.В., Габуева М.И., 2025.

Нейроэтика: на стыке нейронаук, медицины, философии и права в эпоху раскрытия тайн мозга

Fidarova K.K.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Health, Public Health and Socio-Economic Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Ossetian State Medical Academy Ministry of Health of Russia.

Kalabekova S.V.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Caucasus State Academy.

Gabuyeva M.I.

4th year student at the North Ossetian State Medical Academy of the Russian Ministry of Health.

Neuroethics: at the intersection of neuroscience, medicine, philosophy, and law in the era of uncovering the secrets of the brain

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of neuroethics, a new interdisciplinary field that emerged in the wake of revolutionary discoveries in neuroscience. It examines the historical background to its development, key issues related to the use of neurotechnology, and the ethical, medical, legal, and social consequences of interventions in the human brain. Particular attention is paid to issues of free will, privacy of thoughts, cognitive enhancement, and personality modification. The article aims to systematize the main challenges facing society and outline possible paths to developing a regulatory framework for the safe and ethical development of neuroscience.

The relevance of neuroethics lies in its position at the forefront of the collision between technological revolution and human nature. It is not just an academic discipline, but an urgent necessity, an attempt to build a bridge between unbridled technological progress and the preservation of fundamental human values—freedom, privacy, dignity, and justice. We stand on the threshold of changes comparable in scale to the discovery of atomic energy, and neuroethics helps us avoid the mistakes of the past by managing the power of our own minds with the utmost responsibility.

The novelty of the proposed neuroethics topic lies in its ability, for the first time in history, to address the possibility of direct technological intervention into the substratum of human consciousness—mind reading, personality modification, and behavioral control—which calls into question traditional philosophical and legal categories of free will and privacy. It offers a fundamentally new interdisciplinary approach, integrating neuroscience, law, and philosophy to address previously nonexistent issues, such as the ethics of neuroenhancement, the protection of “mental integrity,” and the legal status of brain data. Unlike classical bioethics, neuroethics focuses on managing not the life of the body, but the very content and mechanisms of the human psyche, making the realm of internal, subjective experience subject to external regulation and technological manipulation.

Key words: artificial intelligence, digitalization of healthcare, bioethics, medical ethics, neuroethics, data privacy, neuromarketing, neurotechnology.

Актуальность темы нейроэтики можно раскрыть по нескольким ключевым направлениям, которые показывают, почему это не абстрактная философская дискуссия, а насущная

проблема, затрагивающая уже сегодня каждого. Вот основные аспекты, подчеркивающие ее актуальность:

1. Взрывной рост нейротехнологий. Технологии, еще недавно бывшие

научной фантастикой, становятся реальностью. Нейроинтерфейсы (вроде Neuralink), немедикаментозное лечение депрессии, коммерческие устройства для отслеживания мозговой активности – все это выходит из лабораторий на потребительский рынок. Общество и законодательство не успевают адекватно реагировать на эти изменения. Нейроэтика выступает как «опережающее регулирование», пытаясь предвидеть риски и выработать правила до того, как технологии массово распространятся.

2. Фундаментальный вызов понятию «человеческое». Нейронауки напрямую затрагивают то, что мы всегда считали своей сущностью: свободу воли, приватность мыслей, стабильность личности. Когда наука демонстрирует, что наши решения можно предсказать по активности мозга, а настроением – управлять с помощью импланта, это подрывает основы права, морали и нашего самовосприятия. Актуальность здесь в поиске ответа на вопрос: «Что значит быть человеком в эпоху, когда мозг можно читать и переписывать?».

3. Угрозы правам и свободам человека. Это, пожалуй, самая острая и практическая сторона актуальности:

– Конец приватности: возникает риск создания «нейрослежки» – несанкционированного доступа к нашим мыслям, эмоциям и воспоминаниям. Это последний рубеж частной жизни, который необходимо защитить.

– Манипуляция поведением: нейромаркетинг и нейропропаганда могут стать сверхэффективными инструментами управления массами, обходя критическое мышление.

– Новое социальное неравенство: появление «нейроусиления» (когнитивного enhancement) может создать пропасть между «улучшенными» и

«естественными» людьми, породив биологическую форму стратификации общества.

4. Насущные правовые и судебные проблемы. Суды уже сегодня сталкиваются с делами, где в качестве доказательства или смягчающего обстоятельства предоставляются данные фМРТ или ЭЭГ. Вопросы вины, вменяемости и ответственности требуют переосмысления с учетом новых данных о мозге преступников. Нейроэтика нужна, чтобы помочь правовой системе адаптироваться к этим вызовам, не отказываясь от принципа справедливости.

5. Экономический и геополитический аспект. Ведущие страны мира (США, Китай, ЕС) вкладывают миллиарды долларов в государственные программы по изучению мозга. Это «нейрогонка», аналогичная космической или ядерной. Тот, кто добьется прорыва, получит не только экономические и медицинские преимущества, но и колоссальное технологическое и, возможно, военное превосходство. Нейроэтика становится полем для выработки международных норм и конвенций, запрещающих опасное применение нейротехнологий (например, «нейрооружия»).

6. Быстрое развитие искусственного интеллекта (ИИ). Развитие ИИ и нейронаук тесно связаны, ИИ используется для анализа нейроданных, а принципы работы мозга, в свою очередь, вдохновляют архитекторов ИИ. Слияние человека и ИИ через нейроинтерфейсы – это уже не фантастика. Нейроэтика исследует этические последствия этого симбиоза: что произойдет с идентичностью человека, если часть его познавательных процессов будет осуществлять искусственный интеллект?

7. Нейроэтика выступает в медицине не как необходимый компаньон про-

гресса, обеспечивающий безопасность, гуманность и уважение к личности пациента в условиях применения все более мощных и инвазивных методов воздействия на мозг. Она помогает врачу видеть в пациенте не просто набор нейронов, а целостную личность, автономия и идентичность которой должны быть сохранены.

Почему мозг стал этической проблемой? Человеческий мозг на протяжении столетий оставался «черным ящиком» – самым загадочным и наименее изученным органом. Однако с конца XX века ситуация кардинально изменилась. Появление функциональной магнитно-резонансной томографии (ФМРТ), электроэнцефалографии высокого разрешения, методов глубокой стимуляции мозга и интерфейсов «мозг-компьютер» позволило заглянуть внутрь этого ящика. Мы научились не только наблюдать за активностью нейронов в реальном времени, но и влиять на нее.

Эта беспрецедентная мощь породила столь же беспрецедентные ethical dilemmas (этические дилеммы). Если мы можем читать намерения, лечить психические расстройства, усиливать память или изменять личность, то где та грань, которую нельзя переступить? Ответом на эти вызовы и стала нейроэтика – область знаний, находящаяся на пересечении нейробиологии, биоэтики, философии, психологии и права.

Термин «нейроэтика» был популяризирован в начале 2000-х годов, хотя его корни уходят в более ранние дискуссии о лоботомии и психофармакологии. Сегодня она разделяется на две крупные ветви: этику нейронауки (исследовательскую этику, вопросы проведения экспериментов на мозге) и нейронауку об этике (изучение нейробиологических основ морального поведения). Данная статья фокусиру-

ется преимущественно на первой, как наиболее актуальной для ближайшего будущего.

Конфиденциальность ментальной сферы: конец приватности мыслей?

Одна из самых острых проблем, которую поднимает нейроэтика, – это угроза приватности внутреннего мира человека. Традиционные правовые системы защищают право на личную жизнь, но они были созданы в эпоху, когда мысли были абсолютно недоступны для внешнего наблюдения. Современные нейротехнологии бросают этому вызов.

«Детектор лжи» нового поколения. ФМРТ уже сегодня с определенной долей вероятности может определить, узнает ли человек предъявляемые ему изображения или лжет он в ответ на вопрос. Хотя точность этих методов оспаривается, их потенциальное использование в судебной практике, при приеме на работу или в страховых компаниях вызывает серьезные опасения. Возникает концепция «свободы от несанкционированного доступа к разуму».

Представьте себе мир, где работодатель может проверить на лояльность, политик – на искренность убеждений, а спецслужбы – на скрытые знания. Это создает почву для новой формы тоталитарного контроля, при которой исчезает последнее убежище свободы – пространство нашего сознания. Нейроэтика ставит вопрос о необходимости законодательного запрета на недобровольное или скрытое «считывание» мозговой активности, аналогичного запрету на пытки.

Свобода воли, ответственность и уголовное право

Открытия в нейробиологии ставят под сомнение одну из фундаментальных основ западного общества – концеп-

цию свободной воли. Многочисленные эксперименты (например, знаменитые опыты Бенджамина Либета) показали, что мозг инициирует действие еще до того, как человек осознает свое намерение его совершить.

Если наши решения – это всего лишь результат электрохимических процессов в нейронных сетях, детерминированных генами, средой и прошлым опытом, то можно ли считать преступника виновным? Защита в судах все чаще начинает апеллировать к нейровизуализации, показывающей, к примеру, аномалии в префронтальной коре обвиняемого, отвечающей за контроль импульсов. Это приводит к парадоксальной ситуации. С одной стороны, понимание биологических причин преступного поведения может сделать правосудие более гуманным, сместив акцент с наказания на лечение и реабилитацию. С другой стороны, существует риск полного отказа от понятия личной ответственности, что может подорвать сами устои правового государства.

Нейроэтика предлагает искать компромисс. Даже если воля не является «свободной» в метафизическом смысле, понятие ответственности остается социально и юридически необходимым. Задача – интегрировать нейробиологические данные в правовую систему не как оправдание, а как смягчающее обстоятельство или указание на необходимость конкретного вида коррекции.

Когнитивное усиление: искушение «улучшенной» версией себя

Фармакологические препараты (например, модафинил, метилфенидат), предназначенные для лечения СДВГ или нарколепсии, уже сегодня используются здоровыми людьми для улучшения концентрации и памяти. На

горизонте – более мощные средства: нейроимпланты для усиления когнитивных способностей, генная терапия для повышения нейропластичности.

Это порождает ряд этических вопросов, связанных со справедливостью и принуждением.

Новая форма неравенства. Если дорогостоящие технологии усиления станут доступны лишь богатым, это может привести к возникновению биологического кастового общества, где разрыв между «улучшенными» и «естественными» людьми станет непреодолимым. Косвенное принуждение. В высококонкурентных environments (академической среде, бизнесе) отказ от совершенствования может стать синонимом профессиональной неудачи. Человек будет вынужден «улучшаться» не по желанию, а по необходимости, чтобы оставаться конкурентоспособным. Аутентичность и девальвация усилий. Что будет означать «успех», достигнутый с помощью таблетки или импланта? Не приведет ли это к обесцениванию традиционных добродетелей – труда, упорства и таланта?

Нейроэтика не дает однозначных ответов, но призывает к публичной дискуссии о том, какие виды совершенствования являются морально приемлемыми, а какие – нет. Является ли ношение очков enhancement? А прием кофеина? Где проходит граница между терапией и улучшением?

Этические дилеммы нейротехнологий в медицине

Медицина все активнее использует технологии глубокой стимуляции мозга (DBS), транскраниальной магнитной стимуляции (TMS) и нейроинтерфейсы для лечения болезни Паркинсона, депрессии, ОКР и последствий инсульта. Нейроэтика изучает побочные эффек-

ты этих вмешательств, которые могут быть не физическими, а личностными: изменения настроения, характера, ценностей и самоидентификации пациента. Вопрос «Вылечили ли мы пациента от тремора, если он стал другим человеком?» – это центральный вопрос медицинской нейроэтики. Как получить осознанное согласие на нейрохирургическое вмешательство от пациента, чья способность принимать решения может быть нарушена из-за психического или неврологического заболевания (например, тяжелой депрессии или деменции)? Нейроэтика разрабатывает специальные протоколы и подходы (например, «совместное принятие решений» с родственниками или использование заблаговременно данных указаний для работы с такими уязвимыми группами пациентов. Медицина лечит болезни, но где проходит грань, когда нейротехнологии начинают использоваться для улучшения когнитивных способностей, памяти или настроения у здоровых людей? Является ли прием модуляторов когнитивных функций (ноотропов) студентом для сдачи экзамена лечением или немедицинским усилением? Нейроэтика помогает врачам и обществу провести эту этическую черту, чтобы не допустить медикализации нормальных состояний человека и избежать рисков неоправданного вмешательства в мозг.

Данные активности мозга, полученные в ходе диагностики (ФМРТ, ЭЭГ) или лечения, являются чрезвычайно чувствительными. Они могут потенциально раскрыть информацию о психическом состоянии, склонностях и даже мыслях человека. Нейроэтика настаивает на разработке в медицине строгих стандартов защиты этой информации, чтобы предотвратить ее использование против интересов пациента (например,

страховыми компаниями или работодателями).

При лечении некоторых заболеваний (например, обсессивно-компульсивного расстройства или синдрома Туретта) врачи сталкиваются с парадоксом: успешная терапия может «заглушить» не только изнурительные симптомы, но и те черты (педантичность, высокую энергию), которые были частью личности пациента и, возможно, определяли его профессиональный успех. Нейроэтика помогает найти баланс, при котором лечение не «стирает» личность, а возвращает пациенту контроль над своей жизнью.

Изменение личности и аутентичность «Я»

Мозг – это субстрат нашей личности, воспоминаний, эмоций и убеждений. Вмешательство в его работу чревато изменением самой сути человека. Глубокая стимуляция мозга, успешно применяемая для лечения болезни Паркинсона и тяжелых форм депрессии, в ряде случаев приводила к непредвиденным изменениям личности: пациенты сообщали о чувстве отчуждения, изменении вкусов, ценностей и даже религиозных убеждений.

Это ставит перед нами глубокий философский вопрос: «Что такое «Я»?» Если в результате лечения тяжелой депрессии человек становится более раскованным, но при этом теряет свою привычную сдержанность и глубину, является ли он тем же самым человеком? Кто имеет право принимать решение о таком изменении – сам пациент, находящийся в состоянии аффекта, или врач?

Эти дилеммы станут еще острее с развитием технологий редактирования памяти. Стирание травмирующих воспоминаний звучит заманчиво, но наша

личность формируется, в том числе, и через преодоление травм. Лишенный болезненного опыта, человек может потерять важную часть своего «Я» и стать более уязвимым в будущем.

Нейромаркетинг и манипуляция поведением

Принципы работы мозга активно используются в коммерции и политике. Нейромаркетинг изучает подсознательные реакции потребителей на бренды, продукты и рекламу, позволяя создавать максимально эффективные, а по сути – манипулятивные, сообщения. Это создает асимметрию знания и власти между корпорациями/политическими технологами и обычным человеком. Когда ваши глубинные страхи, желания и ассоциации становятся известны, вашим поведением можно управлять с высочайшей точностью, минуя критическое осмысление. Нейроэтика требует регулирования таких практик и введения правил информированного согласия при использовании нейроданных в коммерческих целях.

Нейроэтика – это не попытка остановить научно-технический прогресс из-за страха перед неизвестностью. Напротив, это попытка обеспечить ему устойчивое и гуманное развитие, предвосхищая риски и предлагая решения. Это навигатор в неизведанных водах преобразования человеческой природы.

Ключевые шаги, которые необходимо предпринять в ближайшее время, включают:

1. Разработку международной нормативно-правовой базы, определяющей права на ментальную неприкосновенность, регулиующую использование нейротехнологий в немедицинских целях и защищающую нейроданные.

2. Стимулирование публичного диалога между учеными, медиками, философами, юристами, политиками и широкой общественностью. Решения о будущем мозга не должны приниматься узким кругом специалистов в лабораториях.

3. Интеграцию нейроэтики в образовательные программы для врачей, нейробиологов и инженеров, чтобы этические принципы закладывались на стадии разработки технологий.

4. Проведение долгосрочных исследований не только эффективности, но и социокультурных последствий широкого внедрения нейротехнологий.

Раскрытие тайн мозга – величайшее интеллектуальное приключение человечества. Нейроэтика призвана обеспечить, чтобы это приключение не закончилось трагедией, а привело нас к новому, более глубокому пониманию себя и созданию общества, в котором технологический прогресс будет служить укреплению человеческого достоинства и свободы.

Список литературы

1. Farah M.J. Neuroethics: An introduction with readings. MIT Press. 2010.
2. Levy N. Neuroethics: Challenges for the 21st century. Cambridge University Press. 2007.
3. The Presidential Bioethics Commission. Gray Matters: Integrative Approaches for Neuroscience, Ethics, and Society (Vol. 1 & 2). 2014.
4. Lavazza A., Reichberg G.M. (Eds.). Neuroethics: A Cultural Perspective. Springer. 2022.
5. Варава В.В., Кирнев И.Л. Нейроэтика: история становления и основные проблемы. Биозтика и гуманитарная экспертиза, 2020. № 1. С. 45-60.
6. Баллаева Э.А. Нейротехнологии и вызовы приватности: к постановке проблемы. Философские науки, 2019. № 62 (9). С. 97-111.
7. Горбунова Ю.В. Проблема свободы воли в контексте современных нейронаук. Вопросы философии, 2021. № 5. С. 85-95.
8. Спирин А.Г., Худяков Д.А. Когнитивное усиление: этические-правовые аспекты. Медицинское право и этика, 2018. № 4. С. 12-25.
9. The National Core for Neuroethics (Университет Британской Колумбии). // URL: <https://neuroethics.ubc.ca/>
10. The Hastings Center Report. // URL: <https://www.thehastingscenter.org/hastings-center-report>

11. Нейротехнологии.рф (российский портал). // URL: <https://нейротехнологии.рф>
12. Горина Л.В., Талинский И.Д., Захарова М.С. Негосударственный сектор дошкольного образования: частные детские сады // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 52-62.

References

1. Farah M.J. Neuroethics: An introduction with readings. MIT Press. 2010.
2. Levy N. Neuroethics: Challenges for the 21st century. Cambridge University Press. 2007.
3. The Presidential Bioethics Commission. Gray Matters: Integrative Approaches for Neuroscience, Ethics, and Society (Vol. 1 & 2). 2014.
4. Lavazza A., Reichberg G.M. (Eds.). Neuroethics: A Cultural Perspective. Springer. 2022.
5. Varava V.V., Kirnev I.L. Neuroethics: History of Formation and Main Problems. Bioethics and Humanitarian Expertise, 2020. № 1. P. 45-60.
6. Ballaeva E.A. Neurotechnologies and Privacy Challenges: Toward a Problem Statement. Philosophical Sciences, 2019. № 62 (9). P. 97-111.
7. Gorbunova Yu.V. The Problem of Free Will in the Context of Modern Neurosciences. Questions of Philosophy, 2021. № 5. P. 85-95.
8. Spirin A.G., Khudyakov D.A. Cognitive Enhancement: Ethical and Legal Aspects. Medical Law and Ethics, 2018. № 4. P. 12-25.
9. The National Core for Neuroethics (Университет Британской Колумбии). // URL: <https://neuroethics.ubc.ca/>
5. Varava V.V., Kirnev I.L. Neuroethics: History of Formation and Main Problems. Bioethics and Humanitarian Expertise, 2020. № 1. P. 45-60.
6. Ballaeva E.A. Neurotechnology and Privacy Challenges: Toward a Problem Statement. Philosophical Sciences, 2019. № 62 (9). P. 97-111.
7. Gorbunova Yu.V. The Problem of Free Will in the Context of Modern Neuroscience. Questions of Philosophy, 2021. № 5. 85-95.
8. Spirin A.G., Khudyakov D.A. Cognitive Enhancement: Ethical and Legal Aspects. Medical Law and Ethics, 2018. № 4. P. 12-25.
9. The National Core for Neuroethics (University of British Columbia). // URL: <https://neuroethics.ubc.ca/>
10. The Hastings Center Report. // URL: <https://www.the-hastingscenter.org/hastings-center-report/>
11. Neurotechnology.rf (Russian portal). // URL: <https://нейротехнологии.рф>
12. Gorina L.V., Talinskij I.D., Zakharova M.S. Non-governmental preschool education sector: private kindergartens // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 52-62.

Жданов Д.В.

Аспирант. Институт государства и права, Сургутский государственный университет, г. Сургут.

Всеединство в онтогносеологии С.Л. Франка*

Аннотация. В статье предлагается обзор онтогносеологии С.Л. Франка как существенной вехи развития русской религиозной метафизики. Особое внимание уделяется заслугам С.Л. Франка в контексте развития методологии русской религиозной метафизики и показывается развитие концепта непостижимого С.Л. Франка в контексте европейской метафизики XX в. Рассматривается процесс познания абсолюта сквозь призму актуального бытия личности в бытии и границы непостижимого предложенные С.Л. Франком.

Ключевые слова: С.Л. Франк, онтогносеология, метафизика всеединства, Абсолют, непостижимое, невыразимое.

Zhdanov D.V.

Postgraduate Student. Institute of State and Law, Surgut State University, Surgut.

All-unity in S.L. Frank's ontognoseology

Abstract. This article provides an overview of S.L. Frank's ontognoseology as a significant milestone in the development of Russian religious metaphysics. Particular attention is given to S.L. Frank's contributions to the development of the methodology of Russian religious metaphysics and the development of S.L. Frank's concept of the incomprehensible in the context of 20th-century European metaphysics. The process of cognition of the absolute is examined through the prism of the actual being of the individual in being and the boundaries of the incomprehensible proposed by S.L. Frank.

Key words: S.L. Frank, ontognoseology, metaphysics of all-unity, Absolute, incomprehensible, inexpressible.

Идея всеединства в русской религиозной метафизике традиционно присваивается В.С. Соловьеву, и оригинальность его философской системы неоспорима. В то же время идея всеединства является магистральной для всей русской религиозной метафизики, ее последовательно и разносторонне развивают такие философы как И.А. Ильин, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, братья Е.Н. Трубецкой и С.Н. Трубецкой, С.Л. Франк,

Н.О. Лоский. Система метафизики всеединства у каждого из этих философов развивается со своей стороны и имеет свои уникальные черты. Со стороны современного исследователя особенно интересными могут стать онтогносеологические построения С.Л. Франка. В развитии его метафизической системы всеединство, отрываясь от соловьевского структурализма, приобретает черты современной феноменологии и становится развитой онтогносеологи-

* © Жданов Д.В., 2025.

Всеединство в онтогносеологии С.Л. Франка

ческой системой. В российской философии тема онтогносеологии С.Л. Франка поднималась множество раз и рассматривалась в частности А.П. Семенюком, в его статье «Онтогносеология С.Л. Франка» [Семенюк] рассматриваются гносеологические особенности построений философа, и описываются параллели познавательных концепций С.Л. Франка и М. Хайдеггера. Несмотря на не утихающий интерес к наследию С.Л. Франка [Ян Чжен] зачастую остается невыясненной сама структура мыслимого философом всеединства, а в особенности место и значение в этой структуре Абсолюта.

Онтологические системы всеединства В.С. Соловьева и С.Л. Франка несмотря на генетическую связь имеют существенные отличия. Признавая себя последователем В.С. Соловьева, С.Л. Франк вынужден был избавляться от пантеистической тенденции его концепции. Если В.С. Соловьев как мистик, конструируя свою идеалистическую систему, находится как бы над бытием субъекта и над реальностью, и склоняется к интуитивным, «отвлеченным» конструкциям, за что его зачастую называют философом-мечтателем, то С.Л. Франк последовательно преодолевает «отвлеченные начала» [Евлампиев, 348] и детально разрабатывает логическую систему метафизики всеединства. Логика всеединства строится и развивается философом последовательно и детально, гносеологический её фундамент закладывается в книге «Предмет знания» (1915) [Левицкий, с. 373], впоследствии идея всеединства получает развитие в таких трудах как: «Душа человека» (1917), «Непостижимое» (1939), «Реальность и человек» (1956), помимо этого идея всеединства пронизывает всю социальную философию Франка («Духовные основы общества. Введение в социальную

философию»). У С.Л. Франка всеединство перестает быть сугубо онтологической системой, но приобретает черты развитой онтогносеологии. К.М. Антонов справедливо отмечает, что всеединство для С.Л. Франка является не предпосылкой, а результатом его мышления [Антонов, с. 146], а В. Зеньковский считает систему Франка «самым значительным и глубоким, что мы находим в развитии русской философии» [Зеньковский, с. 819]. Начав свой философский путь с философии культуры Франк, обратив внимание на развитие личных идеалов не как данностей, но как свободных творений личности [Назарова, с. 193], последовательно и детально разрабатывает онтогносеологию всеединства. Этот труд, в силу охлаждения интереса к русской религиозной метафизике долгие годы оставался невостребованным и не оцененным по достоинству.

Бытие для С.Л. Франка не является подвижной суммой окружающих объектов, их движения и взаимодействия, идеальное бытие становится объектом «интеллектуального созерцания», становясь одновременно «объективно-сущим» и феноменом нашего мышления [Элен, с. 15]. Этот феномен мышления достигается через религиозную веру, как способ получения эмоционального знания [Антонов, с. 152]. Эмоциональное знание достигается не в свободном от религиозных догматов познании, но через религиозную жизнь, религиозную практику и религиозное знание. В этом смысле догматы - «только символические фиксации в рефлексии своеобразного жизненного содержания религиозного сознания, нужные для отвлеченного уяснения этого содержания и сообщения его другому» [Франк С.Л. Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера // Франк С.Л. Живое знание. С. 99]. Бытие для Франка абсо-

лютно едино и неисчерпаемо как познаваемое. Приходит он к такому выводу после рассмотрения любого предмета как целого не равного простой сумме частей себя. «Целое полагает свою часть как нечто отличное от себя, не вне, а внутри самого себя» [Франк, Предмет знания, с. 218] – утверждает Франк ставя это отношение частей и целого в основание металогического единства. Часть целого невозможно изолировать от целого, по той причине, что оно в тот момент теряет смысл своего существования в системе целого, но в то же время определенность частей есть не что иное как разделенность, понимаемая Франком как «бытие в форме части объемлющего целого» и эта функция части (или определенного) конституирует сущность части. Металогическое единство простирается на все бытие и служит инструментом для определения субстанции, на уровне которой определяется Франком как «исконное единство». Исконное единство не есть определенность (или часть бытия) не имеет ничего вне себя, но определяется как абсолютное единство, или всеединство [Франк, Предмет знания, с. 219]. В гносеологическом аспекте всеединство, есть всеединство мыслимого как включенность определенностей в абсолютное целое. В ходе таких рассуждений С.Л. Франк разделяет все мыслимое на два слоя: систему определенностей и её основу – всеединство. На этом уровне раскрывается важное методологическое достижение С.Л. Франка «в онтологическом плане под область знания и его единства, соответственно под сферу логического, должна быть подведена более широкая и фундаментальная сфера бытия, законы которой иные, нежели «обычные» (формальные) законы логики» [Мотрошилова, с. 337], а также методология философских исследований должна быть дополнена преимуще-

ствами интуитивизма. Данное замечание Н.В. Мотрошиловой подтверждает мысль о том, что С.Л. Франк, используя в раскрытии онтогносеологии законы формальной логики, наглядно показывает их недостаточность в метафизике и онтологии. Познание «исконного единства» должно выходить за пределы логики и приобретать свойства металогичности.

Металогичность всеединства в понимании С.Л. Франка не ведет к агностицизму, так как возможность постижения не отрицается, а происходит лишь ограничение отвлеченного знания. Онтология С.Л. Франка рассматривает человека как познающего. Мир открывается перед познающим через опытное познание частей мира как элементов всеединства и восхождение к его металогическому единству. Познающий в начале пути познания может направить свой взгляд на определенности, в итоге будет рассматривать бытие как целое, но не может исключить себя из него. Бытие одновременно и противостоит познающему и «слито» с ним. С.Л. Франк исключает критику метафизики, так как его понятие реальности не отрывает познающего от познаваемого бытия, но связывает объективную и субъективную реальность в единый процесс познания. «Для нас, в силу нашего понимания гносеологической проблемы, нет «гносеологии» вне «онтологии». Если знание по самому понятию своему есть знание предмета, то невозможно никакое исследование знания вне исследования предмета знания» [Франк. Предмет знания, с. 39]. Индивидуальность и личное самосознание предстают «ключами» и к истинному и бесконечному бытию [Франк С.Л. Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера, с. 105] Сам процесс познания и его результат С.Л. Франк называет «живым знанием», а за лич-

ностью, таким образом, признает фундаментальный онтологический статус [Евлампиев, с. 340], а личность предстает триединством субстанции, причины и индивидуальности. Такой подход к познанию превосходит современные методы множества наук, в которых, в отличие от классической физики, зачастую невозможно исключить наблюдателя из эксперимента, а познающий оказывается частью эксперимента и влияет на изучаемые процессы. Гносеология и онтология при таком понимании связаны на уровне познающего.

У С.Л. Франка всеединство предстает не всеединством вещей и, стоящих за ними отдельных личностей, но синтетическим единством личностей: «единство личности содержится не в ее составе, а в ее функционировании, то личность может (в ином отношении) быть также частью высшей личности и в свою очередь содержать в своем составе множество низших личностей» [Франк С.Л. Личность и вещь с. 196.] В предложенной им метафизике уже невозможно говорить ни об отдельно существующем Абсолюте, ни о раздробленном мире. Граница между Абсолютом, бытием и личностью уже не определяется эмпирически, но стает трансцендентальной идеей [Евлампиев, с. 354]. Предложенное Франком понимание личности отвергает существование субъекта как некоего изолированного существа, становясь близкой к метафизике М.Хайдеггера. Личность в метафизике Франка через «живое знание» охватывает своим бытием все реальность от бесконечного до физического мира, а абсолют в силу христианской традиции воспринимается как личностное первоначало и также охватывает все бытие.

Посредством описанного понимания личности стирается противопоставление Абсолюта и материального бытия. Это противопоставление стало

для метафизики Соловьева ахиллесовой пятой и преследует метафизику идеализма (противопоставление мира идей и мира вещей) с начала ее существования. Абсолют может раскрываться перед личностью через мир и его элементы, каждый элемент мира требует пристального рассмотрения для познания скрытого в нем Абсолюта. Это понимание Абсолюта максимально приближает С.Л. Франка к христианскому пониманию двух путей познания Абсолюта рациональному и сверхъестественному и делает возможным «рациональное описание смысла мистической интуиции» [Евлампиев, с. 376]. С.Л. «Усмотрение абсолютной, всеобъемлющей природы бытия, выходящей за пределы ограниченности и относительности всего логически фиксированного, есть именно логически адекватное ее усмотрение» [Франк С.Л. Философия и религия // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М., 1990. С. 327]. С.Л. Франк признает мистицизм и реализм взаимосвязанными течениями процесса познания Абсолюта и устраняет разрыв между ними. Определение Абсолюта происходит через металогическое единство интуиции и рациональности, скрытое в самом элементарном акте познания. Бытие вещей становится срезом абсолютного бытия, но абсолютное бытие во всей полноте остается непостижимым, так как не все знание полученное посредством интуиции может быть выражено в рациональной форме, и остается чистым переживанием. Интуиция остается также и формой познания любого индивидуального бытия, и личность престаёт быть изолированной частью бытия и предстает как самообнаружение Абсолюта [Евлампиев, с. 405].

Для полноты описания онтогносео-

логии, предложенной С.Л. Франком необходимо обозначить еще один элемент системы его онтогносеологии: непостижимое. Непостижимое в предложенной им метафизике различается по двум типам: непостижимое как еще непознанное, но доступное познанию в перспективе, и непостижимое само по себе, воспринимаемое им как глубина бытия рационально непознаваемая. Второй тип непостижимого не может быть усвоен личностью в начале пути познания, но является одним из его результатов и становится «умудренным неведением».

В рамках размышлений Франка об «умудренном неведении» крайне важна очень тонкая область, граничащая с непостижимым как таковым и познаваемым, то есть выраженным в привычных словах, понятиях и выражениях взаимосвязей. Это область невыразимого. Если обратиться к мыслям двух философов, современников С.Л. Франка М. Хайдеггеру и Л. Витгенштейну, то становится отчетливо видно, что поиск невыразимого находится на острие метафизики XX века. Невыразимое предстанет перед нами тем, о чем необходимо молчать. [Витгенштейн, с 130; Хайдеггер. Лекции о метафизике с. 156] С.Л. Франк же напротив не обходит молчанием эту область и отчетливо выделяет мысль: если «всякое научное познание есть познание в понятиях» [Франк, Непостижимое, с. 187], то невыразимое, это то, что на данный момент находится вне нашего языкового выражения и понятийного аппарата, так как для этого человеческий язык не выработал еще адекватных понятий, обозначений и знаков.

Невыразимое для С.Л. Франка не иррационально, оно сверхрационально, и становится следствием того, что «реальность уклоняется от логической определенности» [Элен, с. 30]. Для выражения определенности может ис-

пользоваться язык искусства: «то что может быть показано, о том не следует говорить» [Витгенштейн, с. 47] Для описания этой, реальности необходим символ искусства: «Попытка оспорить сверхпонятийное знание страдает от ложного понимания, согласно которому все то, что было познано в подобном знании, было познано предметно. Предметное, как таковое, действительно, может быть «оформлено» лишь символически. Франк не утверждает того, что в «жизни-знании» бытие (или божественное) будет переживаться изолированно в своем отличии от сущего.» [Элен, с. 54] «человеческое существование имеет двоякий лик, что оно одновременно есть трагедия бытия-в-мире и покой бытия-выходящего-за-пределы-мира (über-die-Welt-hinaus-Sein)». Но Хайдеггер не признает второй момент [Элен, с. 59], для Хайдеггера бытие Другого неопределенно, но конституирует познающего, и становится ясно, что Кант в метафизике останавливается на гносеологии, а Хайдеггер останавливается на антропологии. Заслуга И.Канта и М. Хайдеггера при таком аспектном понимании метафизики заключается в том, что они достигли пределов метафизики каждый в своем аспекте, но на поверку метафизика, понимаемая целостно, оказывается шире онтологического, эпистемологического и антропологического аспекта вместе взятых, она нуждается еще в аксиологическом выражении. С.Л. Франк называет область металогического, сверхрационального знания областью непостижимого, указывая что это «само существо реальности как таковой» но при этом говорит о её созерцании [Франк. Непостижимое, с. 232]. Созерцание непостижимого, по мнению Франка – совершенно первичный и непосредственный опыт, не рационализированный и не препариро-

ванный в понятиях.

Познающий при выражении добытого в метафизическом акте познания работает на пределе возможностей данного ему языка понятий. По этой причине большинство специальных философских терминов, во-первых, являются авторскими, так как выражают уникальный метафизический опыт познающего, а во-вторых, практически непередаваемы в рамках лингвистического перевода. Метафизика в этом пределе нуждается в рождении нового металингвистического языка, с помощью которого была бы возможна передача опыта трансцендирования при последующем акте имманентизирования.

Очень важна в аспекте рассмотрения непостижимого мысль, сформулированная при изучении трудов С.Л. Франка С.А. Левицким: «Абсолютное Непостижимое есть больше, чем бытие. Оно есть «потенциальность» и «свобода». Оно есть то, что порождает бытие» [Левицкий, с. 377], и в этом признаке непостижимое приближается по своим свойствам к Абсолюту.

Аксиологический аспект акта метафизического познания зарождается и развивается в акте выражения вновьсформированного мировоззрения. Терминов, понятий, логических взаимосвязей оказываются недостаточно для выражения, новое представление об абсолюте и мироустройстве требует рождения образа, выраженного через философскую метафору.

С.Л. Франк называет невыразимое трансдефинитным, обозначая таким образом что приобретенное в «умудренном неведении» выходит за пределы принятых дефиниций (определений). В трансдефинитном С.Л. Франк видит недостижимую, но поставленную цель метафизики. «Мы должны всегда как бы созерцательно нащупывать трансдефи-

нитное, перед лицом трансдефинитного всегда пополнять, исправлять, усложнять систему наших понятий, посылно выправлять и выгибать ее посредством поправок, чтобы приспособить, приладить отвлеченные связи к конкретности трансдефинитного». [Франк Непостижимое, с. 235] Сама реальность по определению С.Л. Франка диалектически трансдефинитна. Диалектика состоит в том, что рациональное познание должно признавать свою односторонность и не может адекватно полно отражать реальность [Франк Непостижимое, с. 236]. Познаваемый мир таким образом предстает как металогическое единство, открывающееся как всеединство. «Металогическое единство не есть «нечто определенное», напротив, оно есть нечто безграничное, беспредельное, и в этом смысле неопределенное» [Франк. Непостижимое, с. 242]. Всеединство таким образом «не может «мыслиться» в обычном смысле этого слова, а должно быть нам дано и доступно в какой-то иной, именно металогической (в буквальном смысле этого слова) форме». [Франк. Непостижимое с. 242]. Всеединое бытие хоть и состоит из определенных и познанных частей само по себе не может быть определено так как содержит в себе и иное, выходя за пределы определенного. «Бытие как целое может быть понято только как трансрациональное единство рациональности и иррациональности, т. е. необходимости и свободы» [Франк. Непостижимое, с. 254]. Таким образом, всеединство понимается С.Л. Франком как тонкое сплетение познанного, невыразимого и непостижимого и человек находясь перед всей картиной бытия становится не отвлеченным зрителем, но познающим, выразителем и тем, кто находится в восхищенном молчании, воспринимая бытие как непрерывно раскрывающее-

ся искусство Бога-Творца и Абсолюта.

Подводя итоги описания онтогносеологии С.Л. Франка можно утверждать, что он предлагает логическое завершение подхода к Абсолюту, который был предложен неоплатониками, и развивался в метафизических построениях русской религиозной метафизики от П.Я. Чаадаева до В.С. Соловьева. С.Л. Франк вводит в концепцию всеединства развитую систему отношений «Я-Другой» и сложность структуры этих отношений уже позволяет оправдать философа от обвинений в пантеизме. Другой, Абсолют, имеют признаки личности и соответственно отделены от мира непостижимостью как границами субъектности. Этот итог все же остается промежуточным, так как метафизические построения С.Л. Франка нужно признать еще не окончательно осмысленными и воспринятыми в современной философии, они требуют более детального изучения и изложения в свете достижений современной гносеологической и онтологической мысли.

Список литературы

1. Антонов К.М. Философия религии в русской метафизике XIX – начала XX века. / К.М. Антонов - Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2013. 263 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн – М.: Издательство АСТ, 2018. 160 с.
3. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX-XX веках. Русская философия в поисках абсолюта. Часть I. / И.И. Евлампиев – СПб.: Алетейя, 2000. 415 с.
4. Зеньковский В.В. История русской философии. / В.В. Зеньковский – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
5. Левицкий С.Л. С.Л. Франк. / С.Л. Левицкий – Русская религиозно-философская мысль XX века: Сб. статей / Под. ред. Н. П. Полторацкого. – Питтсбург: Отд. славянских яз. и лит-р Питтсбургского ун-та, 1975. 413 с. 372-382 с.
6. Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев, Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов) / Н.В. Мотрошилова – М.: Республика; Культурная революция, 2007. 477 с.
7. Назарова О.А. Онтологическое обоснование интуитивизма в философии С. Л. Франка / О.А. Назарова – Москва: Идея-Пресс, 2003. 195 с.
8. Семенюк А.П. «Онтогносеология С.Л. Франка» // Ученые записки Казанского университета. Серия Гума-

- нитарные науки, 2012. Вып. 154. № 1. С. 153-165.
9. Франк С.Л. Личность и вещь. / С.Л. Франк. Полное собрание сочинений. Т. 3: 1908-1910 // С.Л. Франк. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. 848 с.
10. Франк С.Л. Непостижимое / С.Л. Франк – М.: Правда, 1990. 606 с.
11. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека / С.Л. Франк – СПб.: Наука, 1995. 656 с.
12. Франк С.Л. Живое знание. / С.Л. Франк. – Берлин: Обелиск, 1923. 264 с.
13. Хайдеггер М. Лекции о метафизике / М.Хайдеггер – М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2016. 176 с.
14. Элен П. Онтология и антропология С.Л. Франка / П. Элен. – М.: ИФРАН, 2017. 149 с.
15. Ян Чжэн. Понятия Бога и реальности в онтогносеологической концепции С.Л. Франка // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 1 (21). С. 197-208.

References

1. Antonov K.M. Philosophy of Religion in Russian Metaphysics of the 19th – Early 20th Centuries. / K.M. Antonov – Publishing House of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities, 2013. 263 p.
2. Wittgenstein L. Logico-Philosophical Tractate / L. Wittgenstein - Moscow: AST Publishing House, 2018. 160 p.
3. Evlampiev I.I. History of Russian Metaphysics in the 19th-20th Centuries. Russian Philosophy in Search of the Absolute. Part I. / I.I. Evlampiev – St. Petersburg: Aleteia, 2000. 415 p.
4. Zenkovsky V.V. History of Russian Philosophy. / V.V. Zenkovsky - Moscow: Academic Project, Raritet, 2001. 880 p.
5. Levitsky S.L. S.L. Frank / S.L. Levitsky - Russian religious and philosophical thought of the 20th century: Collection of articles / Ed. N.P. Poltoratsky. - Pittsburgh: Dept. of Slavic languages and literature, University of Pittsburgh, 1975. 413 p. 372-382 p.
6. Motroshilova N.V. Thinkers of Russia and the philosophy of the West (V. Soloviev, N. Berdyayev. S. Frank. L. Shestov) / N.V. Motroshilova - Moscow: Republic; Cultural Revolution, 2007. 477 p.
7. Nazarova O.A. Ontological substantiation of intuitionism in the philosophy of S. L. Frank / O.A. Nazarova – Moscow: Idea-Press, 2003. 195 p.
8. Semenyuk A.P. "Ontognoseology of S.L. Frank" // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanitarian Sciences, 2012. Issue 154. № 1. P. 153-165.
9. Frank S.L. Personality and Thing. / S.L. Frank. Complete Works. Vol. 3: 1908-1910 // S.L. Frank. – Moscow: PST-GU Publishing House, 2020. 848 p.
10. Frank S.L. Incomprehensible / S.L. Frank – Moscow: Pravda, 1990. 606 p.
11. Frank S.L. Subject of Knowledge. The Soul of Man / S.L. Frank. St. Petersburg: Nauka, 1995. 656 p.
12. Frank S.L. Living Knowledge. / S.L. Frank. Berlin: Obelisk, 1923. 264 p.
13. Heidegger M. Lectures on Metaphysics / M. Heidegger. – Moscow: Publishing House YASK: Languages of Slavic Culture, 2016. 176 p.
14. Elen P. Ontology and Anthropology of S.L. Frank / P. Elen. – Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2017. 149 p.
15. Yang Zheng. The Concepts of God and Reality in the Ontognoseological Concept of S.L. Frank // Transactions of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy. 2024. № 1 (21). P. 197-208.

Иванова М.Ю.

*Аспирант департамента философии и социальных наук,
Московский городской педагогический университет.*

Концептуальные рамки эволюции правовой системы общества*

Аннотация. В данной работе рассматриваются ключевые концептуальные рамки, необходимые для понимания эволюции правовой системы общества. Анализируются различные подходы к определению права, его роли в социальной регуляции и взаимосвязи с другими общественными институтами. Особое внимание уделяется динамике правовых норм, процессов правотворчества и правоприменения в историческом контексте.

Исследование охватывает широкий спектр теоретических перспектив, включая натуралистический, позитивистский и социологический подходы к праву. Подчеркивается важность учета как формальных, так и неформальных аспектов правовой системы, таких как правовая культура, правосознание и обычаи. Анализируются факторы, влияющие на изменения в правовой системе, включая экономические, политические, технологические и культурные трансформации.

В заключение, подчеркивается важность междисциплинарного подхода к изучению эволюции правовой системы, объединяющего знания из юриспруденции, социологии, истории, политологии и других наук. Предлагаются направления для дальнейших исследований, направленные на углубленное понимание динамики правовых систем в различных социокультурных контекстах. Работа представляет интерес для юристов, социологов, политологов, историков и всех, кто интересуется вопросами права и его развития.

Ключевые слова: эволюция, правовая система, правовое развитие, правовая культура, правовое государство, общество, правопорядок.

Ivanova M.Y.

*Postgraduate student of the Department of Philosophy
and Social Sciences, Moscow City Pedagogical University.*

The conceptual framework of the evolution of the legal system of society

Abstract. This paper examines the key conceptual frameworks necessary to understand the evolution of the legal system of society. The article analyzes various approaches to the definition of law, its role in social regulation and its relationship with other public institutions. Special attention is paid to the dynamics of legal norms, law-making and law enforcement processes in a historical context.

The research covers a wide range of theoretical perspectives, including naturalistic, positivist, and sociological approaches to law. The importance of taking into account both formal and informal aspects of the legal system, such as legal culture, legal awareness and customs, is emphasized. The factors influencing changes in the legal system, including economic, political, technological and cultural transformations, are analyzed.

In conclusion, the importance of an interdisciplinary approach to the study of the evolution

---

* © Иванова М.Ю., 2025.

Концептуальные рамки эволюции правовой системы общества

of the legal system is emphasized, combining knowledge from jurisprudence, sociology, history, political science and other sciences. The directions for further research aimed at in-depth understanding of the dynamics of legal systems in various socio-cultural contexts are proposed. The work is of interest to lawyers, sociologists, political scientists, historians and anyone who is interested in issues of law and its development.

Key words: evolution, legal system, legal development, legal culture, rule of law, society, law and order.

Введение

Изучение траекторий развития права в обществе опирается на ряд теоретических построений. Эти модели стремятся объяснить закономерности, движущие силы и основные этапы трансформации правовых норм и институтов. Они предлагают различные взгляды на взаимодействие права с другими социальными подсистемами, такими как экономика, политика и культура.

Различные теоретические подходы акцентируют внимание на разных аспектах правового развития. Одни подчеркивают роль экономического детерминизма, рассматривая право как инструмент, обслуживающий интересы господствующего класса. Другие видят в праве отражение моральных ценностей и культурных традиций, формирующих правосознание общества. Третьи фокусируются на политических факторах, анализируя влияние политических режимов и идеологий на содержание и применение права.

Понимание этих теоретических моделей необходимо для анализа конкретных исторических ситуаций и прогнозирования будущих тенденций в развитии правовых систем. Они позволяют выявить общие закономерности и специфические особенности правовой эволюции в различных обществах.

Результаты исследования

Различные философские школы

имеют свои уникальные взгляды на то, как концептуальные основы эволюции правовой системы общества интерпретируются и понимаются.

Философы расходятся во мнениях относительно того, какие факторы наиболее существенно влияют на развитие права: моральные принципы, экономические реалии, политические интересы или культурные традиции. Одни акцентируют внимание на роли разума и логики в формировании правовых норм, другие – на значимости исторического контекста и эмпирического опыта [7, с. 288].

Соколов А.Н. отмечает, что некоторые философские течения рассматривают правовую систему как отражение господствующей идеологии, инструмент для поддержания власти и социального контроля. Другие, напротив, видят в праве средство достижения справедливости, защиты прав и свобод человека, обеспечения порядка и стабильности в обществе [5, с. 21].

Изучение этих различных философских перспектив позволяет глубже понять сложные взаимосвязи между правом, обществом и культурой, а также критически оценить существующие правовые системы и предложить пути их совершенствования. Разнообразие взглядов стимулирует дискуссии и способствует развитию новых подходов к пониманию эволюции права.

Научное сообщество рассматривает теоретическую основу развития право-

вой структуры социума как многогранный и динамичный процесс, подверженный влиянию множества факторов. Существуют различные школы и подходы, предлагающие различные интерпретации [8].

Одна из ключевых перспектив – это исторический подход, который акцентирует внимание на эволюции правовых норм и институтов во времени. С этой точки зрения, правовая структура является результатом кумулятивного процесса, в котором каждое поколение вносит свой вклад, адаптируя и совершенствуя существующие правила.

Другой важный подход – социологический. Он рассматривает право как социальный феномен, тесно связанный с социальными потребностями, ценностями и конфликтами. Согласно этой перспективе, правовая структура отражает баланс сил в обществе и служит инструментом для поддержания социального порядка и справедливости.

Кроме того, существует нормативный подход, который фокусируется на анализе правовых норм и принципов, определяющих структуру и функции правовой системы. Этот подход акцентирует внимание на логической непротиворечивости и эффективности правовых норм, а также на их соответствии фундаментальным ценностям и правам человека.

Боруленков Ю.П. полагает, что критические теории права подчеркивают роль власти и идеологии в формировании правовой структуры. Право не является нейтральным инструментом, а служит для поддержания интересов доминирующих групп и увековечивания неравенства [2, с. 392].

Научное сообщество интерпретирует теоретическую основу развития правовой структуры социума как сложный

и многогранный процесс, требующий междисциплинарного подхода и учета различных факторов [9].

В контексте глобализации и возрастающей взаимосвязанности современных обществ, особое значение приобретает сравнительно-правовой подход. Он позволяет выявлять общие закономерности и уникальные особенности развития правовых систем в различных странах и регионах мира. Сравнительный анализ способствует обогащению теоретической базы правоведения и выработке более эффективных моделей правового регулирования.

Важно отметить, что все эти подходы не являются взаимоисключающими, а скорее дополняют друг друга, позволяя получить более полное и объективное представление о развитии правовой структуры социума. «Комплексный анализ, учитывающий исторические, социальные, нормативные и критические аспекты, является необходимым условием для понимания динамики правовых изменений и прогнозирования будущих тенденций», - указывает Осмоловская С.М. [6, с. 47].

При этом, развитие правовой структуры социума неразрывно связано с развитием политической системы и институтов гражданского общества. «Эффективное функционирование правовой системы предполагает наличие развитых демократических институтов, обеспечивающих участие граждан в формировании правовой политики и контроль над деятельностью органов государственной власти», - Аскин Я.Ф. [1, с. 359].

В конечном итоге, теоретическое осмысление развития правовой структуры социума имеет не только академическое, но и практическое значение. Оно позволяет формировать более обоснованные стратегии правовой реформы,

направленные на укрепление правопорядка, защиту прав и свобод граждан и создание условий для устойчивого развития общества.

Заключение

Концептуальные рамки эволюции правовой системы общества опираются на сложное взаимодействие множества факторов, включая экономические, политические, социальные и культурные. Правовая система, как и любой живой организм, постоянно адаптируется к изменяющимся условиям окружающей среды. Эта адаптация происходит посредством различных механизмов, таких как законодательные реформы, судебная практика и изменение правосознания.

Гурвич Г.Д. утверждает, что экономические факторы оказывают существенное влияние на эволюцию правовой системы. Развитие новых технологий, появление новых форм собственности и экономических отношений требуют адекватного правового регулирования. Например, развитие цифровой экономики привело к необходимости разработки новых законов, регулирующих электронную коммерцию, защиту данных и интеллектуальную собственность в цифровой среде [3, с. 848].

Политические факторы также играют важную роль в эволюции правовой системы. Изменения в политическом строе, политические реформы и изменения в расстановке политических сил неизбежно влекут за собой изменения в правовой системе. Например, переход от авторитарного режима к демократическому режиму влечет за собой принятие новых конституционных принципов, гарантирующих права и свободы граждан.

Социальные и культурные факторы

также оказывают значительное влияние на эволюцию правовой системы. Изменение моральных ценностей, социальных норм и культурных традиций приводит к необходимости пересмотра устаревших правовых норм и принятия новых, соответствующих современным представлениям о справедливости и равенстве. Например, изменение отношения к правам меньшинств привело к принятию законов, защищающих их от дискриминации.

Таким образом, эволюция правовой системы общества представляет собой сложный и многогранный процесс, обусловленный взаимодействием множества факторов. Понимание этих факторов и механизмов позволяет более эффективно управлять эволюцией правовой системы и создавать более справедливое и эффективное правовое регулирование.

Список литературы

1. Аскин Я.Ф. Философский детерминизм и научное познание. Саратов, 1974. 359 с.
2. Боруленков Ю.П. Юридическое познание: (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): монография / под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. – М.: Юрлитинформ, 2014. 392 с.
3. Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Философия и социология права: избранные сочинения / пер. с фр. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. – СПб.: Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 848 с.
4. Микешина Л.А. Философия познания: Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. Изд. 2-е, доп. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2009. 560 с.
5. Соколов А.Н. Правовое государство. Идея, теория, практика. Курск, 1994 (критика и библиография) // Государство и право. 1995. № 11. С. 20-21.
6. Осмоловская С.М. Коммуникационные практики высшей школы: социологический анализ. Коммунология, 2019. Т. 7. № 3. С. 47-56.
7. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 288 с.
8. Черненко А.К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества. – Новосибирск: Наука, 2004.
9. Шухов Ф.Г., Наумов И.А. Правовое государство: эволюция взглядов и современность // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 31.
10. Лукьянова А.А., Гаврикова О.Ю. Педагогические условия формирования здоровьесберегающей де-

тельности в образовании студентов колледжа // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 38-45.

References

1. Askin Ya.F. Philosophical Determinism and Scientific Knowledge. Saratov, 1974. 359 p.
2. Borulenkov Yu.P. Legal Knowledge: (Some Methodological, Theoretical, and Praxeological Aspects): Monograph / edited by prof. V.N. Kartashov. – Moscow: YurLitinform, 2014. 392 p.
3. Gurvich G.D. Legal Experience and Pluralistic Philosophy of Law // Philosophy and Sociology of Law: Selected Works / translated from French by M.V. Antonov, L.V. Voronina. – St. Petersburg: Publishing House of the Law Faculty of St. Petersburg State University, 2004. 848 p.
4. Mikeshina L.A. Philosophy of Knowledge: Problems of the Epistemology of Humanitarian Knowledge. 2nd ed., suppl. – Moscow: Canon + ROOI “Rehabilitation”, 2009. 560 p.
5. Sokolov A.N. The Rule of Law. Idea, Theory, Practice. Kursk, 1994 (criticism and bibliography) // State and Law. 1995. № 11. P. 20-21.
6. Osmolovskaya S.M. Communication Practices of Higher Education: A Sociological Analysis. Communicology, 2019. Vol. 7. № 3. P. 47-56.
7. Ovchinnikov A.I. Legal Thinking in the Hermeneutic Paradigm. – Rostov n / D: Rostov University Publishing House, 2002. 288 p.
8. Chernenko A.K. Theoretical and methodological problems of the formation of the legal system of society. – Novosibirsk: Nauka, 2004.
9. Shukhov F.G., Naumov I.A. The rule of law: the evolution of views and modernity // Bulletin of the Herzen State Pedagogical University. 2007. № 31.
10. Lukyanova A.A., Gavrikova O.Yu. Pedagogical conditions for the formation of health-saving activities in the education of college students // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 38-45.

Аннотации

Хитарова И.Ю.

Фирсов А.Г.

К вопросу о систематизации изображений православных святых в иконостасах Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге

Статья посвящена анализу и систематизации православных икон в алтарях Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге, православный иконостас, Иконостас Сампсониевского собора, изображения православных святых в Сампсониевском соборе, православные иконы.

Зверков Н.В.

Мочалов Е.В.

Религия в легитимации экстремизма

В статье рассматривается роль религиозных факторов в современном терроризме. Авторами подчеркнута дискуссионность термина «религиозный экстремизм» и его отличия от традиционных религиозных ценностей, проанализированы особенности различных экстремистских движений, их мировоззренческие основы и искажения религиозных догматов, таких как милосердие, милость и запреты на убийство. Особое внимание уделяется трансформации религиозных концептов, таких как джихад и мученичество, в радикальные действия, включая насилие и терроризм. Раскрыты механизмы формирования экстремистского мировоззрения, его мессианские и апокалиптические компоненты, а также роль религии в оправдании террористических актов.

Ключевые слова: экстремизм, религия, религиозный экстремизм, терроризм, легитимация экстремизма.

Хитарова И.Ю.

Фирсов А.Г.

Образ Сампсония странноприимца и почитание победы в полтавской битве (к вопросу об изучении икон Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге)

Статья посвящена изучению образа Сампсония Странноприимца в Сампсониевском соборе Санкт-Петербурга. День памяти этого святого является также днем празднования победы в Полтавской битве, одним из величайших сражений в истории России XVIII века.

Ключевые слова: Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге, образ Сампсония Странноприимца, Полтавская битва.

Ардашев Р.Г.

Культурная агрессия в социальном пространстве

В статье анализируются процессы культурной агрессии, которые максимально проявляются в обществе массовой культуры. Показываются особенности проявления агрессии как способа доказательства героизма. На примере результатов массового опроса, оценивается распространенность культурной агрессии в современном российском обществе и формируются новые маркеры культурного кода агрессии.

Ключевые слова: культурная агрессия, социум, современное общество, социальное воспроизводство, агрессия как норма.

Орлова Е.М.

Визуальные искусства в итальянских карнавалах и их взаимосвязь

Целью исследования является систематизация ключевых визуальных форм художе-

ственного выражения, формирующих уникальную среду карнавала. Особое внимание уделяется взаимодействию данных элементов в контексте принципа «фигуры и фона» как модели зрительного восприятия, который рассматривается как метафора восприятия визуального поля. Автор анализирует как традиционные и современные визуальные формы искусства влияют на восприятие карнавального действия и способствуют культурной репрезентации; рассматриваются способы интеграции традиционных ремесленных практик с современными материалами и художественными решениями. Основой исследования служит междисциплинарный подход, включающий анализ исторических, художественных и антропологических аспектов. Основными источниками данных являются художественные изображения, исторические хроники, научные исследования и собственные наблюдения автора.

Ключевые слова: Италия, карнавалы, визуальные искусства, национальная идентичность.

Избачков Ю.С.

Архивно-следственные дела А.В. Барченко и Г.И. Бокия как источник сведений о «Едином Трудовом Братстве»

Дела лидеров тайного общества советских оккультистов «Единое Трудовое Братство» позволяют составить представление о структуре и культуре этого общества. Анализ пометок, сделанных следователями, помогает отделить достоверные сведения от фальсификаций. Выявлены пометки следователей КГБ в процессе реабилитации. Оставшиеся пометки раскрывают цели НКВД – имитацию масонского заговора внутри ОГПУ, что позволяет не учитывать соответствующие сведения при анализе культуры тайного общества. Оставшиеся сведения позволяют сделать вывод, что тайное общество было способом ухода в инобытие, игрой в оккультизм.

Ключевые слова: Александр Барченко, Глеб Бокий, Единое Трудовое Братство, исследование документа, тайное общество, советские оккультисты, теософы, розенкрейцеры, фальсификация доказательств.

Ланбина С.К.

Развитие стиля Fine Line татуировки как культурного явления нового поколения

Статья посвящена исследованию стиля Fine Line в татуировочном искусстве как значимого культурного явления, отражающего мировоззренческие установки и эстетические предпочтения нового поколения. Цель работы – проанализировать развитие данного направления не только как техническую инновацию, но как комплексный социокультурный феномен, маркирующий трансформацию отношения к телесным практикам в современном обществе. Эмпирическую базу составили авторские эскизы татуировок, репрезентирующие основные тематические и технические характеристики стиля. В исследовании применена междисциплинарная методология, объединяющая визуально-семиотический анализ для выявления денотативных и коннотативных значений изображений, формально-стилистический подход для описания технических особенностей и эстетических параметров, культурологическую интерпретацию для осмысления визуальных мотивов в контексте современной культуры и контекстуальный анализ роли цифровых платформ в формировании эстетических канонов. Результаты исследования демонстрируют, что Fine Line представляет собой знаковую систему, кодирующую ценности индивидуализации, осознанного самоконструирования и дистанцирования от агрессивной субкультурной символики. Минималистичность, графическая деликатность и камерность масштаба соответствуют логике медиатизированной повседневности поколения Z, где визуальное высказывание становится инструментом персонального нарратива. Выбор характерных мотивов – соляных, природных, астрологических – отражает стремление к аутентичности, экологическое сознание и духовный поиск. Культурное значение стиля заключается в переопределении функции

татуировки: от маркера маргинальности к легитимной форме художественного высказывания и артикуляции индивидуальной идентичности. Исследование подтверждает ключевую роль цифровых платформ в распространении эстетики Fine Line и его интеграцию в поле актуального искусства. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях визуальной культуры, социологии молодёжи, истории искусства и культурной антропологии для понимания механизмов культурного производства и циркуляции визуальных кодов в современном обществе.

Ключевые слова: Fine Line, татуировочное искусство, визуальная культура, поколение Z, телесные практики, минимализм, идентичность, цифровая эпоха, культурный феномен, самовыражение.

Ли Сяоя

Чжан Хунвэй

Феномен культурной гибридации в российско-китайском музыкальном пространстве: механизмы, формы, смыслы

В статье исследуется феномен культурной гибридации в российско-китайском музыкальном пространстве, рассматриваемый как динамичный процесс взаимодействия и взаимовлияния двух богатых музыкальных традиций. В работе анализируется исторический контекст российско-китайского музыкального обмена, рассматриваются ключевые акторы, формирующие новый музыкальный ландшафт, и исследуются различные формы гибридных музыкальных произведений. Особое внимание уделяется роли музыкантов, продюсеров и слушателей в создании и восприятии музыки, сочетающей элементы русской и китайской культуры. Статья показывает, что гибридные музыкальные формы отражают социокультурные изменения и процессы поиска национальной идентичности в условиях глобализации. Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий элементы культурологии, музыковедения, социологии и истории. Результаты работы вносят вклад в понимание процессов культурного обмена и могут быть использованы в дальнейшем изучении межкультурных взаимодействий в сфере музыки.

Ключевые слова: культурная гибридация, российско-китайское музыкальное пространство, межкультурный диалог, музыкальная культура, музыкальный обмен, гибридные музыкальные формы, глобализация, идентичность, музыкальное творчество, акторы музыкальной индустрии.

Микэбанун Айкэламу

Исследование фильма «Радости базара» с точки зрения общности китайской нации

Снятый киностудией «Тяньшань» фильм «Радости базара», посвящённый Синьцзяну, избирает кашгарский регион в качестве повествовательного пространства и разворачивает сюжет вокруг национального музыкального инструмента с трёхсотлетней традицией. За полученной наградой «Золотой чай горы» за лучшую музыку на кинофестивале Шанхайской организации сотрудничества скрывается его ключевая ценность — построение посредством киноязыка нарративной системы, формирующей сознание общности китайской нации. Настоящая статья, опираясь на аналитическую логику «культурная идентичность — эмоциональная консолидация», на основе трёх аспектов — повествования о публичном пространстве «базара», выражения символики национальных инструментов и музыки, а также создания коллективного образа городских жителей — исследует, каким образом фильм посредством демонстрации народных обычаев, детальных визуальных решений и нарративов примирения достигает интеграции синьцзянских региональных культурных особенностей с общими ценностями китайской нации. Тем самым выявляются его нарративные стратегии и коммуникативная значимость в укреплении культурной идентичности различных этносов и консолидировании эмоционального консенсуса. Работа служит творческим ори-

ентиром для синьцзянских фильмов новой эпохи, стремящихся реализовать концепцию общности китайской нации.

Ключевые слова: радости базара, общность китайской нации, нарратив этнического единства, культурная идентичность, эмоциональная консолидация.

Хромов С.С.

Использование пластических методов в формировании художественного образа городской среды

Статья посвящена анализу пластических методов репрезентации урбанистического художественного образа города на различных этапах его исторического развития, начиная с античности и до наших дней. В исследовании рассматриваются ключевые элементы художественного языка городского пространства, такие как форма, композиция, цвет, ритм, контраст и масштаб, а также их функции в формировании целостного восприятия городской среды. Особое внимание уделяется эволюции эстетических подходов к визуализации города в различных видах искусства, включая живопись, архитектуру, скульптуру и медиаинсталляции. Приведены примеры, иллюстрирующие развитие различных художественных направлений и стилей. В статье показано, что урбанистический художественный образ представляет собой сложный синтез пространственных, формальных и эстетических компонентов, отражающих культурные и технологические характеристики соответствующих исторических периодов.

Ключевые слова: урбанистический образ, пластика, композиция, форма, цвет, ритм, контраст, масштаб, архитектура, живопись, скульптура, медиаискусство, эстетика города.

Бахарев В.В.

Авилова Ж.Н.

Хорошун Н.А.

Развитие адаптационной кадровой стратегии субъектов малого и среднего бизнеса в условиях неопределенной среды

В условиях неопределенности среды на первый план стала выходить степень адаптации кадровой политики как наиболее значимая способность к быстрому реагированию на образующиеся внешние изменения. Разнонаправленные и нередко деструктивные процессы, происходящие в экономике нашей страны, определяют потребность разработки эффективной кадровой стратегии малого и среднего бизнеса в условиях неопределенности. Целью научной статьи является переосмысление специфики управления персоналом с учетом влияния ряда факторов социально-экономической среды, которое способствует развитию малого и среднего предприятия с максимально возможной эффективностью

Ключевые слова: кадровая стратегия, малый бизнес, предпринимательство, управление персоналом, адаптация, неопределенность.

Кантемирова М.А.

Коблова А.С.

Кабалова С.В.

Старшее поколение на Кавказе: современная ситуация в контексте здоровья и государственной поддержки

В данной статье рассматривается современное положение старшего поколения в регионах Северного Кавказа с акцентом на аспекты здравоохранения. Проанализированы ключевые демографические тенденции, в частности, высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), которые, однако, не всегда коррелируют с высоким качеством жизни в пожилом возрасте. Исследуются основные вызовы, включающие рост хронических неинфекционных заболеваний, проблемы доступа к медицинской помощи и цифровой

разрыв. Особое внимание уделяется мерам государственной поддержки в рамках национальных проектов «Демография» и федерального проекта «Старшее поколение». На основе анализа статистических данных и результатов собственного социологического опроса выявлены распространенность ключевых заболеваний (артериальная гипертония, инсульт, онкологическая патология в семейном анамнезе) и определены приоритетные направления для укрепления здоровья пожилых жителей Кавказа.

Ключевые слова: здоровье пожилых, старшее поколение, Северный Кавказ, продолжительность жизни, хронические заболевания, гипертоническая болезнь, национальный проект «Демография», качество жизни, старение.

Жукова Т.И.

Цифровизация как фактор трансформации социального капитала: алгоритмические механизмы формирования социальных связей

Статья продолжает серию работ, посвященных исследованиям в области теории онлайн социального капитала в цифровую эпоху. В статье анализируются цифровые платформы коммуникации как агенты формирования социального капитала. Анализируется потенциал цифровых технологий, способствующих оптимизации коммуникативных практик и расширению возможностей социального взаимодействия в информационном пространстве. В то же время рассматриваются новые вызовы, связанные с персонализацией контента и социального воздействия на основе поведенческих данных и цифровых следов, что усиливает риски социальной фрагментации, поляризации общества и цифрового неравенства. Обсуждаются принципы проектирования платформ, обеспечивающих прозрачность алгоритмов, защиту приватности пользователей и создание условий для инклюзивного участия всех социальных групп.

Ключевые слова: онлайн социальный капитал, коммуникативные практики, алгоритмическое воздействие, социальные сети.

Земцова О.А.

Молодежь как социальная группа риска в условиях современных трансформационных процессов

В статье представлены результаты комплексного анализа молодежи как социальной группы риска в условиях современных трансформационных процессов. Реализуемый автором междисциплинарный методологический подход позволил выявить ключевые факторы рискогенности молодежи. Автором раскрыты институциональная нестабильность, проявляющаяся в кризисе традиционных институтов социализации; экономической прекаризации, выражающейся в росте нестандартных форм занятости и отложенном взрослении; цифровой трансформации, порождающей новые вызовы идентичности; а также социокультурной дезинтеграции, ведущей к ценностному кризису.

В качестве концептуального ответа на выявленные вызовы и риски, автором предлагается трехуровневая система профилактики, которая включает в себя: институциональные, программные и индивидуальные меры воздействия.

Ключевые слова: молодежь, социальные риски, кризис идентичности, профессиональная социализация, цифровая трансформация, молодежная политика, профилактика социальных рисков, трехуровневая система поддержки, социальный иммунитет.

Филькина О.Ю.

Теняева О.В.

Значение современного музея в формировании ценностей современной молодёжи

В статье представлены результаты эмпирического исследования возможностей современного музея как социокультурного пространства и инструмента влияния на развитие у

молодежи системы ценностей, основанной на знакомстве и изучении исторического и культурного наследия территории проживания. В современных реалиях поиск новых ресурсов для осуществления такого рода деятельности обеспечивает развитие социально-экономического ресурса молодежи как основы человеческого капитала государства. Сотрудники музея видят молодежь своей целевой аудиторией и стремятся сделать музей привлекательными для нее, используя в своей работе современные технологии и интерактивные техники. Представители молодого поколения, в свою очередь, демонстрируют положительное отношение к посещению музея, поскольку находят его интересным, познавательным и современным.

Ключевые слова: молодежь, социокультурное пространство, музей, экспозиционно-выставочная деятельность, диджитал-поколение.

Мальцева И.В.

Терновая Л.О.

Йога как философия гармонии и цивилизационный мост

Статья посвящена философскому и культурному значению йоги как универсальной системы самопознания и гармонии в контексте современных цивилизационных процессов. Рассматривается роль йоги как интегрального элемента объединения древних цивилизаций государств БРИКС, раскрывающего глубокие связи макро- и микрокосма. Анализируются парадигмы Востока и Запада, их философские отличия и взаимодополняемость, а также интеграция йоги в различные культурные и социальные контексты стран БРИКС (Россия, Китай, Индия, Бразилия, Южная Африка). Освещается значение Международного дня йоги как символа мягкой силы и инструмента культурной дипломатии. Подчеркивается уникальность йоги как философии внутреннего освобождения, самопознания и этического поведения на фоне других цивилизационных моделей.

Ключевые слова: йога, философия йоги, БРИКС, цивилизация, духовное развитие, интегральная антропологическая матрица, международный день йоги, культурная дипломатия, восточная философия, западная философия, Убунту, конфуцианство, даосизм, индийская культура, самопознание, гармония, межкультурный диалог.

Королёв В.Б.

Королёва Е.В.

Гагалова Ю.А.

Яблонская С.Ю.

Социальная политика государства в решении проблемы бездомности в России: вызовы, перспективы и рекомендации

Актуальность исследования обусловлена тем, что сегодня одним из важнейших направлений работы органов государственной власти остается сфера защиты лиц без определенного места жительства. Проблема бездомности в России представляет собой одну из наиболее острых социальных проблем, затрагивающих не только отдельные группы населения, но и общество в целом. Цель авторов работы – проведение комплексного анализа существующих законодательных инициатив, направленных на решение проблемы бездомности, а также их влияния на общество, и представление предложений по повышению их эффективности. Научная новизна работы обусловлена тем, что работа посвящена всестороннему анализу проблемы бездомности в России, включая текущее состояние, законодательные инициативы, роль Общественной палаты, критику со стороны НКО, международный опыт, эффективность социальной политики и рекомендации по улучшению государственной политики. В итоге, работа направлена на выявление перспектив решения проблемы бездомности и формирование более эффективной государственной стратегии, способствующей улучшению качества жизни уязвимых групп населения. Практическая значимость работы. В рамках комплексного подхода к решению проблемы бездомности

первоочередной и стратегически важной мерой, по мнению авторов, должно стать создание и системное финансирование сети специализированных центров временного размещения для лиц, оказавшихся без определенного места жительства. Для эффективного решения проблемы бездомности авторы предлагают организовать комплексный мониторинг по трем ключевым направлениям. Первое направление - количественный учет лиц без определенного места жительства, который должен включать ежегодные реестровые исследования, выборочные социологические опросы и анализ данных социальных служб. Второе направление - качественный анализ проблемы, предполагающий изучение причин попадания в категорию бездомных, оценку эффективности существующих мер поддержки и выявление наиболее уязвимых социальных групп. Третье направление - территориальная дифференциация, которая требует проведения сравнительного анализа ситуации в различных регионах, учета специфики городской среды.

Ключевые слова: бездомность, социальная работа, социальная политика, уязвимые группы населения, политология, законодательные инициативы.

Разгуляева Т.А.

Модель управления как фактор развития цифрового лидерства в системе государственного управления

В статье рассматривается проблема формирования и развития цифрового лидерства в органах государственной власти Российской Федерации в рамках проведения цифровой трансформации системы государственного и муниципального управления. На основе социологического анализа и экспертного опыта работы автора в кадровых структурах государственных органов власти определено, что одним из барьеров на пути трансформации является устаревшая иерархическая модель управления («веберовская» бюрократия), которая в значительной мере влияет на скорость и эффективность внедрения технологий в государственном секторе. Раскрыто противоречие между проектно-сетевой моделью общества в условиях цифровизации и линейно-функциональной структурой системы государственного управления, определена роль цифровых лидеров в этой системе.

Ключевые слова: цифровое лидерство, государственное управление, цифровая трансформация, кадровая политика, модель компетенций, социология управления.

Таганов М.В.

Социальная ответственность организаций в эпоху устойчивого развития

В статье рассматривается трансформация концепции социальной ответственности в условиях современных вызовов. Анализируются факторы, влияющие на усиление внимания к социальной ответственности бизнеса, и рассматриваются различные аспекты ее реализации в деятельности организаций.

Ключевые слова: социальная ответственность, устойчивое развитие, заинтересованные стороны, корпоративное управление, социальные инвестиции.

Уржумова О.М.

Тихомирова П.Р.

Атласова В.А.

Организационная культура как фактор успешного внедрения систем электронного документооборота в государственном секторе

В статье анализируется влияние организационной культуры на процессы цифровой трансформации документооборота в государственном секторе на примере внедрения государственной информационной системы Краснодарского края «Единая межведомственная система электронного документооборота исполнительных органов государственной власти Краснодарского края».

Актуальность исследования обусловлена необходимостью решения противоречия между государственными программами цифровизации и реальными организационно-технологическими проблемами, препятствующими эффективному внедрению электронного документооборота (ЭДО) в государственных учреждениях. Проблема заключается в системном сопротивлении изменениям, которое приводит к сохранению гибридного документооборота, низкой вовлеченности работников и неполному использованию потенциала цифровизации документооборота [7].

Исследование нацелено на выявление культурных барьеров, препятствующих успешному внедрению системы электронного документооборота (СЭД), с последующей разработкой комплекса управленческих решений для их преодоления.

Достижение поставленной цели обеспечивается последовательным решением ряда задач, а именно: изучение специфических культурных барьеров на примере государственного бюджетного учреждения Краснодарского края «Центр развития спорта»; разработка алгоритма для трансформации организационной культуры в контексте внедрения ЭДО; формулирование комплекса практических рекомендаций для государственных учреждений.

Методологическую основу исследования составили концепции диагностики организационной культуры (Т. Дил, Ч. Хэнди, Г. Хофстед – в зарубежной традиции; М.И. Бодровой, В.А. Колосова, О.Г. Тихомировой – в отечественной), которые применяются для анализа проблем внедрения ЭДО. Также были исследованы работы по документоведению и теории электронного документа (Ю.Н. Столярова, И.Л. Бачило, М.В. Ларина, Ю.И. Сигидова).

В ходе исследования выявлены три основные проблемы: излишняя централизация решений, устаревшие бюрократические процедуры и сопротивление персонала новым технологиям. Анализ документов, наблюдение и разработка рекомендаций позволили определить конкретные меры по улучшению ситуации.

В качестве решения предложен алгоритм управления изменениями организационной культуры, охватывающий диагностику, планирование, техническую подготовку, внедрение, контроль и оптимизацию.

Разработанный комплекс рекомендаций направлен на преобразование организационной культуры из сдерживающего фактора в движущую силу эффективного внедрения ЭДО.

Ключевые слова: организационная культура, электронный документооборот, цифровая трансформация, государственный сектор, внедрение СЭД, сопротивление изменениям, управление изменениями, гибридный документооборот.

Тюнь А.П.

Отношение к полиции в российском обществе как условие формирования профессионального сознания сотрудников органов внутренних дел (на материалах анкетирования)

В статье предлагаются для рассмотрения результаты эмпирического исследования влияния отношения в обществе к такому социальному институту как полиция на формирование профессионального сознания сотрудников органов внутренних дел, структуру профессионального сознания, влияния на социальную практику, функции профессионального сознания, влияния социально-мировоззренческих установок на эффективность служебной деятельности, рассмотрение ценностей, мотивов и способов формирования отношения к полиции.

В современном обществе, практически на уровне любой профессии присутствуют механизмы воспроизводства, определяющие не только передачу знаний и навыков, необходимых для осуществления профессиональной деятельности, но и формирование особой профессиональной идентичности, а также передачу специфических мировоззренческих установок и личностных качеств. Проводя анкетный опрос, мы исходили из того, что профессионализация как процесс усвоения групповых представлений, характерных для про-

фессионального сообщества начинается еще на стадии внешнего знакомства с профессией и ее представителями, и, далее, реализуется через разветвленную систему социальных практик и фокусируется в оценках тех людей, в интересах которых создается и функционирует соответствующий социальный институт.

Ключевые слова: социальный институт, полиция как социальный институт, органы внутренних дел, профессиональное сознание, отношение к полиции, социологическое исследование, анкетный опрос.

Филькина О.Ю.

Влияния блогинга на формирование мнения молодежи в отношении инвазивных эстетико-коррекционных процедур

В статье представлен анализ блогинга как одной из форм СМИ, которая получила распространение в современном медиа пространстве и является наиболее популярной среди молодежи. Неудовлетворенность собственной внешностью и стремление соответствовать «стандартам красоты» приводят к тому, что молодежь, опираясь на контент, предоставляемый блогерами, активно стремятся к изменению собственной внешности, прибегая к инвазивным и неинвазивным косметическим процедурам. Социологическое исследование, направленное на изучение отношения молодежи к блогерам и их мнению, а так же изучения типов контента, обеспечивающего рост популярности эстетико-коррекционных процедур среди русскоязычной молодежи, проведенное с использованием методов опроса и контент-анализа, позволило определить типы видео-контента, связанного со сферой эстетической хирургии и инвазивных методов коррекции тела, представляемого блогерами. Полученные результаты могут быть положены в основу формирования критического отношения современной российской молодежи к эстетико-коррекционным процедурам и их последствиям.

Ключевые слова: блогинг, блогер, молодежь, стандарты красоты, эстетико-коррекционные процедуры, социальные установки.

Чэнь Тэнда

Рефлексия моделей пространственного управления: историческая эволюция, практические дилеммы и институциональные инновации

Управление пространственными ресурсами в человеческом обществе характеризуется непрерывной эволюцией — от регулирования природного пространства и контроля рыночного пространства до появления общего интеллектуального пространства, отражающего постепенную трансформацию способов социального производства, властных структур и концепций управления. В эпоху интеллектуализации управление пространственными ресурсами сталкивается с четырьмя основными практическими дилеммами: структурным дисбалансом между участниками, недостаточной интеграцией объектов, слабой технологической поддержкой и кризисом легитимности, которые ограничивают эффективность управления, справедливость и устойчивое развитие. Для решения этих проблем необходимо создать систематические механизмы управления: на уровне участников — содействие многостороннему сотрудничеству и расширению прав и возможностей; на уровне объектов — достижение интеграции виртуального и реального пространств и целостной пространственной координации; на технологическом уровне — усиление сбалансированной поддержки и цифровой интеграции; на уровне легитимности — обеспечение приоритета технологий и этики. Благодаря синергетическому инновациям в институтах, технологиях и этике крайне важно повысить уровень управления пространственными ресурсами, реализовать совместное использование ресурсов и Интернет вещей, тем самым обеспечивая практическое руководство для государственного управления в интеллектуальном обществе.

Ключевые слова: пространственное управление, интеллектуальное общество, совместное управление, технологическое расширение возможностей.

Жукова Т.И.**Влияние цифровых платформ коммуникации на трансформацию социальных связей в современном обществе**

В настоящем исследовании анализируются трансформационные процессы в структуре социальных связей под влиянием цифровых платформ коммуникации. Актуальность работы обусловлена необходимостью переосмысления классических концепций социального капитала в контексте цифровизации общественных отношений. Рассматриваются ключевые характеристики цифровых платформ как среды социального взаимодействия, анализируются изменения в структуре и качестве социальных связей в онлайн-среде. Отмечаются двойственные последствия цифровизации: расширение возможностей коммуникации и объединения по интересам сочетается с рисками социальной изоляции, формирования эхо-камер и ухудшения межличностных отношений. Сделанные выводы способствуют более глубокому пониманию современных изменений в социальной структуре и могут служить основой для разработки стратегий развития цифрового общества.

Ключевые слова: онлайн социальный капитал, коммуникативные практики, цифровые платформы, алгоритмическое воздействие, социальные сети.

Иткулова Л.А.**Шаяхметова Р.Р.****Этническое мировоззрение в контексте исторической памяти и коллективной идентичности**

В статье рассматривается философское осмысление этнического мировоззрения как культурно-смыслового феномена, формирующего коллективную идентичность. Анализируется роль языка, мифологических структур и культурных нарративов в воспроизводстве этнической идентичности. Показано, что историческая память выступает не только хранителем прошлого, но и селективным механизмом, задающим нормативные ориентиры в настоящем. Отмечаются вызовы этническому мировоззрению в условиях глобализационных процессов и указывается на необходимость поиска баланса между сохранением этнокультурной уникальности и участием в международном диалоге.

Ключевые слова: этнос, этническое мировоззрение, историческая память, коллективная идентичность, культурная память, глобализация, этничность.

Дадашев А.А.**Пак Л.Е.****Социально-утопические идеи в произведениях азербайджанских поэтов-мыслителей Низами и Насими**

В статье рассматривается проблема развития социально-утопической мысли в средневековом Азербайджане в контексте произведений поэтов-мыслителей Низами Гянджеви и Имамеддин Насими. Творчество Низами и Насими, объединенное сквозной идеей справедливости, представляет собой моральный императив, не потерявший свою актуальность через века.

Ключевые слова: идея справедливости, социальная утопия, различные определения утопии, проблема утопии в средневековой поэзии Востока.

Муталимов А.Э.**Социально-философский смысл возникновения языка как знаковая система**

О влиянии языка на развитие общественных отношений свидетельствует, прежде всего, тот факт, что язык – один из консолидирующих факторов образования наций и укрепления связи между ними. Язык является с одной стороны предпосылкой и условием возникновения наций, а также условием развития общественных отношений, но с другой – результа-

том этого процесса. Об этом свидетельствует и роль языка в духовной, культурной, воспитательной и образовательной деятельности общества, поскольку язык является орудием и средством передачи из поколения к поколению знаний, навыков, культурно-исторических и иных традиций, инструментом социализации общества.

Ключевые слова: естественный язык, искусственный язык, объективные знания, знаковая система, категориальный аппарат, язык и сознание, знаки-символы, семантика, душевное согласие, язык и мышление.

Цзинвэй Ли

Ли Тяньюй

Построение системы оценки просоциального поведения студентов колледжа с точки зрения детерминизма взаимодействия

Взаимодействующий детерминизм, основополагающая теоретическая концепция в психологии, предложенная Абрамом Бандурой, подчеркивает динамическое взаимодействие между индивидами, их поведением и окружающей их средой. Чтобы устранить некоторые ограничения существующих систем оценки этих взаимодействий, в данном исследовании рассматривается комплексная система оценки просоциального поведения студентов колледжа. Эта система оценки требует тщательного анализа существующих моделей и использует методы выбора многомерных показателей для целостной оценки индивидуальных характеристик, моделей поведения и влияния окружающей среды.

Ключевые компоненты включают когнитивные/эмоциональные факторы, частоту и их влияние на поведение, а также семейное, школьное и социальное окружение, при этом вес каждого показателя определяется научно. Эта система обеспечивает действенное руководство по идеологическому воспитанию, развитию культуры кампуса и личностному росту, что в конечном итоге способствует целостному развитию студентов и общественному прогрессу.

Ключевые слова: взаимный детерминизм, студенты колледжа, просоциальное поведение, система оценки.

Рябчун Н.П.

Творчество Даши Намдакова и тема номадологии в философии постмодернизма

В статье анализируется связь творчества известного бурятского художника Даши Намдакова с темой номадизма в постмодернистской философии. С точки зрения основополагающих концептов номадологии - кочевник, ризома, движение, мобильность, воин, интеллект, противостояние - рассматриваются наиболее значимые работы: скульптуры «Стихия», «Цель», «Чингисхан», «Энергия». Делается вывод о синтезе традиционного бурятского эпоса и - шире - классического искусства Востока с авангардными течениями в западной культуре, который осуществил Даши Намдаков.

Ключевые слова: номадология, постмодернизм, творчество Даши Намдакова, ризома, кочевник, цифровая экономика, постиндустриальное общество, мобильность, движение.

Никулин В.А.

Философские основания синтеза исторической памяти и национальной идеи: основные характеристики

В статье анализируется специфика взаимодействия исторической памяти и национальной идеи в социо-культурном и социально-политическом пространстве российского общества. Ставится акцент на том, что историческая память является одним из основных системообразующих и смыслообразующих элементов национальной идеи, который транслирует систему ценностей и символов в целях формирования национальной идентичности. Важным аспектом данного вопроса является то, что прежде, чем идея формируется, она извлекается из прошлого, переосмысливается и трансформируется в сильные образы и нарративы. Та-

ким образом, национальная идея интерпретирует и структурирует прошлое, «использует» его для реализации основных функций: консолидации, мобилизации и легитимации. Делается вывод о том, что историческая память является одним из основных факторов формирования национальной идеи, что подтверждают периоды российской истории. Поэтому «живая» историческая память представляет собой потенциальную национальную идею, которая может быть актуализирована в социокультурном и социополитическом пространстве.

Ключевые слова: историческая память, консолидация, мобилизация, национальная идея, синтез.

Красников С.П.

Проблема исторической памяти в эпоху цифровизации: трансформация коллективного понимания прошлого

Статья посвящена исследованию трансформации исторической памяти в условиях цифровизации современного общества. Актуальность работы обусловлена возрастающими угрозами целостности национальной идентичности, связанными с изменением способов восприятия и передачи исторического знания в цифровой среде, а также усилением информационных атак, направленных на фальсификацию ключевых событий отечественной истории. Целью исследования является анализ семиотических и риторических механизмов функционирования исторической памяти в цифровую эпоху, выявление факторов, угрожающих её сохранению, и разработка стратегий противодействия деструктивным тенденциям. В статье рассматриваются изменения знаковых систем трансляции исторического опыта, разрушение традиционных социальных рамок памяти, углубление межпоколенческого разрыва и проблема информационного суверенитета в цифровом пространстве. Обосновывается необходимость системного подхода к сохранению исторической памяти, объединяющего усилия государственных институтов, образовательной системы, общественных организаций и семьи.

Ключевые слова: историческая память, цифровизация, национальная идентичность, межпоколенческая коммуникация, фальсификация истории, цифровые поколения.

Фидарова К.К.

Калабекова С.В.

Габуева М.И.

Нейроэтика: на стыке нейронаук, медицины, философии и права в эпоху раскрытия тайн мозга

Данная статья посвящена комплексному анализу нейроэтики – новой междисциплинарной области, возникшей на волне революционных открытий в нейронауках. Рассматриваются исторические предпосылки ее формирования, ключевые проблемы, связанные с использованием нейротехнологий, а также этические, медицинские, правовые и социальные последствия вмешательства в работу человеческого мозга. Особое внимание уделяется вопросам свободы воли, конфиденциальности мыслей, усиления когнитивных функций и изменения личности. Статья призвана систематизировать основные вызовы, стоящие перед обществом, и наметить возможные пути формирования нормативно-правовой базы для безопасного и этического развития нейронаук.

Актуальность нейроэтики заключается в том, что она находится на острие столкновения технологической революции с человеческой природой. Это не просто академическая дисциплина, а насущная необходимость, попытка построить мост между безудержным технологическим прогрессом и сохранением фундаментальных человеческих ценностей – свободы, приватности, достоинства и справедливости. Мы стоим на пороге перемен, сравнимых по масштабу с открытием атомной энергии, и нейроэтика помогает нам избежать ошибок прошлого, подходя к управлению силой нашего собственного разума с максималь-

ной ответственностью.

Новизна предложенной темы нейроэтики заключается в том, что она впервые в истории сталкивается с возможностью прямого технического вмешательства в субстрат человеческого сознания – чтения мыслей, изменения личности и контроля над поведением, что ставит под вопрос традиционные философско-правовые категории свободы воли и приватности. Она предлагает принципиально новый междисциплинарный подход, объединяющий нейробиологию, право и философию для решения проблем, которых раньше просто не существовало, таких как этика нейроусиления, защита «ментальной неприкосновенности» и правовой статус данных мозга. В отличие от классической биоэтики, нейроэтика фокусируется на управлении не жизнью тела, а самим содержанием и механизмами человеческой психики, делая область внутреннего, субъективного опыта объектом внешнего регулирования и технологического манипулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация здравоохранения, биоэтика, медицинская этика, нейроэтика, конфиденциальность данных, нейромаркетинг, нейротехнологии.

Жданов Д.В.

Всеединство в онтогносеологии С.Л. Франка

В статье предлагается обзор онтогносеологии С.Л. Франка как существенной вехи развития русской религиозной метафизики. Особое внимание уделяется заслугам С.Л. Франка в контексте развития методологии русской религиозной метафизики и показывается развитие концепта непостижимого С.Л. Франка в контексте европейской метафизики XX в. Рассматривается процесс познания абсолюта сквозь призму актуального бытия личности в бытии и границы непостижимого предложенные С.Л. Франком.

Ключевые слова: С.Л. Франк, онтогносеология, метафизика всеединства, Абсолют, непостижимое, невыразимое.

Иванова М.Ю.

Концептуальные рамки эволюции правовой системы общества

В данной работе рассматриваются ключевые концептуальные рамки, необходимые для понимания эволюции правовой системы общества. Анализируются различные подходы к определению права, его роли в социальной регуляции и взаимосвязи с другими общественными институтами. Особое внимание уделяется динамике правовых норм, процессов правотворчества и правоприменения в историческом контексте.

Исследование охватывает широкий спектр теоретических перспектив, включая натуралистический, позитивистский и социологический подходы к праву. Подчеркивается важность учета как формальных, так и неформальных аспектов правовой системы, таких как правовая культура, правосознание и обычаи. Анализируются факторы, влияющие на изменения в правовой системе, включая экономические, политические, технологические и культурные трансформации.

В заключение, подчеркивается важность междисциплинарного подхода к изучению эволюции правовой системы, объединяющего знания из юриспруденции, социологии, истории, политологии и других наук. Предлагаются направления для дальнейших исследований, направленные на углубленное понимание динамики правовых систем в различных социокультурных контекстах. Работа представляет интерес для юристов, социологов, политологов, историков и всех, кто интересуется вопросами права и его развития.

Ключевые слова: эволюция, правовая система, правовое развитие, правовая культура, правовое государство, общество, правопорядок.

Abstracts

Khitarova I.Yu.

Firsov A.G.

On the issue of systematization of images of Orthodox saints in the iconostases of St. Sampson Cathedral in St. Petersburg

The article is devoted to the analysis and systematization of Orthodox icons in the altars of the Sampson Cathedral in St. Petersburg.

Key words: St. Sampsonievsky Cathedral in Saint Petersburg, Orthodox iconostasis, Iconostasis of St. Sampsonievsky Cathedral, images of Orthodox saints in St. Sampsonievsky Cathedral, Orthodox icons.

Zverkov N.V.

Mochalov E.V.

Religion in the legitimation of extremism

The article examines the role of religious factors in modern terrorism. The authors emphasize the controversial nature of the term «religious extremism» and its differences from traditional religious values, and analyze the characteristics of various extremist movements, their ideological foundations, and the distortion of religious dogmas such as mercy, grace, and prohibitions against murder. Special attention is given to the transformation of religious concepts, such as jihad and martyrdom, into radical actions, including violence and terrorism. The article reveals the mechanisms of forming an extremist worldview, its messianic and apocalyptic components, as well as the role of religion in justifying terrorist acts.

Key words: extremism, religion, religious extremism, terrorism, legitimization of extremism.

Khitarova I.Yu.

Firsov A.G.

The image of St. Sampson the Hospitable and the veneration of victory in the Battle of Poltava (on the issue of studying the icons of St. Sampson's Cathedral in St. Petersburg)

This article examines the icon of St. Sampson the Hospitable in St. Sampson Cathedral in St. Petersburg. This saint's feast day also commemorates the victory in the Battle of Poltava, one of the greatest battles in 18th-century Russian history.

Key words: St. Sampsonievsky Cathedral in Saint Petersburg, image of Sampson the Hospitable, Battle of Poltava.

Ardashev R.G.

Cultural aggression in social space

This article analyzes the processes of cultural aggression that are most evident in mass culture. It demonstrates the specific manifestations of aggression as a means of proving heroism. Using the results of a mass survey as an example, the prevalence of cultural aggression in contemporary Russian society is assessed and new markers of the cultural code of aggression are developed.

Key words: cultural aggression, society, contemporary society, social reproduction, aggression as a norm.

Orlova E.M.

Visual arts in Italian carnivals and their interrelationship

The aim of the study is to systematise the key visual forms of artistic expression that shape the unique environment of the carnival. Particular attention is paid to the interaction of these elements in the context of the principle of 'figure and background' as a model of visual perception, which

is considered as a metaphor for the perception of the visual field. The author analyses how traditional and contemporary visual art forms influence the perception of carnival performances and contribute to cultural representation; ways of integrating traditional craft practices with contemporary materials and artistic solutions are considered. The study is based on an interdisciplinary approach that includes an analysis of historical, artistic, and anthropological aspects. The main sources of data are artistic images, historical chronicles, scientific research, and the author's own observations.

Key words: Italy, carnivals, spatial and plastic arts, national identity.

Izbachkov I.S.

Archival and investigative files of A.V. Barchenko and G.I. Boki as a source of information about the “United Labor Brotherhood”

The criminal cases of the leaders of the secret soviet occultist society The United Labor Brotherhood contain information about the structure and culture of this society. However, this information is distorted. Analysis of the notes made by investigators helps separate reliable information from falsifications. Notes made by KGB investigators during the rehabilitation process have been uncovered. Other notes reveal the NKVD's goal – simulating the vasonic conspiracy within the OGPU. This allows this information to be disregarded when analyzing the culture of the secret society. The remaining information suggests that the secret society was a means of escaping into another world, a play to occultism.

Key words: Alexander Barchenko, Gleb Boki, United Labor Brotherhood, document research, secret society, Soviet occultists, theosophists, Rosicrucians, falsification of evidence.

Lanbina S.K.

The development of Fine Line tattoo style as a cultural phenomenon of a new generation

This article explores the Fine Line style in tattoo art as a significant cultural phenomenon reflecting the ideological attitudes and aesthetic preferences of a new generation. The aim of the study is to analyze the development of this style not only as a technical innovation, but also as a complex sociocultural phenomenon that marks the transformation of attitudes toward bodily practices in modern society. The empirical base consists of the author's tattoo sketches, representing the main thematic and technical characteristics of the style. The study utilizes an interdisciplinary methodology combining visual semiotic analysis to identify the denotative and connotative meanings of the images, a formal-stylistic approach to describing technical features and aesthetic parameters, a cultural interpretation to understand visual motifs in the context of contemporary culture, and a contextual analysis of the role of digital platforms in shaping aesthetic canons. The study's results demonstrate that Fine Line represents a symbolic system encoding the values of individualization, conscious self-construction, and distancing from aggressive subcultural symbolism. Its minimalist style, graphic delicacy, and intimate scale correspond to the logic of the mediated everyday life of Generation Z, where visual expression becomes a tool for personal narrative. The choice of characteristic motifs—solar, natural, and astrological—reflects a desire for authenticity, environmental awareness, and spiritual quest. The style's cultural significance lies in its redefinition of the tattoo's function: from a marker of marginality to a legitimate form of artistic expression and articulation of individual identity. The study confirms the key role of digital platforms in the dissemination of Fine Line's aesthetics and its integration into contemporary art. The results obtained can be used in further studies of visual culture, the sociology of youth, art history, and cultural anthropology to understand the mechanisms of cultural production and the circulation of visual codes in contemporary society.

Key words: Fine Line, tattoo art, visual culture, Generation Z, body practices, minimalism, identity, digital age, cultural phenomenon, self-expression.

Li Xiaoxia

Zhang Hongwei

The phenomenon of cultural hybridization in the Russian-Chinese musical space: mechanisms, forms, and meanings

The article explores the phenomenon of cultural hybridization in the Russian-Chinese musical space, which is seen as a dynamic process of interaction and mutual influence between two rich musical traditions. It analyzes the historical context of the Russian-Chinese musical exchange, examines the key actors shaping the new musical landscape, and explores various forms of hybrid musical works. The article focuses on the role of musicians, producers, and listeners in creating and experiencing music that combines elements of Russian and Chinese culture. The article shows that hybrid musical forms reflect sociocultural changes and the search for national identity in the context of globalization. The study relies on an interdisciplinary approach that combines elements of cultural studies, musicology, sociology, and history. The results of this work contribute to understanding the processes of cultural exchange and can be used in further studies of intercultural interactions in the field of music.

Key words: cultural hybridization, Russian-Chinese musical space, intercultural dialogue, musical culture, musical exchange, hybrid musical forms, globalization, identity, musical creativity, actors of the music industry.

Mikebanong Aikelamu

An examination of the film “The Joys of the Bazaar” from the perspective of the Chinese nation’s community

Bazaar Joy, a Xinjiang-themed film produced by Tianshan Film Studio set in the Kashgar region, narrates the story of a centuries-old ethnic musical instrument. Beyond winning the “Golden Mountain Tea Award” for Best Music at the Shanghai Cooperation Organization Film Festival, its core value lies in constructing a narrative framework that fosters the consciousness of the ‘Chinese National Community’ through imagery. This paper employs a “cultural identity – emotional cohesion” analytical framework, examining three dimensions: the public space narrative of the bazaar, the expression of ethnic musical instruments and music as symbols, and the portrayal of everyday characters. It analyzes how the film integrates Xinjiang’s regional cultural characteristics with the shared values of the Chinese nation through displays of folk customs, detailed depictions, and narratives of conflict resolution. The study reveals the film’s narrative strategies and communicative value in promoting cultural identity and emotional consensus among ethnic groups, offering a creative reference for Xinjiang-themed films in the new era that seek to embody the concept of the ‘Chinese National Community’.

Key words: Joys of the Bazaar, commonality of the Chinese nation, the narrative of ethnic unity, cultural identity, emotional consolidation.

Khromov S.S.

Plastic ways of revealing an urban artistic image

The article is devoted to the analysis of plastic methods of representing the urban artistic image of the city at various stages of its historical development, from antiquity to the present day. The study examines the key elements of the artistic language of urban space, such as form, composition, color, rhythm, contrast and scale, as well as their functions in shaping a holistic perception of the urban environment. Special attention is paid to the evolution of aesthetic approaches to the visualization of the city in various forms of art, including painting, architecture, sculpture and media installations. Examples illustrating the development of various artistic trends and styles are given. The article shows that the urban artistic image is a complex synthesis of spatial, formal and aesthetic components reflecting the cultural and technological characteristics of the relevant historical periods.

Key words: urban image, plastic, composition, form, color, rhythm, contrast, scale, architecture, painting, sculpture, media art, aesthetics of the city.

Bakharev V.V.

Avilova Zh.N.

Khoroshun N.A.

Development of adaptive hr strategy of small and medium-sized businesses in an uncertain environment

In the uncertain environment, the degree of adaptation of personnel policy has come to the fore as the most significant ability to respond quickly to emerging external changes. The multidirectional and often destructive processes taking place in the economy of our country determine the need to develop an effective HR strategy for small and medium-sized businesses in conditions of uncertainty. The purpose of the scientific article is to rethink the specifics of personnel management, taking into account the influence of a number of factors of the socio-economic environment, which contributes to the development of small and medium-sized enterprises with the maximum possible efficiency.

Key words: HR strategy, small business, entrepreneurship, personnel management, adaptation, uncertainty.

Kantemirova M.A.

Koblova A.S.

Kabaloeva S.V.

The older generation in the Caucasus: the current situation in terms of health and state support

This article examines the current situation of the older generation in the North Caucasus regions, focusing on healthcare aspects. Key demographic trends are analyzed, in particular, high life expectancy (LE), which, however, does not always correlate with a high quality of life in old age. Key challenges are examined, including the rise of chronic noncommunicable diseases, problems accessing healthcare, and the digital divide. Particular attention is paid to government support measures within the framework of the national “Demography” project and the federal “Older Generation” project. Based on an analysis of statistical data and the results of our own sociological survey, the prevalence of key diseases (arterial hypertension, stroke, family history of cancer) is determined and priority areas for improving the health of older residents of the Caucasus are identified.

Key words: elderly health, older generation, North Caucasus, life expectancy, chronic diseases, hypertension, national “Demography” project, quality of life, aging.

Zhukova T.I.

Digitalization as a factor of the social capital transformation: algorithmic mechanisms for the social connections formation

This article continues a series of studies devoted to the theory of online social capital in the digital age. It analyzes digital communication platforms as agents of social capital formation. It explores the potential of digital technologies to optimize communication practices and expand opportunities for social interaction in the information space. It also examines new challenges associated with the personalization of content and social impact based on behavioral data and digital traces, which increases the risks of social fragmentation, polarization, and digital inequality. Platform design principles that ensure algorithmic transparency, protect user privacy, and create conditions for inclusive participation for all social groups are discussed.

Key words: online social capital, communication practices, algorithmic impact, social networks.

Zemtsova O.A.**Youth as a social risk group in the context of modern transformation processes**

The article presents a comprehensive analysis of youth as a social risk group in the context of modern transformation processes. The youth environment as a part of the social stratum has always been exposed to multiple risks and vulnerabilities that lead to global and local changes. The application of an interdisciplinary approach in the article allows us to identify key risk factors, among which special attention is paid to institutional instability, manifested in the crisis of traditional institutions of socialization; economic precarization, which is expressed in the growth of non-standard forms of employment and delayed maturation; digital transformation, which generates new identity challenges; as well as socio-cultural disintegration, leading to a value crisis.

The methodological basis of the research combines quantitative and qualitative analysis, as well as a theoretical interpretation of modern social processes. Empirical evidence indicates an increase in alarming trends among young people, which shows signs of value disorientation and identity crisis. In particular, there is a decrease in the level of trust in the main social institutions, and an increase in symptoms of depression and emotional burnout over the past decades. The materials of the article are of considerable value to a wide range of specialists - sociologists, psychologists, educators, social workers and developers of youth policy. The results obtained can be used in the formation of state youth support programs and corporate youth policy in organizations, the development of preventive measures in educational institutions, and the creation of corporate social projects.

Key words: youth, social risks, identity crisis, professional socialization, digital transformation, youth policy, socialization crisis, precarization of employment, value disintegration, prevention of social risks, three-level support system, social immunity.

Filkina O.Y.**Tenyaeva O.V.****The importance of a modern museum in shaping the values of modern youth**

The article presents the results of an empirical study of the possibilities of a modern museum as a sociocultural space and a tool for influencing the development of a value system among young people based on familiarity with and study of the historical and cultural heritage of their territory. In today's realities, the search for new resources for such activities ensures the development of the socio-economic potential of young people as the foundation of the state's human capital. Museum staff see young people as their target audience and strive to make the museum attractive to them by using modern technologies and interactive techniques in their work. Young people, in turn, show a positive attitude towards visiting the museum, as they find it interesting, informative, and modern.

Key words: youth, socio-cultural space, museum, exhibition activities, digital generation.

Maltseva I.V.**Ternovaya L.O.****Yoga as a philosophy of harmony and a bridge of civilizations**

This article explores the philosophical and cultural significance of yoga as a universal system of self-knowledge and harmony in the context of modern civilizational processes. It examines the role of yoga as an integral element in the unification of the ancient civilizations of the BRICS countries, revealing the profound connections between the macrocosm and microcosm. It analyzes the paradigms of East and West, their philosophical differences and complementarities, as well as the integration of yoga into the diverse cultural and social contexts of the BRICS countries (Russia, China, India, Brazil, and South Africa). The significance of International Yoga Day as a symbol of soft power and a tool of cultural diplomacy is highlighted. The uniqueness of yoga as a philosophy of inner liberation, self-knowledge, and ethical behavior is emphasized against the backdrop of

other civilizational models.

Key words: yoga, yoga philosophy, BRICS, civilization, spiritual development, integral anthropological matrix, International Yoga Day, cultural diplomacy, Eastern philosophy, Western philosophy, Ubuntu, Confucianism, Taoism, Indian culture, self-knowledge, harmony, intercultural dialogue.

Korolev V.B.

Koroleva E.V.

Gagalova Yu.A.

Yablonskaya S.Yu.

State Social policy in addressing homelessness in Russia: challenges, prospects, and recommendations

The relevance of this study lies in the fact that protecting homeless persons remains a key area of public authority work today. Homelessness in Russia is one of the most pressing social challenges, affecting not only specific population groups but also society as a whole. The authors' goal is to conduct a comprehensive analysis of existing legislative initiatives aimed at addressing homelessness, as well as their impact on society, and to present proposals for improving their effectiveness. The scientific novelty of this study lies in its comprehensive analysis of homelessness in Russia, including its current status, legislative initiatives, the role of the Public Chamber, criticism from NGOs, international experience, the effectiveness of social policy, and recommendations for improving public policy. Ultimately, the study aims to identify prospects for resolving homelessness and formulate a more effective public strategy to improve the quality of life of vulnerable groups. Practical Significance of the Study. As part of a comprehensive approach to addressing homelessness, the authors believe the creation and systematic funding of a network of specialized temporary accommodation centers for individuals experiencing homelessness should be a priority and strategically important measure. To effectively address homelessness, the authors propose organizing comprehensive monitoring in three key areas. The first is a quantitative count of individuals experiencing homelessness, which should include annual registry studies, sample sociological surveys, and an analysis of social service data. The second is a qualitative analysis of the problem, which involves studying the causes of homelessness, assessing the effectiveness of existing support measures, and identifying the most vulnerable social groups. The third area is territorial differentiation, which requires a comparative analysis of the situation in various regions, taking into account the specifics of the urban environment.

Key words: homelessness, social work, social policy, vulnerable groups, political science, legislative initiatives.

Razgulyaeva T.A.

The management model as a development factor for digital leadership in the public administration system

The article examines the problem of forming and developing digital leadership in the public authorities of the Russian Federation within the framework of the digital transformation of the state and municipal governance system. Based on a sociological analysis and the author's expert work experience in human resources structures of government bodies, it is determined that one of the barriers to transformation is the outdated hierarchical management model («Weberian» bureaucracy), which significantly affects the speed and efficiency of technology adoption in the public sector. The contradiction between the project-network model of society in the context of digitalization and the linear-functional structure of the public administration system is revealed, and the role of digital leaders within this system is defined.

Key words: digital leadership, public administration, CDTO, digital transformation, HR policy, bureaucracy, competency model, sociology of management, civil service.

Taganov M.V.

Social responsibility of organizations in the era of sustainable development

The article examines the transformation of the concept of social responsibility in the face of modern challenges. The factors influencing the increasing attention to the social responsibility of business are analyzed, and various aspects of its implementation in the activities of organizations are considered.

Key words: social responsibility, sustainable development, stakeholders, corporate governance, social investments.

Urzhumova O.M.

Tikhomirova P.R.

Atlasova V.A.

Organizational culture as a factor of successful implementation of electronic document management systems in the public sector

This article analyzes the impact of organizational culture on digital transformation processes within the public sector, using the implementation of the Krasnodar Krai state information system «Unified Interdepartmental Electronic Document Management System of the Executive Authorities of the Krasnodar Krai» as a case study.

The relevance of the study is determined by the need to resolve the contradiction between state digitalization programs and the real organizational-technological problems hindering the effective implementation of Electronic Document Management Systems (EDMS) in public institutions. The core issue is systemic resistance to change, leading to the persistence of hybrid document management, low employee engagement, and consequently, an incomplete realization of document management digitalization potential.

The research aims to identify cultural barriers impeding the successful implementation of an EDMS, followed by the development of a set of management solutions to overcome them. Achieving this goal is ensured through the sequential resolution of several tasks: examining specific cultural barriers using the example of the Krasnodar Krai State Budgetary Institution “Center for Sports Development”; developing an algorithm for transforming organizational culture in the context of EDMS implementation; and formulating a set of practical recommendations for public institutions.

The methodological basis of the research comprises organizational culture diagnostic concepts (by T. Deal, C. Handy, G. Hofstede in the Western tradition; and by M.I. Bodrova, V.A. Kolosov, O.G. Tikhomirova in the Russian tradition), applied to analyze EDMS implementation challenges. Works on records management and electronic document theory (by Y.N. Stolyarov, I.L. Bachilo, M.V. Larin, Y.I. Sigidov, A.I. Trubilin) were also examined.

The study identified three main problems: excessive centralization of decision-making, outdated bureaucratic procedures, and staff resistance to new technologies. Document analysis, observation, and the development of recommendations enabled the identification of specific measures to improve the situation.

As a solution, an algorithm for managing organizational culture change is proposed, encompassing diagnosis, planning, technical preparation, implementation, control, and optimization. The developed set of recommendations is aimed at transforming organizational culture from a hindering factor into a driving force for the effective implementation of EDMS.

Key words: organizational culture, electronic document management, digital transformation, public sector, implementation of electronic document management systems, resistance to change, change management, hybrid document management.

Tyun A.P.

The attitude towards the police in Russian society as a condition for the formation of professional consciousness of law enforcement officers (based on the survey materials)

The article offers for consideration the results of an empirical study of the influence of attitudes in society towards such a social institution as the police on the formation of professional consciousness of law enforcement officers, the structure of professional consciousness, the impact on social practice, the functions of professional consciousness, the influence of socio-ideological attitudes on the effectiveness of official activities, consideration of values, motives and ways of forming attitudes towards the police. In modern society, almost at the level of any profession, there are mechanisms of reproduction that determine not only the transfer of knowledge and skills necessary for professional activity, but also the formation of a special professional identity, as well as the transfer of specific worldviews and personal qualities. When conducting the questionnaire, we assumed that professionalization as a process of assimilation of group concepts characteristic of the professional community begins at the stage of external acquaintance with the profession and its representatives, and is further implemented through an extensive system of social practices and focuses on the assessments of those people in whose interests the relevant social institution is created and operates.

Key words: social institution, police as a social institution, internal affairs bodies, professional consciousness, attitude to the police, sociological research, questionnaire survey.

Filkina O.Y.

The impact of blogging on the formation of youth opinions about invasive aesthetic correction procedures

The article presents an analysis of blogging as one of the forms of mass media, which has become widespread in the modern media space and is the most popular among young people. Dissatisfaction with one's own appearance and the desire to meet "beauty standards" lead young people to actively seek to change their appearance by relying on the content provided by bloggers and resorting to invasive and non-invasive cosmetic procedures. A sociological study aimed at studying the attitude of young people towards bloggers and their opinions, as well as studying the types of content that contribute to the growing popularity of aesthetic and correctional procedures among Russian-speaking young people, conducted using survey methods and content analysis, allowed us to identify the types of video content related to aesthetic surgery and invasive body correction methods presented by bloggers. The results obtained can serve as a basis for developing a critical attitude among modern Russian youth towards aesthetic correction procedures and their consequences.

Key words: blogging, blogger, youth, beauty standards, aesthetic and correctional procedures, social attitudes.

Chen Tengda

Reflection on models of spatial governance: historical evolution, practical dilemmas, and institutional innovation

Spatial governance in human society is characterized by continuous evolution—from the regulation of natural space and the control of market space to the emergence of shared intelligent space, reflecting the gradual transformation of modes of social production, power structures, and governance concepts. In the era of intellectualization, spatial governance faces four major practical dilemmas: structural imbalance among actors, insufficient integration of objects, weak technological support, and a crisis of legitimacy, which constrain governance efficiency, equity, and sustainable development. To address these challenges, systematic governance mechanisms should be established: at the actor level, promoting multi-stakeholder collaboration and participatory empowerment; at the object level, achieving the integration of virtual and real spaces and holistic spatial coordination; at the technological level, enhancing balanced support and digital inclusion; at the

legitimacy level, ensuring technology for good and ethics first. Through the synergistic innovation of institutions, technology, and ethics, it is essential to elevate the level of spatial governance, realize resource sharing and the Internet of Things, thereby providing practical guidance for public governance in an intelligent society.

Key words: spatial governance, intelligent society, collaborative governance, technological empowerment.

Zhukova T.I.

The Impact of digital communication platforms on the transformation of social relations in modern society

This study analyzes the transformational processes in the structure of social connections under the influence of digital communication platforms. The relevance of this work stems from the need to rethink classical concepts of social capital in the context of the digitalization of social relations. Key characteristics of digital platforms as a medium for social interaction are examined, and changes in the structure and quality of social connections in the online environment are analyzed. The dual consequences of digitalization are noted: the expansion of opportunities for communication and community are combined with the risks of social isolation, the formation of echo chambers, and the deterioration of interpersonal relationships. The findings contribute to a deeper understanding of contemporary changes in social structure and can serve as a basis for developing strategies for the development of a digital society.

Key words: online social capital, communication practices, digital platforms, algorithmic influence, social networks.

Itkulova L.A.

Shayakmetova R.R.

Ethnic worldview in the context of historical memory and collective identity

The article examines the philosophical understanding of the ethnic worldview as a cultural and semantic phenomenon that forms a collective identity. The article analyzes the role of language, mythological structures and cultural narratives in the reproduction of ethnic identity. It is shown that historical memory acts not only as a guardian of the past, but also as a selective mechanism that sets normative guidelines in the present. Challenges to the ethnic worldview in the context of globalization processes are noted and the need to find a balance between preserving ethnic and cultural uniqueness and participating in international dialogue is pointed out.

Key words: ethnicity, ethnic worldview, historical memory, collective identity, cultural memory, globalization, ethnicity.

Dadashev A.A.

Pak L.E.

Social-utopian ideas in the works of Azerbaijani poets and thinkers Nizami and Nasimi

This article examines the development of social-utopian thought in medieval Azerbaijan in the context of the works of poets and thinkers Nizami Ganjavi and Imamaddin Nasimi. The works of Nizami and Nasimi, united by the overarching idea of justice, represent a moral imperative that has remained relevant throughout the centuries.

Key words: idea of justice, social utopia, various definitions of utopia, the problem of utopia in medieval Eastern poetry.

Mutalimov A.E.

The socio-philosophical meaning of the emergence of language as a sign system

The influence of language on the development of social relations is evidenced, first and foremost, by the fact that language is one of the consolidating factors in the formation of nations and

the strengthening of ties between them. Language is, on the one hand, a prerequisite and condition for the emergence of nations, as well as a condition for the development of social relations, but on the other hand, it is a result of this process. This is also evidenced by the role of language in the spiritual, cultural, educational, and upbringing activities of society, as language is a tool and means of transmitting knowledge, skills, cultural-historical, and other traditions from generation to generation, and an instrument of societal socialization.

Key words: natural language, artificial language, objective knowledge, sign system, conceptual apparatus, language and consciousness, signs-symbols, semantics, spiritual accord, language and thought.

Jingwei Li

Li Tianyu

Construction of a prosocial behavior evaluation system for college students from the perspective of inter interaction determinism

Interacting Determinism, a seminal theoretical framework in psychology proposed by Abraham Bandura, emphasizes the dynamic interplay among individuals, behaviors, and their environments. To address the limitations of existing evaluation systems in assessing these interactions, this study develops a comprehensive assessment framework for college students' prosocial behaviors. The framework requires thorough analysis of existing models and employs multidimensional indicator selection methods to holistically evaluate individual characteristics, behavioral patterns, and environmental influences. Key components include cognitive/emotional factors, behavioral frequency and impact, as well as family, school, and social environments, with each indicator's weight scientifically determined. This system provides actionable guidance for ideological education, campus culture development, and personal growth, ultimately fostering holistic student development and societal progress.

Key words: reciprocal determinism, college students, prosocial behavior, evaluation system.

Ryabchun N.P.

The work of Dashi Namdakov and the theme of nomadology in the philosophy of post-modernism

This article analyzes the connection between the work of renowned Buryat artist Dashi Namdakov and the theme of nomadism in postmodern philosophy. From the perspective of fundamental concepts of nomadology—nomad, rhizome, movement, mobility, warrior, intellectual, and confrontation—the most significant works are examined: the sculptures “Element,” “Goal,” “Genghis Khan,” and “Energy.” The conclusion is drawn about Dashi Namdakov's synthesis of traditional Buryat epic poetry and, more broadly, classical Eastern art with avant-garde movements in Western culture.

Key words: nomadology, postmodernism, works of Dashi Namdakov, rhizome, nomad, digital economy, post-industrial society, mobility, movement.

Nikulin V.A.

Philosophical foundations for the synthesis of historical memory and national idea: key characteristics

This article analyzes the interaction between historical memory and national idea in the socio-cultural and socio-political space of Russian society. It emphasizes that historical memory is one of the key system-forming and meaning-creating elements of the national idea, conveying a system of values and symbols for the purpose of shaping national identity. An important aspect of this issue is that before an idea is formed, it is extracted from the past, reinterpreted, and transformed into powerful images and narratives. Thus, the national idea interprets and structures the past, “using” it to realize its core functions: consolidation, mobilization, and legitimation. It is

concluded that historical memory is a key factor in the formation of the national idea, as confirmed by periods of Russian history. Therefore, “living” historical memory represents a potential national idea that can be actualized in the socio-cultural and socio-political space.

Key words: historical memory, consolidation, mobilization, national idea, synthesis.

Krasnikov S.P.

The problem of historical memory in the age of digitalization: transforming the collective understanding of the past

This article examines the transformation of historical memory in the context of the digitalization of modern society. The relevance of this work stems from the growing threats to the integrity of national identity associated with changing methods of perceiving and transmitting historical knowledge in the digital environment, as well as the intensification of information attacks aimed at falsifying key events in Russian history. The aim of this study is to analyze the semiotic and rhetorical mechanisms of historical memory in the digital age, identify factors threatening its preservation, and develop strategies to counteract destructive tendencies. The article examines changes in the symbolic systems of transmitting historical experience, the erosion of traditional social frameworks of memory, the deepening intergenerational divide, and the problem of information sovereignty in the digital space. It substantiates the need for a systemic approach to preserving historical memory, uniting the efforts of state institutions, the educational system, public organizations, and families.

Key words: historical memory, digitalization, national identity, intergenerational communication, falsification of history, digital generations.

Fidarova K.K.

Kalabekova S.V.

Gabuyeva M.I.

Neuroethics: at the intersection of neuroscience, medicine, philosophy, and law in the era of uncovering the secrets of the brain

This article provides a comprehensive analysis of neuroethics, a new interdisciplinary field that emerged in the wake of revolutionary discoveries in neuroscience. It examines the historical background to its development, key issues related to the use of neurotechnology, and the ethical, medical, legal, and social consequences of interventions in the human brain. Particular attention is paid to issues of free will, privacy of thoughts, cognitive enhancement, and personality modification. The article aims to systematize the main challenges facing society and outline possible paths to developing a regulatory framework for the safe and ethical development of neuroscience.

The relevance of neuroethics lies in its position at the forefront of the collision between technological revolution and human nature. It is not just an academic discipline, but an urgent necessity, an attempt to build a bridge between unbridled technological progress and the preservation of fundamental human values—freedom, privacy, dignity, and justice. We stand on the threshold of changes comparable in scale to the discovery of atomic energy, and neuroethics helps us avoid the mistakes of the past by managing the power of our own minds with the utmost responsibility.

The novelty of the proposed neuroethics topic lies in its ability, for the first time in history, to address the possibility of direct technological intervention into the substratum of human consciousness—mind reading, personality modification, and behavioral control—which calls into question traditional philosophical and legal categories of free will and privacy. It offers a fundamentally new interdisciplinary approach, integrating neuroscience, law, and philosophy to address previously unexistent issues, such as the ethics of neuroenhancement, the protection of “mental integrity,” and the legal status of brain data. Unlike classical bioethics, neuroethics

focuses on managing not the life of the body, but the very content and mechanisms of the human psyche, making the realm of internal, subjective experience subject to external regulation and technological manipulation.

Key words: artificial intelligence, digitalization of healthcare, bioethics, medical ethics, neuroethics, data privacy, neuromarketing, neurotechnology.

Zhdanov D.V.

All-unity in S.L. Frank's ontognoseology

This article provides an overview of S.L. Frank's ontognoseology as a significant milestone in the development of Russian religious metaphysics. Particular attention is given to S.L. Frank's contributions to the development of the methodology of Russian religious metaphysics and the development of S.L. Frank's concept of the incomprehensible in the context of 20th-century European metaphysics. The process of cognition of the absolute is examined through the prism of the actual being of the individual in being and the boundaries of the incomprehensible proposed by S.L. Frank.

Key words: S.L. Frank, ontognoseology, metaphysics of all-unity, Absolute, incomprehensible, inexpressible.

Ivanova M.Y.

The conceptual framework of the evolution of the legal system of society

This paper examines the key conceptual frameworks necessary to understand the evolution of the legal system of society. The article analyzes various approaches to the definition of law, its role in social regulation and its relationship with other public institutions. Special attention is paid to the dynamics of legal norms, law-making and law enforcement processes in a historical context.

The research covers a wide range of theoretical perspectives, including naturalistic, positivist, and sociological approaches to law. The importance of taking into account both formal and informal aspects of the legal system, such as legal culture, legal awareness and customs, is emphasized. The factors influencing changes in the legal system, including economic, political, technological and cultural transformations, are analyzed.

In conclusion, the importance of an interdisciplinary approach to the study of the evolution of the legal system is emphasized, combining knowledge from jurisprudence, sociology, history, political science and other sciences. The directions for further research aimed at in-depth understanding of the dynamics of legal systems in various socio-cultural contexts are proposed. The work is of interest to lawyers, sociologists, political scientists, historians and anyone who is interested in issues of law and its development.

Key words: evolution, legal system, legal development, legal culture, rule of law, society, law and order.

Авторы

Авилова Ж.Н. - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Ардашев Р.Г. - доктор философских наук, кандидат юридических наук, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России. Профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутского государственного университета.

Атласова В.А. - магистрант направления подготовки «Документоведение и архивоведение», факультет гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», г. Краснодар.

Бахарев В.В. - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Габуева М.И. - студент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава России.

Гагалова Ю.А. - студент Института истории и права. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, г. Калуга.

Дадашев А.А. - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета имени В.М. Кокова.

Жданов Д.В. - аспирант. Институт государства и права, Сургутский государственный университет, г. Сургут.

Жукова Т.И. - кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник. Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук. SPIN-код: 7819-5746

Зверков Н.В. - аспирант кафедры философии, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва.

Земцова О.А. - аспирант. ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», ведущий специалист Центра ДПО сети «РЖД-Медицина».

Иванова М.Ю. - аспирант департамента философии и социальных наук, Московский городской педагогический университет.

Избачков Ю.С. - соискатель, Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва».

Иткулова Л.А. - доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии. Высшей школы философии, психологии и социологии Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий.

Кабалоева С.В. - студент. Северо-Осетинская государственная медицинская академия, г. Владикавказ.

Калабекова С.В. - кандидат философских наук, доцент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Кавказской государственной академии.

Кантемирова М.А. - доктор экономических наук, профессор кафедры общественного здоровья, здравоохранения, социально-экономических наук. Северо-Осетинская государственная медицинская академия, г. Владикавказ.

Коблова А.С. - студент. Северо-Осетинская государственная медицинская академия, г. Владикавказ.

Королёва Е.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных наук и иностранных языков. Калужский филиал РГАУ-МСХА (Российский государственный

аграрный университет - Московский сельскохозяйственный институт) имени К.А. Тимирязева, г. Калуга.

Королёв В.Б. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, г. Калуга.

Красников С.П. - кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков. Российский университет кооперации.

Ланбина С.К. - бакалавр. Федеральное Государственное Автономное Образовательное Учреждение Высшего Образования «Новосибирский Национальный Исследовательский Государственный Университет».

Ли Сяоя - студент бакалавриата музыкального факультета, Чанчуньский университет.

Ли Тяньюй - Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Мальцева И.В. - кандидат социологических наук, доцент, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Микэбанун Айкэламу - лектор. Институт марксизма Синьцзянского педагогического университета, Урумчи, Синьцзян, Китай.

Мочалова Е.В. - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии. Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва.

Муталимов А.Э. - доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Махачкала.

Никулин В.А. - аспирант кафедры философии и этнологии. ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.

Орлова Е.М. - кандидат психологических наук, доцент кафедры философии, истории, теории культуры и искусства. Московский государственный институт музыки имени А.Г. Шнитке.

Паг Л.Е. - кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета имени В.М. Коккова.

Разгуляева Т.А. - аспирант кафедры управления персоналом ИГСУ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Рябчун Н.П. - кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических технологи. Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина.

Таганов М.В. - кандидат философских наук, Доцент. Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ).

Теняева О.В. - кандидата психологических наук. Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Власть истории и история власти», руководитель проекта (МАДИ).

Тихомирова П.Р. - магистрант направления подготовки «Документоведение и архивоведение», факультет гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», г. Краснодар.

Тюнь А.П. - кандидат социологических наук, доцент. Филиал ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», г. Ейск, Краснодарского края. ORCID: 000-0001-5621-0718

Уржумова О.М. - кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой информационно-библиотечной деятельности и документоведения, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», г. Краснодар.

Фидарова К.К. - кандидат исторических наук, доцент кафедры общественного здоро-

вья, здравоохранения и социально-экономических наук. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава России.

Филькина О.Ю. - кандидата исторических наук. Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань.

Фирсов А.Г. - кандидат исторических наук, доцент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Хитарова И.Ю. - доктор философских наук, профессор. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Хорошун Н.А. - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Хромов С.С. - аспирант. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского». ORCID: 0009-0004-0933-0062

Цзинвэй Ли - Инженерная школа, Лишуйского университета, г. Лишуй, провинция Чжэцзян, Китай.

Чжан Хунвэй - студент бакалавриата музыкального факультета, Чанчуньский университет.

Чэнь Тэнда - докторант, Институт государственного управления, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай.

Шаяхметова Р.Р. - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью. Высшей школы философии, психологии и социологии Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий.

Яблонская С.Ю. - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой общественных наук и иностранных языков. Калужский филиал РГАУ-МСХА (Российский государственный аграрный университет - Московский сельскохозяйственный институт) имени К.А. Тимирязева, г. Калуга.

Authors

Ardashev R.G., Doctor of Philosophy, Candidate of Law, Head of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor of the Department of Public and Municipal Administration at the Institute of Social Sciences of Irkutsk State University.

Atlasova V.A., Master's student in the field of Documentation and Archival Science, Faculty of Humanities Education, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar.

Avilova Zh.N., PhD in Sociology, Associate Professor of sociology and management, Belgorod state technological University.

Bakharev V.V., Doctor in Sociology, Professor of sociology and management, Belgorod state technological University.

Chen Tengda, PhD Candidate. School of Government Management, Heilongjiang University, Harbin.

Dadashev A.A., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History and Philosophy at Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov.

Fidarova K.K., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Health, Public Health and Socio-Economic Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Ossetian State Medical Academy Ministry of Health of Russia.

Filkina O.Y., Candidate of Historical Sciences, Russian State University named after S.A. Yesenin, Ryazan.

Firsov A.G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University".

Gabuyeva M.I., 4th year student at the North Ossetian State Medical Academy of the Russian Ministry of Health.

Gagalova Yu.A., Student of the Institute of History and Law. Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga.

Itkulova L.A., Doctor of Philosophy, Professor in the Department of Philosophy and Cultural Studies, Graduate School of Philosophy, Psychology, and Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology.

Ivanova M.Y., Postgraduate student of the Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City Pedagogical University.

Izbachkov I.S., Applicant, Federal State Budgetary Research Institution "Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev".

Jingwei Li, Engineering College of Lishui University, Lishui, Zhejiang, China.

Kabaloeva S.V., Student at the North Ossetian State Medical Academy, Vladikavkaz.

Kalabekova S.V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Caucasus State Academy.

Kantemirova M.A., Doctor of Economics, Professor of the Department of Public Health, Healthcare, Social and Economic Sciences, North Ossetian State Medical Academy, Vladikavkaz.

Khitarova I.Yu., Doctor of Philosophy, Professor. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University".

Khoroshun N.A., PhD in Sociology, Associate Professor of sociology and management, Belgorod state technological University.

Khromov S.S., Postgraduate Student. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Luhansk State Academy of Culture and Arts named after Mykhailo Matusovskiy".
ORCID: 0009-0004-0933-0062

Koblova A.S., Student, North Ossetian State Medical Academy, Vladikavkaz.

Koroleva E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Foreign Languages. Kaluga branch of the Russian State Agrarian University - Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev, Kaluga.

Korolev V.B., PhD in History, Associate Professor of the Department of History. Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga.

Krasnikov S.P., Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities and Foreign Languages. Russian University of Cooperation.

Lanbina S.K., Bachelor. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Novosibirsk National Research State University".

Li Tianyu, Lomonosov Moscow State University.

Li Xiaoxia, Undergraduate student, Department of Music, Changchun University.

Maltseva I.V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Mikebanong Aikelamu, College of Marxism, Xinjiang Normal University, Urumqi, Xinjiang, China.

Mochalov E.V., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the department of philosophy. Mor-dovian State University.

Mutalimov A.E., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Makhachkala.

Nikulin V.A., Postgraduate Student, Department of Philosophy and Ethnology, North Caucasus Federal University, Stavropol.

Orlova E.M., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, History, Theory of Culture, and Art in Schnittke Moscow State Institute of Music.

Pak L.E., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov.

Razgulyaeva T.A., Postgraduate student in the Department of Human Resources Management at the Institute of Social Sciences and Public Administration (ISSU), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ryabchun N.P., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University).

Shayakmetova R.R., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor in the Department of Sociology and Youth Work, Graduate School of Philosophy, Psychology, and Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology.

Taganov M.V., PhD in Philosophy, Associate Professor. Russian Biotechnology University.

Tenyaeva O.V., PhD Psychological Sciences, Russian State University named after S.A. Yesenin, Ryazan.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Tikhomirova P.R., Master's student in the field of Documentation and Archival Science, Faculty of Humanities Education, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar.

Tyun A.P., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor. Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)", Yeysk, Krasnodar Krai. ORCID: 000-0001-5621-0718

Urzhumova O.M., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Information and Library Activities and Documentation, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar.

Yablonskaya S.Yu., PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Social Sciences and Foreign Languages. Kaluga branch of the Russian State Agrarian University - Mos-

cow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev, Kaluga.

Zemtsova O.A., Postgraduate student at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, leading specialist at the Center for Continuing Professional Education of the «Russian Railways-Medicine».

Zhang Hongwei, Undergraduate student, Department of Music, Changchun University.

Zhdanov D.V., Postgraduate Student. Institute of State and Law, Surgut State University, Surgut.

Zhukova T.I., Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher. Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences. SPIN-code: 7819-5746

Zverkov N.V., Postgraduate student of the department of philosophy. Mordovian State University.